

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова

В.А. Космач

**ГЕРМАНИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС
В 1945–1949 гг.:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И ОЦЕНКИ
ИСТОРИКОВ**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2017*

УДК 94(430)«1945/1949»
ББК 63.3(4Гем)63-07
К71

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 19.10.2017 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 8 от 25.09.2017 г.

Автор: декан исторического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук, профессор **В.А. Космач**

Рецензенты:
профессор кафедры истории Беларуси УО «БГПУ им. М. Танка»,
доктор исторических наук **А.М. Лютый** (г. Минск, РБ);
доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения
ФГБОУ ВПО «Псковский государственный университет»,
кандидат исторических наук **Т.Г. Хришкевич** (г. Псков, РФ)

Космач, В.А.

К71 Германия и германский вопрос в 1945–1949 гг.: страницы истории и оценки историков : монография / В.А. Космач. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 338 с.
ISBN 978-985-517-639-9.

В монографии рассмотрены сложнейшие проблемы, с которыми столкнулись поверженная во Второй мировой войне Германия и немцы, начиная с «часа ноль» и до образования двух Германий (ФРГ и ГДР). В числе рассмотренных автором проблем германский вопрос и оккупационная политика великих держав—союзников по антигитлеровской коалиции. Приводятся оценки историков германской истории 1945–1949 гг.

Монография рассчитана на научных работников, специалистов по истории Германии новейшего времени, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

УДК 94(430)«1945/1949»
ББК 63.3(4Гем)63-07

ISBN 978-985-517-639-9

© Космач В.А., 2017
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

1. АГОНИЯ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА». СМЕРТЬ А. ГИТЛЕРА И Й. ГЕББЕЛЬСА

К началу мая 1945 года дни существования «Третьего рейха» были уже сочтены. Верхушка нацистов, да и многие немцы, понимали это, в том числе и сам фюрер. В ночь на 29 апреля 1945 г. **А. Гитлер** принял свое окончательное решение уйти из жизни¹. Тогда же, ночью 29 апреля, в «фюрербункере», в осажденном советскими войсками Берлине, с 2.00 до 3.00, состоялось бракосочетание А. Гитлера и его давней подруги-любовницы **Евы Браун**. В качестве чиновника ЗАГСа столицы брачную церемонию провел **Вальтер Вагнер**, на то время — боец фольксштурма².

В приемной А. Гитлера собрались приглашенные: Мартин Борман, Йозеф Геббельс и его жена Магда, генералы Вильгельм Бургдорф и Альфред Кребс, глава «Гитлерюгеда» Артур Аксман, секретарша Герда Кристиан и повариха фюрера Констанция Манциали. К ним вышли жених и невеста. На А. Гитлере был обычный партийный китель с неизменным Железным крестом. Ева надела любимое длинное черное платье из шелка, в волосах сверкала бриллиантовая заколка, шею украшала золотая цепочка с топазовыми подвесками³.

Церемония была короткой. Обе стороны подтвердили чистоту арийского происхождения, отсутствие наследственных болезней и взаимное согласие на вступление в брак. Первым в свидетельстве расписался А. Гитлер. Взволнованная невеста начала было писать «Ева Б...», но, спохватившись, зачеркнула последнюю букву и написала: «Ева Гитлер, урожд. Браун». Свою подпись поставил В. Вагнер, за ним свидетели — **Й. Геббельс** и **М. Борман**. После этого все перешли в личные покои А. Гитлера и немного выпили. А. Гитлер шутил и даже выпил бокал токайского вина⁴.

¹ Фест Й. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М., 2006. С. 582.

² См.: Иоахимсталер А. Женщины фюрера. Список Гитлера. М., 2007. С. 363; Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939—1945. Екатеринбург, 2011. С. 768.

³ См.: Белоусов Л.С., Патрушев А.И. Любовь диктаторов. Муссолини. Гитлер. Франко. М., 2001. С. 303.

⁴ Там же. С. 302—303; Фест Й. Указ. соч. С. 584; Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. 1939—1945. С. 768.

Далее, после 4.00 утра, 29 апреля 1945 г. А. Гитлер стал диктовать своим секретарям **два завещания** – Политическое и личное. В первом преобладали обвинения в адрес евреев, уверения в собственной невинности и призыв к духу сопротивления ко всем немцам. **Герман Геринг** и **Генрих Гиммлер** как предатели изгонялись из партии и всех постов. Тут же были названы преемники. Гросс-адмирал **Карл Дёниц**, командующий военно-морским флотом вермахта, объявлялся рейхспрезидентом и верховным главнокомандующим вермахта (министром обороны). **Йозефу Геббельсу** вручалась должность рейхсканцлера. **Мартин Борман** получал пост министра по делам партии (НСДАП). Рейхсминистр **Артур Зейсс-Инкварт** должен был занять должность министра иностранных дел⁵.

Политическое завещание А. Гитлера заканчивалось следующими словами: «Я обязываю руководство нации и подчиненных прежде всего к неукоснительному соблюдению расовых законов и к беспощадному сопротивлению мировому отравителю всех народов – международному еврейству»⁶.

Личное завещание А. Гитлера было значительно короче. Оно гласило: «В связи с тем, что я не мог нести бремя супружества в годы борьбы, я решил теперь, перед концом моей земной карьеры, жениться на той, которая после долгих лет верной дружбы приехала в этот осажденный город, чтобы разделить мою судьбу. По ее собственной просьбе она умрет вместе со мной как моя жена. Смерть вознаградит нас за то, чего мы были лишены тогда, когда я нес службу на благо моего народа.

Все, что является моей собственностью, если представляет какую-либо ценность, – принадлежит Партии; или, если она перестанет существовать, – Государству. Если же и Государство будет разрушено, то дальнейшее распоряжение с моей стороны представляется необязательным. Произведения искусства, купленные мною, никогда не приобретались для личных целей; они покупались исключительно ради создания галереи в моем родном городе Линце на Дунае. Мое важнейшее желание, чтобы этот пункт моего завещания был полностью исполнен.

Своим душеприказчиком я назначаю моего самого верного партийного товарища – Мартина Бормана. Ему дается полное право принимать все решения. Ему разрешается выдать моим братьям и сестрам все то, что представляет какую-либо ценность как персональная память или, если необходимо, помочь им в поддержании скромного

⁵ См.: Фест Й. Указ. соч. С. 586; Устинов В. Политические тайны Второй мировой. М., 2012. С. 537–538.

⁶ Фейст Й. Указ. соч. С. 586; Эванс Р. Указ. соч. С. 769.

уровня жизни; то же надлежит сделать и в отношении матери моей жены и моих секретарей (мужчин и женщин), фрау Винтер и всех других, кто на протяжении многих лет поддерживал меня своими трудами.

Моя жена и я предпочитаем умереть, чтобы избежать позора капитуляции. Наше желание, чтобы наши тела были сожжены немедленно здесь, где я выполнял основную часть своей ежедневной работы в течение тех двенадцати лет, когда я служил своему народу»⁷.

Оба документа были подписаны фюрером **29 апреля 1945 г.**, в 4 часа утра. С них сделали три копии и пытались в течение дня разными путями вынести из бункера. Одним из курьеров был полковник фон Белов, адъютант Гитлера от люфтваффе, взявший еще и письмо для фельдмаршала Кейтеля, это было **последнее письменное послание А. Гитлера**, и кончалось оно весьма примечательными фразами:

«Народ и вермахт отдали в этой долгой и суровой борьбе все до последнего. Это было гигантской жертвой. Но многие злоупотребили моим доверием. Измена и предательство подрывали силу сопротивления в течение всей войны. Поэтому мне не суждено привести мой народ к победе. Генеральный штаб сухопутных войск был несравним с Генеральным штабом времен Первой мировой войны. Его усилия далеко отстают от усилий действующей армии...

Усилия и жертвы немецкого народа в этой войне были так велики, что я не могу поверить, что они могли оказаться напрасными. И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке»⁸.

Не раз в течение последних недель **А. Гитлер** высказывал опасение, как бы ему не пришлось стать «экспонатом в Московском зоопарке» или же главным действующим лицом в «поставленной евреями пьесе». Эти опасения еще более усилились, когда днем 29 апреля пришло известие об обстоятельствах смерти **Б. Муссолини**. За два дня до того дуче был схвачен партизанами в деревушке близ озера Комо и без долгих разбирательств расстрелян вместе со своей любовницей Кларой Петаччи, их трупы привезли в Милан и повесили вверх ногами у бензоколонки на Пьяццале Лорето, где кричащая толпа осыпала их ударами, оплевывала и забрасывала камнями⁹.

Под впечатлением от этого известия **А. Гитлер** начал готовиться к самоубийству. Со многих лиц в своем окружении, в том числе со своего слуги **Гейнца Линге**, своего шофера **Эриха Кемпки** и командира личного самолета **Ганса Баура**, он взял обещание позаботиться о том,

⁷ Фест Й. Указ. соч. С. 586—587.

⁸ Там же. С. 587—588.

⁹ См.: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: в 2 кн. М., 2007. Кн. 2. С. 665—666.

чтобы его останки не попали в руки врагу. Вечером А. Гитлер приказал отравить свою любимую овчарку Блонди. Он не мог допустить, чтобы его собака попала в руки русских. «Даже сама мысль об этом, – сказал он однажды своему секретарю Кристе Шрёдер, – может привести меня к болезни»¹⁰. До этого, днем 29 апреля, главнокомандующему люфтваффе генералу-фельдмаршалу **Роберту Риттеру фон Греймум** (назначен А. Гитлером на эту должность вместо Г. Геринга) удалось вырваться из осажденного Берлина на самолете, который вела лучшая летчица люфтваффе **Ганна (Ханна) Райч**. Р. фон Греймум было поручено фюрером направить всю авиацию, которая имелась в наличии на северо-восток Германии, на помощь Берлину, и арестовать Г. Гиммлера и, если его вина будет доказана (он вел закулисные переговоры о сепаратном мире с западными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции), расстрелять.

Вечером 29 апреля 1945 г. на совещании с участием А. Гитлера, Й. Геббельса, М. Бормана и Г. Кребса командующий особым сектором обороны Берлина бригаденфюрер СС **Вильгельм Монк** заявил, что его войска смогут продержаться 2–3 дня. Тогда же М. Борманом была отправлена телеграмма **К. Дёницу** о том, что согласно Политическому завещанию А. Гитлера он назначается рейхспрезидентом и министром обороны вермахта.

После небольшого отдыха, ночью и днем **30 апреля 1945 г.**, прошла короткая прощальная церемония А. Гитлера и Евы Браун со своим ближним окружением (Й. Геббельсом, М. Борманом, В. Бургдорфом, Г. Кребсом и другими, а также с начальником личной охраны фюрера Г. Раттенхубером, личным адъютантом А. Гитлера Отто Гюнше, личным ординарцем фюрера Гейнцем Линге, секретарями Гердой Кристиан и Гертрудой Юнге), после чего пара удалилась в свои личные комнаты. После отдыха прошел последний обед А. Гитлера в обществе Евы Браун и двух секретарш. Затем фюрер и его супруга снова попрощались и удалились в свои покои¹¹.

Вскоре оттуда раздался выстрел. **Было 15.30 дня 30 апреля 1945 г.** А. Гитлер покончил с собой, когда ему исполнилось 56 лет, через 10 дней после своего дня рождения и ровно через 12 лет и 3 месяца после того, как он стал канцлером Германии и учредил «Третий рейх»¹². Сразу же после выстрела **Г. Линге** зашел в комнату фюрера и увидел, что «на диване, почти в сидячем положении, находилось тело Адольфа Гитлера. Маленькая дырочка, размером с немецкую серебря-

¹⁰ Фест Й. Указ. соч. С. 589.

¹¹ См.: Иоахимсталер А. Смерть Адольфа Гитлера. Легенды и документы. М., 2006. С. 204–215.

¹² Фест Й. Указ. соч. С. 590; Ширер У. Указ. соч. С. 667.

ную монету, виднелась у него на правом виске и струйка крови медленно стекала по его щеке... Револьвер «вальтер» калибра 7,65 лежал на полу, там, где он выпал из его правой руки. Примерно в метре от него лежал другой револьвер калибра 6,35... Тело Евы Браун... находилось рядом... Она приняла ампулу с ядом...»¹³.

Далее тела А. Гитлера и Е. Браун были вынесены во двор имперской канцелярии, облиты приготовленным заранее бензином и сожжены. Около 23.00 30 апреля 1945 г. несгоревшие части трупов А. Гитлера и Е. Браун были, по свидетельству **Отто Гюнше**, завернуты в брезент, который «опустили в одну из воронок пере входом в бункер, засыпали землей и утрамбовали деревянной трамбовкой»¹⁴. Спустя несколько дней их обнаружили советские следователи. Причем опознать тела следователям удалось лишь по зубным протезам: техник, работавший на дантиста А. Гитлер с 1938 г. подтвердил, что они принадлежат бывшему нацистскому диктатору и его пассии¹⁵.

1 мая 1945 г. покончили с собой **Й. Геббельс** и его супруга **Магда**. Их шестеро детей были накануне этого отравлены при участии самой Магды Геббельс. Смерть детей наступила мгновенно¹⁶. Потом Й. Геббельс и его жена поднялись по лестнице в сад имперской канцелярии и там сами приняли ампулы с ядом. Чтобы удостовериться в их гибели, один из солдат СС дважды выстрелил в каждого¹⁷. По **У. Ширеру**, в 20.30 вечера 1 мая 1945 г. «д-р Геббельс и фрау Геббельс проследовали через бункер, прощаясь с теми, кто находился в этот момент в коридоре, и поднялись по лестнице в сад – здесь по их просьбе дежурный эсесовец прикончил их двумя выстрелами в затылок. На их тела вылили четыре канистры бензина и подожгли, но кремацию до конца не довели. Все, кто еще оставался в бункере, не имели времени дожидаться, пока сгорят мертвые. Они бросились спасаться, присоединяясь к массе бегущих людей. Уже на следующий день русские обнаружили обуглившиеся тела министра пропаганды и его жены и сразу же опознали»¹⁸.

Днем ранее, 30 апреля 1945 г., **Магда Геббельс** написала сыну от первого брака письмо, рассказав о том, что собирается покончить с собой вместе с детьми: «В мире, который наступит после фюрера и национал-социализма, не стоит жить, и поэтому я увезла с собой детей. Я

¹³ Томас Х. Двойники. Правда о трупах в берлинском бункере. М., 1998. С. 152–155.

¹⁴ Фест Й. Указ. соч. С. 592; Ширер У. Указ. соч. С. 667–668.

¹⁵ См.: Эванс Р. Указ. соч. С. 768.

¹⁶ См.: Бромштедте Е., Френкель Р. Йозеф Геббельс – Мефистофель усмехается из прошлого. – Ростов-н/Д, 2000. С. 433–436.

¹⁷ См.: Эванс Р. Указ. соч. С. 770.

¹⁸ Цит. по: Ширер У. Указ. соч. С. 67–671.

слишком сильно дорожу ими, чтобы позволить им испытать грядущее, и милосердный бог поймет мое намерение избавить их от страданий. Теперь у нас лишь одна цель: сохранить верность фюреру до гробовой доски. Возможность закончить жизнь рядом с ним – это подарок судьбы, на который мы и не могли надеяться»¹⁹.

Пытался прорваться из бункера и окружения **М. Борман**. Арестованный американскими оккупационными властями руководитель (рейхсляйтер) «Гитлерюгенда» **Артур Аксман** на допросе показал, что видел тело М. Бормана под мостом на ул. Инвалиденштрассе. Он высказал предположение, что М. Борман проглотил капсулу с ядом, когда понял, что шансов пробраться через русские позиции у него нет²⁰.

По **Й. Фесту**, «советские войска захватили покинутый бункер и тут же принялись искать труп Гитлера. Судебно-медицинское обследование сильно обгоревшего мужского тела от 8 мая 1945 года пришло к заключению, что обнаружен «предположительно труп Гитлера». Однако сделанные вскоре другие заявления опровергали это утверждение, потом советские инстанции сообщили все же об идентификации Гитлера по челюсти, после чего это заявление было снова поставлено под сомнение и появилось утверждение, будто британские власти укрывают его в своей зоне. На Потсдамской конференции 1945 года Сталин сказал, что никакого трупа найдено не было, и Гитлер укрывается в Испании или Южной Америке. В конечном итоге удалось окружить этот вопрос такой таинственностью, что о конце Гитлера стали ходить самые невероятные легенды. Одни утверждали, будто он был расстрелян в берлинском Тиргартене командой немецких офицеров, другие подозревали, что он бежал на подводной лодке на какой-то отдаленный остров, говорили, будто он живет в одном испанском монастыре либо на каком-то ранчо в Южной Америке»²¹.

Из работ современных авторов на эту тему интерес представляет книга **Леона Арбатского** «Последняя тайна Третьего рейха. Гитлер капут?»²². По утверждениям англичан **Саймона Данстена и Джерарда Уильямса** (их перу принадлежит книга «Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера», переведена и издана на русском языке), фюрер с помощью М. Бормана бежал на подводной лодке в апреле 1945 г. в Аргентину с Канарских островов, добравшись туда через Данию, Францию и Испанию, где и умер в 1962 г. Как утверждают С. Данстен и Дж. Уильямс, во время последней, зафиксированной фото- и киносъемкой, встречи А. Гитлера с бойцами гитлерюгенда роль фюрера сыграл его двойник.

¹⁹ Эванс Р. Указ. соч. С. 770.

²⁰ Ширер У. Указ. соч. С. 671; Эванс Р. Указ. соч. С. 770.

²¹ См.: Фест Й. Указ. соч. С. 592–593.

²² Арбатский Л. Последняя тайна Третьего рейха. Гитлер капут? М., 2006. 288 с.

Предположительно, некий **Густав Вебер**. А позже, когда Красная Армия заканчивала штурм Берлина и до полной развязки оставались считанные дни, двойник играл «настоящего А. Гитлера», а Еву Браун заменили очень похожей на нее актрисой²³. По аналогичной тематике весьма интересны книга Антона Иоахимсталера²⁴, изданная на русском языке в 2006 г., и работа Хью Томаса «Двойники. Правда о трупах в берлинском бункере»²⁵.

В заключение отметим, что у А. Гитлера был свой личный пилот – **Ганс Бауэр**, который в последние дни жизни фюрера находился вместе с ним в осажденной рейхсканцелярии. В распоряжении Г. Бауэра находилась новая машина – бомбардировщик «Юнкерс», опытный прототип, способный на полет дальностью 10 тыс. км. Это открывало возможность перелета фюрера на Ближний Восток и даже в Латинскую Америку. Лететь А. Гитлер отказался²⁶.

²³ См.: Данстен С., Уильямс Дж. Серый волк. Бегство Адольфа Гитлера. М., 2012; Андреев И. Фюрер снова в бегах // Эхо планеты. 2013. № 7. С. 7–9.

²⁴ Иоахимсталер А. Смерть Адольфа Гитлера. Легенды и документы. М., 2006. 526 с.

²⁵ Томас Х. Двойники. Правда о трупах в берлинском бункере. М., 1998. 364 с.

²⁶ См.: Уткин А.И. Русские во Второй мировой войне. М., 2007. С. 991.

2. ЗАВЕРШЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ. ДВОЙНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ПРАВИТЕЛЬСТВО К. ДЁНИЦА ВО ФЛЕНС-БУРГЕ

30 апреля 1945 г. **Карл Дёниц** узнал от М. Бормана о том, что он определен А. Гитлером в рейхспрезиденты и должен возглавить вермахт. О смерти А. Гитлера и Евы Браун новый глава фашистского государства получит известие 1 мая¹. Поскольку новый рейхсканцлер Германии Й. Геббельс также последовал примеру фюрера, а о М. Бормане было ничего не известно, К. Дёниц обратился с просьбой к бывшему министру финансов **Людвигу Шверину фон Крозигу** заменить погибшего Й. Геббельса на посту рейхсканцлера «новой» Германии. В ночь с 1 на 2 мая 1945 г. К. Дёниц вступил со своим первым радиообращением к нации, в котором он говорил о «героической смерти» А. Гитлера и о том, что война будет продолжаться «во имя спасения Германии от разрушения наступающими большевиками»².

Между тем сражения в столице Германии Берлине продолжались с неослабевающей силой. 29 апреля 1945 г. начались бои за рейхстаг, овладение которым было возложено на 79-й стрелковый корпус 3-й ударной армии I Белорусского фронта. 30 апреля разведчики 150-й стрелковой дивизии **М. Егоров** и **М. Кантария** водрузили красное знамя над рейхстагом. Имперская канцелярия была взята штурмом³. 2 мая 1945 г. сопротивление немцев полностью прекратилось. Остатки берлинского гарнизона во главе с командующим обороной города Берлина генералом Г. Вейдлингом капитулировали. К 21.00 2 мая 1945 г. сдались в плен более 70 тысяч (по другим данным более 130 тыс.) немецких солдат и офицеров. В итоге берлинской операции перестала существовать целая группировка германского вермахта количеством около 1 млн человек. Примерно 150 тыс. немецких солдат и офицеров были убиты, остальные взяты в плен или успели уйти на за-

¹ См.: Юбершер Герд Р., Герлиц В. Соратники Гитлера. Гальдер. Дёниц. Ростов н/Д, 1998. С. 269–271; Залесский К.А. Кто был кто в Третьем рейхе. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 270–274.

² См.: Ширер У. Крах нацистской империи. Смоленск, 1999. С. 717–718.

³ См.: Кульков Е., Мягков М., Ржешевский Д. Война 1941—1945. М., 2005. С. 142; Устинов В. Указ. соч. С. 536.

пад⁴. В Москве взятие Берлина приветствовали артиллерийским салютом – 24 залпами из 324 орудий. Потери советских войск в Берлинской операции составили 352 тыс. человек убитыми и ранеными⁵.

Став главой германского государства, **К. Дёниц**, спасаясь от советских войск, перенес свою резиденцию в здание военно-морского училища в Мюрвик-Фленсбург, недалеко от границы с Данией, 2 мая 1945 г. В этот же день было сформировано «новое правительство» Германии во главе с графом **Л. Шверингом фон Крозигом**⁶. Новому рейхсканцлеру вручались министерство иностранных дел и министерство финансов. В состав «нового правительства» вошли **Вильгельм Штуккарт** (министр внутренних дел), **Отто Зауэр** (министр экономики и министр военной промышленности), **Альфред Йодль** (министр «без портфеля», и.о. начальника Верховного командования Вермахта (ОКВ) и начальника Генерального штаба сухопутных войск), **Вернер Науман** (министр народного просвещения и пропаганды), **Герберт Бакке** (министр продовольствия и сельского хозяйства), **Франц Зельдте** (министр труда и социальной защиты), **Юлиус Дорпмюллер** (министра путей сообщения и министр почт) и другие⁷. Во главе сухопутных сил вермахта встал генерал-фельдмаршал **Фердинанд Шёрнер**, военно-воздушных сил (люфтваффе) – генерал-фельдмаршал **Роберт-Риттер фон Грейм**, военно-морского флота (кригсмарине) – генерал-адмирал **Ганс-Георг фон Фридебург**⁸.

4 мая 1945 г. немецкое верховное командование отдало приказ всем германским войскам на северо-западе Германии, в Дании и Голландии сдаться войскам британского фельдмаршала Б. Монтгомери. На следующий день, 5 мая, капитулировала расположенная севернее Альп группа армий «С» генерал-фельдмаршала А. Кессельринга⁹.

В конце 1945 г. рейхсфюрер СС **Генрих Гимлер** предпринял попытку установить связь с фельдмаршалом **Бернардом Монтгомери** с целью сепаратного сговора ради спасения германского вермахта и самой Германии от наступавшей Красной Армии. При этом сдача германских войск на Западе рассматривалась в контексте будущей войны с СССР, которую поведут уже совместно США, Великобритания и Германия¹⁰. Инициатива Г. Гимлера, и не только его одного, нашла полное

⁴ Там же. С. 143; Устинов В. Указ. соч. С. 540; Уткин А.И. Указ. соч. С. 997.

⁵ См.: Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М., 2005. С. 284.

⁶ См.: Энциклопедия Третьего рейха / сост. В. Телицын. М., 2005. С. 171; Залесский К.А. Указ. соч. С. 720–721.

⁷ См.: Эванс Р. Третий рейх. Дни войны. С. 779–780.

⁸ См.: Нейрон Людде В. Конец на немецкой земле // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 588–592.

⁹ Ширер У. Крах нацистской империи. С. 718; Патрушев А.И. Германия в XX веке: учебное пособие. М., 2004. С. 277.

¹⁰ Лебедева Н.С. Переговоры Монтгомери–Фридебурга о частичной капитуляции сил вермахта // Ежегодник германской истории. 1984. М., 1986. С. 192.

понимание в Лондоне и Вашингтоне. Как заявил позже **У. Черчилль** (23 ноября 1954 г., выступая в своём избирательном округе Вудфорд), «ещё до того, как кончилась война, и в то время, когда немцы сдавались сотнями тысяч, а наши улицы были заполнены ликующими толпами, я направил Монтоммери телеграмму, предписывая тщательно собирать и складывать оружие, чтобы его можно было легко снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы русские продолжили своё наступление»¹¹.

Как заметила **Н.С. Лебедева**, «германские штабные радиogramмы и телеграммы свидетельствуют также, что инициатива осуществления капитуляции по частям перед одними западными союзниками принадлежала не «правительству» Дёница, как это принято считать, а исходила от главного командования союзных, т.е. англо-американских, вооружённых сил в Европе»¹². Несомненно, что подобная позиция противоречила ялтинским договорённостям И.В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Рузвельта о недопущении каких-либо переговоров о капитуляции с гитлеровским правительством]. Опять же по мнению Н.С. Лебедевой, путём проведения капитуляции германских войск на отдельных участках Западного фронта союзниками по антигитлеровской коалиции вопреки Москве «предпринималась также попытка свести на нет торжественно декларировавшийся в течение нескольких лет принцип безоговорочной капитуляции Германии»¹³.

А. Кессеринг ещё в конце марта 1945 г. получил от К. Вольфа, ведшего переговоры с главой американской разведывательной службы в Европе А. Даллесом, сведения, что англичане и американцы намерены сохранить структуру германских войск, сдавшихся в плен, чтобы при соответствующих обстоятельствах их можно было использовать на востоке. В ходе переговоров о капитуляции германского вермахта в Италии в апреле 1945 г. обсуждалась возможность оставить немецкие войска численностью в 1 млн. солдат и офицеров и сохранить их после войны в качестве «надёжных частей для охраны порядка в Германии». В таком же духе шли сепаратные переговоры между имперским комиссаром Голландии **А. Зейсс - Инквартом** и генералом В. Беделлом Смитом, начальником штаба союзных экспедиционных сил¹⁴.

Сведения, полученные от А. Зейсс-Инкварта и А. Кессельринга, воодушевили «правительство» гросс-адмирала К. Дёница, отдавшего 2 мая 1945 г. указание всеми средствами налаживать сотрудничество

¹¹ См.: Лебедева Н.С. Переговоры Монтоммери-Фридебурга о частичной капитуляции сил вермахта // Ежегодник германской истории. 1984. М., 1986. С. 192.

¹² Там же. С. 193.

¹³ Там же. С. 194.

¹⁴ См.: Там же. С. 193; Розанов Г.Л. Крушение фашистской Герман. М., 1963. С. 88.

с западными державами, обеспечить оккупацию большей части Германии войсками США и Великобритании, одновременно оказывать упорное сопротивление на Востоке, добиваясь раскола антигитлеровской коалиции. 2 мая 1945 г. на вечернем заседании в ставке К. Дёница в Плене было принято решение о скорейшем начале переговоров с командующим 21-й группой армий фельдмаршала Б. Монтгомери. К нему должна была направиться делегация во главе с новым главнокомандующим германскими военно-морскими силами, адмиралом Г. Фридебургом. В ходе переговоров Г. Фридебургу поручалось обеспечить среди прочего военную капитуляцию германского вермахта в северозападной Германии и пропуск через линию Западного фронта отводимой с востока группировки войск из трёх армий (3-й танковой, 21-й и 1-й пехотных) и сдачу их в плен англичанам¹⁵.

Утром 3 мая германская делегация прибыла в штаб Б. Монтгомери в Люнебурге и тут же приступила к переговорам. Во время переговоров **Б. Монтгомери** потребовал одновременной капитуляции германских войск на оккупированной ещё территории Голландии, а также в Дании и на Фризских островах. 4 мая во Фленсбурге было созвано очередное совещание «правительства» К. Дёница, на котором Г. Фридебург в присутствии К. Дёница, Ш. фон Крозигка, В. Кейтеля, А. Йодля и других доложил о ходе переговоров в Люнебурге. Главное, говорил Г. Фридебург, Б. Монтгомери согласился на частичную капитуляцию, не выдвинув условия одновременной капитуляции войск всех фронтов на Западе и Востоке, как то требовали русские¹⁶. Сам К. Дёниц расценил условия, выдвинутые Б. Монтгомери, не как безоговорочную капитуляцию, а как почётную. Г. Фридебургу было предписано вернуться в Люнебург и подписать акт капитуляции. 4 мая 1945 г. в 18.30 минут **Г. Фридебург** и **Б. Монтгомери** подписали акт о капитуляции войск германского вермахта в Голландии, Северо-Западной Германии, Шлезвиг – Гольштейне и Дании перед 21-й группой армий. В итоге только в период с 3 по 6 мая англо-американским войскам в плен сдалось до 3 млн. немецких военнослужащих, в целом же приблизительно 7 млн человек¹⁷.

Между тем, 1 мая 1945 г. начальник штаба германских сухопутных сил генерал Г. Кребс сообщил генералу В. И. Чуйкову о самоубийстве А. Гитлера и передал предложение И. Геббельса и М. Бормана о временном прекращении военных действий в Берлине с целью подготовки условий для проведения мирных переговоров между Германией

¹⁵ Лебедев Н.С. Указ. соч. С. 195.

¹⁶ См.: Космач В.А. Измена союзническому долгу: подписание капитуляции германского вермахта на западном фронте в Люнебурге и Реймсе 4–7 мая 1945 г. (из истории Второй мировой войны) // Побед – одна на всех: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 2014. С. 67.

¹⁷ Там же. С. 67.

и СССР. Но Москва, сохраняя верность ялтинским договорённости, отказалась от ведения каких-либо сепаратных переговоров с нацистским руководством гибнущего «третьего рейха» за спиной правительств США и Великобритании. Штурм осаждённой – в Берлине группировки вермахта был возобновлён и уже 2 мая 1945 г. Берлин пал. Ещё 30 апреля над рейхстагом взвилось Красное знамя – знамя Победы.

После падения Берлина «правительство» К. Дёница продолжало предпринимать отчаянные попытки, чтобы капитулировать только перед англо-американскими войсками, с целью «сохранить для германской нации возможно большее число немцев и спасти их от большевиков». 6 мая 1945 г. в г. Реймс (ставка Д. Эйзенхауэра) прибыл генерал-полковник А. Йодль, заместитель В. Кейтеля. Ему была поставлена задача заключить перемирие с западными державами с тем, чтобы немецкие войска имели время отойти с восточного фронта и сдаться в плен армиям Д. Эйзенхауэра. Б. Смит, начальник штаба Д. Эйзенхауэра, на просьбу А. Йодля дать двое суток на то, «чтобы необходимые указания дошли до немецких частей», ответил отказом. Он доложил о просьбе А. Йодля Д. Эйзенхауэру, на что тот заявил, что если А. Йодль не подпишет документ о капитуляции перед всеми союзными державами, «он прервёт и закроет силой немецкое отступление на Запад»¹⁸. Но одновременно Д. Эйзенхауэр позволил немцам отсрочку. 7 мая, сразу после полуночи, К. Дёниц предоставил А. Йодлю право подписать капитуляцию.

В 2 часа ночи 7 мая 1945 г. в Реймсе собрались генералы У.Б. Смит, Ф. Морган, Г.С. Батчелл, Г. Берроу, К. Спаатс, К. Стронг и А. Теддер, представитель Франции генерал Франсуа Севез, и советский генерал Иван Суслопаров, представитель советских вооружённых сил при штабе союзников. В присутствии этих генералов А. Йодль, вошедший в зал Политехнической школы в сопровождении адмирала Г. Фридебурга и его адъютанта, подписал капитуляцию. Генерал **И. Суслопаров**, не имея указаний из Москвы, поставил вместе с союзниками свою подпись, подтверждающую акт, но сделал приписку, что данный протокол о военной капитуляции Германии не исключает в дальнейшем подписания более полного акта о капитуляции, если о том заявит какое-либо союзное правительство. Вместе И. Суслопаровым в Реймсе находились И. Черняев и И. Зенкович¹⁹.

Советский представитель И. Суслопаров подписал акт в Реймсе на свой страх и риск, поскольку на момент его подписания инструкции из Кремля ещё не пришли. **И.В. Сталин** был возмущён подписанием капиту-

¹⁸ См.: Орлов А.С. Крушение «третьего рейха» // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 18.

¹⁹ Там же. С. 18–19; Космач В.А. Указ. соч. С. 68; Устинов В. Указ. соч. С. 543–544; Смирнов В.П. Указ. соч. С. 285–286.

ляции в Реймсе, при котором ведущую роль играли союзники. И.В. Сталин заявил: «Договор, подписанный в Реймсе, нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учинена как важнейший исторический акт и принята не на территории победителей, и там, откуда пришла фашистская армия, - в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции». В ответ союзники согласились провести церемонию вторичного подписания акта в Берлине. Д. Эйзенхауэр известил А. Йодля, что германским главнокомандующим видами вооружённых сил следует явиться для совершения окончательной официальной процедуры в то время и место, какое будет указано советским и союзным командованиями²⁰.

В результате по требованию Советского Союза в ночь на 9 мая 1945 г. был подписан общий **Акт о безоговорочной капитуляции Германии**. Германские войска прекращали военные действия с 23.01 8 мая (01.01. 9 мая по московскому времени). Подписывать принятый Акт о капитуляции должны были Г.К. Жуков и Д. Эйзенхауэр. Но последний прислал вместо себя своего заместителя генерала А. Теддера. Они встретились в 16.00 8 мая (по среднеевропейскому времени). Но тут в помещение, где должен был быть подписан Акт о капитуляции, прибыл генерал Ж. де Латтр де Тассиньи с полномочиями от Ш. де Голля на подпись под актом. А. Теддер выступил против. Он заявил, что только он один уполномочен от всех западных союзников ставить свою подпись под Актом. Произошёл спор, занявший немало времени. В итоге было решено: подписи принявших капитуляцию ставят Г. К. Жуков и А. Теддер, а Ж. де Латтр де Тассиньи и генерал К. Спаатс (США) подписывают Акт в качестве свидетелей²¹.

Официально процедура подписания капитуляции была завершена 9 мая 1945 г. в 00.43 по московскому времени (8 мая в 22.43 по среднеевропейскому времени) в Карлсхорсте, тогда предместье Берлина (ныне в черте города), в здании военно-инженерного училища. Акт о безоговорочной капитуляции Германии подписали по полномочию главы германского правительства К. Дёница доставленные из Фленсбурга в Берлин (под охраной английского конвоя) бывший начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами фашистской Германии адмирал фон Г. Фридебург и командующий ВВС генерал-полковник авиации Г. Штумпф. Подписание Акта было принято по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, по уполномочию Верховного Главнокомандующего экспедиционными силами союзни-

²⁰ Космач В.А. Указ. соч. С. 68; Устинов В. Указ. соч. С. 543–544; Смирнов В.П. Указ. соч. С. 286.

²¹ Космач В.А. Указ. соч. С. 68; Устинов В. Указ. соч. С. 543–544.

ков его заместителем-главным маршалом авиации Великобритании А. Теддером. В качестве свидетелей со стороны победителей присутствовали и подписали Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии – командующий стратегической авиации США генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армии генерал Ж. де Латтр де Тассиньи²². «Третий» и «тысячелетний рейх» перестал существовать. Рассказывают, что когда В. Кейтель увидел за столом победителей в Карлсхорсте французского генерала Ж. де Латраде Тассиньи, он воскликнул: «Как? И французы тоже?»²³.

Излагая события мая 1945 г. **А.И. Патрушев** подчеркнул: «2 мая 1945 г. капитулировал ожесточённо сражавшийся берлинский гарнизон. 7 мая в американской главной штаб-квартире во французском Реймсе была принята общая капитуляция Германии. В ночь с 8 на 9 мая, по желанию И.В. Сталина, в берлинском районе Карлсхорст состоялась повторная процедура подписания акта о полной безоговорочной капитуляции Германии. Вторая мировая война, унесшая жизни по меньшей мере 70 млн людей, окончилась». Требование И.В. Сталина о повторной капитуляции фашистской Германии было абсолютно справедливым. Оно восстановило ялтинские договорённости, от которых пытались уйти американцы и англичане фактически сразу после Ялты²⁴.

По **Н.В. Павлову**, 7 мая 1945 г. в штаб-квартире союзных вооружённых сил в г. Реймсе (Франция) начальник главного штаба вермахта (Oberkommando der Wehrmacht — ОКБ) генерал-полковник Йодль, действуя от имени германского верховного командования, подписал документ о капитуляции германской армии. Соответствующие полномочия ему были предоставлены гросс-адмиралом Карлом Дёницем, которого незадолго до самоубийства 30 апреля 1945 г. Гитлер назначил своим преемником в качестве рейхспрезидента. Капитуляция «всех вооружённых сил на суше, на море и в воздухе, которые в данный момент находятся под германским контролем», была принята верховным командованием советских войск и верховным главнокомандующим экспедиционными вооружёнными силами Эйзенхауэром. 8 мая 1945 г. Акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии в его окончательном виде был подписан главкомаи союзников в штаб-квартире Красной Армии в Карлсхорсте (Берлин). От имени трех родов войск вермахта его подписали генерал-фельдмаршал Кейтель (сухопутные войска), генерал-адмирал фон Фридебург (ВМС) и генерал-полковник Штумпф (ВВС).

²² См.: Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 3. С. 187; Смирнов В.П. Указ. соч. С. 286.

²³ См.: История международных отношений: учебник: в 3 т. / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. М., 2012. Т. 2. Межвоенный период и Вторая мировая война. С. 456.

²⁴ См.: Патрушев А.И.

В 00 час. 16 мин. 9 мая боевые действия были официально прекращены, хотя советским войскам предстояло еще освободить Прагу и другие населенные пункты, где нацисты не признали капитуляцию²⁵.

По согласованию между правительством СССР, США и Великобритании была достигнута договорённость считать процедуру в Рейме предварительной. Именно таковой она трактовалась в СССР, где значение акта 7 мая всячески принижалось (в принципе справедливо – *В.К.*), а сам Акт замалчивался, тогда как на Западе он расценивался как собственно подписание капитуляции, а акт в Карлсхорсте – как его ратификация. Так, **У. Черчилль** в своём радиообращении от 8 мая 1945 г. заявил: «Вчера утром, в 2.41 утра генерал Йодль... и гросс-адмирал Дёниц.... подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил.... Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине»²⁶. Показательно, что в фундаментальной работе американского историка У. Ширера «взлёт и падение Третьего рейха» Акт о капитуляции в Карлсхорсте даже не упомянут. Оговаривается лишь, что «за Россию» Акт о капитуляции подписал «генерал Иван Сулопаров (в качестве свидетеля)»²⁷. В западной историографии и традиции подписание капитуляции германских вооружённых сил, как правило, связывается с процедурой в Реймсе, а подписание Акта о капитуляции в Берлине именуется «ратификацией». К сожалению, это делается для того, чтобы принизить решающий вклад Советского Союза в достижение Победы над фашистской Германией. День Победы в Европе отмечается 8 мая²⁸. 9 мая 1945 г. советские войска окончательно освободили Прагу. Военные действия в Европе закончились. 9 мая стало всенародным праздником в Советском Союзе – Днём Победы²⁹.

Между тем, правительство **К. Дёница** во Фленсбурге вело себя достаточно свободно. Это была британская зона оккупации, но английские войска специально не заняли район Фленсбурга – Мюрвика. Действия английского фельдмаршала Б. Монтгомери и офицеров его штаба не были случайностью, они дирижировались из Лондона **У. Черчиллем**, в глазах которого «советская угроза уже заменяла собой нацистского врага»³⁰. Во Фленсбурге по-прежнему развевались флаги со свастикой,

²⁵ Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 146–147.

²⁶ Космач В.А. Указ. соч. С. 69.

²⁷ См.: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1990. С. 335.

²⁸ См.: Устинов В. Указ. соч. С. 545–546.

²⁹ Смрнов В.П. Указ. соч. С. 286.

³⁰ См.: Розанов Г.Л. Конец «Третьего рейха». М., 1990. С. 335.

по улицам маршировали солдаты охранного батальона и эсэсовцы из дивизии «Великая Германия», которым К. Дёниц поручил поддерживать порядок в городе. Выступая по фленсбургскому радио 12 мая 1945 г., К. Дёниц заявил, что он останется во главе Германии, пока немецкий народ не изберет нового фюрера. Это было уже слишком³¹.

Как писал непосредственный участник тех событий, первый заместитель Главнокомандующего СВАГ по экономическим вопросам **К.И. Коваль**, назначенный А. Гитлером «рейхспрезидентом» адмирал **К. Дёниц** «после 2 мая развернул в своей штаб-квартире во Фленсбурге бурную деятельность. Правительственный аппарат во Фленсбурге насчитывал, включая вспомогательный персонал, 350 человек, в который входили только нацисты.

Он потребовал для себя один из роскошных автомобилей Гитлера для поездок между «служебной виллой» и «служебной резиденцией», расстояние между которыми составляло всего пятьсот метров. В служебных помещениях висели портреты Гитлера, на обмундировании еще красовалась свастика. Английский офицер был вынужден разъяснить фленсбургскому «правительству», что после капитуляции необходимо спустить «имперский военный флаг». Нацистская партия не была ни запрещена, ни распущена.

Американский журналист **Роберт Хилл** следующим образом описывает жизнь во Фленсбурге в середине мая 1945 года: «Война кончилась уже более двух недель назад, но обращало на себя внимание, что офицеры и солдаты немецких сухопутных войск и военно-воздушных сил по-прежнему носили свои знаки различия, приветствовали друг друга, разъезжали на вездеходах и в общем вели себя так, что у меня сложилось впечатление, будто война продолжается и я случайно оказался где-то за немецкими линиями».

Но вмешался Советский Союз. Он потребовал арестовать «военно-фашистскую клику». Дёница. Черчилль уступил. 23 мая, спустя две недели после безоговорочной капитуляции вермахта, Карл Дёниц и члены его кабинета были арестованы во Фленсбурге английскими солдатами.

Через год, на Нюрнбергском процессе, приверженцы Гитлера всячески выгораживали себя. Дёниц утверждал, что он все время был «только первым солдатом военно-морских сил» и о преступлениях нацистов, «разумеется, совершенно ничего не знал». Фельдмаршал Кейтель с сожалением называл себя бессильным «рупором Гитлера». Карл

³¹ См.: Розанов Г.Л. Конец «Третьего рейха». М., 1990. С. 333.

Дёниц был приговорен к десяти годам лишения свободы. Вильгельм Кейтель – к смертной казни»³².

13 мая союзники арестовали двух членов правительства К. Дёница – Г. Бакке и Ю. Дорпмюллера, в тот же день был взят под стражу А. Кейтель³³. 17 мая 1945 г. во Фленсбург прибыли советские представители от Союзного Контрольного Совета (СКС) – 25 офицеров во главе с генерал-майором **Н.М. Трусовым**³⁴. Стало понятно, что дни «правительства К. Дёница» сочтены.

23 мая 1945 г. войска английской полиции и 11-й британской танковой бригады заняли Фленбург—Мюрвик. **К. Дёниц** и члены его «правительства» были арестованы. Офицеры-союзники объявили, что отныне они считаются военными преступниками. Всего во Фленсбурге в этот день было арестовано более 300 гитлеровско-нацистских политиков, генералов и офицеров. Г. фон Фридебург принял яд³⁵.

Нюрнбергским трибуналом последний «глава» нацистской Германии был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Он отбывал свой срок в западноберлинской тюрьме для международных преступников в Шпандау с 1 октября 1946 г. по 1 октября 1956 г. Полностью отсидев срок, К. Дёниц вышел на свободу в октябре 1956 г., жил в Аумюле (ФРГ), получал адмиральскую пенсию, писал книги по истории войны, подводного флота и мемуары. Умер в декабре 1980 г. в 89 лет³⁶.

Крах национал-социализма, отмечает Н.В. Павлов, был воспринят немцами как «германская катастрофа», как глубочайший кризис в вопросе национальной идентичности, которая не могла быть в один присест заменена на общеевропейскую. Этим, собственно, объясняются различные оценки восточными и западными немцами своей политической культуры и истории, которыми сегодня в той или иной степени интересуется 61% населения ФРГ, а 89% граждан считают, что проводить ответственную политику можно, лишь зная историю собственной страны.

Но самое главное состоит, пожалуй, в том, что 63% немцев согласны с утверждением, что «немцы вынесли уроки из своей истории»³⁷:

³² Цит. по: Коваль К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М., 1997. С. 42–43.

³³ См.: Юбершер Герд Р., Герлиц В. Указ. соч. С. 282.

³⁴ Там же. С. 283; Розанов Г.А. Конец «Третьего рейха». М., 1990. С. 341.

³⁵ См.: Юбершер Герд Р., Герлиц В. Указ. соч. С. 285–286; Розанов Г.А. Указ. соч. С. 342.

³⁶ См.: Юбершер Герд Р., Герлиц В. Указ. соч. С. 288–289; Энциклопедия Третьего рейха. С. 172.

³⁷ См.: Павлов Н.В. Указ. Соч. С. 148–149.

Какие события в истории Германии последних 100 лет не должны предаваться забвению? (можно указывать несколько пунктов)	Всего %	Запад %	Восток %
Вторая мировая война	42	40	49
Преступления нацистов	40	42	30
Германское объединение 1990 года	16	14	22
Первая мировая война	12	10	16
Падение Берлинской стены в 1989 году	11	11	14
Захват власти Гитлером	9	10	9
Сопротивление в третьем рейхе	5	5	6
Образование Федеративной Республики Германии	5	5	2
Строительство Берлинской стены в 1961 году	5	3	10
Не знаю	13	13	14
Источник: Körte K.-R., Weidenfeld W. (Hrsg.). Deutschland-TrendBuch. Fakten und Orientierungen. - Bonn, 2001. – S. 678.			

3. «ЧАС НОЛЬ» ДЛЯ НЕМЦЕВ И ИТОГИ ВОЙНЫ ДЛЯ ПОВЕРЖЕННОЙ ГЕРМАНИИ

«Повержена, оккупирована, разделена». Почти полвека эта краткая формула исчерпывала все содержание немецкой истории и германского вопроса, начиная с мая 1945 года. Крах нацистского «Третьего рейха» часто называют **«нулевым часом»** для немцев¹. Идеология и практика германского национал-социализма оказались преступными и привели страну к тотальной катастрофе. Они разрешили старые традиции и прежние ценности. Нация, народ, авторитет, трудолюбие, порядок – все эти понятия оказались скомпрометированными, ибо нацизм использовал их в своих целях. На первый план для немцев выдвинулась элементарная цель выживания. Но крах национал-социализма пробуждал и надежды на новое будущее.

По мнению историков, трудно точно определить хронологические рамки «час ноль» для немцев и поверженной Германии. Чаще всего под этим понимают короткий период в германской истории от **конца апреля—начала мая 1945 г.** (самоубийство А. Гитлера и Й. Геббельса, формальная передача власти К. Дёницу, подписание Акта о безоговорочной капитуляции) и до **5 июня 1945 г.**, когда победители (СССР, США, Великобритания и Франция) объявили о взятии на себя верховной власти в отношении Германии².

Конец состоянию политического и правового вакуума, пишет немецкий историк **Хаген Шульце**, положило публичное заявление четырех держав-победительниц от 5 июня 1945 г. Верховную власть в Германии брали свои руки представители четырех держав; эта власть осуществлялась ими совместно. «Берлинская декларация», опубликованная на трех языках оккупационных государств, а затем и по-немецки, чтобы население смогло ее понять, подтверждала то, что уже решили союзники на своих конференциях. На смену правительству германского государства пришел Союзный контрольный совет в Германии (СКС), состоявший из главнокомандующих четырех оккупационных держав. Резиденция СКС находилась в столице германского государства Берлине. Он отвечал за Германию в целом, а четыре окку-

¹ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 559.

² История Германии: учеб. пособие для студентов: в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 300.

пационные державы управляли в своих оккупационных зонах по своему усмотрению. Особый статус Берлина подчеркивался тем, что этот город был объявлен особой зоной, разделен на четыре сектора оккупации и передан под совместное управление командующих войсками союзников, находившихся в Берлине³.

Сама Германия заплатила колоссальную цену за авантюристическую политику А. Гитлера и нацистского руководства вести войну до победного конца. Военные потери фашистской Германии на последнем этапе войны были грандиозными: за последние 9 месяцев они составили столько же, сколько за первые четыре года войны, до июля 1944 г. Если бы покушение на А. Гитлера удалось и войне был бы положен конец, это спасло бы жизни приблизительно 50% погибших немецких солдат и офицеров. В целом за все время военного конфликта были убиты 5,3 млн из 18,2 млн служивших в сухопутной армии, люфтваффе, ВМФ и войсках СС⁴. Из них 2,7 млн погибли до конца июля 1944 г., а 49%, т.е. 2,6 млн (из них более 1,5 млн солдат и офицеров на Восточном фронте) – за последние 9 месяцев войны. К концу войны каждый месяц гибло по 300–400 тыс. человек. Согласно подсчетам **Рюдигера Оверманса** из всех погибших военнослужащих германского вермахта (5318000) 51,6% (2743000) погибли, сражаясь на Восточном фронте, 23,1% (1230000) – на заключительном этапе войны (с января по май 1945 г.), и 6% (340000) – на западном театре военных действий⁵.

Приблизительные размеры потерь ряда европейских стран во Второй мировой войне

Страны и группы стран	Потери (тыс. чел.)
СССР	27000
Германия в границах 1937 г.	13000
Австрия	194
Польша	4520
Страны Восточной и Юго-Восточной Европы (без СССР и Польши)	4490
Великобритания и Франция	1200
Италия	556

По данным некоторых российских авторов, человеческие потери составили почти одну десятую часть населения Германии в границах 1937 года. Из более чем 7 млн погибших 4,5 млн – солдаты и офицеры

³ Шульце Х. Краткая история Германии. М., 2004. С. 197.

⁴ Кершоу Й. Конец Германии Гитлера. Агония и гибель. М., 2014. С. 470.

⁵ Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. Munchen, 1999. S. 265.

вермахта, 500 тыс. – гражданское население, павшее жертвой боевых действий и бомбардировок англо-американской авиации, 2 млн – люди, не перенесшие тягот переселения с восточных территорий, 200 тыс. – немцы, погибшие в нацистских тюрьмах и концлагерях. Около 2,5 млн человек остались инвалидами⁶. Из 11 млн немецких военнопленных и угнанных гражданских лиц около 1 млн человек так и не дожили до своего освобождения⁷. В целом же точных данных о человеческих жертвах Второй мировой войны в Германии до сих пор нет, разброс данных колеблется от 3,35 млн человек до 9,406 млн потерь среди военнослужащих и гражданского населения. Максимальный оценочный разброс потерь Германии во Второй мировой войне достигает 6,056 млн человек⁸. Некоторые авторы в числе безвозмездных потерь Германии во Второй мировой войне называют цифру в 11844000 человек. Из них убито и умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, покончило жизнь самоубийством, расстреляно по приговорам судов – 4457000 человек; пропало без вести и попало в плен – 7387000 человек. При этом все безвозвратные потери фашистской Германии на советско-германском фронте за 1941—1945 гг. оцениваются в 8649300 человек⁹.

По **В.В. Беспалову**, общие потери вермахта – 13,4 млн человек, в том числе на советско-германском фронте – 10 млн солдат и офицеров. Красная Армия разгромила и взяла в плен 607 вражеских дивизий, а англо-американцы – только 170 дивизий¹⁰. Это 75,1% от числа мобилизованных и 46% от всего мужского населения Германии на 1939 г., включая Австрию¹¹.

Германия была неузнаваема. Города и жилища немцев, промышленные предприятия и учреждения лежали в руинах. От бомбардировок и боевых действий было разрушено 162 города. Особенно пострадали Кёльн – разрешено две трети домов, Дортмунд, Дуйсбург и Кассель – 60%, Киль – 58% и Гамбург – 55%. Последний в результате

⁶ См.: Невский С.И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии. М., 2008. С. 7.

⁷ См.: Шмидт У. Людские и территориальные потери, бегство и изгнание – последствия Второй мировой войны для немецкого народа // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28—30 октября 2005 г.): сборник статей / под ред. Б. Бонвеча, А.Ю. Ватлина. М., 2007. С. 35.

⁸ См.: Оверманс Р. Человеческие жертвы Второй мировой войны в Германии // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. С. 681—695.

⁹ См.: Кривошеев Г. Сравнительная таблица балансов использования людских ресурсов в вооруженных силах СССР и Германии в период Второй мировой войны (1939—1945) // Вестник военной информации. 1999. № 4. С. 18; Кто был кто в Великой Отечественной войне, 1941—1945: Люди. События. Факты: краткий справочник. М., 2000. С. 420—421.

¹⁰ См. Беспалов В.В. Правда и вымысел о победе советского народа в Великой Отечественной войне (1942—1945) // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 33.

¹¹ См.: Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941—1945 гг. // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 224.

бомбежек и эвакуации потерял 620 тыс. жителей¹². Всего за два налета англо-американских союзников, 14 и 15 февраля 1945 г., был стерт с лица земли почти весь Дрезден, где погибло около 35 тысяч человек¹³. Уцелевшие промышленные предприятия обеспечивали не более трети производства от уровня 1936 г., а сельское хозяйство лишь 70% продовольствия от довоенного аграрного потенциала. Потерпели крах немецкие финансы: размеры государственного долга достигли 400 млрд марок, а общий объем денежного обращения, не находивший товарного покрытия, оценивался в 300 млрд марок¹⁴.

Население Германии после Второй мировой войны 1939–45. Первая всеобщая перепись населения Германии после Второй мировой войны была проведена в октябре 1946; общая численность по этой переписи составила 65,9 млн чел. По зонам оккупации население Германии распределялось следующим образом:

Восточная зона (советская) без Берлина	17314 тыс. чел.
Берлин	3189
Северо-западная зона (английская)	22794
Юго-западная зона (американская)	16683
Западная зона (французская)	5940

Из 57 мостов, которые соединяли берега Майна, Везера и Рейна уцелел лишь один. Парк паровозов и вагонов составлял 50% от довоенного уровня, парк грузовых машин еще меньше – 25%. В целом, благодаря рассредоточению, германская промышленность от бомбардировок англо-американской авиации союзников в годы войны пострадала не так уж сильно. Промышленный потенциал Германии, сосредоточенный в основном на западе страны, сократился в результате боевых действий лишь на 10–15% и был формально выше довоенного¹⁵. Но большинство предприятий стояло, так как не было сырья и электроэнергии.

¹² Краткая история Германии / У. Дильрмайер, А. Гестрих, У. Хериан и др. СПб., 2008. С. 402.

¹³ См.: История Германии / под ред. Б. Бонвечча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. Сю 302; Патрушев А.И. Германская история. С. 561; Он же. Германия в XX веке: учеб. пособие. М., 2004. С. 293.

¹⁴ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 8.

¹⁵ См.: История Германии / под ред. Б. Бонвечча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 301.

Ущерб, нанесенный промышленному производству в Германии
(в процентах)

	Потери в результате военных разрушений	Потери в результате репараций союзников
Западные оккупационные зоны	20	12
Восточная оккупационная зона	45	25

Частью национальной трагедии стал нескончаемый **поток беженцев** (Flüchtlinge), покидавших дома в страхе перед наступающей Красной Армией, и вынужденных переселенцев (Vertriebene) с территорий, отошедших Советскому Союзу и Польше, а также Судетской области Чехословакии, Румынии и Венгрии. Из 12 млн немцев, попавших в послевоенную статистику по этим категориям, порядка 5 млн человек бежали из восточных областей. Именно они составляли основную массу (2 млн человек) погибших и пропавших без вести в ходе этого «великого исхода»¹⁶. По данным немецких историков еще до 1947 г. около 10 млн граждан Германии и этнических немцев, проживавших за пределами страны, устремились в четыре зоны оккупации. Большая часть осела в советской и американской зонах (с их обширными сельскими регионами Мекленбурге—Передней Померании и в Баварии), далее следовала английская оккупационная зона (в первую очередь, Нижняя Саксония и Шлезвиг—Гольштейн). Французское правительство до 1948 г. отказывалось принимать беженцев в своей оккупационной зоне¹⁷.

В итоге численность населения Германии после войны выросла с 59,8 млн в 1939 г. до 65,9 млн человек в 1946 г., несмотря на большие людские потери во Второй мировой войне¹⁸. Необходимо было наладить сельскохозяйственное производство и грамотно организовать распределение продуктов питания. В Германии тогда по разным оценкам насчитывалось от 1,5 до 2,5 млн вдов войны и от 4,5 до 6 млн пострадавших от бомбардировок. В 1956 г. женщин было на 7 млн 283 тыс. больше, чем мужчин¹⁹.

За 10 месяцев с июля 1944 г. по май 1945 г. погибло больше немецких граждан, чем за предыдущие годы войны. В ходе налетов союзнической авиации в целом более 400 000 человек были убиты и

¹⁶ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002. С. 130.

¹⁷ Краткая история Германии / У. Дирльмайер и др. С. 403.

¹⁸ Там же. С. 404.

¹⁹ История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 301.

800000 получили ранения; было разрушено более 1,8 млн домов и более 5 млн пришлось эвакуировать; по большей части это происходило в последние месяцы войны. Советское вторжение и последующая оккупация восточных областей Германии в период после января 1945 г. привели к гибели приблизительно полумиллиона человек, многие немцы были депортированы в Советский Союз²⁰.

Кроме того, на момент капитуляции в Германии находилось около 10 млн человек (по **А.И. Патрушеву** – 7 млн человек), насильно угнанных в «Третий рейх» из оккупированных нацистами стран. Оккупационным властям приходилось прилагать немало усилий, чтобы удерживать этих людей от попыток самосуда над местным населением. Многие из них мстили немцам за пережитое унижение. 1,3 млн возвращенцев были французами, а более 4 млн – насильственно угнанные в фашистскую Германию советские люди²¹, которые затем в большой массе окажутся в сталинском ГУЛАГе.

В разрушенной стране процветал «черный рынок», население Германии возвращалось в давно миновавшую эпоху примитивного натурального обмена. Главной валютой стали американские сигареты, которые продавали чаще всего поштучно за 6 марок (при ежемесячной средней зарплате в 200 марок). Стихийно и быстро установился «реальный», рыночный курс обмена товаров. Полкило мяса стоило 15 сигарет, три пары дамских чулок обменивались на литр растительного масла, за 100 кг картофеля можно было получить прекрасный персидский ковер, за килограмм кофе в зернах надо было выложить 1500 марок²².

«Отец» западногерманского «экономического суда» **Людвиг Эрхардт** много лет спустя рассказывал журналистам о тяготах первых послевоенных лет²³: «Это было время, когда мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет – по одной тарелке; раз в двенадцать лет – по паре ботинок; раз в пятьдесят лет – по одному костюму. Мы вычисляли, что только один из пяти младенцев может быть завернут в пеленки, и что только один из трех немцев мог надеяться на то, что будет похоронен в собственном гробу».

В подобной ситуации немцы были виноваты сами. Именно они в своем большинстве поддерживали нацистский режим А. Гитлера и до войны, и ее ходе. Сразу после окончания войны по всем дорогам Ев-

²⁰ Кершоу Й. Указ. соч. С. 470.

²¹ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 133; История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 303. Патрушев А.И. Германия в XX веке. С. 294; Он же. Германская история: через тернии двух тысячелетий. С. 561.

²² Патрушев А.И. Германская история. С. 561; Он же. Германия в XX веке. С. 294.

²³ Цит. по: История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 303.

ропы ехали и брели пешком люди, упорно добравшиеся к своим старым очагам или де, напротив, искавшие себе новые. Ведь за время войны не меньше 30 миллионов людей вынуждены были покинуть родные края. Это были прежде всего солдаты, беженцы, военнопленные и люди, насильно угнанные на работу в Третий рейх.

Примерное число граждан европейских стран, оказавшихся в немецком плену или на принудительных работах в Германии

Страна	Число «перемещенных» немцами лиц (тыс. чел.)
СССР	7200
Франция	2000
Польша	1500
Италия	700
Всего:	11400

Но и виновница войны – Германия была переполнена своими собственными бездомными. Численность беженцев достигала 10–12 миллионов человек. Еще не успели устроиться миллионы человек, бежавшие из Восточной Пруссии и других восточных областей перед наступающими советскими войсками. После окончания военных действий потянулись новые сотни тысяч людей – теперь уже с территорий, отторгнутых от Германии и из областей компактного проживания немцев в других странах Восточной Европы.

Наступающая новая жизнь, отмечал немецкий историк **Хаген Шульце**, явила миру страшные последствия закончившейся войны. Человеческие потери Германии оказались втрое больше, чем во время Первой мировой войны: примерно 5,5 млн убитых. Но эта ужасающая цифра была меньше по сравнению с теми потерями, которые понесли противники Германии. Польша потеряла 6 млн человек, СССР – 20 млн; из 5,7 млн русских военнопленных в немецких лагерях выжили менее 2 млн. Страна немецкого народа была почти полностью разрушена, крупные города на западе Германии, а также Берлин лежали в руинах. Люди как могли обустраивались среди развалин и в подвалах. Царил массовый голод. Не хватало предметов первой необходимости, одежды, но прежде всего продуктов питания. Среднестатистическое обеспечение продовольствием, принимая во внимание региональные особенности, составляло от одной трети до двух третей того минимума, который избавляет человека от постоянного чувства голода. Начались эпидемии. Другим следствием голода стал рост преступности: когда

речь идет о том, чтобы просто выжить, границы, существующие в повседневной жизни между дозволенным и недозволенным, становятся едва заметны.

Вместе с тем произошло полное изменение условий жизни вследствие массового бегства и изгнания немецкого населения. Сначала немцы бежали от наступления Советской армии, затем последовало их насильственное выселение из переданных под польское управление восточных областей. Немцев изгнали также из большинства районов Центральной и Восточной Европы. Наконец, следствием раскола Германии стало бегство или изгнание в конце войны и в первые послевоенные годы более 12 млн человек, не считая тех 2 млн убитых, которые стали жертвой этого великого переселения, равного которому история человечества не знала. Немцы оказались отброшены к границам их расселения в эпоху позднего Средневековья. Очаг германской культуры на Востоке, горевший пять веков, был потушен. Социальная структура в оставшихся областях предстала запутанной и низведенной к первичному уровню, изначальная общественная среда разрушена. Не меньшим было и моральное разрушение, которое привнесли в коллективное сознание немцев господство насилия, война и правда об ужасах нацистских лагерей смерти, лишь теперь ставшая предметом массового осознания во всей ее страшной полноте²⁴.

«Оккупационный режим, установленный в 1945 г. Великобританией, СССР, США и Францией в послевоенной Германии, – отмечает **Т.А. Некрасова**, – был задуман, во-первых, как временный, во-вторых, не подразумевал утраты Германией государственности. Оккупированные территории не становились частью других государств, а лишь передавались под их управление»²⁵. Берлинская декларация от 5 июня 1945 г. объявляла, что в связи с отсутствием в Германии легитимного и дееспособного правительства союзнические державы Великобритания, СССР, США и Франция с целью сохранения порядка, управления страной и прекращения дальнейших вооруженных действий со стороны германских вооруженных сил «берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное, муниципальное или местное правительство или власть»²⁶.

²⁴ См.: Шульце Х. Указ. Соч. С. 195–197.

²⁵ См.: Некрасова Т.А. Западные оккупационные режимы в послевоенной Германии глазами немцев // Новая и Новейшая история. 2017. № 4. С. 45.

²⁶ Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Соединенного королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным правительством Французской республики // Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской консультативной комиссии, 1943–1945 гг. М., 1946. С. 77–84.

Подчеркивалось, что этот акт не является аннексией Германии. Более того, если на протяжении военных лет среди союзников по антигитлеровской коалиции появлялись разные предложения относительно будущего Германии (в частности, планы расчленения Германии и создания нескольких германских государств), то в итоговых документах Потсдамской конференции Германия фигурировала как «экономическое целое» во главе с центральной германской администрацией²⁷.

Таким образом, принципиальной задачей союзнической оккупации становилось преобразование Германии таким образом, чтобы она со временем смогла вернуться в состав европейского «концерта держав» в качестве самостоятельного игрока: «Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира».

Для этого союзникам следовало сделать несколько шагов: выбрать новый вектор развития Германии, согласовать его между собой, получить одобрение немцев на это развитие и реализовать намеченное на практике. Все эти действия к моменту окончания Второй мировой войны было решено осуществить в рамках оккупационного режима.

Для выполнения традиционных задач невоенной оккупации Германия разделялась на четыре оккупационные зоны, каждая под управлением одного из главнокомандующих союзническими войсками: американскую, британскую, советскую и французскую. Действия оккупационных властей координировались Союзническим контрольным советом (СКС), в который входили главноначальствующие от Великобритании, СССР, США и Франции. Решения в СКС принимались на основе принципа единогласия сторон. Вероятность их воплощения в жизнь под руководством четырех руководителей оккупационных сил союзных держав, редко согласных между собой, была низкой.

Опыт взаимодействия с оккупационными державами (в частности, с англичанами и французами) был приобретен Германией после Первой мировой войны: Конрад Аденауэр, первый канцлер послевоенной ФРГ,

²⁷ Сообщение о Берлинской конференции трех держав. 2 августа 1945 г. Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 450–456; Некрасова Т.А. Союзники по антигитлеровской коалиции и будущее германское государство, 1941–1945 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2015. № 8. С. 3–18.

возобновивший свою карьеру в 1945 г. в должности обер-бургомистра Кёльна, в годы Первой мировой войны на той же должности сотрудничал с британцами, оккупировавшими Кёльн, и вынес из этого сотрудничества позитивные впечатления. Оккупационные власти уважительно отнеслись к местной администрации. По словам К. Аденауэра, после Первой мировой войны британский военный губернатор Ч. Фергюсон «предпочел бы иметь дело непосредственно с бургомистром», поскольку именно он, (обер)бургомистр Аденауэр, нес ответственность за исполнение всех его распоряжений. Причиной было категорическое неприятие вмешательства в дела города Совета рабочих и солдатских депутатов, на чем и удалось «поладить» Аденауэру и Фергюсону.

Однако к 1945 г. ситуация изменилась: прежний опыт оказался бесполезным. Во-первых, речь после Второй мировой войны шла не просто об устранении военной опасности со стороны Германии, а о ликвидации обширного военно-политического и идеологического наследия Третьего рейха. Ввиду особого характера национал-социалистической агрессии, составившей угрозу миру и человечности, отношение к немцам со стороны оккупационных властей в 1945 г. не могло быть столь же доверительным, как в 1918 г. Опасения в отношении друг друга укрепились в сознании оккупированных и оккупантов. Аденауэр с удивлением обнаружил, что ему, несмотря на весь свой авторитет и обаяние, не удастся договориться с англичанами, в результате чего он уже 6 октября 1945 г. был уволен с должности обер-бургомистра Кёльна – той должности, на которой он взаимодействовал с англичанами после Первой мировой войны. Изменился акцент во взаимоотношениях: теперь деятельность местных германских органов управления, хотя и должна была осуществляться в соответствии с принципами Веймарской конституции (т.е. на основании прежних германских законов), но «с безоговорочным признанием» авторитета британского военного руководства.

В 1945 г. мало помог и опыт другой оккупации Германии: в 1923 г. Рурская область была занята франко-бельгийскими войсками с целью взимания репараций, выплаты которых прекратились ввиду тяжелого экономического положения в Германии. Функцией этой невоенной оккупации было восстановление норм международного права, исполнение Веймарской республикой условий Версальского мира. И в 1923, и в 1945 гг. Германии пришлось иметь дело с французскими оккупантами, в обоих случаях стоял вопрос о выплате репараций, и даже территории оккупации пересекались. Камнем преткновения каждый раз становилось культурное высокомерие французов, которые выступали от лица европейского Просвещения, прикрывая сугубо прагматические це-

ли – распространение французского влияния западногерманские территории (Саар и Рейнскую область). Аденауэр рассказывал о беседе 26 ноября 1923 г. с президентом межсоюзнической Рейнской комиссии в Кобленце, французом Тираром. На вопрос «чего хочет Франция, француз произнес долгую речь о немецкой и французской культуре и их связи, но не сказал ни слова о каком-либо плане урегулирования».

Между **первой и второй невоенными оккупациями Германии** в XX в. были существенные различия. Если в 1923 г. иностранные войска занимали часть территории суверенного государства, то в 1945 г. после разгрома национал-социалистического государства оккупационные державы взяли на себя всю полноту власти на территории Германии. В германской историографии рубеж 1945 г. получил название «час ноль»: немцы якобы оказались в ситуации «чистого выбора», обусловленного полным крахом предшествующего пути исторического развития и необходимостью переосмыслить свое прошлое. Нацизм в один момент превратился в немыслимое зло, ошибку или случайность, а горький опыт Третьего рейха следовало в срочном порядке преодолеть закономерным возвращением в лоно демократии. Существуют также термины «катастрофа» и «освобождение», которые в настоящее время подвергаются пересмотру. Однако эти обозначения выполнили, по крайней мере, для Западной Германии, важную общественную функцию: миф «часа ноль» позволил объявить новое германское государство результатом свободного выбора немцев, т.е. записать позитивные последствия послевоенных решений на счет собственных инициатив; негативные же (например, раскол Германии) объяснить неблагоприятным стечением обстоятельств. При всей своей противоречивости этот миф сыграл в ФРГ судьбоносную роль, сходную с мифом «об ударе кинжалом в спину» Веймарской республики, но на этот раз с противоположным, положительным, знаком»²⁸.

По **А.Ю. Ватлину**, публицисты часто сравнивали послевоенную Германию с разбуженным муравейником. Беженцы из Восточной Пруссии, Померании, Силезии и Судет составляли основную, но не единственную часть тех, кто был вынужден сняться с насиженных мест. Еще более 3 млн горожан, в основном матери с маленькими детьми, были эвакуированы на завершающем этапе Второй мировой войны в сельскую местность. Многим из них после массированных бомбардировок Кельна, Гамбурга или Дрездена уже некуда было возвращаться. Еще около миллиона человек переселились на Запад из советской зоны оккупации в первые послевоенные годы. До трети населения оккупирован-

²⁸ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 47–48.

ной Германии, составлявшего в 1946 г. 66 млн человек, статистика заносила в разряд лиц, потерявших старое место жительства (entwurzelt).

В не меньшей степени, чем приток беженцев, новую социальную реальность определял дефицит работоспособных мужчин. Их заменили «женщины руин» (Trümmerfrauen), которым своим физическим трудом удалось сдвинуть с места движение к нормальной человеческой жизни. К концу войны в плен попало около 11 млн немецких солдат и офицеров, многие из них считались на родине пропавшими без вести. За первый послевоенный год вернулось около половины из них, но это еще не означало воссоединения семей, разорванных годами войны. Поиск пропавших родственников, жены, мужа, детей становился смыслом существования для сотен тысяч немцев. Процесс возвращения военнопленных на родину растянулся на десять лет – как правило, это были уже другие люди, неспособные вернуть свое место в казавшейся безвозвратно потерянной мирной жизни.

В то же время всеобщее обнищание и массовая миграция военных и первых послевоенных лет имели и позитивные моменты. Они завершили процесс стирания классовых различий, инициированный курсом НСДАП на создание «народного сообщества» (Р. Дарендорф). Кроме того, наплыв беженцев привел к размыванию местечкового патриотизма отдельных немецких земель. «Чужаков» вокруг становилось так много, что местное население теряло свою идентичность – и баварцы, и фризцы, и гессенцы начинали ощущать себя прежде всего немцами. Массовая миграция второй половины 1940-х гг., завершила процесс формирования «полуторной» немецкой нации. Проведенная военными властями реорганизация земель, особенно на юго-западе Германии, отличавшемся сепаратистскими настроениями, открыла возможность перехода от исторического к рациональному федерализму²⁹.

5 июня 1945 г. верховная власть перешла к странам-победительницам: Советскому Союзу, США, Великобритании и Франции. Их главная цель согласно Лондонскому протоколу от 12 сентября 1944 года и последующим договоренностям заключалась в осуществлении полного контроля над Германией. В основе этой политики лежал раздел страны на три оккупационные зоны, раздел Берлина на три сектора и создание совместного Контрольного совета в составе трех главнокомандующих³⁰.

Еще на Ялтинской (Крымской) конференции в феврале 1945 года Франция вошла в круг союзников как четвертая контрольная держава и получила свою оккупационную зону (за счет территорий, занятых амери-

²⁹ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 136.

³⁰ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 157.

канцами). В Ялте было также решено лишить побежденную страну государственности, но не допускать ее территориальной раздробленности. Послевоенное устройство Германии, предполагавшее демократизацию страны и полную ликвидацию военной машины, навсегда должно было отбить у нее охоту к мировому господству. Важно было положить конец «тевтонским захватническим устремлениям» в будущем, ликвидировать Пруссию как оплот милитаризма, наказать немцев за геноцид и военные преступления и привить им демократическое сознание.

Ликвидация опорной базы германского милитаризма и агрессии – Пруссии предполагала либо раздел Германии, либо полную перекройку ее административно-территориального устройства, либо сочетание первого и второго, что фактически и было реализовано в ходе послевоенного передела мира. Инициатором раздела Германии выступила западная сторона. В этой связи стоит напомнить, что впервые план расчленения рейха обсуждался представителями США и Великобритании еще в декабре 1941 года во время Вашингтонского совещания руководящих деятелей этих двух стран. По свидетельству эксперта государственного департамента профессора Мосли, в то время были составлены планы расчленения Германии на ряд самостоятельных государств.

Бывший государственный секретарь США Хэлл в своих мемуарах упоминал, что накануне отъезда на конференцию министров иностранных дел, состоявшуюся в Москве 19-30 октября 1943 г., он получил совершенно определенные указания отстаивать план расчленения Германии на три государства. Вопрос о расчленении Германии был поднят на высшем уровне и во время конференции в Тегеране в конце ноября – начале декабря 1943 года³¹.

Во время пленарного заседания 1 декабря участники конференции довольно основательно затронули эту проблему. Инициатива исходила от Франклина Делано Рузвельта. «По моему мнению, – сказал он, – Пруссия должна быть, по возможности, ослаблена и уменьшена в своих размерах. Она должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую самостоятельную часть должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть – Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть – Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть – Бавария, Баден и Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собой независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбург. Этими районами должны будут управлять Объединенные нации или четыре державы. Рурская и

³¹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С 157–158.

Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных наций, либо попечителей всей Европы»³².

Идею Рузвельта поддержал У. Черчилль, высказавший два предложения: во-первых, изолировать Пруссию от остальной Германии; во-вторых, отделить южные провинции Германии – Баварию, Баден, Вюртемберг, Палатинат – от Саара до Саксонии включительно. «Я держал бы Пруссию в жестких условиях, – настаивал он. – Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить в дунайскую федерацию». Сталин был более сдержан, но, тем не менее, не исключил полностью возможности расчленения третьего рейха. «Мне не нравится план новых объединений государств, – сказал он. – Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, как предполагает Рузвельт, этот план может быть рассмотрен»³³.

Это позволило на Ялтинской конференции трех союзных держав (4–11 февраля 1945 г.) СССР, США и Великобритании принять в принципе решение о расчленении Германии. Оно гласило: «Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки и Союз Советских Социалистических Республик будут обладать по отношению к Германии верховной властью. При осуществлении этой власти они примут такие меры, включая полное разоружение, демилитаризацию и расчленение Германии, которые они признают необходимыми для будущего мира и безопасности». Изучение процедуры расчленения Германии было передано специальной комиссии, которая должна была рассмотреть также вопрос о том, желательно ли присоединение к ней представителя Франции.

Уже после согласования и принятия этого решения в результате недолгого, но глубокого анализа возможных путей решения германского вопроса позиция Советского Союза претерпела значительную коррекцию. Сыграло свою роль, видимо, то соображение, что насильственное расчленение страны и раскол нации не смогут гарантировать на длительный период сохранение мира на континенте. Кроме того, И.В. Сталин был убежден, что нет таких мер, «которые могли бы исключить возможность объединения Германии». Поэтому, когда Комиссия по расчленению Германии начала свою работу в Лондоне, представитель СССР – посол Советского Союза в Великобритании Ф.Г. Гусев – по поручению советского правительства направил 26 марта 1945 г. Председателю Комиссии, министру иностранных дел Великобритании Антони Идену письмо, в котором указывалось: «Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении Гер-

³² Бережков В.М. Тегеран, 1943. М., 1971. С. 112–113.

³³ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 159.

мании не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными».

И если 9 мая 1945 г. в День Победы над гитлеровской Германией И.В. Сталин в обращении к советскому народу заявил, что Советский Союз, торжествуя победу, «не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию», то действия главного нашего оппонента – США свидетельствуют об обратном. Взять, например, секретную директиву JCS-1067, где прямо указывалось, что «военное управление с самого начала должно готовить последующее расчленение Германии». Директива была подписана президентом Г. Трумэном 10 мая 1945 г. Трумэн предлагал разделить Германию на ряд «сепаратных суверенных государств», а также образовать «Южногерманское государство» из Австрии, Баварии, Вюртемберга, Бадена и Венгрии со столицей в Вене³⁴.

³⁴ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 159–160.

4. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЧЕТЫРЕ «Д» ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В ДЕЙСТВИИ. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС. ФОРМИРОВАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ. К. АДЕНАУЭР

Берлинская (Потсдамская) конференция проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. В третий раз за одним столом переговоров встретились И. В. Сталин и У. Черчилль. Американскую делегацию возглавлял новый президент США **Гарри Трумэн** (1884–1972). Но в Англии 5 июля состоялись парламентские выборы, победу одержала лейбористская партия, и с 28 июля английскую делегацию возглавил в качестве премьер-министра лидер лейбористов **Клемент Эттли** (1883–1967)¹.

Ситуация середины июля 1945 года существенно отличалась от ситуации середины февраля, когда принимались ялтинские решения. Военные действия в Европе окончились. Начался период оккупации Германии и ее бывших сателлитов. **Ф. Рузвельта**, который надеялся на установление долгого и прочного мира, базирующегося на послевоенном сотрудничестве великих держав – участников антигитлеровской коалиции, на посту президента США сменил лидер правого крыла демократической партии, ярый антисоветчик **Г. Трумэн**.

И Г. Трумэн, и У. Черчилль на исходе Второй мировой войны рассматривали СССР как потенциального противника. Примерно так же смотрел на союзников по антигитлеровской коалиции и Сталин. Поэтому лидеры «Большой тройки» ехали в Потсдам с другими настроениями, нежели в Ялту². Причем Трумэн находился в преддверии испытания атомной бомбы (она было произведено 16 июля 1945 г.), на которую возлагались очень большие надежды. Все это прямо повлияло и на ход конференции, и на ее решения.

Потсдамская конференция, в отличие от Версальской, не была «мирной». На ней не предполагалось выработки условий мирного договора с Германией и ее союзниками, она должна была или подтвердить

¹ История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 292; Устинов В. Указ. соч. С. 552–554; Смирнов В.П. Указ. соч. С. 294–298; Богатуров А.Д., Аверков В.В. История международных отношений. 1945–2008: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2012. С. 25–28.

² См.: История международных отношений: учебник: в 3 т. / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. 2. С. 458–459.

и конкретизировать ялтинские договоренности, или отвергнуть их. И дискуссия по германскому вопросу, которая развернулась в Потсдаме, отличалась от той, которая проходила в Ялте. Ее главное отличие заключалось в том, что основные политические, территориальные, административные, экономические проблемы были уже обговорены и отчасти согласованы в Крыму. В Потсдаме должны были быть выработаны общие принципы проведения координированной политики союзников и механизм их реализации. Решения Потсдамской конференции (в отличие от решений, принятых в Ялте) должны были быть доведены до населения Германии.

Надо подчеркнуть, что советская делегация внесла проект о создании центральной германской администрации, которая должна была действовать под руководством СКС. Но после дискуссии по этому вопросу было решено: «пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства». Некоторые историки считают такое решение «роковым» с точки зрения дальнейшего развития событий, полагая, что именно оно во многом предопределило раскол Германии.

Однако союзники прекрасно понимали, что, опираясь только на оккупационные войска, без помощи самих немцев, они не смогут решить ни одну из задач политики «четырёх Д». Поэтому в ряде пунктов Протокола Потсдамской конференции говорилось о том, что будет «создан германский административный аппарат... будут учреждены некоторые существенно важные центральные германские административные департаменты... в частности, в областях финансов, транспорта, коммуникаций, внешней торговли и промышленности». То есть в Протоколе был, в общем-то, обозначен путь формирования центрального, демократического по своей сути, германского правительства, с которым можно будет подписать мирный договор.

В Потсдаме с новой остротой встал вопрос о **Польше и ее границах**, а стало быть, и о границах Германии. По восточной границе дискуссий больше не было. Но Ялтинская формула о «существенном приращении территории Польши на севере и на западе» была весьма расплывчатой. Поэтому 20 июля 1945 г. В. М. Молотов вручил своим коллегам А. Идену и **Джеймсу Френсису Бирнсу** (1879–1972) «Предложение делегации СССР о западной границе Польши», в котором предлагалась следующая линия границы (с севера на юг): «западнее Свиномюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Зап. Нейсе и отсюда по реке Зап. Нейсе до чехословацкой границы».

Это предложение вызвало бурную дискуссию. У. Черчилль и Г. Трумэн не хотели соглашаться с такими границами, когда Герма-

ния должна была потерять четверть всех обрабатываемых сельхозугодий (в границах 1937 г.) и где жило до войны около 8 миллионов немцев; когда Германия теряла, а Польша получала исторические немецкие территории включая старинный город Бреслау. В Ялте (февраль 1944 г.) У. Черчилль вдруг стал активно выражать опасения и сомнения: не слишком ли далеко продвинется на запад польская граница, заявив, что «едва ли целесообразно, чтобы польский гусь был в такой степени начинен немецкими яствами, чтобы он скончался от несварения желудка»³. Однако с 28 июля английскую делегацию возглавил новый премьер-министр Англии – **К. Эттли**, и на заседании глав правительств 31 июля западные союзники уступили нажиму Сталина, они фактически согласились с точкой зрения советской стороны о западных границах Польши. У. Черчилль потом говорил, что это была непростительная уступка, и что если бы он остался в Потсдаме, он устроил бы Сталину «скандал», но не допустил бы такой формулировки Протокола конференции.

Границы Германии серьезно менялись и в результате передачи Советскому Союзу г. Кёнигсберга с прилегающим районом (ныне это г. Калининград и Калининградская область РФ). Это также было одним из «спорных» решений конференции. СССР получал территорию площадью 15,1 тыс. квадратных километров. Притязания Сталина на то, что это исконно русские земли, звучали малоубедительно: в любом довоенном советском географическом словаре писалось о Кёнигсберге, как о «старинном немецком городе, основанном в 1255 году». В историографии и в политике было много споров о том, справедливы или нет решения о границах, принятые в Потсдаме. Споры ушли в прошлое, ибо Договорами 1970 и 1990 г. границы признаны нерушимыми, Но тогда, в 1945 г., Германия теряла (по сравнению с границами 1937 г.) примерно 25% сельскохозяйственных угодий, 17% каменноугольных месторождений и 6,4% промышленных сооружений. Причем было решено, что старинная земля Пруссия должна быть ликвидирована «как источник войн и агрессии в прошлом».

Вопрос о границах был тесно связан с вопросом о насильственном выселении немцев. Согласно Протоколу Потсдамской конференции они подлежали выселению из Польши, Венгрии и Чехословакии. Судьба немцев в отдаваемом Советскому Союзу Кенигсберге и прилегающем районе вообще официально не оговаривалась. Но было очевидно, что и их ждет депортация. Западные союзники не могли не понимать, что с территорий, оккупированных Советской Армией, депортация будет осуществлена самым безжалостным способом, но, тем не

³ См.: Филатов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 13.

менее, дали свое согласие. Правда, были сделаны оговорки о том, что выселение немцев должно осуществляться как можно более «гуманно». Но именно эти жестоко изгнанные немцы (точного, общепризнанного числа нет, данные колеблются от 7,8 млн до 12 млн человек, причем из Кёнигсберга многие поехали не на Запад, а в Сибирь) стали первыми жертвами одного из «спорных» решений Потсдамской конференции.

Договорившись после долгой дискуссии, что под «Германией» следует понимать именно германское государство «в границах 1937 года», пишет **Н.В. Павлов**, руководители трех держав согласились «в принципе» с предложением советского правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, оставив окончательное решение этого вопроса до мирного урегулирования. Аналогичное решение было принято и в отношении западной границы Польши. Главы трех правительств «подтвердили свое мнение, что окончательное определение западной границы Польши должно быть отложено до мирной конференции». Вместе с тем, они согласились, что «до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории» к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свиномюнде и оттуда по реке Одер до впадения реки Западная Нейсе и по Западной Нейсе до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая не поставлена под управление СССР, и территорию бывшего свободного города Данциг, должны находиться под управлением польского государства и в этом отношении не должны рассматриваться как часть советской зоны оккупации в Германии. Фактически перенос западной границы Польши к Одере и Нейсе стал компенсацией за преступления нацистской Германии на польской земле и за приобретение Советским Союзом Кёнигсберга и ряда территорий в Восточной Польше⁴.

Проблема репараций оказалась в Потсдаме самой дискуссионной. Казалось бы, в Ялте было согласовано почти все, была создана специальная союзническая комиссия для разработки конкретного плана взимания репараций. Однако в Потсдаме западные делегации совершают поворот на 180 градусов, убеждая Сталина в том, что сумма в 20 млрд долларов чрезмерна, так как Германия теряет большие земли, а разрушения германской промышленности слишком велики. В итоге сошлись на 10 млрд американских долларов, из которых СССР собирался рассчитаться также по репарации Германии с Польшей⁵.

⁴ См.: Павлов Н.В. Указ. Соч. С. 161–162.

⁵ См.: Рейман М. Рождение державы: История Советского Союза с 1917 по 1945 год. М., 2015. С. 786; Богатуров А.Д., Аверков В.В. Указ. соч. С. 27.

Советская делегация выказала готовность к снижению общей суммы репараций, выдвигались различные компромиссные варианты. В конечном счете была принята формула, предложенная госсекретарем США **Дж. Бирнсом**: общая сумма репараций не оговаривается; изъятия производятся из собственных зон оккупации; СССР в дополнение получит из западных зон примерно 25 % демонтированного там оборудования; репарации же для Англии, США, Франции и других стран, которые имели на это право, будут взиматься из западных зон и соответствующих германских вложений за границей.

Далее, Запад дал согласие на выселение немцев из Польши, Венгрии и Чехословакии. Этот процесс затронул в действительности также страны Балтии, бывшую Восточную Пруссию, Румынию и Югославию. Жестокое изгнание в последующее время около 7,75 млн немцев находилось в явном противоречии с западными оговорками о «гуманном» осуществлении этого шага. Так поплатились они и за преступления нацистской Германии, и за перенос польской западной границы в качестве компенсации за приобретение советской стороной Кёнигсберга и ряда территорий в Восточной Польше?⁶

Одной из самых острых тем в Потсдаме, отметил **А.Ю. Ватлин**, оставалась проблема репараций. Еще в ходе Ялтинской конференции Сталин настаивал на определении конечной суммы, предложив 20 млрд долларов США (половина этой суммы должна была достаться Советскому Союзу), но не нашел поддержки западных партнеров. Согласно Потсдамскому соглашению каждая из держав-победительниц возмещала понесенный ущерб «изъятиями» из собственной зоны, что в перспективе стало существенным фактором раскола Германии. Исключение было сделано для СССР как наиболее пострадавшей страны, получавшей 25% репараций из западных зон (10% безвозмездно и 15% в обмен на поставки товаров из своей зоны), при этом Советский Союз обязывался из своей доли удовлетворить репарационные претензий Польши. На практике репарации взимались в трех формах: единовременные конфискации, ежегодные товарные поставки и использование труда немцев. Для СССР решающее значение имел демонтаж промышленного оборудования, означавший не только возмещение военных потерь, но и импорт новейших технологий. Английские власти рассчитывали на поставки угля из рурского бассейна, находившегося в их зоне оккупации. Офицеры американской военной администрации охотились прежде всего за мозгами, находя порой звезды первой величины. Достаточно напомнить судьбу создателя реактивных

⁶ См.: Смирнов В.П. Указ. соч. С. 295.

снарядов «Фау» Вернера фон Брауна, который стал одним из отцов космической программы США⁷.

Три державы согласились, как это было предложено в проекте США о политике в отношении Германии/что пока «не будет учреждено никакого центрального германского правительства». Советское дополнение о создании центральной германской администрации было отклонено. Вместе с тем, было признано целесообразным учредить некоторые центральные управленческие структуры под руководством Контрольного совета в Германии. Экономические принципы обращения с Германией предусматривали, что «в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое». Каждая оккупационная власть должна была удовлетворить репарационные требования вначале за счет своей оккупационной зоны. Однако дополнительно Советский Союз должен был получить 25% демонтированного в западных зонах промышленного оборудования, 15% которого предполагалось обменять на сырье и продовольствие. Общая величина репараций не была зафиксирована, хотя в Ялте речь шла о сумме в 20 млрд. долл., половина из которой предназначалась СССР⁸.

Пожалуй, самая напряженная и трудная дискуссия в Потсдаме, пишет **А.М. Филитов**, была по вопросу о репарациях с Германии. Советская позиция базировалась на формуле, согласованной в Ялте: специальная союзническая комиссия на многосторонне основе разработает план взимания репараций со всех четырех зон; репарации будут взиматься в трех формах – единовременные изъятия, ежегодные товарные поставки из текущей продукции, использование германского труда; в качестве базы для обсуждения величины репараций бралась цифра 20 млрд. долл., из которых половину должен был получить Советский Союз (конкретная цифра была, правда, согласована только между СССР и США; Великобритания свою позицию резервировала).

В Потсдаме обе западные делегации заняли единую позицию отрицания ялтинской договоренности. Англичане проявили тут определенную последовательность, однако американцам пришлось подыскивать объяснения своего поворота на 180 градусов. Основные их аргументы сводились к тому, что объем разрушений в Германии оказался большим, чем это ранее предполагалось и из чего исходили в Ялте при определении того, что можно взять с Германии. Приводилось также соображение, что союзники, особенно СССР, уже достаточно вывезли из Германии в качестве трофеев. Приведенная американской стороной аналогия, правда, вряд ли подходила; даже весьма консервативные

⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 133–134.

⁸ Павлов Н.В. Указ. соч. С. 161.

историки расценивают эти действия нового американского госсекретаря Дж. Бирнса, как «нечестные и недостойные»⁹.

С Советской стороны выражалась готовность снизить общую сумму репараций, вычтя из нее стоимость «трофеев»; рассматривались и другие варианты компромисса (в частности, ради него выражалась готовность идти на уступки в вопросе о границе по Одру-Нейсе). Принят был, однако, компромисс, предложенный Бирнсом. Формула его была проста: каждая сторона сама определяет масштабы, формы и сроки репарационных изъятий, поскольку она производит эти изъятия из своей собственной зоны. Эта формула была для СССР крайне невыгодна: экономически – потому, что в Советской зоне промышленных предприятий было меньше, а разрушены они были сильнее, чем в западных зонах; политически – потому, что чем больше изымалось бы, тем слабее был бы оставшийся экономический потенциал зоны, тем ниже жизненный уровень ее населения и тем хуже его отношение к оккупационным властям (и, напротив, улучшить отношение с немцами можно было бы лишь уменьшив свои репарационные претензии).

Первоначальная позиция Бирнса и Трумена (они вдвоем «обработывали» Молотова по этому вопросу) была вообще иррациональна. Они пытались доказать, что в Советской зоне оккупации находится ровно половина национального богатства Германии (!) и что предложенный ими план взимания репараций как раз и обеспечивает соотношение 50:50 между СССР и прочими странами, имеющими репарационные претензии. В качестве уступки советской стороне был предложен такой вариант: позональный принцип сохраняется, но СССР получит еще некоторую долю оборудования, которое будет демонтировано в западных зонах.

В конце концов на этой основе соглашение и было достигнуто: компенсация, предназначавшаяся СССР, должна была составить 25% «промышленного капитального оборудования, которое не является необходимым для германского мирного хозяйства и должно быть изъято из западных зон Германии», из них 10% – «без оплаты или возмещения», а 15% – «в обмен на эквивалентную стоимость продовольствия, угля, поташа, цинка, лесных материалов, глиняных изделий, нефтяных продуктов и других видов материалов».

С чисто экономической точки зрения прогресс был невелик. Как заметил Молотов, «25% от неизвестной величины также являются неизвестной величиной». В самом деле, западные оккупационные власти могли заявить, что у них в зонах нет никаких «лишних» мощностей, и тогда эти 25% оказались бы просто нулем. Кроме того, СССР – в этом то-

⁹ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 39–40.

же была часть компромиссного «пакета» – брал на себя обязательство удовлетворить из своей доли отнюдь не малые репарационные претензии Польши. Еще значительнее были бы политические издержки. На Советский Союз теперь уже могли обидеться не только восточные немцы, но и поляки (справедливо ли разделен «пирог?»), и западные немцы. Ведь советская сторона объективно оказывалась заинтересованной в том, чтобы из западных зон было изъято как можно больше производственных мощностей (тогда бы выросло и реальное наполнение этих 25%), и соответственно в том, чтобы объем «необходимого для германского мирного хозяйства» был исчислен как можно меньший. Западные оккупационные власти могли отныне практиковать «деиндустриализацию» в духе Morgenthau, ссылаясь на то, что так хотят «Советы», а они вынуждены уступить ради союзнической солидарности.

Однако самым большим политическим недостатком этой формулы было то, что ею впервые вводилось в международно-правовую практику разделение Германии по принципу Восток – Запад. Уже в самом тексте Потсдамского соглашения фигурировало понятие «западные зоны», и, естественно, разделение репарационной политики на «восточную» и «западную» отнюдь не укрепляло декларированный в Потсдаме принцип сохранения экономического единства Германии¹⁰.

Оценивая решения, принятые в Потсдаме по проблеме репараций, их выгодность или невыгодность для победителей и побежденных, надо учесть тот факт, что Сталин за столом переговоров в Потсдаме после всех претензий и дебатов о суммах, формах и сроках репараций, вдруг заявил о том, что отказываться от золота, от германских инвестиций по всему миру и согласен на репарационные изъятия только из Восточной Германии.

Этому факту долго не было внятного объяснения. Лишь в начале 1990-х годов российскому исследователю **П.Н. Кнышевскому** удалось найти и опубликовать ранее строго засекреченные документы, из которых стало очевидно, что пока «Большая тройка» заседала в Потсдаме, репарационные поставки из Восточной Германии уже шли в СССР полным ходом. И если в первые месяцы оккупации царила большая неразбериха и преобладала стихия, то на второе полугодие 1945 г. уже был установлен жесткий план по вывозу немецкого оборудования и материалов: не менее 3 млн 600 тыс. тонн по железной дороге, и не менее 1 млн 200 тыс. тонн морским путем.

В многолетнем споре историков об оценке выгодности для Советского Союза взимания репараций так, как это было решено в Потсдаме, видимо, более прав П.Н. Кнышевский, который считает, что для сталин-

¹⁰ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 40–41.

ского режима бесконтрольный вывоз из своей зоны оккупации был наиболее приемлемым вариантом. Ведь трофейные команды, созданные еще в 1941 г., в апреле 1943 г. были преобразованы в Трофейные войска. Их численность в 1945 г. составляла 34 тыс. человек, было создано еще 5 специальных эвакопоездов с командами по тысяче человек. Таким образом, это была целая правительственная армия.

Что касается немцев, то они, при всех больших потерях от репараций, благодаря такому способу их взимания (демонтаж), смогли через несколько лет после войны модернизировать свою промышленность и сельское хозяйство, а вывезенное в СССР оборудование еще долго работало, будучи давно морально устаревшим.

Проблема **мирного договора с Германией** детально в Потсдаме не обсуждалась. Она была возложена на **Совет министров иностранных дел (СМИД)**, который учреждался по настоянию американской стороны вместо Европейской консультативной комиссии для подготовки мирных договоров с бывшими вражескими европейскими государствами. В состав СМИД должны были войти представители пяти великих держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН: США, Англии, Франции, СССР и Китая¹¹.

Много споров вызвала проблема **контроля над Руром**. Он был средоточием германской угольной и металлургической промышленности (до войны там добывалось 82 % немецкого угля, производилось около 70 % чугуна и стали). Рур оказался в английской зоне оккупации, а его роль, с учетом того, что Силезия переходила к Польше, возрастала многократно. Но советское предложение о передаче Рура под совместный контроль США, Великобритании, СССР и Франции натолкнулось на упорное сопротивление министра иностранных дел Англии **Эрнеста Бевина** (1881–1951). В конечном итоге Сталин и Трумэн согласились передать вопрос на рассмотрение в Совет министров иностранных дел. Это была одна из немногих позиций, по которым Сталин уступил своим западным партнерам. Не удалось добиться установления четырехстороннего контроля над Руром и впоследствии.

На протяжении всей конференции обсуждался **вопрос о судьбе германского флота**, поскольку в его решении были заинтересованы все, и прежде всего – СССР, который потерял очень много военных и других кораблей. Относительно флота, как и относительно контроля над Руром, западные державы в Потсдаме «переиграли» Сталина: все конкретные вопросы должна была подготовить специальная военно-

¹¹ История Германии / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 297; История международных отношений: учебник: в 3 т. / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. Т. 2. С. 361; Павлов Н.В. Указ. Соч. С. 162–163.

морская комиссия из представителей трех держав, причем из своей доли СССР должен был выделить часть судов для Польши. Но в целом вопрос был решен в духе представлений союзников о демилитаризации Германии: у нее оставались только суда, плавающие внутри страны и суда берегового плавания. Германский флот впоследствии был разделен следующим образом. Военные надводные корабли: Англии – 148, США – 149, СССР – 155. Из сохранившихся 195 подлодок 165 были уничтожены союзниками, а 30 разделены поровну. Из сохранившихся 1339 вспомогательных судов Англии было передано 397, США – 441 и СССР – 501.

Вопрос о **главных военных преступниках** в принципе был для союзников ясен: они должны предстать перед судом народов. В Лондоне с 28 июня 1945 г. шли переговоры между представителями Англии, США, СССР и Франции о преследовании и наказании главных военных преступников. В итоге переговоров 8 августа 1945 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым учреждался Международный военный трибунал.

Важные вопросы вокруг побежденной Германии, пишет **Х. Шульце**, более подробно рассматривались на Потсдамской конференции «большой тройки» стран – членов антигитлеровской коалиции. Конференция открылась 17 июля 1945 г. во дворце Цецилиенхоф. Президент США Гарри Трумэн, британский премьер Уинстон Черчилль и советский диктатор Иосиф Сталин определили в качестве предварительной границы между переданными под управление полякам немецкими областями на востоке и советской оккупационной зоной линию по Одру – Нейсе. Тем самым они легализовали изгнание немцев из областей восточнее этой линии, которое шло полным ходом, а также из Чехословакии и Венгрии. Относительно Германии «большая тройка» была единой в том, что «германский милитаризм и нацизм следовало искоренить», для того «чтобы Германия никогда больше не могла представлять угрозу для своих соседей или для сохранения мира во всем мире». С этой целью Германия подлежала полному разоружению и демилитаризации, а всю промышленность, которую можно было бы использовать для военного производства, следовало уничтожить. Национал-социалистов необходимо было уволить из всех учреждений и организаций; политическую жизнь страны надлежало коренным образом обновить на демократических основах. Экономическое единство Германии, и это было подчеркнуто, следовало сохранить. Но так как каждая оккупационная держава стремилась удовлетворить свои репарационные потребности на относящейся к ней зоне, то этот основной принцип с самого начала не соблюдался, как и понятие «политическая жизнь на

демократических основах» совершенно по-разному понималось на востоке и на западе страны. В дальнейшем это позволило по-разному толковать Потсдамские соглашения в соответствии с интересами той или иной страны-победительницы¹².

Таковы были **основные решения Потсдамской конференции по германскому вопросу**. Сразу после окончания конференции ее основные решения были направлены в Париж с предложением Франции присоединиться к ним. Французское правительство 7 августа 1945 г. дало на них (с рядом оговорок) свое принципиальное согласие. Но уже 28 июля 1946 г. премьер-министр Франции **Жорж Бидо** (1899–1983) заявил о том, что Франция якобы не присоединялась к решениям, принятым в Потсдаме, а лишь согласилась с положениями об основных целях оккупации. Однако суть германского вопроса победителями не была сформулирована; его четкой, общепризнанной дефиниции так никогда и не возникло. В Потсдаме победители договорились лишь о принципах, которыми они должны были руководствоваться в отношении Германии в начальный период оккупации. Предполагалось, что эти принципы лягут в основу мирного договора или будут заменены новыми четырехсторонними соглашениями.

Здесь трудно не согласиться с мнением выдающегося американского политолога и историка, бывшего госсекретаря США **Г. Киссинджера**, который писал в книге «Дипломатия» о том, что «Потсдам почти ничего не решил... Многое осталось недоделанным и в подвешенном состоянии, и, как это часто бывает, когда главы государств неспособны договориться, наиболее жгучие проблемы были переданы министрам иностранных дел для дальнейшего обсуждения». Единственным документом, принятым по итогам двухнедельных дебатов, был **«Протокол Берлинской конференции трех великих держав»**. Он был подписан 1 августа, но был обнародован позднее. Достоянием же мировой общественности стало «Сообщение о Берлинской конференции трех держав», опубликованное уже 3 августа 1945 г. Миллионы немцев внимательно; со страхом и надеждой, еще и еще раз читали раздел III этого Сообщения, названный «О Германии»: «...Германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался...

Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире...».

¹² См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 197–198.

Далее в **Сообщении о конференции** был полностью приведен текст Соглашения «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период»; разделы Протокола конференции «Репарации с Германии», «Город Кёнигсберг и прилегающий к нему район», «О военных преступниках», «Упорядоченное перемещение германского населения» и др.

Таким образом, немцы уже 3 августа 1945 г. получили возможность изучить и оценить главные решения, принятые в Потсдаме, причем оценки изначально были диаметрально противоположными. Принципиальные решения конференции относительно будущего Германии касались сути оккупационной политики, проблем границ и репараций.

Оккупация была признана необходимой мерой, носящей временный (но не оговоренный конкретными сроками) характер. Ее главными целями провозглашались: полное разоружение и демилитаризация Германии; уничтожение нацистской партии, ее филиалов и подконтрольных организаций, отмена нацистских законов, запрет пропаганды нацизма и милитаризма; подготовка реконструкции германской политической жизни на демократической основе (разрешение деятельности демократических партий и профсоюзов, создание органов местного самоуправления, разрешение свободы слова, печати и деятельности религиозных учреждений); децентрализация экономики. То есть были сформулированы принципы и задачи, которые позже получили название политики **«четырёх Д»**: «демилитаризация», «денацификация», «демократизация» и «декартелизация». Это были колоссальные задачи, которые никогда не ставили перед собой победители всех предыдущих войн. Само понятие «оккупация» приобрело качественно новое содержание.

Верховная власть в Германии должна была осуществляться главнокомандующими вооруженных сил СССР, США, Англии и Франции. Причем в своей зоне оккупации каждый главнокомандующий действовал по инструкциям своего правительства. Вопросы, затрагивающие Германию в целом, должны были обсуждаться совместно. Для этого было предусмотрено создание из 4 главнокомандующих специального органа – **Союзного Контрольного Совета (СКС)**.

С 1945 года в историографии идет спор о справедливости решений, принятых по отношению к Германии в Ялте и Потсдаме. Но прежде чем спорить о справедливости, надо помнить о том, что развязанная нацистами война длилась 6 лет и унесла около 60 млн жизней. В концлагерях и других местах массового уничтожения было уничтожено около 12 млн человек, из них в ходе Холокоста – 6 млн евреев (треть всего еврейского народа). Около 14 млн граждан европейских стран (в том

числе – более 4 млн советских) были насильственно угнаны в Германию, где они занимались принудительным, по сути рабским, трудом. Беспрецедентный размах преступлений (для которых не было тогда – нет и сегодня – ни оправданий, ни рациональных объяснений), в которых было замешано большинство взрослых немцев, требовал беспрецедентных решений от победителей. Они и были приняты в Потсдаме. Надо подчеркнуть, что по отношению к главным союзникам Германии – Италии и Японии – характер принятых решений был совершенно иным.

После сокрушения военной машины гитлеровского государства, безоговорочной капитуляции Германии и Потсдамской конференции, главным в деле решения германского вопроса стало осуществление **политики «четырёх Д»**. Денацификация, демилитаризация, декартелизация и демократизация Германии были неразрывно связаны между собой. В случае последовательного и синхронного осуществления они должны были привести к созданию нового, миролюбивого демократического немецкого государства, с которым можно было бы подписать мирный договор. После безоговорочной капитуляции в этом теперь и заключалась суть германского вопроса. Эти мероприятия осуществлялись почти одновременно, но с рядом различий по зонам оккупации.

Денацификация. Проблемы ликвидации нацизма, влияния нацистской идеологии, отмены законов Третьего рейха, удаления ненормальных нацистов с общественных должностей, из школ, университетов и т.д. в первые годы оккупации были самыми актуальными. В НСДАП к концу войны насчитывалось около 8,5 млн членов, плюс в 61 ее «дочерних» и «примыкавших» организациях состояло примерно 10 млн немцев.

СКС с первых дней своей деятельности занимался проблемой денацификации, но процесс принятия специальных документов затянулся на полгода, что привело не только к достаточно вольному толкованию принципов денацификации в разных зонах, но и к разным методам ее осуществления. Только 10 декабря 1945 г. СКС принял закон № 2, который запрещал НСДАП и все ее организации; только 12 января 1946 г. – директиву № 24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов»; и лишь 12 октября 1946 г. была принята директива № 38 «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами». В каждой зоне в дополнение к этим общим директивам оккупационные власти издавали и свои инструкции.

Пожалуй, наиболее сложный механизм денацификации был создан в английской зоне. Ею занимались как спецотделы военной администрации, так и сформированные в январе 1946 г. из немцев «сове-

ты», «жюри» и «комитеты» по денацификации. Каждый взрослый немец должен был заполнить огромную анкету из 133 пунктов (всего их было заполнено 12 млн). Правильность заполнения анкеты должны были удостоверить своей подписью еще несколько человек, знавших анкетуемого. Затем специальные комитеты по денацификации – и британские, и немецкие – работали с анкетами, определяя, к какой из пяти категорий отнести человека, проходившего денацификацию: главных виновников, прямо не виновных, частично виновных, номинальных нацистов или оправданных. Все очевидцы вспоминают об этой процедуре как о большой неразберихе.

С октября 1947 г. администрация британской зоны передала дело денацификации ландтагам и правительствам земель. Всего ими к 1949 г. были рассмотрены дела более 2 млн человек, из которых 1191930 человек, то есть 60%, было реабилитировано. Общий итог денацификации в английской зоне: 75% подвергшихся проверке, отделались денежными штрафами (в обесцененных марках); 20% были отстранены со своих постов и лишь 0,1% были признаны виновными.

Не менее громоздкой была процедура денацификации и в американской зоне. Там тоже едва ли не всему взрослому населению было роздано около 13 млн пухлых анкет (почти одинаковых с английскими) из 131 вопроса. Создавалось впечатление грандиозного мероприятия. По заданию конгресса США осенью 1945 г. оккупационная администрация американской зоны составила список крупнейших немецких военных преступников из мира бизнеса, где фигурировало 1800 промышленников и банкиров, но в официальной публикации этот список сократился до... 42 человек.

«Денацификация» в соответствии с решениями Потсдамской конференции, проходившая в разных оккупационных зонах в различных формах, отметил **Х. Шульце**, коснулась каждого взрослого немца. Самой суровой она была в американской зоне, ибо, имея развитое демократическое сознание, американцы проявляли особую настойчивость. Но принудительно проводимый на основе 131 вопроса анкеты экзамен на убеждения приводил к бесчисленным ошибочным приговорам. Зачастую произвольная практика комиссий по денацификации вызывала протест даже испытанных, проверенных антифашистов. Большой объем следственной работы привел к тому, что сначала рассматривались наиболее простые дела. Когда во время ужесточавшейся «холодной войны» интерес к продолжению денацификации ослаб, обвиняемые в наиболее тяжелых преступлениях отделались лишь легким испугом. Ясно, что таким образом была оказана медвежья услуга процессу демократизации Германии. Как и в случае с зачастую сурово

проводившейся политикой репараций и демонтажа предприятий, которая воспринималась населением, озлобленным тяжелым экономическим положением, как уничтожение рабочих мест¹³.

Тогда же, осенью 1945 г., в американской зоне был издан закон о денацификации экономики, после чего было арестовано несколько десятков немецких магнатов (Г. Стиннес-младший, управляющий заводами Маннесмана В. Цанген, стальной магнат Э. Пенсген и др.). Но очень скоро они, отсидев всего несколько месяцев, вернулись из тюремных камер в свои рабочие кабинеты как «незаменимые специалисты». До марта 1946 г. из 1390000 поступивших анкет, были оценены 1260 000. В итоге, в американской зоне с общественных должностей было отстранено 139996 человек, из торговли и бизнеса – 68568 человек, то есть 16,5% проанкетированных.

С марта 1946 г. военная администрация американской зоны передала основную работу по денацификации в руки самих немцев. Всего было создано 545 судов по денацификации со штатом 22 тыс. чел. Каждый немец, достигший 18-летнего возраста, должен был, как и в английской зоне, заполнить анкету и попасть в итоге в одну из пяти упомянутых выше категорий. Если виновность была доказана, то суд мог вынести приговор: от денежного штрафа до десяти лет трудовых лагерей.

Суды по денацификации буквально утопали в тоннах анкет, не имея возможности проверить их данные. Причем в качестве свидетелей часто вызывались соседи, друзья или начальники подозреваемого, которые давали ему хорошую характеристику, а затем, когда эти начальники сами проходили проверку, их прежние подчиненные оказывали им подобную же услугу. Процветали доносы, сплетни, интриги. При такой системе крупные преступники довольно легко уходили от наказания. В результате только в Баварии из 163 тыс. активных нацистов лишь 49 понесли серьезные наказания, а из 12 тыс. уволенных учителей-нацистов, в 1949 г. 11 тыс. уже вновь работали в школах.

В интервью газете «Нью-Йорк Таймс» 6 ноября 1946 г. генерал **Л. Клей** признался, что закон о денацификации в американской зоне был «в большей степени приспособлен для того, чтобы вернуть как можно большее число людей на занимаемые ими ранее посты, нежели для того, чтобы наказать виновных». Такая политика «мягкой денацификации» таила опасность, что американская зона может стать убежищем для военных преступников. Но, с другой стороны, прагматичные американцы, привлекая бывших «виртшафтефюреров» к работе и используя их знания, создавали условия для более быстрого восстановления экономики и решения наиболее острых социальных проблем.

¹³ Шульце Х. Указ. Соч. С. 198–199.

Ответственность за проведение денацификации в оккупированных Советской армией частях Германии была возложена с января 1945 г. на «фронтовых уполномоченных» НКВД СССР. Их функцией было брать под арест любых людей, могущих представлять опасность для Советской армии, а также всех прочих подозрительных лиц. Спустя месяц эти меры были расширены. Было приказано отправлять на работу в СССР всех, способных выполнять физическую работу и носить оружие немецких мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Тут советская политика денацификации явно была связана с подготовкой переселения немцев из областей восточнее Одера и Нейсе. До середины апреля 1945 г., по мере продвижения Советской армии, в восточных областях Германии было арестовано 138200 немцев и еще 97500 мобилизовано в качестве рабочей силы. Это значительно больше, чем было интернировано в советской зоне оккупации органами безопасности в течение следующих четырех лет.

В советской зоне по разным данным число активных и номинальных нацистов составляло до 20% населения. Формально денацификацию осуществляли специальные комиссии в землях и провинциях во главе с вице-президентом, с участием известных антифашистов. Всего было создано 262 комиссии, в них было занято более 1,5 тыс. человек. Причем она была в основном завершена еще до издания директивы № 24 СКС, хотя комиссии по денацификации были распущены только в феврале 1948 г., как «выполнившие свои задачи». Очевидно, что под их прикрытием проводилась капитальная «чистка» немецкого общества не только от активных нацистов, но и от всех «неблагонадежных» антифашистов, которые осмеливались критиковать политику СВАГ.

Денацификация в советской зоне была проведена предельно жестко, не в последнюю очередь потому, что проводилась под контролем органов НКВД. Многие бывшие члены и функционеры НСДАП подвергались автоматическому аресту и помещению в спецлагеря НКВД (всего их было создано 10), в качестве мест заключения использовались бывшие нацистские лагеря (Бухенвальд, Заксенхаузен) и тюрьмы (Баутцен). Интернированию по новым данным было подвергнуто 123 тыс. немцев, из которых 17 тыс. было осуждено советскими военными трибуналами (СВТ). Из числа интернированных погибло 44 тыс. человек, депортировано в СССР и Польшу – около 25 тыс. Спецлагеря НКВД были закрыты в феврале 1950 г. Обращает на себя внимание тот факт, что СВТ осуждали только активных «врагов» советской оккупационной власти (часто это были очень молодые люди, которые являлись членами других – не КПГ/СЕПГ – партий), а интернированные нацисты остались без судебных процессов и приговоров.

В ходе денацификации в советской зоне только в 1945–1946 годах от занимаемых должностей в области управления государством и экономикой было отстранено 390478 человек – больше, чем в любой другой оккупационной зоне Германии. Всего же в ее результате было удалено со своих постов на предприятиях и в организациях около 520 тыс. человек. Собственность бывших видных нацистов была конфискована и передана немецким органам управления.

Как видно, в западных зонах денацификация была проведена гораздо более либеральными методами, чем в советской, что дает основания ряду авторов и сегодня писать о ней, как о «революции на бумаге», о ее «срыве» или даже о превращении ее в «фарс». Процедуру денацификации прошли миллионы немцев, аресту во всех трех зонах было подвергнуто около 245 тыс. человек, но 100 тыс. из них после проверки личных дел уже в 1947 г. вышли на свободу. И только 9 тыс. бывших активных нацистов были приговорены к тюремному заключению, обычно кратковременному. Это не вызывает большого удивления, ведь примерно 60% судей и 76% прокуроров в судах по денацификации западных зон сами были в прошлом членами НСДАП.

«УБИЙЦЫ СРЕДИ НАС»

Это первый послевоенный немецкий фильм режиссера Вольфганга Штаудте был создан на получившей советскую лицензию киностудии ДЕФА. Фильм ставил этические вопросы обхождения с военными преступниками и рассказывал далеко не все. На самом деле в трех западных зонах, включая и осужденных Международным военным трибуналом в Нюрнберге, было осуждено 5025 человек за военные преступления и преступления против человечности. Было приведено в исполнение 486 смертных приговоров. В советской оккупационной зоне число осужденных, наказание которых зачастую выходило за пределы правового пространства, оценивается в 45 тыс. Общее число осужденных за границей за нацистские преступления составило около 60 тыс.

Взято из: Шульце Х. Указ. соч. С 199.

Большинство из осужденных, отбывших свой срок наказания (или выпущенных досрочно), вновь вернулись в руководство экономикой, в систему государственного управления, образования и юстиции. Так, руководителем всей экономики английской зоны стал текстильный

магнат А. Фровейн, который был приближенным нацистского министра вооружений А. Шпеера; крупнейший банкир Г. Абс, приговоренный в 1945 г. за соучастие в нацистских преступлениях к 15 годам, просидел в тюрьме всего 3 месяца и был назначен советником британской оккупационной администрации по финансовой политике и т.д.

К **Нюрнбергским процессам** против главных военных преступников многие немцы отнеслись с определенным пониманием, хотя при господствующих тогда голоде и нищете оставались довольно равнодушными к обнародованию нацистских зверств. Но когда началось осуждение сотен тысяч мелких и средних нацистов «комиссиями по денацификации», укомплектованными преимущественно немцами, это вызвало протест и непонимание. А осужденные этими «комиссиями» люди в большинстве своем считали, что с ними поступили несправедливо и отнюдь не становились благодаря этому демократами.

Несправедливость заключалась и в том, что тяжкие преступления стали рассматриваться гораздо позднее мелких, а это вело к тому, что более крупным нацистам или удалось бежать (в Испанию, Португалию, Латинскую Америку), или получить гораздо более мягкий приговор, чем осужденные ранее мелкие нацисты. В итоге такой денацификации у многих немцев (да и за рубежом) складывалось впечатление, что национал-социализм был делом рук только фюрера и его ближайшего окружения, а отнюдь не миллионов «добровольных подручных» Гитлера – людей, которые не только следовали за ним, но и были соучастниками больших и малых преступлений. Здесь надо подчеркнуть, что если при проведении персональной денацификации было много путаницы, неразберихи, несправедливых приговоров и т.д., то государственная денацификация – ликвидация НСДАП, нацистских организаций и ведомств, нацистских законов и т.д. – была проведена во всех трех западных зонах практически одновременно и в духе решений, принятых в Потсдаме.

В отличие от западных зон, где «мягкая денацификация» не позволила провести четкую разделительную черту с прошлым и где при формировании немецких органов власти много бывших членов НСДАП снова сумели занять свои прежние должности, в советской зоне чистка была проведена гораздо глубже и первоначальное «преодоление прошлого» оказалось гораздо более однозначным. СВАГ серьезно подошла к полному устранению национал-социалистов из политической и общественной жизни. Побочная же цель этих чисток заключалась в том, чтобы поставить на важные посты в органах управления, особенно в полиции и юстиции, коммунистов или левых социал-демократов.

У СВАГ были и прагматические соображения: в случае надобности она привлекала на службу бывших специалистов нацистской Германии. Надо отметить, что немало бывших членов НСДАП смогли доказать свою лояльность к коммунистической системе и занять впоследствии в ГДР высокие государственные и партийные посты, а правящую в ГДР Социалистическую единую партию Германии стали называть втихомолку «партией мелких нацистов».

Нюрнбергский процесс. Большую роль в деле денацификации и демократизации Германии должен был сыграть Нюрнбергский процесс над главными военными нацистскими преступниками. Согласно договоренности в Потсдаме, государства – участники антигитлеровской коалиции подписали соглашение об учреждении **Международного военного трибунала (МВТ)** для суда над главными гитлеровскими военными преступниками. Местом проведения суда был избран город Нюрнберг.

«Через две недели, отмечает **Н.В. Павлов**, после полной и безоговорочной капитуляции германской армии/последнее нацистское правительство во главе с гросс-адмиралом Дёницем было арестовано. Мир ждал реализации решений Потсдамской конференции в плане денацификации (следует напомнить, что около 8,5 млн. немцев были членами НСДАП), демилитаризации и декартелизации Германии, а также воспитания немцев в демократическом духе и наказания главных нацистских преступников и преступных организаций. Они предстали перед Международным Нюрнбергским трибуналом по обвинению в преступлениях против мира и человечности 20 ноября 1945 г., и 1 октября 1946 г. 12 высших представителей рейха были приговорены к смертной казни, 7 – к длительным срокам заключения, 3 были оправданы, а такие организации, как НСДАП, гестапо, СД, СА, СС, германское правительство и верховное командование вермахта – запрещены»¹⁴.

Заседания МВТ открылись 20 ноября 1945 г. Во вступительной речи главного обвинителя от США **Роберта Хауэра Джексона** (1892–1954) было сказано: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся». Главный обвинитель от СССР **Роман Андреевич Руденко** (1907–1981) завершил свою речь знаменательными словами: «Пусть же свершится правосудие!»¹⁵.

Заседания трибунала продолжались до 1 октября 1946 г. Суду были преданы 24 оставшиеся в живых нацистских главаря: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, Р. Лей, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер,

¹⁴ Цит. По: Павлов Н.В. Указ. соч. с. 157.

¹⁵ См.: История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 317–318.

А. Розенберг, Х. Франк, В. Фрик, Ю. Штрайхер, В. Функ, Я. Шахт, Г. Крупп, К. Дёйиц, Э. Редер, Б. фон Ширах, Ф. Заукель, А. Йодль, Ф. Папен, А. Зейсс-Инкварт, А. Шпеер, К. фон Нейрат, Х. Фриче и М. Борман (заочно)¹⁶. Фактически на скамье подсудимых оказался 21 человек, так как Лей покончил жизнь самоубийством, дело Крупна из-за его болезни было приостановлено, а Бормана не удалось арестовать.

Всего состоялось 403 открытых судебных заседания МВТ. Было допрошено 116 свидетелей и 19 подсудимых. Суд изучил несколько тысяч документов, большинство из которых было в свое время составлено или подписано самими подсудимыми. Стенографический отчет процесса составил 16 тысяч страниц. Перед трибуналом как бы вновь прошла омерзительная история национал-социализма от его зарождения до краха. Все собранные факты и свидетельские показания неопровержимо доказывали вину подсудимых.

Согласно обвинительному заключению, им вменялось в вину совершение преступлений против мира путем подготовки и ведения агрессивных войн, военных преступлений и преступлений против человечности. По настоянию советских обвинителей на рассмотрение трибунала был вынесен вопрос о преступности таких организаций Третьего рейха, как имперский кабинет (правительство), руководящий состав нацистской партии, СС, СА, СД, гестапо, генеральный штаб, верховное командование и др. По представителю западных стран полностью с этим списком не согласился. От имени всего человечества **Международный военный трибунал**, основываясь на неопровержимых доказательствах, на тысячах документов, на потрясающих свидетельствах, объявил гестапо, СС, СД и руководящий состав нацистской партии преступными организациями. Советский судья в особом мнении заявил несогласие с тем, что суд не квалифицировал подобным же образом деятельность германского имперского правительства, верховного военного командования и генерального штаба.

Двадцатого ноября 1945 г. в Нюрнберге – городе, где нацисты устраивали свои партийные съезды, пишет Х. Шульце, военный трибунал союзников начал судебный процесс над главными немецкими нацистскими преступниками. Даже если юридические основы этого судопроизводства были и до сих пор остаются спорными, следует обратить внимание на тот факт, что для осуждения большей части тех, кто сидел на скамье подсудимых, было бы вполне достаточно обычных норм немецкого уголовного права. Нюрнбергский трибунал сделал достоянием широкой общественности преступления, которые совершались немцами во время войны и в лагерях смерти. На этот раз, что и стало дол-

¹⁶ .: История Германии / под ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Т. 2. С. 318.

говременным целительным последствием Нюрнбергского процесса, путь к бегству от правды с помощью легенд о «предательстве» и «ударе кинжалом в спину», как это произошло после Первой мировой войны, был немцам отрезан¹⁷.

Международный военный трибунал в Нюрнберге признал преступными не только нацистских главарей, но и методы, которые использовались нацистами: применение рабского труда, злодеяния концлагерей. Трибунал приговорил к смертной казни через повешение 12 человек: Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, Франка, Фрика, Штрайхера, Заукеля, Йодля, Зейс-Инкварта и Бормана (заочно). 3 человека были приговорены к пожизненному заключению: Гесс, Функ и Редер. 2 подсудимых – Ширах и Шпеер – были приговорены к 20 годам; Нейрат – к 15 и Дёниц – к 10 годам тюремного заключения. Суд оправдал (несмотря на протесты советского судьи) главу Рейхсбанка Шахта, видного нацистского дипломата фон Папена и ближайшего сотрудника Геббельса Фриче. Нюрнбергский процесс был **первым в истории международным судом** над группой преступников, завладевших целым государством и сделавших самое государство орудием чудовищных преступлений. Это был первый в истории человечества суд над агрессорами, над военными преступниками. Он стал важным прецедентом международного права.

Исследователи Нюрнберга отмечают, во-первых, что суд был продиктован не столько мстью, сколько помыслами о политическом и нравственном здоровье немецкой нации, ибо через национальное покаяние суд способствовал и национальному примирению немцев. Зло было названо злом, и в Германии стал и восстанавливаться разрушенные нацизмом критерии истины и лжи, добра и зла. Во-вторых, суд (как часть политики денацификации и демократизации) способствовал возвращению Германии в сферу европейских демократических традиций. В-третьих, при подготовке и проведении процесса возник ряд коллизий, которые вызвали споры как относительно правомочности четырех держав-победительниц устраивать такой суд, так и о справедливости его приговора. Здесь называются такие, например, факты:

- устав суда был утвержден 8 августа 1945 г – через два дня после атомной бомбардировки американцами Хиросимы (75 тысяч мирных жителей погибли мгновенно). Не случайно Герингу даже не предъявили обвинения в бомбардировках Варшавы, Белграда, Роттердама, Лондона и Ковентри:

- довольно кощунственно выглядело то, что люди, ответственные за ГУЛАГ, судили тех, кто был обвинен в ужасах Освенцима, а работу

¹⁷ Цит. По: Шульце Х. Указ. соч. С. 198.

советских представителей в Нюрнберге инспектировал А. Я. Вышинский – кровавый обвинитель на Московских процессах 1930-х годов;

– на момент свершения преступлений, в которых обвинялись подсудимые (против мира, человечности и т. п.) отсутствовал закон, предусматривавший наказание за них, а СССР к тому времени не признал международных конвенций, на которые сослался суд;

– наконец, суд проходил в городе, где американские и английские бомбы почти полностью разрушили церкви, школы, больницы, жилые дома, где голодные люди ютились в подвалах, а под руинами еще лежали трупы погибших.

Но в целом это был **справедливый процесс**: подсудимых не ограничивали в свободе высказываний, у них были немецкие адвокаты (из их числа каждый четвертый был членом НСДАП), неподтвержденные пункты обвинения снимались с повестки дня. И главное: при вынесении приговоров суд принимал во внимание только те преступления, которые были наказуемы в соответствии с германским уголовным кодексом, а в нем была предусмотрена смертная казнь. Нюрнбергский процесс стал одной из последних и ярких страниц истории антигитлеровской коалиции.

Джон Вудс, профессиональный палач из Сан-Антонио (Калифорния), который к тому времени уже повесил более трех сотен преступников и которому незадолго до окончания процесса было срочно присвоено сержантское звание, и его помощник, служащий военной полиции **Иосиф Мальте**, в ночь на 16 октября 1946 года в спортзале Нюрнбергской тюрьмы повесили Иоахима фон Риббентропа, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Фрица Заукеля, Альфреда Иодля, Артура Зейсс-Инкварт.

После казни, а на нее ушло три часа, тела были осмотрены и сфотографированы. Их завернули в матрацы и в последней одежде, с веревками, на которых преступников повесили, положили в гробы. То же сделали и с телом Принта, за два часа до казни разгрызшего ампулу с ядом. Кто ее передал, так и осталось тайной. В четыре утра гробы погрузили на грузовики, накрыли брезентом и в сопровождении военного эскорта доставили в Мюнхен. Там тела кремировали (причем рабочие крематория не знали, кого отправляют в печь), а пепел развеяли над рекой Изар, дабы не создавать мест поминовения.

К такому финалу суд шел почти 11 месяцев. Сами слушания длились 218 дней. Было проведено 403 заседания, рассмотрено более трех тысяч подлинных документов, допрошено более 200 свидетелей. Около 500 свидетелей из оккупированных стран было допрошено вы-

ездными комиссиями. Всего к делу приобщили свыше 300 тысяч письменных показаний, а также материалы, обнаруженные союзниками в армейских штабах, правительственных зданиях, ведомственных архивах рейха. Было израсходовано 200 тонн бумаги, 27 тысяч метров звуковой пленки, написано свыше 50 миллионов страниц печатного материала, изготовлено свыше 30 тысяч фотокопий документов, просмотрены сотни километров пленки. В зал заседаний было выписано 60 тысяч пропусков. 250 из 350 мест занимала пресса¹⁸.

Не все подсудимые были казнены. Пожизненная тюрьма ждала Рудольфа Гесса, Эриха Редера и Вальтера Функа, 20-летняя – Бальдура Шираха и Альберта Шпеера; Константину фон Нейрату определили 15 лет, Карлу Деницу – десять. А трое получили свободу: Ганса Фриче, Франца фон Папена, Ялмара Шахта оправдали. На суде отсутствовали М. Борман (бесследно исчез), Р. Лей (самоубийство) и Г. Крупп (неизлечимая болезнь). Кем были все подсудимые в Третьем рейхе, можно прочесть в любом справочнике. Это была элита режима.

Первая попытка судить немецких военных преступников была предпринята после Первой мировой войны. В Версальском договоре (ст. 227–229) говорилось о привлечении германской военной верхушки к суду за «нарушение законов и обычаев ведения войны». Выдвинуты были обвинения и против самого кайзера. Однако Голландия, где нашел убежище Вильгельм II, отказалась выдавать монарха. В результате лишь 17 из упомянутых в договоре 890 человек было привлечено к суду в Лейпциге. И лишь семеро получили тюремные сроки. Причем довольно мягкие.

Еще в ходе Второй мировой войны СССР не раз поднимал вопрос о будущем суде над **преступным режимом**. Говорили об этом и союзники. В заявлении советского правительства от 14 октября 1942 года главными преступниками были названы Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг. Но уже в Указе Президиума Верховного Совета от 2 ноября 1942 года в этот разряд зачислялись все гитлеровское правительство и командование германской армии. Советское правительство неоднократно заявляло и об ответственности германских промышленников.

Для расследования нацистских злодеяний в ноябре 1942 года была создана Чрезвычайная госкомиссия во главе с **Н. Шверником**. В нее входили, в частности, А. Жданов, академики Е. Тарле, Н. Бурденко, Т. Лысенко, писатель А. Толстой, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). Комиссия собрала огромный обвинительный материал – почти 55 тысяч актов и 250 тысяч опросов. К будущему

¹⁸ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 22.

му процессу готовились даже в самые трудные дни войны. В этом тоже отражалась реальная вера в победу.

Интересно, что союзники поначалу о суде не думали. В марте 1943 года госсекретарь США **К. Хэлл** заявил, что предпочел бы «расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство». Черчилль в Ялте также предложил расстрелять руководство рейха по списку (такое же решение он предлагал Рузвельту еще на Квебекской конференции в 1944 году). В Ялте на вопрос У. Черчилля, какова должна быть процедура суда: юридическая или политическая, Ф. Рузвельт заявил, что процедура не должна быть «максимально юридической». Черчилль считал, что суд над главными преступниками должен быть «политическим, а не юридическим актом»¹⁹.

Еще 23 апреля 1945 года в британском послании президенту США отмечалось, что «казнь без суда более предпочтительна». И только 2 мая на совещании министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции в Сан-Франциско Англия дала согласие на процесс. 26 июня 1945 года в Вестминстере состоялось первое заседание Лондонской конференции по созданию **Международного военного трибунала**, на которой в течение шести недель и был разработан его устав. Он объединил, казалось, несовместимое: положения англо-американского, континентального и советского права. Решающую роль в этом сыграли работы советского правоведа **Арона Трайнина**, представлявшего на конференции СССР: именно они дали западным юристам основу для определения агрессии как международного преступления.

Из 21 подсудимого 20 не желали признавать содеянного (признал лишь министр вооружений Альберт Шпеер). Им выделили 27 немецких адвокатов (некоторые были членами NSDAP), которым, кстати, платили огромные по тем временам деньги. Адвокатам помогали 54 юриста, 67 секретарей. Всем подсудимым дали возможность ознакомиться со всеми документами, причем в переводе на немецкий язык. Был организован синхронный перевод на четыре языка всего, что говорилось на процессе. Подсудимые могли представлять свидетелей: их число, кстати, было в два раза больше, чем у прокуроров. На защиту было потрачено в три раза больше времени, чем на обвинение. Достаточно сказать, что только **Г. Геринг** выступал на процессе почти два дня. Защищаясь, подсудимые (особенно Геринг и Гесс) выдвигали аргументы, которые если не отводили от них ответственность полностью, то хотя бы частично делили ее с победителями.

А потому союзники еще до начала слушаний договорились (кстати, не по инициативе СССР!), какие именно исторические эпизоды не под-

¹⁹ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 22.

лежат рассмотрению. В частности, англичане не хотели поднимать вопрос о перелете **Р. Гесса** (документы об этом засекречены до сих пор), о варварских бомбардировках немецких городов (это к вопросу об «обычаях ведения войны»!), о мюнхенском сговоре. Французы – о правительстве Виши, французских эсэсовцах и их карательных акциях. Американцы – о перевооружении Германии и инвестициях в ее экономику.

У Советского Союза был свой список запретного. Это и подготовка немецких летчиков, и довоенные соглашения Москвы и Берлина, и события в Прибалтике, и советско-польские отношения, и территориальные претензии СССР. А самое главное – общественно-политическое устройство Страны Советов, что могло вызвать нежелательные дискуссии.

Главный обвинитель от США **Роберт Джексон** заявил: «Я полагаю, что этот процесс, если на нем будут допущены дискуссии о политических и экономических причинах возникновения войны, может принести неисчислимый вред как Европе... так и Америке».

Несмотря на точное следование юридическим нормам, на процессе не только не рассматривалась, но даже не упоминалась причастность к мировой катастрофе целой группы лиц и организаций. Спорные, а порой и недостоверные факты принимались по предварительной договоренности на веру, в то время как многие очевидные вовсе не принимались во внимание.

В этом смысле показателен факт привлечения к суду и последующая казнь генерал-полковника **А. Йодля** (именно он подписал капитуляцию Германии в Реймсе). Этот сугубый штабист не отвечал непосредственно за те зверства, которые творил вермахт во время боевых действий. Вермахт, кстати, вообще не был признан преступной организацией. А вот **Э. Манштейн** или **Г. фон Рундштедт**, отдававшие людоедские приказы о расправе над мирным населением на Восточном фронте, избежали петли. (Манштейн в конце жизни работал советником канцлера Аденауэра по военным вопросам.)²⁰. Уже потом стало известно, что и фельдмаршал **В. Кейтель**, и генерал **А. Йодль** на допросах утверждали, будто СССР готовился нанести первым удар по рейху и что война была «превентивной». Кстати, Йодль на последующем процессе в 1953 году был оправдан.

Или еще пример. Заместитель Геббельса **В. Фриче**, отвечавший за радиовещание, вышел невиновным, а его подчиненный, ведущий передач на английском языке Уильям Джойс по прозвищу Лорд Хау-Хау («гав-гав» по-английски), был в январе повешен британцами за измену, хотя давно уже не был подданным его величества.

²⁰ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 22.

В Кремле к предстоящему суду относились как к чрезвычайно серьезному политическому акту. Для его организации и проведения была создана сверхсекретная правительственная комиссия. Номинально ее возглавлял **В. Молотов**. Но реально – его заместитель А. Вышинский. А потому комиссию так и называли «Комиссия Вышинского» (как и значится в архивной описи советского Нюрнбергского фонда). В нее входили председатель Верховного суда И. Голяков, прокурор СССР К. Горшенин, министр юстиции Н. Рычков, глава НКГБ В. Меркулов, его заместитель Б. Кобулов, начальник СМЕРШ В. Абакумов. Вместе с прокурорами в Нюрнберге трудилась чекистская следственная бригада во главе с полковником М. Лихачевым (расстрелян в 1954 году вместе с В. Абакумовым). Она отвечала «за контроль», «за подготовку свидетелей», «за оперативное обеспечение».

А.Я. Вышинский был рукой и глазами Сталина на процессе. Только в 1945 году он согласно журналу посещений вождя был у него 60 раз. Андрей Януарьевич реально влиял на ход трибунала. Здесь работала его креатура: И. Никитченко (бывший зампред Военной коллегии Верховного суда, а тогда судья трибунала от СССР), Л. Шейнин и Н. Зоря (помощники главного советского обвинителя Р. Руденко), заместитель обвинителя Ю. Покровский, прокуроры-дознаватели Л. Смирнов (будущий обвинитель на Токийском процессе) и М. Ратинский, эксперт С. Розенблит, то есть те, кто в Прокуратуре СССР громил «врагов народа» в конце 1930-х.

Одной из задач Вышинского было не допустить затягивания процесса. Об этом обвинители договорились также заранее. Вот что писал 6 апреля 1945 года лорд-канцлер Великобритании Джеффри Саймон: «Я обеспокоен перспективой длительного процесса, в ходе которого будут обсуждаться разного рода вопросы – юридические и исторические, могущие привести к существенным противоречиям и спорам в мире и непредвиденной реакции». Вышинскому было что «корректировать».

Щекотливым был вопрос о «внезапности» нападения на СССР. И Кейтель, и Йодль, и даже привезенный инкогнито Ф. Паулюс подтверждали, что Гитлер тщательно готовился к войне против СССР и советская разведка не могла об этом не знать. Или вот цитата из советского обвинения: «...гитлеровские заговорщики (пункт обвинения «заговор против мира» в соответствии с детально разработанным планом начали осуществлять разрушение городов и сел, уничтожение фабрик и заводов, колхозов и совхозов, электростанций и железных дорог»²¹. Но был и приказ Сталина о «выжженной земле». О взрыве тех же заводов и шахт, разрушении домов крестьян, чтобы оккупантам негде было ночевать. Об этом также говорили адвокаты подсудимых.

²¹ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 23.

А неупоминание евреев как главной жертвы гитлеровской истребительной политики (хотя И. Эренбург и В. Гроссман собрали к тому времени огромный материал для «Черной книги»)? В советских документах, как правило, использовался термин «мирные граждане» или «советские люди». Кроме сугубо внутренних причин, в частности, набирающего силу антисемитизма (достаточно сказать, что Н. Хрущев, возглавив Украину, препятствовал евреям возвращаться в оставленные квартиры, занятые во время оккупации украинцами), были еще и внешнеполитические. Словом, много противоречивого. Но и время было противоречивое. Да и число погибших в СССР умышленно преуменьшалось, дабы оно не входило в противоречие с названной Сталиным общей цифрой потерь – семь миллионов человек. Таким образом, принижался и размах Холокоста на оккупированных территориях.

Настоящей бомбой стал раздобытый защитником Р. Гесса А. Зайделем аффидевит (заверенные письменные показания) бывшего заведующего юридическим отделом МИД Германии в ранге посла Ф. Гаусса о содержании секретного протокола пакта Молотова – Риббентропа. Главному обвинителю от СССР Р. Руденко и его помощнику Н. Зоре, который отвечал за это «направление», не удалось предотвратить допрос бывшего 1-го зама И. Риббентропа Эриха фон Вайцзеккера, который подтвердил показания Гаусса. Рассказал о содержании протокола и сам Риббентроп. В результате Зайдель потребовал допросить свидетеля... В.М. Молотова и обвинил СССР в совместном с Германией развязывании войны против Польши. Трибунал по договоренности не допустил включения этих обвинений в стенограмму процесса.

Одна драматическая деталь. На следующий день после показаний Вайцзеккера и Риббентропа прокурора **Николая Зору**, который, кстати, проводил допросы и по «катынскому делу» (его тоже исключили из обвинения), нашли мертвым в номере гостиницы. По версии чекистов, он случайно выстрелил себе в висок, когда «чистил оружие». Пулю не нашли. Вскрытия не было. Семье объявили, что это было самоубийство²².

Почему же Сталин все же пошел на проведение суда, несмотря на возможные риски? Ведь процесс мог развалиться уже после фultonской речи Черчилля 3 марта 1946 года. Только ли из-за пристрастия к судебным зрелищам? Тут уместно вспомнить его слова из заявления 23 февраля 1942 года: «гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается». Этим многое сказано.

Думается, что в то время Сталину нужна была также некая юридическая грамота, гласящая, что только государство такого типа, как нацистская Германия, является преступным государством. Недаром прокурор

²² См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 23.

Руденко во вступительной речи заявил, что «это первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений».

Принципы устава и приговора суда были подтверждены 11 декабря 1946 года Генеральной Ассамблеей ООН и с этого момента стали общепризнанными нормами международного права. Многие западные юристы до сих пор называют процесс **«правосудием победителей»**. А когда, собственно, было иначе? Трибунал в Нюрнберге – не победа права, а победа правды. Разгромив в моральном и политическом плане нацистскую систему, суд внес гигантский вклад в развенчание тоталитаризма как идеологии и как человеконенавистнической практики. И теперь слово «нацист» по отношению к любому индивидууму звучит как приговор.

Для тех нацистских преступников, кто избежал виселицы по Нюрнбергскому трибуналу, новым домом на три десятилетия стала Межсоюзная тюрьма **Шпандау**. Располагалась она в 1947–1987 годах на территории британского сектора Берлина. Именно здесь за тремя стенами (в том числе с электроизгородью) отбывали наказание 7 военных преступников, хотя сама тюрьма была рассчитана на 600 человек. Содержание бесславной семерки обходилось союзникам ежегодно в миллион долларов.

«Постояльцами» Шпандау были Бальдур фон Ширах, Карл Дениц, барон Константин фон Нейрат, Эрих Редер, Альберт Шпеер, Вальтер Функ и Рудольф Гесс. Охрану тюрьмы в течение года осуществляли представители каждой из четырех стран-союзниц – по месяцу²³. Календарный год начинали британские военнослужащие, в феврале эстафету перенимали французские, в марте – советские, затем – американские. А потом все повторялось.

40 лет назад шефом караульной службы Шпандау от Вооруженных Сил СССР стал старший лейтенант из органов КГБ **Пименов**. Сегодня Лев Васильевич – советник председателя Белорусской федерации бокса. Он хорошо помнит «узника № 7» – самого горделивого и ленивого заключенного Рудольфа Гесса. Третье лицо в иерархии Третьего рейха, партийного заместителя фюрера. В 1941-м в одиночку Гесс перелетел в Великобританию, дабы убедить британцев заключить мир с нацистской Германией. И попал в плен. С тех пор на свободе гитлеровский наместник не находился ни единого дня. А вот раскаивался ли?

– Звериный взгляд его темных глаз помню до сих пор, – вспоминал в разговоре с журналистом «НГ» полковник в отставке Лев Пименов. – И все же с заключенными победители обходились гуманно.

²³ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 23.

У Гесса были личный повар, возможность заказа тех или иных блюд. Единственное, чего он ни разу не просил, что удивительно для немца, – это пиво и вино. Хотя нет, один случай был: в канун Рождества, когда охранную службу несли американцы, Гёссу была приготовлена жирная рождественская индейка. После нее он и попросил пива. Но не получил.

Рассекреченные около десяти лет назад документы свидетельствуют, что Великобритания долго и безуспешно пыталась освободить Рудольфа Гесса. Это предложение поддержали американский президент Ричард Никсон, а также правительства ФРГ и Франции. Но советская «Правда» была беспощадной: «Совесть народа требует, чтобы гитлеровский приспешник Гесс был наказан сполна». 17 августа 1987 года он был обнаружен мертвым в проволочной петле в беседке на территории тюрьмы. А пять лет назад так и не освобожденный «узник № 7» лишился и своей могилы. После того как потомки Гесса дали согласие на его эксгумацию, последнее пристанище нациста на кладбище города Вунзидель было вскрыто, останки кремированы, а прах развеян над озером²⁴.

Планируя создание Международного военного трибунала и проведение международного судебного процесса над главными нацистскими военными преступниками, державы антигитлеровской коалиции руководствовались принципами неотвратимости ответственности и наказания всех нацистских преступников, виновных в массовых злодеяниях.

Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории прецедентом осуждения преступлений государственного масштаба, когда перед судом предстали представители государственной власти (высшие политические и военные руководители), сделавшие целое государство с его учреждениями, структурами, карательными органами, идеологией и пропагандистской машиной орудием своих чудовищных преступлений.

Став уникальной международной судебной структурой, Нюрнбергский трибунал, как и принятые им решения, выводы и квалификационные определения, имел весомый прецедентный характер. Его историческая миссия заключалась в осуществлении правосудия в отношении главных инициаторов и виновников фашистских злодеяний.

Нюрнбергский трибунал стал первым в новейшей истории примером международного правосудия, когда военные преступления, преступления против человечности были признаны подсудными не только национальному суду, но и специальному международному суду, организованному в соответствии с международно-правовыми договорами²⁵.

²⁴ См.: Скелеты из нюрнбергских шкафов // Народная газета. 2016. № 41. 14 кастрычніка. С. 23.

²⁵ См.: Мельникова О. Нюрнбергский трибунал – уроки для современности // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 203–204.

Аналогичные процессы прошли и в других зонах оккупации. Наиболее важное значение имели 12 процессов, проведенных американцами в Нюрнберге в 1946-1948 гг. над руководителями фирм «ИГ Фарбениндустри», Круппа и Флика; над министрами гитлеровского правительства, генералами вермахта, эсэсовцами, врачами концлагерей, нацистскими дипломатами и юристами. Из 177 обвиняемых 36 были приговорены к смертной казни, 35 оправданы; остальные были осуждены к различным (преимущественно небольшим) срокам.

В целом денацификация все-таки стала успехом, потому что главные преступники действительно были исключены из общественной жизни, арестованы и осуждены. Но, как справедливо подчеркивают современные немецкие исследователи (**Б. Бонвеч** и др.), в смысле внедрения в сознание немцев чувства «соответственности» за преступления и злодеяния Третьего Рейха, денацификация такого успеха не имела ни в западных, ни в советской зоне оккупации, хотя «антифашизм» и был там официальной политикой.

Областью, где сотрудничество, отметил **А.Ю. Ватлин**, четырех держав было длительным и достаточно конструктивным являлась политика денацификации, имевшая двойную цель: наказание главарей и перевоспитание попутчиков нацистского режима. Решениями СКС были распущены все организации НСДАП, ее членам и функционерам запрещалось занимать государственные посты, самые активные из них подвергались интернированию (в 1945 г. в четырех зонах оккупации было арестовано 270 тыс. лиц с нацистским прошлым) и ожидали суда. Для населения, утверждавшего, что оно ничего не знало о преступлениях гитлеровского режима, проводились принудительные экскурсии в концлагеря. Неамериканской зоне началось сплошное анкетирование взрослого населения, призванное облегчить процесс поиска функционеров НСДАП. Показательный характер имел Нюрнбергский судебный процесс (открыт 20 ноября 1945 г.), впервые в юридической практике выдвинувший обвинение в «преступлениях против мира и человечества». На скамье подсудимых находилось 22 человека, включая Геринга, Гесса, министров гитлеровского правительства Риббентропа, Фрика, Шпеера, Папена, военачальников Кейтеля и Деница. Он завершился 16 октября 1946 г. казнью главных обвиняемых. Позже в Нюрнберге состоялось еще 12 процессов, каждый из которых вскрывал ту или иную сторону страшной повседневности нацистского режима. Значительное количество высших чинов вермахта и СС было подвергнуто суду в странах Восточной и Западной Европы, там, где они творили свои преступные деяния²⁶.

²⁶ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 134–135.

Демилитаризация. Союзники рассматривали демилитаризацию как широкий комплекс мер: роспуск всех немецких военных формирований и демобилизация солдат и офицеров; ликвидация всех военных сооружений; демонтаж предприятий военной промышленности; запрет на изготовление оружия и боеприпасов, на строительство самолетов и морских судов; ограничение производства металлов, химикатов, продукции машиностроения; искоренение милитаристских традиций и т.д.

По предложению СССР на Московской сессии Совета министров иностранных дел (март–апрель 1947 г.) было рассмотрено положение дел с демилитаризацией Германии. Министры западных держав признали, что разрушение военных сооружений и демонтаж военных заводов в их зонах производятся медленно. Союзному Контрольному Совету была дана директива завершить работы по демилитаризации в кратчайшие сроки.

Но эта директива не была претворена в жизнь. В докладах главнокомандующих четырех зон Контрольному совету о положении дел на 1 декабря 1947 г. подчеркивалось, что в американской зоне из 186 подземных военных заводов, складов и мастерских сохранялось 161. Не разрушенными оставались 162 долговременных фортификационных сооружения. В английской зоне не были уничтожены 158 зенитных установок и 860 долговременных фортификационных сооружений. В том же докладе отмечалось, что в советской зоне работы по уничтожению немецких военных сооружений, объектов и материалов полностью закончены; что 99,1 % военных объектов, сооружений и материалов уничтожены; что все военные и полувоеенные организации распущены, хотя там секретно и сохранялись некоторые подземные военные объекты.

В западных зонах несвоевременно были выполнены и Потсдамские решения, касающиеся запрещения всех видов милитаристской деятельности и организаций. Поэтому на заседаниях СКС. сессиях СМВД советские представители постоянно говорили о фактах «саботажа» согласованных мероприятий по демилитаризации со стороны правительств США, Англии и Франции.

Так, 26 ноября 1945 г. на заседании СКС советский представитель огласил меморандум, в котором сообщалось, что в английской зоне из частей гитлеровского вермахта была сформирована армейская группа «Норд» численностью свыше 100 тыс. человек; что на территории земли Шлезвиг–Гольштейн находилось около миллиона немецких солдат и офицеров, не переведенных на положение военнопленных, и даже занимавшихся военной подготовкой. Английские представители не отрицали этих фактов и обещали Контрольному совету распустить названные части к 31 января 1946 г.

В американской зоне крупные формирования из немецких военнослужащих насчитывали 580 тыс. человек; во французской – до 35 тыс. человек. Западные оккупационные власти продолжали сохранять немецкие военные соединения под видом «промышленной полиции», «рабочих батальонов», «рот охраны», «немецких служебных групп» и т.п. По официальным американским и английским данным численность только «служебных групп» и «рабочих батальонов» в их зонах превышала в середине 1946 г. 150 тыс. человек. Такая политика была продиктована логикой все сильнее разворачивавшейся «холодной войны».

Директива СКС № 39 от 2 октября 1946 г. требовала ликвидации военного потенциала Германии. В советской зоне до 1948 г. было демонтировано более 3 тыс. предприятий. Но в американской и английской зонах было полностью ликвидировано только 7% военных предприятий, а во французской – лишь 6%. Большинство оставшихся в целости заводов было переведено на выпуск мирной продукции. Они и создали через несколько лет основу экономического взлета Западной Германии.

Осуществлялось и научно-техническое разоружение Германии. Американцы в 1946 г. осуществили массовый вывоз ведущих немецких ученых и конструкторов в области атомной физики, самолето- и ракетостроения, химической индустрии, машиностроения, а также науки немецкой индустрии. Немецкие специалисты получили в лабораториях научных центров и на предприятиях США хорошие должности с хорошими окладами. Этот «принцип пылесоса» для получения немецкого знания в области индустрии и науки использовало и советское руководство: из Восточной Германии в СССР за период 1945–1947 гг. были тайно и насильственно вывезены сотни немецких специалистов, имевших отношение к области вооружений, а также большое количество научного оборудования. Многие из этих специалистов до 1954–1955 гг. работали в секретных центрах под Сухуми, Челябинском и др. над осуществлением атомных проектов СССР.

Критика западных союзников за «саботаж» демилитаризации не мешала советскому руководству тайно использовать немецкий военный потенциал для производства оружия, в том числе атомного: до начала 1950-х годов строго засекреченный комбинат «Висмут», находившийся в советской зоне, был крупнейшим европейским производителем урана.

Точные размеры вывезенного странами-победительницами из побежденных стран установить трудно. Порой на основе трофейных технологий вырастали целые отрасли. Так, производство баллистических ракет и в США, и в СССР возникло при непосредственном участии «трофейных» немецких инженеров на основе разработок немецкой ракеты Фау-2 (со-

ветский аналог получил название Р-1, за которым последовали Р-2, Р-3 и так далее до знаменитой межконтинентальной Р-7).

Количество промышленных предприятий в Европе, демонтированных и вывезенных в СССР с марта 1945-го по март 1946 г.

Страны	Число предприятий
Германия	2885
Польша (Силезия)	1137
Австрия	206
Чехословакия	54
Венгрия	11
Всего:	4293

(Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994. С. 22–23.)

Впрочем, победители увозили не только станки. В течение 1945 г. на основании официальных распоряжений Государственного Комитета Оборона и Совнаркома в СССР было отправлено:

60149	роялей, пианино и фисгармоний
458612	радиоприемников
188071	ковер
941605	предметов мебели
264441	настенные и настольные часы
3338348	пар гражданской обуви
1203169	женских и мужских пальто
2546919	платьев
4618631	предмет белья
1052503	головных убора
588	вагонов посуды, преимущественно фарфоровой

(Кнышевский П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М., 1994. С. 20.)

Ну и разумеется, огромную ценность в голодное послевоенное время представляло продовольствие. В 1945 г. из Германии на полевые армейские склады и в хранилища на территории СССР поступило:

2259000 т	зернопродуктов
430000 т	мясопродуктов
390000 т	сахара
988000 т	картофеля и овощей

Кроме того, из Германии было угнано 2686680 голов племенного скота и породистых лошадей. Это были справедливые изъятия победителей у побежденных.

Ущерб, нанесенный войной экономике СССР, вряд ли можно точно измерить. Согласно официальным сведениям, в результате нападения Германии были уничтожены или сильно пострадали 1710 городов и рабочих поселков, более 70 тыс. сел и деревень; разрушено около 32 тыс. промышленных предприятий, 65 тыс. километров железнодорожных путей, разорено около 100 тыс. колхозов и совхозов, забито или угнано около 17 млн голов крупного рогатого скота. В стране на четверть сократились посевные площади. Несмотря на все трофеи, победителям жилось в послевоенной Европе ничуть не лучше побежденных.

Но все же главным итогом политики демилитаризации стало то, что Германия к моменту ее раскола в 1949 г. была абсолютно мирной страной – без армии, авиации и флота, без военной промышленности и военных сооружений.

Декартелизация (децентрализация). Ей подлежали: концерны с числом занятых 10 тыс. человек и больше; крупные банки и предприятия, принадлежавшие военным преступникам. Но в западных зонах принятые СКС акты по декартелизации фактически не были выполнены. Монополистические объединения, распущенные в первые годы оккупации, скоро вновь начали функционировать, иногда даже под прежними названиями. К 1949 г. в Бизонии их насчитывалось около 200. Постепенно были восстановлены и такие одиозные концерны, запятнавшие себя сотрудничеством с нацистами, как концерны Круппа, Маннесмана, Гиссена, и др. Возобновили свою работу и крупнейшие банки, которые финансировали преступную политику Гитлера – «Дойче банк», «Коммерц банк» и др.

Решение о декартелизации в западных зонах осталось фактически на бумаге. Дальше некоторой организационной перестройки ряда концернов дело не пошло. Особый комитет министерства обороны США, который изучал итоги декартелизации в Западной Германии, 15 апреля 1949 г. констатировал что «ни одно из гигантских монополистических объединений Германии не пострадало». Ключевые позиции в экономике по-прежнему остались в руках старых немецких хозяев, а в Западную Германию с каждым годом все более широким потоком стал вливаться американский и британский капитал.

Декартелизация подразумевала разукрупнение немецких монополий. Но СВАГ пошла гораздо дальше этого, превратив декартелизацию в национализацию. В 1946 г. в советской зоне был проведен народный референдум, в результате которого был принят закон «О пере-

даче предприятий нацистских преступников народу». Согласно ему «в руки народа» передавалось 9281 предприятие. В их числе были шахты и заводы, принадлежавшие военному преступнику Флику, заводы концерна «ИГ Фарбениндустри» и др. Таким образом, в советской зоне под видом декартелизации было национализировано большинство крупных предприятий, банков и страховых обществ.

В западных зонах, благодаря усилиям коммунистов и социал-демократов, идеи «социализации» и даже «национализации» тоже оказались достаточно популярными. В результате всенародного референдума в земле Гессен в январе 1946 г. 71,9% принявших участие в голосовании высказались за социализацию основных отраслей тяжелой промышленности. В декабре 1946 г. ландтаг земли Нижняя Саксония проголосовал большинством голосов за национализацию нефтеперерабатывающей промышленности. В августе 1947 г. ландтаг земли Шлезвиг-Гольштейн принял закон о передаче в общественную собственность основных отраслей тяжелой индустрии. Ландтаг земли Северный Рейн – Вестфалия в августе 1948 г. принял закон о национализации угольной промышленности Рура. Но военные губернаторы западных зон проигнорировали эти законы. Ключевые позиции в экономике по-прежнему остались в руках крупного бизнеса.

26 марта 1946 г. СКС принял экономическую программу для послевоенной Германии, которая предусматривала запрет развития ряда отраслей (производство синтетического горючего, подшипников, тяжелых тракторов и многое другое), а также демонтаж около 1800 предприятий, прежде всего точного машиностроения, оптики и химического синтеза. Согласно этому документу уровень германского промышленного производства в будущем не должен был превышать 55% довоенного. Историки называют его высшей точкой сотрудничества союзников в реализации Потсдамских соглашений, за которой последовала полоса обострившихся конфликтов. Уже в мае того же года США отказались выполнять поставки для СССР, мотивируя это тяжелым положением населения в Западной Германии²⁷.

Демократизация. Ее осуществление было очень сложной задачей. 12 лет нацистского господства сделали свое дело: сознание многих немцев было отравлено расовой идеологией, целое поколение немецкой молодежи было воспитано на принципах «фюрерства».

Состояние умов в «час ноль немецкой истории», пишет **А.Ю. Ватлин**, было под стать хаосу на улицах германских городов. Впервые со времен раннего средневековья немцы потеряли собственную государ-

²⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 134.

ственность, превратившись, подобно обанкротившемуся предприятию, в объект внешнего управления. Тотальное поражение не оставляло

шансов для возрождения реваншистских настроений, теперь уже нельзя было спрятаться за легенду о непобедимой немецкой армии, об ударе кинжалом в спину. Сохранение коричневого подполья и акции диверсантских групп «Оборотень», которых готовили буквально в последние часы «третьего рейха», также оказались мифом. Фанатичных сторонников нацистского режима как будто ветром сдуло с поверхности земли. Остались только «обманутые жертвы», «сбитые с толку попутчики», которые пытались представить все произошедшее результатом трагического недоразумения. Потсдамский тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления гитлеровского режима, которая сделала неизбежной оккупацию страны, был отвергнут общественным мнением, но вопрос о причинах произошедшей катастрофы оставался для него центральным. Интеллектуалы подчеркивали роковое стечение обстоятельств, рассуждали о незрелости первой германской демократии, о Гитлере как новоявленном антихристе. В массах преобладали апатия и отторжение большой политики веймарского образца, на деятелей которой возлагалась ответственность за закулисные махинации, приведшие к власти НСДАП. Согласно донесению американских спецслужб от 12 августа 1945 г. «более 90%, опрошенных показывают свою усталость от политики, считая, что она ведет к войне и в будущем будет проводиться через головы немцев»²⁸.

Но было и активное меньшинство, которое не хотело отдавать судьбу своей страны в чужие руки. Социал-демократы и коммунисты, священники и либеральные журналисты, представители политического католицизма и деятели антифашистского сопротивления – все они отдавали себе отчет в необходимости лояльного сотрудничества с державами-победительницами, шли к военным комендантам, брали в свои руки управление, создавали производственные советы, начинали расчистку руин, налаживали снабжение населения самым необходимым. Многие из них еще недавно были заключенными нацистских концлагерей, и пребывание там убедило их в необходимости совместных действий всех демократических сил. Отношение военных властей к спонтанно возникавшим антифашистским комитетам, пытавшимся выступить в роли органов самоуправления, было в целом негативным. Они воспринимались скорее как опасные конкуренты, нежели как союзники в борьбе за новую Германию. Это касалось и советской зоны оккупации, хотя там в антифашистских комитетах лидировали бывшие функционеры рабочего движения. Активисты первого часа помнили о

²⁸ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 136–137.

том, кто помог Гитлеру забраться на самую вершину власти, кто вольготно чувствовал себя в годы «третьего рейха» и сколотил немалые состояния на военных поставках. Эмоционально окрашенные социалистические лозунги, звучавшие на первых митингах среди руин, отражали искреннее желание вырвать немецкий народ из рокового круговорота его новейшей истории²⁹.

Весной 1945 г. руководители американских и английских оккупационных войск не верили в готовность немцев к демократическим преобразованиям. Были запрещены все политические партии, все возникшие стихийно антифашистские комитеты. Оккупационные власти назначали бургомистров и достаточно строго следили за их работой. Американцы распустили даже созданный бывшими узниками Дахау комитет «Свободная Германия» и объявили «политический карантин». В политике демократизации, которую проводили западные оккупационные власти, существенные изменения начали происходить лишь осенью 1945 г. Они отчасти были вызваны влиянием советской зоны оккупации, где деятельность антифашистских партий была разрешена еще в июне.

Процедура лицензирования политических партий и объединений была обставлена многими рогатками, и далеко не все из них получили право деятельности. Так, в американской зоне не получили лицензии радикальные пар таи переселенцев и монархистов. Следующим этапом демократизации стали выборы всех уровней власти, они проводились в первой половине 1946 г. Во второй половине 1946 г. последовал этап принятия ландтагами конституций земель (правда, тексты конституций утверждались оккупационными властями). Таким образом, в западных зонах процесс передачи управленческих функций от оккупационных администраций к немецким органам власти шел поэтапно.

Особое место в планах по демократизации занимали главные церковные конфессии Германии – католическая и протестантская. Активная деятельность церкви должна была, по мнению оккупационных властей, способствовать отходу немцев от идеологии нацизма. Не менее важную роль в демократизации Германии должны были сыграть радио, кино и пресса. В кинотеатрах демонстрировались антифашистские фильмы, антивоенная и антифашистская тематика доминировала в радиопередачах, а также на страницах газет и журналов.

После прохождения денацификации в политическую жизнь западных зон возвращаются бывшие гитлеровские юристы, дипломаты. Сложность ситуации заключалась в том, что после провала заговора 20 июля 1944 года консервативная и либеральная оппозиция была

²⁹ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 137.

почти полностью уничтожена. Опирались же на активных антифашистов оккупационные власти западных держав не хотели. И на авансцену политической жизни в западных оккупационных зонах стали выдвигаться политики, которые в 1933–1945 гг. отсиделись на своих вилах.

Среди них практически сразу ключевой фигурой стал бывший обер-бургомистр Кёльна, бывший «рейнский сепаратист» доктор **Конрад Аденауэр** (1876–1967). Другой видной фигурой стал профессор Вильгельм Репке (1899–1966), который считал ориентацию на Запад главным условием «разумной немецкой политики». В 1947 г. он провозгласил Западную Германию границей «занадноатлантического мира», а раскол Германии в условиях холодной войны считал неизбежным.

Демократизация в советской зоне оккупации осуществлялась в соответствии с представлениями Сталина и его окружения о демократии. Еще 20 апреля 1945 г. Сталин подписал директиву Ставки командующим 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами с указанием «создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров-немцев». Одним из первых мероприятий стало образование магистратов. Берлинский магистрат был образован 14 мая 1945 г.

Представители групп КПГ были тайно доставлены в советскую оккупационную зону из Москвы, чтобы вместе с Советской Армией формировать немецкие органы управления. Главную роль играла берлинская группа во главе с Вальтером Ульбрихтом (1893–1973); она фактически исполняла функции центрального руководства партии в Германии. Подобные группы были направлены также в Мекленбург и Тюрингию. Эти группы сыграли значительную роль в установлении и укреплении коммунистического господства в советской оккупационной зоне. В мае–июле 1945 г. во всех городах и селах Восточной Германии были образованы органы местного самоуправления, а осенью уже была сформирована и администрация земель, которая могла (конечно, только по согласованию со СВАГ) издавать распоряжения, имеющие силу закона.

Естественно, что на ключевые посты в органах управления земель и провинций, в чьих руках сосредоточивалось руководство полицией, денацификацией, подбор кадров, а позднее и аграрная реформа, подбирались самые «испытанные антифашисты» – члены КПГ. Но все же ряд органов управления, созданных в июле 1945 г., возглавляли и социал-демократы, и либералы. Например, в Тюрингии из 11 обер-бургомистров двое были коммунистами, трое – социал-демократами, двое – членами либерально-демократической партии, а четверо – беспартийными.

СВАГ уже 10 июня 1945 г. приказом № 2 разрешила деятельность политических партий, организаций и профсоюзов. В западных зонах это

произошло несколькими месяцами позже. Возникает вопрос, на который и сегодня нет однозначного ответа: почему торопилась Москва и не торопился Запад? Но в любом случае очевидно, что коммунисты во главе с Вильгельмом Пиком хорошо знали о готовящемся приказе № 2, так как на следующий же день, 11 июня 1945 г., КПГ обратилась с развернутым и хорошо продуманным воззванием (оно было подготовлено за несколько дней до этого в Москве) к немецкому народу. Этим воззванием КПГ конституировалась в качестве первой немецкой партии.

15 июня 1945 г. о своем воссоздании заявила и Социал-демократическая партия Германии. Инициаторами ее возрождения выступили несколько групп берлинских подпольщиков, которые еще в мае 1945 г. установили между собою контакт и основали учредительный орган, конституировавшийся теперь как Центральный комитет СДПГ. В него вошли функционеры – **Отто Гротеволь** (1894–1964), **Макс Фехнер** (1892–1973) и др., – которые не принадлежали до 1933 г. к высшей партийной иерархии.

В последующие недели в советской зоне организовались **Христианско-демократический союз** (ХДС) и **Либерально-демократическая партия Германии** (ЛДПГ). Они выступили в качестве подчеркнуто буржуазных партий. Было создано и Объединение свободных немецких профсоюзов. Их деятельность изначально находилась под гласным и негласным контролем СВАГ.

В течение месяца СВАГ готовила объединение всех партий советской зоны в «антифашистско-демократический блок». Он был создан 14 июля 1945 г. и в учредительном заявлении сформулировал важнейшую задачу своей деятельности: «обеспечение широкого сотрудничества в деле искоренения остатков фашизма и восстановления страны на антифашистско-демократических основах».

Создание этого блока имело решающее значение для дальнейшего развития партийной системы в советской зоне. Он функционировал с помощью составленного на паритетных началах комитета, который должен был разрабатывать совместную политику и действовать на базе единогласия. Но, поскольку КПГ пользовалась абсолютной поддержкой со стороны СВАГ, коммунистам, несмотря на паритетный состав этого комитета, легко удалось захватить в нем власть.

И хотя КПГ и СВАГ всегда заявляли, что стремятся не к введению советской системы, а к установлению «антифашистско-демократического строя», созданию парламентарно-демократической республики со всеми правами и свободами для народа, уже в самом начале оккупационного режима в советской зоне были созданы условия для установления (за

фасадом равноправия всех партий) политического господства коммунистов и формирования новой структуры власти.

Действительно, отмечает Н.В. Павлов, создание новых административных органов и политических партий на востоке страны проходило весьма быстро и при жестком регламентировании со стороны Советской военной администрации в Германии (СВАГ)*, созданной 9 июня 1945 г. и возглавлявшейся на начальном этапе маршалом Георгием Константиновичем Жуковым (до апреля 1946 года). Первыми шагами по восстановлению экономики Восточной Германии стали не согласованные с западными союзниками глубокие структурные преобразования, начавшиеся уже летом 1945 года. 23 июля СВАГ постановила национализировать все банки, сберегательные кассы и страховые компании. Таким образом, весь финансовый сектор оказался «социализированным». За этим последовали законы о земельной и промышленной реформах, осуществление которых началось в сентябре – октябре 1945 года.

Уже второй приказ СВАГ от 10 июня 1945 г. разрешил деятельность антифашистских партий и профсоюзов, которые приняли участие в формировании местных и региональных административных органов. Напомним, что в этом вопросе Советский Союз намного опередил другие оккупационные державы. Приказ преследовал три цели: во-первых, обеспечить для коммунистов более предпочтительные стартовые условия для разворачивания их политической деятельности под советским контролем; во-вторых, сделать управляемым до того неконтролируемый процесс повсеместного создания антифашистских комитетов, с точки зрения СССР, неизвестно кем возглавляемых; в-третьих, продемонстрировать немецкой и мировой общественности якобы демократичный характер оккупационной политики СССР.

Немецкие коммунисты и их доверенные лица начали быстро занимать ключевые позиции в органах управления и экономических структурах – там, откуда были удалены и удалялись нацистские чиновники. Кадровую основу компартии составили антифашисты, нашедшие в период фашизма пристанище в Советском Союзе. Самой известной и влиятельной группой немецких коммунистов, сформировавшейся еще до окончания войны, была «группа Ульбрихта», которая 30 апреля 1944 г., в день самоубийства Гитлера, приземлилась на советском военном аэродроме около Франкфурта-на-Одере. Свою деятельность она начала в Берлине. Другие наиболее активные группы работали в Мекленбурге (Густав Зоботка) и Саксонии (Антон Аккерманн). Известна директива Вальтера Ульбрихта, которой должны были руководствоваться немецкие коммунисты на местах в ходе формирования новых руково-

* По данным немецких историков, персонал СВАГ насчитывал до 50000 человек.

дящих административных подразделений: «Это должно выглядеть демократично, но мы должны все держать в своих руках»³⁰.

Слабость коммунистов в Германии в целом и на востоке страны, в частности желание Москвы поставить под контроль СДПГ, чье влияние постоянно росло и грозило выйти из-под контроля советских оккупационных властей, а также катастрофические примеры Австрии (там на парламентских выборах в конце ноября 1945 года коммунисты получили всего 4 мандата, социалисты – 76) и Венгрии – все это вынудило СВАГ и КПГ форсировать планы по созданию объединенной марксистской партии. Главное опасение состояло в том, что КПГ проиграет выборы в ландтаги, районные представительства и общины, которые были запланированы на 1946 год. 21–22 апреля 1946 г. в Берлине в результате слияния восточногерманских организаций КПГ и СДПГ была образована Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ). С образованием СЕПГ Советский Союз получил в свои руки мощный рычаг политического влияния, который уже в 1948 году насчитывал 2 млн членов³¹.

Таким образом, уже на начальном этапе осуществления политики «четырех Д» **наметились серьезные разногласия между тремя западными оккупирующими державами и СССР**. Причины этого коренились в несовершенстве подписанных в Потсдаме документов, в различном понимании этих терминов, но главное – в различных целях, которые преследовали бывшие союзники по антигитлеровской коалиции в решении германского вопроса. Согласно донесению американских спецслужб от 12 августа 1945 г. «более 90% опрошенных немцев показывают свою усталость от политики, считая что она ведёт к войне и в будущем будет проводиться через головы немцев». Тем не менее примерно 10% немцев активно восприняли «строительство новой Германии».

К 1946 г. в Германии вновь оживилась **политическая жизнь**, активную роль в возрождении которой играли бывшие видные веймарские политики. Прежде всего это бывший обер-бургомистр Кёльна **Конрад Аденауэр** (1876–1967). Именно он стоял у истоков создания и деятельности совершенно новой политической партии – **Христианско-демократического союза (ХДС)**, объединившей христианских демократов, занявших после краха «Коричневой чумы» важное место в политической элите Германии. Они опирались на поддержку крупнейших представителей промышленного и банковского капитала, на все слои населения, разделявшие ценности и идеалы христианства, свободы частной собственности и демократии. Центром рождения ХДС стали Рейнская область и Весторалия, а инициаторами и наиболее активны-

³⁰ См.: Павлов В.Н. Указ. Соч. С. 165–166.

³¹ Там же. С. 166–167.

ми функционерами – церковь и лидеры бывшей католической партии Центра периода Веймарской республики, отказавшейся от реставрации веймарской партийной структуры и взявшие курс на создание одной крупной политической партии на биконфессиональной основе, т.е. с участием католиков и протестантов.

Задача состояла в том, чтобы такой партийно-политический блок сумел консолидировать немецкое общество на основе христианской этики и противостоять «красной опасности». Поэтому такой альянс мыслился как «народная партия». Обще германская организация ХДС сформировалась в Берлине в июне 1945 г., когда советская военная администрация несколько рано разрешила деятельность политических партий на зональном уровне. Её руководитель **Андреас Гермес** вскоре вынужден был уйти в отставку с поста лидера ХДС под жёстким давлением советских оккупационных властей. Подобным образом был стражён и его преемник – **Якоб Кайзер**, пожелавший превратить партию в «волнорез против догматического марксизма и сто тоталитарных тенденций». Очередной лидер ХДС в Берлине – **Отто Нушке**, сдал позиции христианской демократии в пользу установок СВАГ (Советская военная администрация в Германии).

К 1947 г. ХДС был создан во всех трёх зонах западной оккупации. **Христианско-социальный союз (ХСС)**, возникший во главе с Францем-Йозефом Штраусом в Баварии, установил с ХДС отношения «содружества». Фактически ХСС являлся баварской ветвью ХДС. В феврале 1947 г. была принята Аленская программа ХДС. Программное развитие ХДС/ХСС следовало политической конъюнктуре, пройдя в послевоенные годы значительный путь от христианского социализма («время неограниченного господства капитализма прошло») через поиск «третьего пути» между плановой экономикой и сохранением частной собственности вплоть до заимствованной у либералов концепции «социального рыночного хозяйства», на десятилетия ставшей визитной карточкой партии.

Внешнеполитические взгляды блока христианских партий развивались в русле «холодной войны». Уже в октябре 1945 г. **К. Аденауэр** называл раскол Европы «свершившимся фактом» и выступал за «интеграцию незанятой русскими части Германии в Западную Европу». Секретом успеха христианских демократов как раз и оказалась расплывчатость их идейно-политических устоев, создававшая образ объединяющей, «народной партии». В лице К. Аденауэра ХДС/ХСС приобрел хладнокровного прагматика, умеющего извлечь политический капитал из любой, даже самой невыгодной ситуации. Характерно его отноше-

ние к левым экспериментам, высказанное ещё в 1946 г.: «при слове социализм к нам придут пять человек, а уйдут двадцать».

Конрад Аденауэр родился 5 января 1876 г. в Кёльне в семье служащего земельного суда. Католического вероисповедания. После окончания в 1894 году Апостольской гимназии в Кёльне в 1894–1897 гг. изучал юриспруденцию и экономику в университетах Фрайбурга, Мюнхена и Бонна. Получив в 1901 году диплом юриста, занялся адвокатской практикой. В 1906 году Аденауэр назначается помощником депутата городского собрания Кёльна, а в 1909 году избирается первым заместителем обер-бургомистра Кёльна.

В 1901 году Аденауэр вступил в католическую партию Центра и стал в 20-е годы членом ее президиума. В 1917–1933 гг. был обер-бургомистром Кёльна. В 1921–1933 гг. был членом и президентом Государственного совета Пруссии – органа, одобрявшего или отклонявшего земельные законы. В 1926 году его личность обсуждалась в качестве кандидатуры на пост рейхсканцлера, но Аденауэр отклонил сделанное ему предложение.

С приходом к власти национал-социалистов был освобожден от всех постов. В середине 30-х и в начале 40-х годов бывший соратник Аденауэра по партии Центра Я. Кайзер пытался привлечь его к участию в Соппротивлении, но Аденауэр решительно отказался примкнуть к антинацистскому движению. Он скептически отзывался о его возможностях, как и о возможности установления власти военных. Один из участников заговора против Гитлера обер-бургомистр Лейпцига Гёрделер также попытался вступить в контакт с Аденауэром, но получил однозначный отказ. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. несколько месяцев провел в заключении. После крушения национал-социализма Аденауэр осуждал нацизм, проявляя при этом сдержанность и избегая излишней крикливости. Никогда не причислял себя к борцам Соппротивления, как это делали многие немцы, даже сотрудничавшие с режимом.

4 мая 1945 г. американские военные власти утвердили его на посту обер-бургомистра Кёльна, однако уже 6 октября после передачи Кёльна под английскую юрисдикцию британские власти, с которыми Аденауэр не нашел общего языка, освободили его от этой должности за «неспособность» к руководству. Был одним из соучредителей ХДС британской зоны оккупации, в 1946–1950 гг. – депутатом ландтага Северного Рейна-Вестфалии и председателем земельной фракции ХДС, в 1948–1949 гг. возглавлял Парламентский совет. С 1949 по 1967 год – депутат бундестага. С 1949 по 1963 год – канцлер ФРГ, в 1951–1955 гг. – одновременно министр иностранных дел. В 1946–

1950 гг. – председатель ХДС британской зоны оккупации, в 1950–1966 гг. – председатель ХДС.

Премьер-министр Великобритании **У. Черчилль** назвал Аденауэра «самым умным немецким государственным деятелем со времен Бисмарка». Президент США Дж. Кеннеди сказал, что «этот человек уже живет в истории». А президент Франции Ш. де Голль назвал его «великим европейцем и великим немцем». **К. Аденауэр** скончался 19 апреля 1967 г. на 92-м году жизни на своей вилле в РёнДорфе под Бонном.

Наиболее медленно шел процесс консолидации сторонников традиционных либеральных ценностей, близких таким партиям Веймарской республики, как ГДП и ГНП. Как правило, они представляли интеллектуальную и промышленную элиту общества, подчеркивали свою конфессиональную независимость и не были связаны работой в управленческих структурах, созданных оккупационными властями. В отличие от ХДС в либеральном лагере не было ярко выраженного лидера, лишь в 1948 г. отдельные политические группы западногерманских земель объединились в рядах **Свободно-демократической партии (СвДП)**, которую возглавил публицист **Теодор Хейс**.

Возрождение СДПГ – крупнейшей германской партии до взлета НСДАП и ядра веймарской коалиции – в идеологическом плане отталкивалось от анализа ошибок прошлого. Лидер послевоенной социал-демократии в Западной Германии **Курт Шумахер**, инвалид Первой мировой войны, был одним из тех депутатов рейхстага, кто в марте 1933 г. голосовал против предоставления Гитлеру чрезвычайных полномочий. Одиннадцать лет, проведенных в концлагерях, усиливали образ воинствующего демократа и антифашиста, являвшегося к тому же блестящим оратором. Программа, излагавшаяся Шумахером в 1945 г., отличалась заметным радикализмом: он требовал «немедленного введения социализма в экономике и демократии в политике», скорейшей передачи власти немецким органом, выступал против новых границ Германии, определенных на Потсдамской конференции. Жесткая антикоммунистическая позиция Шумахера заблокировала поиск компромисса с восточногерманским центром СДПГ, в результате чего тот согласился на объединение с КПГ. Первый съезд западногерманской социал-демократии состоялся в Ганновере уже в мае 1946 г. Принятая на нем программа действий включала в себя национализацию крупнейших предприятий и введение самоуправления на производстве (Wirtschaftsdemokratie), радикальную аграрную реформу и компенсацию имущими слоями общества ущерба, нанесенного Германии годами нацизма и войны³².

³² См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 138–139.

Остальные партии в западных зонах оккупации формировались гораздо медленнее, т.к. не имели организационной преемственности с веймарским периодом. Ядро Христианско-демократического союза (ХДС) образовали политики, разделявшие настроения «нового начала», но видевшие его в утверждении парламентской демократии и прав человека исходя из религиозной этики. Во многом такая позиция диктовалась прагматическим расчетом, связанным с особой ролью церкви в послевоенной Германии. Стремясь вернуть себе общественное доверие, как католики, так и протестанты начали с покаяния. Первая конференция католических епископов, состоявшаяся в августе 1945 г., признавала: «Многие немцы, в том числе и из наших рядов, позволили одурманить себя лживым учением национал-социализма, оставались равнодушными при виде преступлений против человеческой чести и свободы, многие своим поведением помогали совершать эти преступления, многие сами стали преступниками. Тяжелая ответственность лежит на тех, кто не использовал своего влияния, чтобы предотвратить произошедшее»³³. Однако ни одно имя из тех деятелей католического клира, кто стоял рядом с Гитлером, на трибунах съездов НСДАП, так и не было названо.

В отличие от веймарской партии Центра ХДС воспринимал себя как межконфессиональная партия, его бесспорным лидером в британской зоне оккупации стал Аденауэр. До 1950 г. ХДС оставался достаточно рыхлым объединением земельных организаций (Arbeitsgemeinschaft), с этим связано то, что его баварская ветвь сохранила свое первоначальное название Христианско-социальный союз (ХСС). Программное развитие ХДС/ХСС следовало политической конъюнктуре, пройдя в послевоенные годы значительный путь от христианского социализма («время неограниченного господства капитализма прошло») через поиск «третьего пути» между плановой экономикой и сохранением частной собственности вплоть до заимствованной у либералов концепции «социального рыночного хозяйства», на десятилетия ставшей визитной карточкой партии³⁴.

Внешнеполитические взгляды блока христианских партий развивались в русле «холодной войны». Уже в октябре 1945 г. Аденауэр называл раскол Европы «свершившимся фактом» и выступал за «интеграцию незанятой русскими части Германии в Западную Европу». Секретом успеха христианских демократов как раз и оказалась расплывчатость их идейно-политических устоев, создававшая образ объединяющей, «народной партии». В лице Аденауэра ХДС/ХСС приобрел хладнокровного прагматика, умеющего извлечь политический капитал

³³ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 139.

³⁴ Там же.

из любой, даже самой невыгодной ситуации. Характерно его отношение к левым экспериментам, высказанное еще в 1946 г.: «при слове социализм к нам придут пять человек, а уйдут двадцать». В поисках массовой поддержки Аденауэр обращал особое внимание на миллионы беженцев и вынужденных переселенцев, играя с реваншистскими лозунгами (требование пересмотра восточных границ Германии) и в то же время добиваясь скорейшей социальной интеграции этой категории населения³⁵.

Наиболее медленно шел процесс консолидации сторонников традиционных либеральных ценностей, близких таким партиям Веймарской республики, как ГДП и ГНП. Как правило, они представляли интеллектуальную и промышленную элиту общества, подчеркивали свою конфессиональную независимость и не были связаны работой в управленческих структурах, созданных оккупационными властями. В отличие от ХДС в либеральном лагере не было ярко выраженного лидера, лишь в 1948 г. отдельные политические группы западногерманских земель объединились в рядах Свободно-демократической партии (СДП), которую возглавил публицист Теодор Хейс.

Хотя в течение первого послевоенного года партийные ландшафты, формировавшиеся в советской и западных зонах оккупации Германии, внешне ничем не отличались друг от друга, реальные отношения власти внутри каждого из них претерпели необратимые перемены. В надежде на то, коммунисты станут решающей силой новой Европы, Сталин делал ставку только на них. Остальным партийно-политическим силам в понятиях большевистской доктрины отводилась роль «полезных идиотов». Идеологическая связанность советского курса в послевоенной Германии делала неизбежным конфликт с западными участниками антигитлеровской коалиции, хотя на первых порах стороны пытались скрыть его от немецкого населения. Характерен тон информационной справки СВАГ, направленной в ЦК ВКП(б) в ноябре 1945 г. Имея в виду политику западных военных администраций, ее авторы откровенно передергивали факты: «Трудно завоевать симпатии народа, проводя политику нейтралитета, а подчас и прямой поддержки нацистских элементов, одновременно запрещая и подавляя всякую политическую и профсоюзную деятельность». Отождествление интересов СССР и демократии, бескомпромиссная поддержка «своих» по обе стороны внутригерманской границы, перенесение методов сталинского режима в страны Восточной Европы – все это было слишком очевидным, чтобы укрыться от глаз ведущих политиков Запада. Уверенные в материальном и моральном превосходстве собственной системы, они

³⁵См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 140.

не желали оставаться в долгу. Характерно, что в своей знаменитой фултонской речи (5 марта 1946 г.) Черчилль провел «железный занавес» по восточной границе Германии, которой предстояло отныне стать центральным полигоном «холодной войны». В разворачивавшейся на нем пропагандистской битве Запад выступал в образе защитника немцев от коммунистической экспансии³⁶.

Выборы в земельные представительства (ландтаги), прошедшие в 1946 г., продемонстрировали примерное равенство ведущих политических сил в Германии. Даже в советской зоне оккупации выборы происходили в относительно демократической атмосфере. СЕПГ здесь сумела получить примерно столько же мест в составе ландтагов и земельных правительств, сколько ЛДПГ и ХДС вместе взятые. В западных зонах христианские демократы сумели возглавить 6 земельных правительств, социал-демократы – 5. Но уже вскоре начала проявляться и специфика восточногерманской и западногерманской политической элиты. Помимо прямого вмешательства оккупационных властей сказались региональные особенности самого немецкого общества³⁷.

Северная и Восточная Германия уже несколько десятилетий отличались организованностью рабочего движения, наибольшим в масштабах Германии влиянием коммунистов. Исторически здесь преобладала лютеранская политическая культура, ориентированная на высокую значимость государственного начала в общественной жизни, «прусским психологическим комплексом» – склонностью к централизованным формам политической и социальной деятельности, уважением к военной и государственной службе. Именно этот регион стал наиболее естественным оплотом для развития социалистической системы на немецкой земле. Западная и Южная Германия исторически являлись зоной сепаратистских движений, значительного влияния католицизма. Рейнские и баварские немцы обладали этнопсихологическими особенностями, существенно отличавшими их от этнического ядра немецкой нации. Массовое перемещение беженцев и иммигрантов в первые послевоенные годы также повлияло на поляризацию немецкого общества и его политической элиты. Многие немцы, не желающие мириться с коммунистической угрозой, бежали в западные земли. Возвращавшиеся из концлагерей и эмиграции коммунисты и левые социалисты, как правило, оказывались на востоке страны.

³⁶ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 140.

³⁷ См.: Новейшая история стран Европы и Америки / под ред. А.М. Родригиса, М.В. Пономарева. Ч. 2. С. 279.

5. ЗОНЫ ОККУПАЦИИ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ГЕРМАНИИ И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (СССР, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ). ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗНОГО КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА (СКС)

Согласно решениям Крымской (Ялтинской) и Потсдамской конференций в феврале и июле–августе 1945 г. вся территория побежденной Германии была разделена на **четыре зоны оккупации** – американскую, британскую (английскую), французскую и советскую¹:

Название зоны	Территории	Площадь (кв. км)	Население (млн чел.)
Американская	Бавария (без района Линдау), северная часть Бадена с городом Карлсруэ, Гессен, Гессен-Нассау (за исключением 4 западных районов), северная часть Вюртемберга	116670	16,7
Британская	Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Северная часть Рейнской провинции, Вестфалия, Ольденбург, Брауншвейг, Липпе, Шаумбург-Липпе, города Бремен и Гамбург	97300	22,7
Французская	Южная часть земли Баден, южная часть земли Вюртемберг, южная часть Рейнской провинции, Саар, западная часть земли Гессен, четыре западных района провинции Гессен-Нассау, Гогенцоллерновские земли и Баварский Пфальц	39000	5,8
Советская	Тюрингия, Саксония, Анхальт, Бранденбург, Мекленбург, Прусская Саксония, часть Западной Померании, Берлин	121600	17,8
Берлин		900	3,2
Всего		375470	66,2

¹ См.: История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Боньеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до нала XXI века. С. 306–307.

«Большой Берлин», который находился в центре советской зоны оккупации, был также разделен на **четыре сектора оккупации**, причем советский был самым большим. Он занимал 8 восточных районов города (примерно 46% его территории и более 30% населения)². В западных зонах оккупации администрации возглавлялись военными губернаторами.

«В соответствии с **Соглашением** между правительствами СССР, Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Франции **о зонах оккупации в Германии**, – отмечено в книге **К.И. Коваля**, – последняя в границах на 31 декабря 1937 г. разделена для целей оккупации на 4 зоны:

Советская зона (территория 107500 кв. км с населением 18559000 человек) включает провинции: Бранденбург, Прусскую Саксонию, часть западной Померании и федеральные земли: Саксонию, Тюрингию, Ангальт и Мекленбург. Район «Большого Берлина».

Американская зона (территория 113164 кв. км с населением 15722000 человек) включает провинцию Гессен-Нассау, за исключением четырех западных районов, и федеральные земли: Баварию (без района Линдау), северную часть Бадена с г. Карлсруэ, северную часть Вюртемберга и почти всю территорию федеральной земли Гессен.

Британская зона (территория 98826 кв. км с населением 22023904 человека) включает провинции: Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Вестфалию, северную часть Рейнской провинции и федеральные земли: Ольденбург, Брауншвейг, Липпе, Шаумбург-Липпе и города Гамбург и Бремен. Бременский округ был оккупирован американскими войсками и управлялся американской военной администрацией. 10 декабря 1945 г. американцы заключили с англичанами соглашение, по которому контроль в Бременском округе передан англичанам, однако город Бремен и портовые районы Бременгафен, включая Везермюнде, целиком остались под управлением американской военной администрации.

Французская зона (территория 39152 кв. км с населением 5959818 человек) включает южную часть Рейнской провинции, Сaarскую область, западную часть федеральной земли Гессен, 4 западных района провинции Гессен-Нассау, южную часть земли Баден, южную часть земли Вюртемберг, Гогенцоллерновские земли и Баварский Пфальц.

Город Берлин в границах 1920 г. разделен на **четыре зоны** (по данным предварительной переписи населения, проведенной в ноябре 1945 г., население Берлина составляет 3021193 человека).

² История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до нала XXI века. С. 307.

Вооруженными силами Союза ССР занимаются районы: Панков, Пренцлауэрберг, Митте, Вейсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов, Кепеник. Население советского сектора Берлина – 1134647 человек.

Вооруженными силами Соединенных Штатов Америки занимаются районы: Целлендорф, Штеглиц, Шенсберг, Крейцберг, Темпельгоф, Нейкельн. Население американского сектора Берлина – 872 тыс. человек.

Вооруженными силами Великобритании занимаются районы: Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау, Вильмерсдорф. Население английского сектора Берлина – 581897 человек.

Вооруженными силами Франции занимаются районы: Рейникендорф и Веддинг. Население французского сектора Берлина – 432679 человек»³.

Американская зона. Она включала примерно 30% территории Германии, была менее значимой в промышленном отношении, чем английская, хотя там и располагались предприятия «ИГ Фарбениндустри» и других концернов, а также ряд крупных немецких банков. Зато здесь было сосредоточено самое крупное поголовье скота и около трети сельхозугодий⁴. Немного позже к американской зоне, у которой не было выхода к морю, для лучшего снабжения зоны, расположенной на юге Германии, была присоединена часть британской зоны, включавшая г. Бремен.

Во главе американской оккупационной зоны в 1945 г. стоял генерал армии (в последствии президент США) **Дуайт Эйзенхауэр**. После него наиболее яркой личностью на должности военного губернатора американской зоны оккупации с марта 1947 г. был генерал **Люциус Д. Клей** (1897–1978), оставивший интересные мемуары и дневники. До Л. Клея, после Д. Эйзенхауэра военными губернаторами американской оккупационной зоны в Германии были **Джорж С. Паттон** в 1945 г. и **Джозеф Д. Макнарни** в 1945–1947 гг., а после Л. Клея – **Кларенс Т. Хюбнер**.

Американская оккупационная политика в Германии отличалась большими колебаниями, порой крайностями в отношении к немцам и союзникам по антигитлеровской коалиции. Вначале американцы придерживались решений Крымской (Ялтинской) и Потсдамской конференции, затем встали на путь их ревизии, что привело к конфронтации с СССР, «холодной войне» и расколу Германии. США надеялись на быструю демократизацию немцев путем их «перевоспитания» и «переориентацию» с помощью культуры и системы образования⁵. При этом американцы были уверены, что их образец демократии является наилучшим.

³ См.: Коваль К.И. Указ. соч. С. 44–45.

⁴ История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 308.

⁵ Там же. С. 309.

Хотя на Потсдамской конференции верх одержали кооперативные тенденции, пишет Н.В. Павлов, с осени 1945 года в германском вопросе уже четко определился курс трех западных держав на раздел страны. Главными инициаторами центробежных усилий стали представители так называемой «рижской школы» в государственном департаменте США, которые с большим скепсисом восприняли результаты Потсдама. Это были дипломаты, активно занимавшиеся изучением Советского Союза еще в период между двумя мировыми войнами. Во главе этой политико-философской школы стоял Джорж Кеннан, работавший до войны в столице Латвии – Риге, а с июля 1944 года в качестве посланника в посольстве США в Москве. Будучи специалистом в вопросах советской политической стратегии и дипломатической тактики, еще в январе 1945 года в письме члену американской делегации в Ялте Чарльзу Болену он предлагал отказаться от кооперационной модели действий и разделить Европу между Америкой и СССР на две зоны влияния. Летом 1945 года он подчеркнул в памятной записке американскому руководству: «Идея совместного управления с русскими Германией – бред». По его мнению, Западную Германию следовало превратить в оплот независимой демократии, поскольку четырехсторонний контроль попросту не может быть реализован на практике. «Расчленение Германии – уже факт из-за линии Одер–Нейсе. Будет ли кусок советской зоны вновь соединен с Германией или нет, сейчас не важно. Лучше расчлененная Германия, по меньшей мере западная часть которой будет барьером для сил тоталитаризма, нежели единая Германия, которая вновь даст дорогу этим силам вплоть до Северного моря». В целях реализации этой идеи в ноябре 1945 года США внесли в Контрольный совет предложение о создании центральных административных департаментов для трех или двух зон оккупации. СССР отклонил его ввиду несовместимости с принципом четырехстороннего управления Германией и обращения с ней, как с единым целым⁶.

Американская зона включала примерно 30% территории Германии, была менее значимой в промышленном отношении, чем английская, хотя там и располагались предприятия «ИГ Фарбениндустри» и других концернов, а также ряд крупных банков. Зато здесь было сосредоточено самое крупное в стране поголовье скота и около трети сельхозугодий. Немного позже к американской зоне, у которой не было выхода к морю, для лучшего снабжения зоны, расположенной на юге Германии, была присоединена часть британской зоны, включавшая город Бремен.

⁶ См.: Павлов Н.В. Указ. Соч. С. 164–165.

Военный губернатор генерал **Л. Клей** представлял те круги большого бизнеса США, которые считали «план Morgenthau» глубоко ошибочным. Поэтому Клей сделал очень много, чтобы сохранить промышленный потенциал Германии и германские монополии. Причем, в отличие от военных губернаторов английской и французской зон, а тем более в отличие от Главноначальствующего СВАГ, Клей имел гораздо более широкие полномочия, его в шутку называли «американским проконсулом» в Германии.

В США еще в 1944 г. начал разрабатываться очень подробный документ, который должен был четко определить задачи оккупационных войск в Германии. Это была секретная правительственная «директива JCS 1067». Она была подписана Г. Трумэном 10 мая 1945 г., ее полное название: «Оккупация Германии. Директива главнокомандующему американскими силами оккупации относительно военного правительства в Германии». Эта директива оказала воздействие на подготовку **Потсдамского Протокола**, ибо, как главная, в ней была сформулирована цель: «Германия ни когда больше не должна угрожать миру». В качестве важнейших шагов для достижения этой цели провозглашались принципы политики «четырех Д». В директиве был далее радикальный пункт о необходимости запрещения в Германии всех частно-предпринимательских объединений.

Директива JCS/1067 («Joint Chiefs of Staff» – Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил союзников) была разработана в строжайшей секретности еще до окончания военных действий (первый проект был подготовлен 4 октября 1944 г.), принята Конгрессом США **26 апреля 1945 г.**, подписана американским президентом Г. Трумэном 10 мая и обнародована **в октябре 1945 г.**

Несмотря на заинтересованность **Соединенных Штатов** в скором экономическом восстановлении стран Западной Европы, следует заметить, что возрождение послевоенной Западной Германии не сразу оказалось в сфере внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Как уже отмечалось, **первоначально союзнические державы намеревались ликвидировать Германию как сильного промышленного конкурента на мировом рынке; предполагалось даже расчленить страну на несколько отдельных государств, ориентированных на аграрное хозяйство (доктрина Morgenthau).** Американская военная администрация в своей оккупационной зоне должна была строго придерживаться изданной в апреле, 1945 г. специальной директивы «JCS/1067», согласно которой послевоенная Германия рассматривалась **не как «освобожденная», а как «побежденная вражеская страна»,** в которой следовало установить бескомпромиссное управление, основанное на радикальных ме-

рах **демилитаризации, денацификации, децентрализации и демократизации**. Так, в документе говорилось: «Главная цель союзников заключается в том, чтобы воспрепятствовать возможности Германии когда-либо вновь стать угрозой для всего мира. Важнейшими шагами для достижения данной цели являются истребление нацизма и милитаризма в любой форме, немедленный арест военных преступников с целью несения ими наказания, промышленное разоружение и демилитаризация Германии с последующим долгосрочным контролем немецкого военного потенциала, а также подготовка к восстановлению в дальнейшем немецкой политической жизни на демократической основе».

Подобные условия «жесткого мира», разумеется, не оставляли никаких надежд на скорое экономическое восстановление страны. Ведь директива JCS/1067 категорически предписывала американскому военному руководству **«не допускать никаких мер, которые могли бы способствовать экономическому возрождению Германии, сохранению или усилению ее экономического потенциала»**.

Между тем некоторые представители американской военной администрации все же придерживались более взвешенной позиции относительно дальнейшей судьбы послевоенной Германии. Так, по мнению главы американской оккупационной зоны генерала Люциуса **Д. Клея** и его финансового консультанта **Льюиса Дугласа**, директива JCS/1067 «была написана некомпетентными экономистами», которые «желали запретить самой квалифицированной рабочей силе Европы производить столько, сколько необходимо для континента, который так остро нуждается практически во всем». Данное распоряжение, в котором отчетливо прослеживались отголоски плана Моргентау, явно отражало проявление бесчеловечности по отношению к германскому народу, который в массовом порядке сознательно обрекался на голодную смерть: «Жизненный уровень населения должен поддерживаться на "минимально допустимом уровне", позволяющем "предотвратить голод, распространение болезней и беспорядков"», – указывалось в директиве.

Однако руководители оккупационной администрации и стоявшие за ними силы в Вашингтоне, выступили противниками директивы и начали негласный, но упорный саботаж намеченных в ней мероприятий. Директива оставалась в силе до июля 1947 г. и была заменена новой директивой – «JCS 1779», которая предоставляла теперь самые широкие полномочия военному губернатору и рекомендовала «дать немецкому народу возможность ознакомиться с принципами и преимуществами свободной экономики», то есть, по сути, воздерживаться от декартелизации.

Американская оккупационная политика отличалась большими колебаниями между крайностями. В первые месяцы оккупации американцы не хотели видеть различий между немцами и нацистами и считали, что никакое наказание за их чудовищные преступления не может быть достаточно строгим. Но очень быстро проявилась другая крайность – преувеличенные надежды на быструю демократизацию немцев путем их «перевоспитания» и «переориентации» с помощью культуры и системы образования. Причем американцы свято верили в то, что именно их образец демократии является наилучшим. Однако по отношению к немцам американцы все же проявляли великодушие и человечность. Сразу после войны в США была принята «Government Appropriations for Relief in Occupied Areas» – Программа правительственных субсидий на оказание помощи оккупированным территориям. По данной программе помощи военного министерства США в период с 1946 по 1950 г. в Германию было поставлено товаров первой необходимости и продовольствия на общую сумму 1,6 млрд. долларов⁷. В 1948 г. около двух третей всего импорта в западные зоны оккупации финансировались за счет средств США по **плану Маршалла** и других программ помощи⁸.

Британская зона была самой большой из всех четырех как по численности населения, так и по промышленному потенциалу. В ее состав входила Рурская область – индустриальное сердце Германии. Британская военная администрация пыталась использовать накопленный веками колониальный опыт «косвенного правления». Ставка тут делалась на формирование лояльного управленческого персонала из самих немцев. Однако подлинного «косвенного правления» не получилось, ибо собственный управленческий персонал рос, как на дрожжах: если в 1945 г. в зоне было около 10 тыс. английских служащих, то в 1948 г. – уже около 60 тыс.⁹

В ранней фазе их оккупации англичане следовали так называемой «краткосрочной политике». Ее суть сводилась к тому, что, во-первых, британские офицеры, вступив на немецкую землю, должны были помнить, прежде всего, об интересах Британии; во-вторых, эта политика была направлена на решение самых неотложных задач – разбор руин, организацию мирной жизни, снабжение населения, и т. д., и т. п. Главной проблемой в 1945–1947 гг. была проблема снабжения – продовольствием, углем, одеждой, лекарствами. В целом

⁷ Weimer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998. S. 16

⁸ Grosser D. Wurden die makroökonomischen Ziele erreicht? / Soziale Marktwirtschaft: Geschichte – Konzept – Leistung / Dieter Grosser; Andreas Müller-Armack; Thomas Lange; Beate Neuss. Stuttgart u. a., 1990. S. 81.

⁹ История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 307.

в британской зоне, как и в других зонах оккупации, налицо была картина большой нужды немецкого населения.

«Долгосрочная политика» начала осуществляться с ноября 1945 г. Речь теперь шла о внутреннем обновлении Германии; о том, что демократизация должна проводиться при строгом учете немецкого национального характера, истории и современного политического развития Германии; о том, что новая немецкая демократия должна соответствовать основным стандартам демократии западной. Поскольку в Потсдаме было принято решение о ликвидации Пруссии, в 1946–1947 гг. англичане осуществили в своей зоне, состоявшей в основном из прусских провинций, административную реформу. Были образованы новые земли: Северный Рейн – Вестфалия, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн; а также возрождены права старинных вольных городов-государств Гамбурга и Бремена.

В Англии находилось у власти лейбористское правительство, которое ставило «социалистический эксперимент». Но британская политика в Германии была вполне консервативной и не ознаменовалась серьезными преобразованиями ни в экономике, ни в политике зоны. Б. Робертсон признался в 1950 г., что целью британской политики в Германии было не «второе издание Версаля», а «духовная интеграция» Германии со странами Запада¹⁰.

В Великобритании, отмечает **Н.В. Павлов**, многие политики и высшие государственные чиновники уже вскоре после Потсдама также считали нереалистичным сохранение единой Германии. Поэтому в начале 1946 года в Лондоне возобладало внутреннее убеждение и настрой на раздел страны. Лидер оппозиции У. Черчилль заявил 5 июня 1946 г. в нижней палате парламента: «Мы должны прямо смотреть в глаза тому факту, что на сегодняшний день возникают две Германии: одна более или менее организованная по советской модели, то есть в интересах России, другая по меркам западной демократии». Черчилль был прав: никто не хотел пожертвовать полученным в результате войны кушем¹¹.

Как подчеркивает **А.М. Филатов**, 15 апреля 1944 г. Именно английской стороной был внесен на рассмотрение союзников план разделения на зоны оккупации¹².

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Франции был предоставлен статус четвертой оккупационной державы и она получила свою оккупационную зону¹³. **Французская зона** была самой малень-

¹⁰ Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до нала XXI века. С. 308.

¹¹ См.: Павлов Н.В. Указ. Соч. С. 165.

¹² Филатов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 12.

¹³ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т. М., 200. Т. 1. Становление «реального социализма» (1945–1965). С. 235.

кой по площади – примерно 15% территории послевоенной Германии, где проживало около 12% населения. Но в состав зоны входила индустриальная Саарская область, которая по уровню промышленного производства лишь немногим уступала Рурской области. В 1945 г. военным губернатором французской зоны оккупации был **Жан Мари де Латр де Тассини**, а в 1945—1949 гг. – **Мари Пьер Кёниг**.

В первые годы оккупации на французскую политику в отношении Германии очень сильный отпечаток наложило прошлое, прежде всего – три войны с немцами на протяжении жизни последних двух поколений. У большинства французов были очень сильны антинемецкие настроения, опять возродился лозунг 1919 года: «За все должны заплатить боши». Поэтому генерал **Ш. де Голь** и правящая элита Франции считали, что решать германскую проблему надо исходя, прежде всего, из интересов Франции, а именно о: отделить от Германии Саар, поставить под международный контроль (преимущественно французский) Рур и Рейнскую область.

Глава оккупационной администрации **П. Кёниг** был откровенным германофобом: он запретил употреблять в официальных документах слово «рейх». Везде, где оно употреблялось в качестве прилагательного, его заменяли словом «дойч»: «Дойчебанк», «Дойчепост» и т.д. На заседаниях СКС он всегда занимал особую позицию, подчеркивая, что Франция не давала согласия на Потсдамские решения¹⁴. В целом ее оккупационная политика была плохо скоординирована с политикой трех других держав.

Генерал **Ш. де Голь** не был приглашен участвовать в Потсдамской конференции, и правящая элита Франции чувствовала себя униженной и обделенной. Реванш был взят тем, что Французское временное правительство не признало обязательными для себя ряд пунктов Потсдамского протокола, особенно о создании центральных германских административных органов.

Как отмечал в своей книге «Советский Союз и раскол Германии» **Рената Фрич-Бурназель**, «на протяжении двух лет Советский Союз выступал за предусмотренные в Потсдамском соглашении создание немецкой центральной администрации. Французское правительство, которое сразу после Потсдамской конференции высказало свои возражения против этого, сохраняло свою отрицательную позицию и расстроило попытки учредить общегерманскую администрацию. СССР первым из четырех союзников потребовал создать германское центральное правительство. На встрече министров иностранных дел в Па-

¹⁴ История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до нала XXI века. С. 310.

риже 10 июля 1946 г. Молотов отчетливо высказался за единое германское государство и осудил французскую оппозицию. Франция тогда высказалась за создание союза государств и категорически сопротивлялась основанию политических партий во всей Германии в качестве условия для учреждения центрального правительства»¹⁵.

По **Т.А. Некрасовой**, «на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. было подтверждены планы послевоенного деления Германии на зоны, однако «большая тройка» увеличилась за счет Франции, не участвовавшей ни в одной из конференций, так как до освобождения в июле-августе 1944 г. находилась под немецкой оккупацией. По предложению У. Черчилля, искавшего поддержку в противостоянии «советской угрозе», этой «запоздалой победительнице» была выделена отдельная оккупационная зона»¹⁶.

Во французской зоне оккупации были сформированы пять независимых административных округов: Южный Вюртемберг (получивший название Вюртемберг-Гогенцоллерн, с центром в Тюбингене), Южный Баден (Фрайбург), Пфальц (Нойштадт) и Рейнланд (Кобленц), объединенные в 1946 г. в округ Рейнланд-Пфальц, и Саар. Однако, Саар был выведен из структуры оккупационного управления, так как Франция преследовала в этом регионе особые цели: его ресурсы были важны для французской стальной индустрии, которая только с их помощью могла бы столь динамично развиваться как восстанавливающаяся германская промышленность, рассчитывая в будущем включить эти территории во французскую таможенную и валютную систему.

На Потсдамскую конференцию Францию не пригласили, чем воспользовался ее министр иностранных дел Жорж Бидо, заявив, что Франция не считает себя связанной Потсдамским соглашением, и не обязуется выполнять его в своей оккупационной зоне, особенно – статью о создании в Германии центральных административных органов и немедленном разрешении деятельности политических партий. Тем самым французская оккупационная зона площадью 42800 кв. км и населением около 6 млн. человек была обособлена от остальной Западной Германии, практически не принимая беженцев с Востока. В вопросе о распределении беженцев Франция оказалась особенно неподатливой, так как не хотела усугублять уже существующие материальные трудности в своей зоне¹⁷.

¹⁵ Цит. по: Fritsch-Bournasel R. Die union und die deutsche Teilund. Die sowjetische Deutschlandpolitik 1945-1965. Opladen, 1949. S. 34.

¹⁶ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 131.

¹⁷ Там же. С. 131–132.

В Париже для управления оккупационной зоной были созданы многочисленные министерские комитеты, важнейшим из которых был Министерский комитет по германским и австрийским делам в рамках Министерства иностранных дел Франции. Местом пребывания ставки оккупационных властей в Германии стал Баден-Баден. Военное управление зоной в должности французского главнокомандующего в Германии возглавил генерал Пьер Кёниг, давний соратник де Голля. Он уже второй раз занимал административный пост в Германии, так как после первой мировой войны он заведовал «германскими делами» в Руре и Рейнских землях. Высокое доверие, которым Кёниг пользовался у де Голля, позволяло ему не придерживаться политических указаний из Министерского комитета.

Во главе гражданского управления оккупационной зоной (Гражданский комитет) встал Эмиль Лаффон, самый молодой из французских высших чиновников в Германии. Формально Лаффон подчинялся Кёнигу как главе оккупационной власти, однако на деле стремился к независимости и постоянно увеличивал численность подчиненного ему гражданского аппарата. Деятельность Лаффона в Германии трудно оценить однозначно: с одной стороны, он высказывался в противовес Кёнигу за скорейшее создание германских органов управления, с другой стороны, призывал к проведению жесткой экономической политики. С самого начала это привело к противостоянию двух руководителей, которое в конце 1947 г. закончилось отставкой Лаффона. На деле конфликт сводился к спору об административной структуре зоны: Лаффон полагал, что без центральных германских ведомств экономическая эксплуатация зоны не сможет проводиться эффективно, Кёниг же рассчитывал на координацию действий в рамках оккупационного аппарата¹⁸.

В административные центры (Кобленц, Тюбинген, Фрайбург и Саарбрюккен) были назначены губернаторы, которым подчинялись земельные военные администрации. Комендантами в округах назначались, в основном, более молодые офицеры, и их значительная часть очень скоро стала работать в тесном взаимодействии с местным населением. Они могли располагать немецким персоналом по своему усмотрению и вскоре стали назначать немцев на многие должности. Теодор Эшенбург, работавший в послевоенное время в местной администрации Южного Вюртемберга, считает деятельность оккупационных властей настоящим подарком германскому населению: «Так как земли поначалу не имели парламентов, то главы земельных правительств назначались военными губернаторами. Их выбор в большинстве случаев останавливался на высококвалифицированных работни-

¹⁸ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 132.

ках». Многие германские активисты – такие как Карло Шмид, Теодор Эшенбург, Петер Альтмайер, Адольф Зюстерхенн – в свою очередь, считали себя ответственными перед своей страной и помогали французам устранять послевоенные трудности, рассчитывая со временем перенять власть в воссоздаваемом государстве¹⁹.

Как отмечает **Н.В. Павлов**, французы не менее ретиво проводили курс на дезинтеграцию Германии. В их сознании глубоко сидело шоковое состояние 1940 года, горестные воспоминания о многолетней оккупации и печальный опыт многовекового германо-французского соперничества в Европе. Естественно, Париж не желал повторения истории, окажись он вновь лицом к лицу с более мощным и сильным германским соседом. Поэтому свою задачу-минимум он видел в отделении от Германии Саарской области и Рурского бассейна. Франция во главе с де Голлем выступила в 1945 году против создания центрального германского правительства, опустив таким образом шлагбаум на дороге, которая в перспективе могла привести к возрождению общегерманского национального государства. Еще на Потсдамской конференции было решено учредить под руководством Контрольного совета центральные общегерманские департаменты по вопросам финансов, промышленности, транспорта и внешней торговли во главе с немецкими статс-секретарями, что могло бы явиться зародышем нового общегерманского правительства. Но именно Франция наложила в Контрольном совете «вето» на осуществление этого решения, и трем другим державам не удалось переубедить де Голля. Характерна была позиция Франции и на 1-й сессии СМ ИД в Лондоне 14 сентября 1945 г., где она выступила с меморандумом, в котором говорилось, что «разделение Германии на несколько государств, если бы оно было следствием естественного развития, а не навязанного решения, благоприятствовало бы поддержанию безопасности в Европе».

На 2-й сессии СМ ИД в Париже весной 1946 года советская сторона предложила создать общегерманское правительство, которое взяло бы на себя ответственность за заключение мирного договора и обеспечило выполнение обязательств Германии по этому договору. В качестве переходной меры СССР высказался за учреждение в кратчайшие сроки центральной администрации. Однако западные державы отклонили советские предложения. Более того, французский министр иностранных дел Ж. Бидо потребовал включения в повестку дня вопроса о расчленении Германии. Это, по мнению французской стороны, было бы самым действенным средством обеспечения безопасности Франции.

¹⁹ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 132.

16 февраля 1946 г. Франция поставила остальных союзников перед фактом, что Саар немедленно «изымается из ответственности Контрольного совета», и в декабре установила таможенную границу между Сааром и остальной территорией Германии. Год спустя в Сааре было создано правительство под французским протекторатом, а 1 апреля 1948 г. Саар был полностью включен во французское таможенное, экономическое и валютное пространство. В июле 1948 года было учреждено саарское гражданство²⁰.

Советская зона занимала 30% территории Германии, там проживало примерно 28% населения страны. До войны этот район давал более 30% промышленной продукции, 35% возделываемых сельхозугодий послевоенной Германии также были сосредоточены в советской зоне²¹.

Сотрудникам СВАГ приходилось работать в гораздо более трудных условиях, чем работникам западных оккупационных администраций. Во-первых, пропаганда антикоммунизма и антисоветизма, которая велась в Германии с октября 1917 г., а в годы нацизма усилилась многократно, принесла свои плоды: ненависть к СССР, к русским (вперемешку со страхом) была очень большой.

Во-вторых, в отличие от военных администраций западных зон, в СВАГ (как в центральном аппарате, так и во всех подразделениях) были политотделы, созданные Центральным Комитетом ВКП(б). Парторги, назначенные ЦК, играли очень большую роль; все принципиальные вопросы решались в Москве. Особая роль принадлежала службе безопасности, управлению пропаганды, подразделениям НКВД. Так что доля самостоятельности в принятии решений у работников СВАГ была гораздо меньшей, чем у работников западных оккупационных властей. Очевидно, что через СВАГ жестко проводилась сталинская политика в решении германского вопроса. **Советскую военную оккупационную администрацию (СВАГ) в Германии** возглавляли Г.К. Жуков в 1945—1946 гг., В.Д. Соколовский – в 1946—1949 гг. и В.И. Чуйков – в 1949 г.

С точки зрения немцев время оккупации было суровым, но не в одинаковой степени. По воспоминаниям современников наиболее жесткой представлялась советская оккупация; менее жесткой (но все равно суровой) – французская; и самыми терпимыми – американская и английская.

В оккупационной политике западных держав можно увидеть определенный дуализм. С одной стороны, они добивались ослабления Германии как военного, экономического и политического соперника.

²⁰ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 167–168.

²¹ История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 310.

С другой стороны, Германия была им нужна как важный партнер в рыночной экономике и как возможный стратегический союзник в борьбе против угрозы мирового большевизма. Но все же в оккупационной политике США, Англии и Франции было больше того, что их объединяло, чем разъединяло. Не в последнюю очередь – ценности демократического общества. Поэтому они ориентировались на умеренные политические партии, организации Германии и на соответствующих политиков. У западных оккупационных держав одинаково негативным было отношение к коммунистам и активистам-антифашистам. Причем в антифашизме они часто были склонны видеть прототип (или аналог) коммунизма.

Пожалуй, труднее всего дать однозначную оценку **советской оккупационной политике** в Германии. С одной стороны, она была обусловлена соображениями национальной безопасности (ведь Германия за предшествовавшие 30 лет два раза нападала на Россию); с другой – она, конечно же, была тесно связана с общей экспансионистской политикой Сталина, в Восточной Европе²². Тем не менее, для восточных немцев в «час ноль» их же собственной истории, в плане социальной политики, и просто в человеческом плане, советскими оккупационными властями сделано много позитивного. Символично, что приказ № 01 первого начальника гарнизона Берлина генерала **Николая Эрстовича Берзарина** (1904–1945) от 2 мая 1945 г. назывался «О восстановлении органов здравоохранения в Берлине». **С момента подписания акта о безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 г. и до осени 1949 г. на территории Германии не существовало государства.** Вся полнота власти была в руках военных администраций США, Великобритании, Франции и СССР²³. **5 июня 1945 г.** в Берлине было созвано первое заседание Контрольного совета по Германии (таким было его официальное название, но в литературе его чаще всего называют **«Союзным Контрольным советом»** или СКС) в составе четырех главнокомандующих оккупационными войсками. В 17 часов этого же дня главнокомандующие подписали **«Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии»** правительствами СССР, Англии, США и временным правительством Франции. 6 июня 1945 г. Декларация была опубликована в газетах, оглашена по радио. В ее основе были пункты документа о безоговорочной капитуляции, согласованные в Ялте. Таким образом, только почти через месяц после капитуляции миллионы немцев впервые узнали ее суровые условия. В тот же день в кратком изложении были опубликованы со-

²² История Германии: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. / под ред. Б. Бонвеча и Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. С. 312.

²³ Там же. С. 312.

глашения о зонах оккупации и о контрольном механизме реализации верховной власти союзниками.

СКС был универсальным органом: он принял сотни директив, инструкций, обращений, издал десятки приказов и законов, касающихся всех сфер жизни, которые распространялись на все четыре оккупационные зоны и были обязательными для исполнения всеми. Прежде всего надо назвать законы 1945 года: № 1 от 20 сентября – об отмене нацистских законов; № 2 от 10 октября – о роспуске и ликвидации НСДАП и ее «дочерних организаций»; № 8 от 30 ноября – о мерах по демилитаризации Германии; № 10 от 20 декабря – о наказании лиц, совершивших военные преступления или преступления против мира и человечности и др. 25 февраля 1947 г. СКС принял закон № 46 о ликвидации Прусского государства. Территории, входившие в его состав, или получили статус земель, или вошли в другие земли.

По менее значительным проблемам принимались директивы, например: директива № 41 от 17 октября 1946 г. «Об увеличении заработной платы рабочим угольной промышленности» и др. В Потсдаме было решено, что во время оккупации Германия будет рассматриваться как единое экономическое целое, поэтому СКС занимался и регулированием кредитно-банковской системы, и юридическими, и многими другими вопросами.

У **СКС** было довольно много полномочий, чтобы проводить в жизнь решения, принятые в Потсдаме. Но самой уязвимой стороной его деятельности было то, что главнокомандующие, из которых он состоял, подчинялись не Совету, а своим правительствам, руководствовались их указаниями, а не заботой о совместном решении общегерманских проблем. Поэтому сфера разногласий все время увеличивалась. Когда согласия достигнуть не удавалось, военные губернаторы в западных зонах и советский главком действовали, исходя из собственных представлений о демократии, демонтаже, наказании нацистских преступников и т. д. К тому же все решения в СКС принимались на основе консенсуса, действовало и право вето. Им и воспользовался представитель Франции при обсуждении вопроса о создании центральных немецких департаментов.

По мере нарастания «холодной войны» расхождения в СКС между представителями западных держав и СССР становились все более значительными. Реальная власть все более сосредоточивалась в руках зональных военных администраций. В западных зонах оккупационные администрации возглавлялись военными губернаторами. Во главе американской администрации в 1945 г. стоял генерал армии (впоследствии президент США) **Дуайт Эйзенхауэр**. После него наиболее яр-

кой личностью на этом посту с марта 1947 г. был генерал **Люциус Д. Клей** (1897–1978). В английской администрации такими яркими фигурами были до апреля 1946 г. фельдмаршал **Бернард Л. Монтгомери** (1887–1976) и в 1947–1949 гг. генерал **Брайян Робертсон** (1896–1974). Во главе оккупационных войск и зональной администрации французской зоны был генерал **Пьер Кёниг** (1898–1970).

Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ) возглавлял Главначальствующий, в роли которого выступал Главнокомандующий советскими оккупационными войсками. Первым Главначальствующим СВАГ был назначен Маршал Советского Союза **Г.К. Жуков**. Его сменил в марте 1946 г. маршал **Василий Данилович Соколовский** (1897–1968). В апреле 1948 г. на этот пост был назначен генерал армии **В.И. Чуйков**. Роль СКС постепенно уменьшалась и 20 марта 1948 г. состоялось его последнее заседание.

Как отмечает **Т.А. Некрасова**, отношение к оккупационной власти и ее деятельности сильно зависело от того, допускалось ли критическое переосмысление пройденного пути и его адаптация к представлениям немцев о самих себе. В качестве образца демократии все оккупационные державы предлагали себя. Так, Великобритания и Франция подарили миру основы Просвещения и успешный опыт буржуазно-демократических революций, США служили примером федеративного устройства, СССР выступал первопроходцем в социальной сфере. В марте 1949 г. многие немцы рассматривали в качестве достойных ориентиров президентскую демократию американского образца и французское унитарное государство времен кардинала Ришелье. Все четыре оккупационные державы вместе и каждая в отдельности воспринимались немцами враждебно, что являлось прямым следствием национал-социалистической пропаганды, у которой для каждого противника был свой подход²⁴.

С огромным страхом немцы ожидали наступления советских войск, предвидя расправу над мирным населением и прочие жестокости в ответ на аналогичные меры немецких оккупантов на советской земле. Военный комендант г. Диппольдисвальде (недалеко от Дрездена) сообщал 6 июня 1945 г. политуправлению 1-го Украинского фронта о «резко выраженной общей боязни населения действий Красной Армии, причем население в ожидании введения особо строгого режима Красной Армией для населения; и только за последние 5–7 дней, в результате проведения местной комендатурой ряда мероприятий среди местного населения путем разъяснения политики Советского командования к немецкому народу и принятия решительных мер с мародера-

²⁴ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 50.

ми отдельных лиц военнослужащих Красной Армии, чувствуется, что население начинает успокаиваться, причем население крайне удивлено, что к ним так хорошо относится Советское командование». Заряженные страхом перед «большевистской красной угрозой», немцы ожидали увидеть русских «нищими недочеловеками, животными, лишенными всех человеческих чувств, в том числе сострадания». Стереотипный нацистский образ «большевика» – «со всеми его негативными атрибутами интернационализма, материализма и революционных устремлений – перекликался с двумя другими навязчивыми образами национал-социалистов: «еврейского мирового заговора» и русского (т.е. «азиатского», расово более низкого и однозначно анти-европейского) характера большевистского режима», – писал профессор университета Ланкастера (Великобритания) **А. Камлис**²⁵.

Однако вместе с успехами советских войск приобретала популярность и социалистическая альтернатива, на деле доказавшая свою эффективность в ходе Второй мировой войны. Идея социализма стала в послевоенной Европе своеобразной темой дня, поскольку решение социальных вопросов, умноженных мировой войной и выгодно оттеняемых советской пропагандой, было одной из первоочередных задач. Политики-социалисты вошли в правительства Западной Европы, в том числе оккупационных держав Великобритании и Франции. Все это создавало для СССР определенные преимущества, однако не означало, что выбор в пользу советского образца будет однозначным.

Обратная сторона советской медали была известна европейской общественности еще с межвоенных времен. Кроме того, развернувшееся сразу после войны противостояние между западными державами и СССР ставило под сомнение согласие между союзниками, а вместе с ним и единую линию в германском вопросе. В результате творчески мыслящим немцам, готовым участвовать в создании нового государства, был навязан неотложный выбор – либо на Запад, либо на Восток. Параллельно неудачная политика СССР в Германии – например, насильственное объединение социалистов и коммунистов в Социалистическую единую партию Германии и блокада Берлина – разрушала едва обретенный образ авторитетного освободителя, а вместе с ним и последние иллюзии относительно советского пути. Немецкий историк **М. Вильке** пишет о последствиях Берлинского кризиса 1948–1949 гг.: «советские действия подтвердили правильность англо-американского курса по отношению к Советскому Союзу и эмоционально сплотили западных союзников, западных немцев и западных берлинцев. Блокада Берлина, с одной стороны, была конфликтом между Соединенными

²⁵ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 51.

Штатами и Советским Союзом, а с другой – моментом истины для принятия решений о судьбе Германии»²⁶. 1949 г. 51% опрошенных журналом «Шпигель» западных немцев голосовали на выборах только для того, чтобы не отдать коммунистам свой голос. Симпатии партий западных зон оккупации, включая Социал-демократическую партию Германии во главе с ее духовным лидером К. Шумахером, отвернулись от восточной державы-победительницы и обратились к западным.

В восприятии немцами **западных союзников** также существовали серьезные различия, и их образ был далек от единого. Так, Великобритании и в годы войны довелось сохранить на национал-социалистических плакатах более или менее человеческое лицо – она показана как враг, ставленник всемирного еврейского капитала, но в целом нацизм не унижал английского врага, а победа над ним показывалась достойной борьбы на равных. Причиной столь сдержанной позиции могла стать предыстория соперничества молодой Германской империи со старым промышленным лидером или широко известный пиетет Гитлера в отношении Великобритании. Враги были хорошо известны друг другу, поэтому создание фантастической фигуры англичанина вряд ли могло принести национал-социалистической пропаганде весомые дивиденды. Кроме того, пропагандистский образ Великобритании перестал развиваться с момента вступления в войну США, так как вместе с американским «дядей Сэмом» в нацистской картине появился недостающий элемент – американский кукловод «еврейско-большевистско-капиталистического заговора»²⁷.

В адрес заокеанского врага рейха – США активно использовалась мифология преимущественно антисемитской и расистской (антиафроамериканской) направленности. Но в боях в Европе США участвовали лишь в конце войны, непосредственный опыт боевых столкновений с немцами был короче, потери меньше, чем у других союзников. Американцы славилась своим дружелюбием к мирному немецкому населению, к которому послевоенные немцы относили широкую улыбку и наличие редких товаров, например, сигарет и шоколада. Немцы вспоминали о контрастирующих с послевоенной разрухой «по-мирному обмундированных американцах с их блестящими от чистоты униформами, их пайками в три-четыре блюда, к которым добавлялся ежедневный рацион “Нескафе”, шоколада “Хёрши” и сигарет “Лаки

²⁶ Вильке М. Берлинский кризис 1948–1949 гг.: причины, ход, результаты. – 1948 год в германской истории. М., 2009. С. 142. См. также: Филитов А.М. Советская политика и Берлинский кризис 1948–1949 гг. – Там же, С. 25–43; Максимычев И.Ф. «Дырявая» блокада: Западный Берлин 1948–1949 гг. – Там же, С. 143–160; Захаров В.В. Военно-политические аспекты Берлинского кризиса 1948–1949 гг. – Там же, С. 161–180; Wettig G. Bereitschaft zu Einheit in Freiheit? München, 1999. S. 304.

²⁷ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 52.

Страйк”». Исходящий из Америки блеск завораживал немцев, уставших от войны, и порождал мысли об эмиграции: проведенный в 1947 г. в Южном Бадене и Южном Вюртемберге опрос студентов и школьников показал, что больше трети из них думали об этом. Притягательный образ Америки сказывался и на матримониальном поведении немецких девушек: они вообще стремились к браку с офицером оккупационных сил, но американцы как женихи были привлекательнее других. В советской зоне об американцах немцы отзывались как о «мифических существах почти олимпийской величины»; для немецких матерей американцы слыли «приятными», «всегда хотели помочь на кухне с посудой и разрешали всевозможные мелкие дела по дому». Французы проигрывали американцам в рации, британцы – близостью к родине, следовательно, более тесными связями с домом и семьей, «в результате чего их было сложнее захомутать».

К тому же США не были запятнаны участием в европейской дипломатии накануне Второй мировой войны, выступали против международной агрессии как таковой, сформулировав совместно с Великобританией принципы Атлантической хартии 1941 г. (отсутствие территориальных претензий со стороны США, право народов на самоопределение, общее разоружение после войны). По сути, «мировой» оттенок послевоенных решений, нацеленный на всеобщность и глобальность нового миропорядка, исходил именно с американской стороны. США после войны стали мировым экономическим лидером; политическое лидерство США набирало размах. К 1945 г. важная роль американцев в европейских делах была уже заметна. В ходе военных конференций британский премьер У. Черчилль неизменно согласовывал свои действия с президентом Ф. Рузвельтом; на конференции в Касабланке в январе 1943 г. они сформулировали требование безоговорочной капитуляции Германии, Италии и Японии. В начале 1946 г. на основе объединения британской и американской оккупационных зон Германии была создана Бизония, в которой англо-саксонский курс становился более или менее единым, в частности, таковым он выглядел в глазах немцев.

Третьим западным союзником была Франция. Французской оккупации немцы ждали почти с тем же замиранием сердца, что и советской, поскольку, во-первых, они предполагали враждебное отношение к ним со стороны французов, во-вторых, отказывались воспринять Францию как авторитет в делах государственного строительства. Нацистская пропаганда высмеивала французское Просвещение и издевалась над слабостью Франции во Второй мировой войне. Так, на обложке пропагандистской брошюры «Борьба фюрера во Франции» была размещена фотография Гитлера, мирно позирующего на фоне Эйфе-

левой башни. Ирония подчеркивала пренебрежение немцев в адрес французов. Пренебрежение к французам не раз выражалось в ходе оккупации, когда немцы выказывали неуважение в отношении французов, не допускаемое в адрес других оккупационных держав, например, передразнивая оккупационных солдат у них за спиной²⁸.

Франко-германское соперничество лежало в основе двух мировых войн, так что к 1945 г. противоречий между странами накопилось много. Сдавшись в 1940 г. почти без боя, Франция была разделена на две части (оккупированные Германией территории и марионеточное государство Виши) и так и не смогла освободиться от национал-социалистического господства своими силами: Париж отвоевали в 1944 г. американские, канадские и польские войска. Однако по настоянию Черчилля в противовес Советскому Союзу Франция все же была введена в состав оккупационных держав, что сразу вызвало ряд трудностей: в частности, именно французское вето (отказ выполнять в своей зоне постановления Потсдамской конференции, на которую Францию не пригласили) воспрепятствовало созданию в 1945 г. общегерманского правительства. Тем самым появилась возможность сделать Францию ответственной за несостоявшееся после Второй мировой войны германское единство.

Теперь вернемся к зонам оккупации союзников в Германии подробнее.

Советская зона оккупации Германии

На территории советской зоны оккупации проживало 28% населения страны (включая территорию Большого Берлина). В 1936 г. этот район давал более 30% промышленной продукции и 25% экспортной продукции. Доля в национальном доходе составляла около 30%. В довоенной Германии зона занимала первое место по производству бурого угля, текстильных машин, электротехники, в полиграфическом и химическом производстве, в производстве предметов точной механики и оптических приборов, а также трикотажа, одежды. Эта зона занимала 30% территории и 35% возделываемой площади послевоенной Германии²⁹.

Как отмечают **Р.Ю. Болдырев** и **С.И. Невский**, «территория, вошедшая в состав советской оккупационной зоны, по праву считалась промышленным ядром Германии. Занимая 23% территории Германской империи в границах 1937 г. (без Берлина) и имея 22% населения (по состоянию на 1939 г.), СОВЗ обладала значительным экономическим потенциалом. При доле площадей индустриального назначения в 40% (общегерманский показатель на 1937 г. составлял 24,7%) и населения, занято-

²⁸ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 53.

²⁹ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М., 1990. С. 86.

го в промышленности, в 76,2% (в среднем по Германии в 1937 г. – 65,2%), ее можно отнести к высоко индустриализированным регионам.

В Бранденбурге, Тюрингии, Саксонии и Саксонии-Анхальт находились крупные месторождения каменного и бурого угля, калийных солей, урана, глины, гравия, строительного песка. Имелись также, пусть и не столь значительные, месторождения каменного угля, медной и железной руды. Текстильная промышленность была хорошо развита в Хемницкой агломерации, металлургия и металлообработка – в Берлине и его окрестностях, химическая промышленность и машиностроение – в агломерации Галле, Мерзебурге, Биттерфельде, Лейпциге, оптика и точная механика – в Йене, судостроение – в Ростоке и Висмаре. Кроме этого, на территории СОЗ имелись крупные предприятия целлюлозно-бумажной, текстильной и пищевой промышленности, производство строительных материалов. В целом, промышленное производство в Средней Германии отличалось достаточно высоким технологическим потенциалом, а уровень развития транспортной инфраструктуры, внутренней торговли, банковского дела и сферы услуг здесь был не ниже среднего общегерманского. Земля Саксония в 1939 г. имела наивысший индекс индустриального развития среди всех германских территорий.

В связи с подготовкой Германии ко второй мировой войне было принято решение о переносе ряда важнейших промышленных мощностей на восток, еще больше этот процесс ускорился в годы войны в связи с бомбардировками союзнической авиацией западных частей страны. В результате, к 1944 г. объем валового производства на территории будущей советской зоны увеличился почти на 65%. За это время наиболее существенный прирост производственных мощностей получили такие отрасли военной индустрии, как точная механика/оптика, производство боеприпасов, авиастроение, производство вооружений и электротехника. В Саксонии, Тюрингии, Бранденбурге и Саксонии-Анхальт располагались предприятия металлургической, электротехнической, химической промышленности. Значительная часть производственного комплекса СОЗ уцелела в ходе военных действий, степень разрушения оценивалась экспертами в 15% от уровня производства 1944 года.

Провинция Бранденбург, части Саксонии-Анхальт и особенно Мекленбурга – Передней Померании являлись важными сельскохозяйственными регионами. Мекленбург – Передняя Померания и Бранденбург являлись крупными центрами выращивания ржи, пшеницы и картофеля, а также скотоводства, в плодородных долинах Саксонии-Анхальт, Тюрингии и Саксонии занимались выращиванием пшеницы, ячменя, овса, сахарной свеклы и винограда, в окрестностях крупных промышленных центров было высоко развито садоводство и овощеводство. По общей площади земель сельскохозяйственного на-

значения (6,6 млн га) СОЗ занимала первое место в Германии (31,2% всех обрабатываемых площадей) Правда, война крайне негативно сказалась на динамике развития сельского хозяйства: посевные площади сократились на 17%, в результате сокращения применения удобрений резко снизилась урожайность (зерновых – с 22 ц с га в 1938 г. до 15,5 ц с га в 1945 г., сахарной свеклы – с 310 до 180 ц с га и рапса – с 12 до 6 ц с га). Особенно резко сократилось животноводство (численность лошадей – на 41,2%, крупного рогатого скота – на 44,8%, свиней – на 73%, овец и коз – на 40,3%, птицы – на 68,2%).

Благодаря притоку беженцев и репатриантов население СОЗ выросло с 16,7 млн чел. в 1939 г. до 18,4 млн в 1949 г., при этом доля беженцев и репатриантов составила 23% всего населения. К 1946 г. общее число занятого населения выросло по сравнению с 1939 г. с 7,7 до 8,1 млн чел., из них 42% трудились в промышленности, 24% – в сельском хозяйстве, 17% – в торговле и на транспорте⁷. Однако летом 1945 г. во многих областях промышленности работали только отдельные предприятия, число безработных оценивалось более чем в 1 млн человек. Когда же к началу 1946 г. было запущено 24871 предприятие, число безработных сократилось до 595,5 тыс. чел., а с начала 1948 г., когда работало уже 39 919 предприятий, безработица на востоке Германии была практически полностью ликвидирована»³⁰.

Со времени вступления советских войск на территорию Германии и до образования Советской военной администрации в июне 1945 г. оккупационная политика на территории, занятой советскими войсками, осуществлялась Советской Армией в Германии непосредственно командованием фронтов и армий через созданные ими комендатуры. Но уже в то время комендатуры назначали в городах и селах немецкие органы самоуправления, работавшие под руководством и с консультацией советских военных властей. Первоочередной задачей и немецких органов самоуправления, и военных властей являлось неотложное налаживание городского хозяйства, работы жизненно необходимых предприятий. С момента создания СВАГ ее органы взяли на себя ответственность за управление всей зоной, и прежде всего за выполнение союзнических решений по Германии, определенных в Ялте и Потсдаме.

Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 6 июня 1945 г. было утверждено «Положение о Советской военной администрации по управлению Советской зоной оккупации в Германии». Этим постановлением определялись **основные задачи и структура Советской военной администрации в Германии (СВАГ)**. Задачами СВАГ являлось

³⁰ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Советская репарационная политика в Германии в 1945–1953 гг. // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 51–52.

осуществление контроля за выполнением Германией безоговорочной капитуляции, управление Советской зоной оккупации и проведение в жизнь согласованных решений Контрольного совета по вопросам, общим для всей Германии. Под руководством СВАГ в 1945 г. произошло формирование немецких административных органов в землях и провинциях зоны, разворачивается деятельность демократических общественных организаций и антифашистско-демократических партий. В последующий период, особенно в 1947 и 1948 гг., СВАГ оставляет за собой главным образом функции координации деятельности земельных правительств, помощи немецким органам демократического управления, передачи им опыта управления экономикой, культурой, общественной жизнью. Одной из важнейших и неизменных задач СВАГ оставалось обеспечение и защита демократических завоеваний немецкого народа от посягательств со стороны реакции изнутри и извне.

Организационная структура СВАГ сложилась следующим образом: Советскую военную администрацию возглавлял Главначальствующий. Обязанности его возлагались на Главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии. В его руках сосредоточивалась высшая власть по управлению зоной. Главначальствующий СВАГ имел заместителей, а также помощников по военно-морским делам, по военно-воздушным делам, по экономическим вопросам, начальника штаба. При Главначальствующем состоял политический советник. Обязанности его были возложены на политического советника при Главнокомандующем советскими оккупационными войсками в Германии. Функции первого заместителя Главначальствующего определялись следующим образом: он замещал Главначальствующего по всем вопросам, в круг его обязанностей входили: задача разоружения и роспуск всех германских вооруженных сил, ликвидация германского генштаба, военных школ, изъятие военного имущества и архивов, решение других вопросов, касающихся демилитаризации Германии. Первый заместитель руководил рядом отделов СВАГ. На заместителя Главначальствующего по гражданским делам возлагалась задача осуществлять руководство и контроль за деятельностью органов немецкой администрации в зоне³¹.

Большой круг обязанностей возлагался на заместителя Главначальствующего по экономическим вопросам. Он ведал вопросами экономического разоружения и использования германской экономики для возмещения ущерба, нанесенного советскому народу, осуществлял ликвидацию или контроль за германской промышленностью, которая прежде использовалась для военного производства, а также руко-

³¹ Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М., 1990. С. 69.

водство и контроль за работой германской промышленности и сельского хозяйства для удовлетворения нужд немецкого населения. Он занимался также вопросами внутренней и внешней торговли, продовольствия, транспорта, финансов, топлива, рабочей силы. В СВАГ были созданы отделы: политический, народного образования, правовой (все под общим руководством политического советника), военный, военноморской, военно-воздушный, по репарациям и поставкам (все под общим руководством первого заместителя), внутренних дел, связи, здравоохранения, управления комендантской службы (все под общим руководством заместителя по делам гражданской администрации), промышленный, сельскохозяйственный, торговый, снабжения, транспортный, топливный, по репарациям и поставкам, рабочей силы (все под общим руководством заместителя по экономическим вопросам).

Несколько позднее был создан Военный совет СВАГ, возглавлявшийся Главначальствующим. В Военный совет входили: назначенный Верховным командованием Вооруженных Сил СССР член Военного совета, а также первый заместитель Главначальствующего. Затем были созданы Политуправление СВАГ, Бюро информации, Управление пропаганды. Начальники управлений и отделов назначались Совнаркомом СССР. Они осуществляли руководство и контроль за деятельностью соответствующих германских административных органов и учреждений. В землях советской зоны оккупации – Саксонии, Тюрингии, Мекленбурге и в провинциях – Саксония-Анхальт и Бранденбург существовали управления СВАГ, а также окружные, районные и городские комендатуры.

Приказом № 1 Главначальствующего от 9 июня 1945 г. доводилось до всеобщего сведения, что образована Советская военная администрация. Главначальствующим СВАГ был назначен Главкомандующий группы Советских оккупационных войск в Германии Маршал Советского Союза **Г.К. Жуков**, первым его заместителем генерал армии **В.Д. Соколовский**, заместителем по делам гражданской администрации – генерал-полковник **И.А. Серов**, начальником штаба СВАГ – генерал-полковник **В.В. Курасов**. Маршала Жукова на посту Главначальствующего СВАГ и Главкомандующего сменил в марте 1946 г. **В.Д. Соколовский** (с июля 1946 г. маршал Советского Союза). В апреле 1948 г. на этот пост был назначен генерал армии **В. Чуйков**.

Первым заместителем Главначальствующего СВАГ и Главкома группы советских войск в Германии были – генерал-полковник П.А. Курочкин, с середины 1947 – генерал-лейтенант М.И. Дратвин. Начальником штаба СВАГ последовательно были: генерал-полковник В.В. Курасов, генерал-лейтенант М.И. Дратвин, генерал-лейтенант Г. Лукьянченко. Членом Военного Совета СВАГ в 1945–1946 гг. был генерал-

лейтенант Ф.Е. Боков, в конце 1946 – генерал-лейтенант В. Макаров. Пост политического советника последовательно занимали А.Я. Вышинский, А.А. Соболев, В.С. Семенов (с 1946 г. до образования ГДР). Помощником по экономическим вопросам был назначен К.И. Коваль, замнаркома тяжелой промышленности СССР, вскоре ставший заместителем Главного начальствующего СВАГ по экономическим вопросам.

Советская военная администрация в Германии представляла собой четко и слаженно действующий контрольный аппарат, охватывающий все области общественной жизни восточной части страны – советской зоны оккупации. Постоянное и непосредственное руководство деятельностью СВАГ, особенно в решении принципиальных вопросов, осуществлялось Центральным Комитетом КПСС, Советским правительством³². В системе СВАГ как в центральном ее аппарате, так и в земельных ее управлениях существовали политотделы, созданные Центральным Комитетом КПСС. Они существовали в отделах штаба СВАГ, в управлениях СВАГ в землях (провинциях) зоны оккупации и во всех других находившихся на территории Восточной Германии советских организациях, в комендатурах. В гражданских управлениях и отделах СВАГ существовали парторги, назначенные ЦК КПСС. Аппарат СВАГ комплектовался из офицерского состава воинских частей, пришедших в Германию, а также из специалистов-невоеннослужащих, инженеров, педагогов, агрономов и др., командированных из СССР.

Советским работникам в оккупационной администрации приходилось работать в более сложных и трудных условиях, чем работникам оккупационных администраций западных зон. В советской зоне оккупации, как и вообще в Германии, давали себя знать последствия той политики вражды к Советскому Союзу, пропаганды антисоветизма и антикоммунизма, которые велись в Германии с 1917 г. и особенно в годы нацистского режима. В отличие от военных администраций западных зон, в СВАГ (как в центральном аппарате, так и во всех подразделениях) были политотделы, созданные Центральным Комитетом ВКП(б). Парторги, назначенные ЦК, играли очень большую роль; все принципиальные вопросы решались в Москве. Особая роль принадлежала службе безопасности, управлению пропаганды, подразделениям НКВД. Так что доля самостоятельности в принятии решений у работников СВАГ была гораздо меньшей, чем у работников западных оккупационных властей³³.

Выполняя решения Крымской и Потсдамской конференций об искоренении фашизма и о демократизации Германии, Советская военная администрация с первых же дней оккупации главное внимание обрати-

³² Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М., 1990. С. 87–88.

³³ Там же. С. 89–90.

ла на выявление и привлечение к ответственности главарей нацистской партии и ее организаций, гестаповцев, эсэсовцев, СА, СД, членов фашистской партии, занимавших ответственные посты в административных и хозяйственных учреждениях и предприятиях, участников кровавых преступлений фашизма. В основных чертах денацификация в советской зоне была завершена еще до издания директивы Контрольного совета № 24. Задолго до этого были распущены и объявлены вне закона гитлеровская партия, ее филиалы, подконтрольные ей организации: «Гитлеровская молодежь», нацистские женские и студенческие союзы, СС, СА, СД и гестапо со всеми их штабами и периферийными органами.

Уже в первом приказе военного коменданта г. Берлине генерал-полковника **Н.З. Берзарина**, изданном 28 апреля 1945 г., содержался пункт, в котором объявлялось, что нацистская партия и подчиненные ей организации объявляются распущенными, а их деятельность – запрещенной. Весь руководящий персонал нацистских организаций и учреждений, СС и СА обязывались в трехдневный срок явиться в комендатуры с целью регистрации³⁴. В июне 1945 г. был издан приказ СВАГ № 124, придавший денацификации целеустремленный и организованный характер. В соответствии с ним нацисты изгонялись в первую очередь из наиболее важных государственных и хозяйственных органов, полиции, судебных органов, печати, учреждении народного образования, электростанций, крупных заводов, угольных шахт, из органов самоуправления. Верховным законодателем по вопросам, относящимся к Германии в целом, являлся **Союзный контрольный совет**. В духе союзнических решений по Германии приказы СВАГ обосновывали правовые нормы для советской зоны оккупации³⁵.

В осуществление решения КС и приказа СВАГ о денацификации были приняты соответствующие законы в землях и провинциях. 23 июля 1945 г. такой закон был опубликован в Веймаре президентом земли Тюрингии доктором Рудольфом Паулем. Согласно этому закону, чиновники, служащие и рабочие, вступившие в национал-социалистскую партию до 1 апреля 1933 г. (так называемые «старые борцы»), увольнялись с государственной службы и не получали права на любые виды материального обеспечения. В принципе увольнялись с государственной службы высокопоставленные чиновники (от правительственного директора и выше), чиновники и служащие, оклады которых соответствовали первой из упомянутых категорий, ландраты и обербургомистры, а также школьные советники, ректоры университе-

³⁴ См.: Николаев П.А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе (1945–1954). М., 1964. С. 169.

³⁵ Там же. С. 170.

тов и педагогических учебных заведений (если они были назначены на свои должности при нацистском режиме), учителя в национал-социалистских политических воспитательных заведениях и в школах Адольфа Гитлера. Чиновники, служащие и рабочие, вступившие в НСДАП после 1 апреля 1933 г., увольнялись с государственной службы в том случае, если они были политическими руководителями НСДАП (начиная с руководителя ячейки и выше), служащими СС (кроме лиц, мобилизованных по призыву для службы в СС из числа военнообязанных), служащими СА, начиная с шарфюрера и выше, членами Союза гитлеровской молодежи, начиная с банфюрера и выше; руководящими лицами национал-социалистского союза преподавателей высших школ, национал-социалистского студенческого союза женщин, национал-социалистического союза германских врачей, национал-социалистского союза германской техники, национал-социалистского союза учителей, имперского союза германских чиновников, национал-социалистского союза юристов, «Германского трудового фронта», национал-социалистской организации обеспечения жертв войны и национал-социалистского благотворительного общества; служащие организации имперской трудовой повинности, начиная с арbeitsфюрера и выше; награжденные «орденом крови» – золотым партийным значком, почетным кинжалом и другими подобными нацистскими знаками отличия³⁶.

Как отмечалось в законе, положения перечисленных пунктов не применялись к тем чиновникам, служащим и рабочим, которые могли доказать, что вышли или были исключены из НСДАП и ее организации ввиду своих враждебных ей политических убеждений, и которые убедительно подтвердят свою антинацистскую позицию. Чиновники, служащие и рабочие, активно содействовавшие достижению целей НСДАП, выступавшие в поддержку этих целей или отличившиеся на военной службе, подлежали увольнению независимо от того, были они членами НСДАП или нет. Для рассмотрения протестов учреждался арбитражный суд. Закон от 23 июля стал решающим и отправным пунктом для проведения последовательных и решительных мер по денацификации в Тюрингии. Аналогичные законы были изданы и в других землях и провинциях советской зоны оккупации. В ходе реализации этих законов были арестованы многие военные и фашистские преступники, произведена решительная чистка от активных нацистов государственных, хозяйственных органов, школ и учреждений системы народного образования. Наряду с фашистскими организациями, перечисленными в ранее изданных приказах СВАТ, было ликвидировали различные фашистские подпольные ор-

³⁶ Батистов Ю.В. Под знаком Красной Звезды: группа советских войск в Германии, 1945–1994. СПб., 2005. С. 119.

ганизации, такие, как «Эдельвейс-пиратен», «Национальное Рейнское движение сопротивления», «Клуб Германии», «Голос немецкой нации», «Фридрих Великий» и др. 8 сентября 1945 г. был издан приказ № 039 Главноначальствующего Советской военной администрации в Германии об изъятии нацистской и милитаристской литературы³⁷.

СВАГ издала 4 сентября 1945 г. приказ о реорганизации немецких судов в соответствии с законодательством, существовавшим на 1 января 1933 г. Приказ предусматривал удаление из аппарата судов и прокуратуры бывших членов нацистской партии, а также лиц, непосредственно осуществлявших карательную политику при гитлеровском режиме. Фактически денацификация органов суда и прокуратуры началась еще до издания этого приказа, по инициативе немецких органов самоуправления. Более 80% судей были членами нацистской партии или входили в ее учреждения, их нужно было заменить антифашистами-демократами. Большая работа была проведена вновь созданным германским управлением юстиции по подготовке новых судей на различного рода курсах.

СВАГ, комиссии по денацификации проводили строгое различие между бывшими активными нацистами и номинальными нацистами. Это был один из основных принципов политики денацификации в советской зоне оккупации. О его соблюдении было вновь указано в приказе СВАГ № 201 от 16 августа 1947 г. В приказе подчеркивалась необходимость отличать бывших активных фашистов, милитаристов, лиц, действительно виновных в военных и нацистских преступлениях, от номинальных, неактивных членов нацистской партии, способных на деле порвать с фашистской идеологией и вместе с демократическими слоями немецкого народа строить новую, демократическую Германию. Этим же приказом было предоставлено не только активное, но и пассивное избирательное право (право быть избранным) тем бывшим членам фашистской партии, которые не запятнали себя преступлениями против мира и безопасности других народов или преступлениями против самого немецкого народа.

Приказом Главноначальствующего СВАГ № 35 от 26 февраля 1948 г. деятельность комиссий по денацификации была прекращена и они были распущены, как выполнившие свои задачи. Таким образом, к весне 1948 г. денацификация в советской зоне была закончена. В итоге большой и напряженной работы по денацификации, проведенной СВАГ и немецкими антифашистско-демократическими силами, из административного аппарата и различных органов примерно 520 тыс. бывших членов нацистской партии, милитаристов и военных преступников были

³⁷ Николаев П.А. Указ. соч. С. 178.

удалены с их постов в учреждениях, на предприятиях и т.п. Не совершившие преступлений «номинальные» члены фашистской партии получили возможность реабилитировать себя честным трудом³⁸.

С мая 1945 г. по декабрь 1964 г. в советской зоне оккупации, а затем в ГДР были возбуждены дела по привлечению к ответственности по обвинению в участии в совершении военных преступлений, а также в преступлениях против мира и человечности 16 572 человека. Осуждено – 12 807 чел., из них 118 – к смертной казни, 231 – к пожизненному заключению, 5088 чел. – к заключению более чем на 3 года, остальные – на более короткие сроки³⁹. Бывшие члены нацистской партии и ее подразделений, устранные с постов в общественных учреждениях и предприятиях, но не лишенные по закону избирательных прав, получили возможность честной и лояльной работой заслужить со временем возвращение на работу по специальности, за исключением должностей в органах правосудия, а также руководящих постов в органах управления.

В советской зоне оккупации проблемы демократизации немецкого общества решались с той же последовательностью и настойчивостью, с какой претворились в жизнь и все другие согласованные союзнические постановления. Приказом № 2 Главноначальствующего СВАГ **Г.К. Жукова** от 10 июня 1945 г. было разрешено на территории советской зоны оккупации образование и деятельность всех антифашистских партий, «ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма, укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом на правлении инициативы и самостоятельности широких масс населения». Трудящиеся Восточной части страны получили право объединения в свободные профсоюзы, а профсоюзы – право заключать коллективные договоры с предприятиями, организовывать страховые кассы и другие учреждения по взаимопомощи, культурно-просветительные и иные общеобразовательные учреждения и организации. В соответствии с приказом № 2 была разрешена деятельность четырех партий – Коммунистической, Социал-демократической, Либерально-демократической и Христианско-демократического союза, демократических свободных профсоюзов, а также издание центральных газет, принадлежащих политическим партиям и профсоюзам. Партиям и их газетам были предоставлены здания, типографии, средства транспорта, бумага и пр.⁴⁰.

³⁸ Николаев П.А. Указ. соч. С. 185.

³⁹ Там же. С. 185.

⁴⁰ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 116.

К началу июля Главнотрудовое ведомство СВАГ утвердил представленные демократическими политическими и общественными организациями кандидатуры руководителей управлений провинций и земель. Новые органы власти создавались по принципу представительства от всех немецких антифашистских демократических партий, входящих в демократический блок. По инициативе коммунистов и сотрудничающих с ними функционеров СДПГ повсеместно создавались антифашистские комитеты, сыгравшие важную роль в проведении неотложных демократических мероприятий. По их же почину возник институт уличных и домовых уполномоченных (доверенных лиц), в дальнейшем ставший одним из наиболее действенных форм связи и сотрудничества населения с городскими и общинными управлениями.

Программным документом для немецких коммунистов и следовавших за ними антифашистов демократов явилось воззвание ЦК КПГ к немецкому народу о строительстве антифашистско-демократической Германии от 11 июня 1945 г. Определили к этому времени свое отношение к происходящим переменам и буржуазно-демократические партии – Христианско-демократический союз и Либерально-демократическая партия. ХДС Восточной Германии хотя и носил одинаковое название с ХДС западной части страны, но в нем уже в июне 1945 г. преобладало прогрессивное крыло. В Учредительном манифесте от 26 июня Правление ХДС высказалось за национализацию монополистических объединений в промышленности, за единое профсоюзное движение рабочих и служащих, за сотрудничество с другими антифашистско-демократическими партиями⁴¹.

Представители четырех партий на совещании в Берлине 14 июля 1945 г. решили создать единый фронт антифашистско-демократических партий, сформировали Центральный комитет. Блока четырех партий (по пять представителей от каждой партии). Приказами СВАГ в июле 1945 г. были утверждены предложенные демократической общественностью кандидатуры в управление земель и провинций зоны, в августе – созданы центральные немецкие управления: транспортное, связи, топливной промышленности, сельскохозяйственное, финансовое, труда, здравоохранения, народного образования, юстиции.

В 1946 г. Советская военная администрация издала (подготовленное с участием профсоюзов) распоряжение, обязательное для всех предприятий, о восьмичасовом рабочем дне. В мае 1946 г. были введены оплачиваемые отпуска для трудящихся. Уже в июне 1945 г. в Восточной Германии стали возникать комитеты молодежи. Широкий размах получило демократическое женское движение. 30 октября

⁴¹ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 121.

1945 г. СВАГ разрешила создание антифашистских женских комитетов, а через месяц эти комитеты уже насчитывали и своем составе 300 тыс. участниц⁴². Важной вехой в развитии демократизации в советской зоне оккупации явилась разработка проекта конституции для земель и провинций зоны. В течение января – февраля 1947 г. демократическими партиями происходило обсуждение и принятие конституции землями и провинциями зоны. В сентябре 1946 г. состоялись общинные или коммунальные выборы.

В советской зоне оккупации быстро и радикально было подорвано господство монополий. В первые же дни после окончания войны, был установлен контроль над предприятиями крупных производственных объединений (И.Г. Фарбениндусти, Крупна, Флика и др.), перешедшими вскоре в собственность немецкого народа. Приказом СВАГ № 124 от 30 октября 1945 г. был наложен секвестр на имущество, принадлежавшее германскому государству и нацистским военным преступникам. Днем позже последовал приказ СВАГ № 126 о конфискации имущества фашистской партии, ее органов и примыкавших к ней организаций. Осуществленный органами СВАГ секвестр являлся переходной мерой к принятию окончательного решения об этой собственности. Он декретировал принудительную передачу предприятий и имущества во временное управление СВАГ, но окончательно не решал вопрос о их дальнейшей судьбе. Лишь часть секвестрированных предприятий была демонтирована в порядке уплаты репараций СССР и Польше для частичного возмещения огромных убытков и разрушений. Другая, большая часть секвестрированных предприятий была позже передана немецкому народу.

Приказом Главноначальствующего СВАГ № 97 от 29 марта 1946 г. был утвержден состав Центральной немецкой комиссии по делам секвестра и конфискации. Секвестрированное и конфискованное имущество, принадлежавшее германскому государству, его центральным и местным органам, военным учреждениям, национал-социалистской партии, ее органам и примыкавшим к ней организациям, ее должностным лицам, руководящим членам партии и их приверженцам, обществам, клубам и объединениям, запрещенным и распущенным Советским военным командованием, правительствам и подданным стран, участвовавшим на стороне Германии, а также бесхозное имущество, находившееся на территории Германии, занятой войсками Красной Армии, передавалось в распоряжение провинциальных самоуправлений для эксплуатации, под контролем демократических организаций, в интересах трудящихся. На Центральную немецкую

⁴² См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 126, 129.

комиссию по делам секвестра и конфискации возлагалось руководство деятельностью провинциальных немецких самоуправлений в вопросах, касающихся секвестрированного и конфискованного имущества. Комиссию возглавил доктор Фридрих Ланге⁴³.

21 мая 1946 г. последовал приказ Главногоначальствующего СВАГ № 154 о передаче конфискованного и секвестрированного в соответствии с приказами № 124 и 126, имущества в полное владение и пользование демократических немецких самоуправлений. Все не подлежавшие конфискации и секвестру предприятия были возвращены прежним владельцам. Следующей за секвестром мерой, нанесшей удар по позициям монополистического капитала в Восточной Германии, явилась конфискация предприятий, принадлежавших военным преступникам, осуществленная решениями местных немецких властей на основании референдума. Первый референдум был проведен в Саксонии. Советские военные власти дали согласие на проведение референдума. Референдум состоялся 30 июня 1946 г. В голосовании приняло участие 93,7% лиц, имевших право голоса. Из общего числа голосовавших (3676441 человек) 77,62% (2483401 человек) ответили на поставленный вопрос утвердительно⁴⁴. Вслед за Саксонией такие же законы в июле и августе 1946 г. были приняты и в других землях и провинциях Восточной Германии.

Еще в мае 1945 г. СВАГ были запрещены операции германских крупных банков и выплаты со счетов, открытых до 8 мая 1945 г. В результате этих мероприятий промышленные монополии лишились возможности использовать свои денежные резервы, распоряжаться акциями и облигациями. Вслед за этим была осуществлена национализация крупных капиталистических банков и закрыты монополистические страховые компании. Вместо них возникли народные банки, народные сберегательные кассы и кредитные товарищества. Так была заложена основа денежной и кредитной системы Восточной Германии. В конце 1945 г. возникла единая банковская система, которая состояла из пяти земельных банков, с филиалами в отдельных округах и городах. Были учреждены страховые общества, упорядочена структура сберегательных касс.

Составной частью задачи демилитаризации Германии являлось уничтожение военных сооружений, складов, оружия и боеприпасов. В советской зоне оккупации к 1 декабря 1945 г. было выявлено и уничтожено 343 склада с боеприпасами, 88 пунктов сосредоточения стрелково-артиллерийского вооружения, 5 стрелково-артиллерийских полигонов, бронетанковое снаряжение. Всего к концу 1 квартала

⁴³ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 286.

⁴⁴ Там же. С. 287–289.

1947 г. было полностью уничтожено все военно-химическое имущество, все фортификационные сооружения, хранилища боеприпасов, береговые батареи, военно-воздушные объекты. К тому же времени были уничтожены все находившиеся в восточной зоне оккупации заводы танковой промышленности, предприятия, изготавливавшие боеприпасы, в том числе самолеты-снаряды «Фау-1» и реактивные снаряды «Фау-2», военную аппаратуру и многие другие заводы и фабрики, имевшие отношение к производству оружия и военного снаряжения. Всего в советской зоне оккупации было уничтожено, демонтировано или переведено на производство мирной продукции более 600 предприятий военной промышленности⁴⁵.

Большие и принципиальные задачи демилитаризации, определявшие направление дальнейшего развития Германии, решались в Восточной Германии одновременно с реализацией неотложных требований восстановления экономики, транспорта, городского хозяйства. По призыву демократических организаций при активном участии немецких антифашистов с поддержкой и помощью советских военных властей рабочие Восточной Германии восстанавливали и пускали в ход предприятия, как только прекращались военные действия. Во многих случаях предприятия функционировали без капиталистов, под руководством передовых квалифицированных рабочих.

Постепенно в зоне складывался немецкий хозяйственный аппарат. Были укомплектованы экономические отделы управления земель, провинций и округов. Начали свою деятельность в качестве консультативных органов промышленная и торговая палаты. За секвестром и национализацией предприятий военных преступников и активных нацистов последовала национализация целых отраслей промышленности, начиная с горнорудной, по решению немецких органов самоуправления.

В процессе демилитаризации были осуществлены лишь относительно небольшие репарационные изъятия. Очень скоро Советский Союз отказался от демонтажа предприятий, предназначенных для репараций. Одновременно были значительно снижены репарационные платежи за счет поставок из текущей продукции промышленности. Полностью были освобождены от репараций из фондов текущей продукции производство обуви, одежды и других предметов широкого потребления, а также добыча угля и калия (идущего для производства сельскохозяйственных удобрений). Репарационные поставки из восточной части Германии были прекращены в 1948 г. В результате народного голосования в Саксонии и решений правительств других земель советской зоны ок-

⁴⁵ Захаров В.В. Демилитаризация советской зоны оккупации Германии. По новым документам российских архивов // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 24.

купации, а также передачи в собственность немецкого народа секвестрированных Советской военной администрацией и принадлежавших Советскому Союзу предприятий, в экономике Восточной Германии образовался общественный сектор. В 1949 г. все промышленное производство Восточной Германии достигло уровня 1936 г.

С созданием народного сектора в экономике Восточной Германии перед органами СВАГ и немецкими демократическими организациями возникли новые задачи экономической политики. Важнейшими из них являлись: создание централизованного управления хозяйством, совершенствование методов руководства народными предприятиями, повышение производительности общественного труда. Коренным вопросам хозяйственной политики был посвящен приказ Главного начальствующего СВАГ от 9 октября 1947 г. за № 234. Этот документ представлял собой программу хозяйственного строительства, решения больших экономических и социально-политических вопросов, от решения которых зависело упрочение итогов проведенных преобразований, дальнейшее их расширение, укрепление новых общественных отношений, складывавшихся в Восточной Германии⁴⁶.

Новые задачи хозяйственной политики потребовали от немецких хозяйственных органов развития и совершенствования новой функции хозяйственного руководства – планирования экономики. Постепенно плановое управление становилось органической частью деятельности всех звеньев немецкого аппарата управления. Ландтаг земли Бранденбург еще в апреле 1947 г. принял закон о планировании экономики. Закон предоставлял широкие права министру хозяйственного планирования и юридически закреплял принципы планового ведения хозяйства. Такие же законы были приняты и в остальных землях советской зоны оккупации. Введение и совершенствование планового начала как органической части хозяйственного руководства немецких органов управления в Восточной Германии опиралось на активную поддержку СВАГ. Приказом № 138 Главного начальствующего СВАГ 4 июня 1947 г. была учреждена постоянная Немецкая экономическая комиссия (НЭК). В качестве главной задачи перед НЭК было поставлено «достижение необходимой согласованности в работе немецких управлений промышленности, транспорта, топлива и энергетики, сельского хозяйства, торговли и снабжения»⁴⁷.

Приказом Главного начальствующего СВАГ № 32 от 12 февраля 1948 г. НЭК была наделена законодательными полномочиями. Ей бы-

⁴⁶ Захаров В.В. Демилитаризация советской зоны оккупации Германии. По новым документам российских архивов // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 26.

⁴⁷ См.: Фойтчик Я. Советская военная администрация в Германии, 1945-1949 гг. Справочник. М., 2009. С. 569.

ло предоставлено право не только принимать и издавать распоряжения и инструкции по экономическим вопросам, обязательные для всех немецких органов на территории советской зоны оккупации, но и проверять их исполнение. С целью дальнейшей демократизации представительства в НЭК ее состав был расширен с 31 до 101 человека. При этом были приняты во внимание рекомендации Немецкого народного совета 77 и предложения демократических партий. Одной из главных задач НЭК в условиях нового этапа развития демократической экономики явилось составление первого двухлетнего плана Восточной Германии на 1949–1950 гг.⁴⁸.

Таким образом, советская германская политика не была четко определенной и неизменной с самого начала, напротив, она была многосторонней и изменялась под действием внутренних и внешних факторов. Советская сторона не ставила своей целью создание германского социалистического сепаратного государства. Гораздо в большей степени, по крайней мере, до 1947 года, она была заинтересована, в основном из-за репараций, в восстановлении единой Германии. Признаками готовности СССР к сотрудничеству в первые два послевоенных года выступает совместная работа с социал-демократической, буржуазно-демократической партиями во всей Западной Европе, участие в правительстве коммунистов почти во всех землях трех западных зон оккупации Германии.

В соответствии с решениями Потсдамской конференции демилитаризация и военно-экономическое разоружение Германии являлись приоритетной задачей в деятельности органов СВАГ. При этом советской стороной преследовались как минимум две основные цели: во-первых, ликвидировать немецкую военную и военно-промышленную мощь, которая в будущем могла бы стать материальной основой новых агрессивных устремлений; во-вторых, ликвидировать идеологию нацизма и милитаризма, которые являлись духовной составляющей агрессивной внешней политики Третьего рейха.

В то же время эта деятельность существенно усложнялась под влиянием неблагоприятных внешнеполитических факторов. Сразу же после окончания войны между союзниками выявились непреодолимые противоречия в принципиальных вопросах оккупационной политики и взглядах на будущие перспективы некогда единого германского государства. К 1948 г. отношения между Советским Союзом и западными державами развивались в русле «холодной войны». В этих условиях советской стороне было непросто уничтожать сложнейшие инженерно-

⁴⁸ См.: Фойтцк Я. Советская военная администрация в Германии, 1945-1949 гг. Справочник. М., 2009. С. 570.

технические сооружения военного и военно-промышленного назначения, которые могли использоваться в будущем, представлявшимися вполне реальным военным противостоянием с Западом. Поэтому линия СССР в части соблюдения союзных договоренностей о безусловной и полной демилитаризации Германии и уничтожении её военного и военно-промышленного потенциала была не вполне последовательной. Послевоенные политические реалии, а также необходимость организации экономической жизни в Советской зоне оккупации заставили Москву и советские оккупационные власти пересмотреть и подвергнуть ревизии многие союзные решения по Германии, в том числе и в данной области.

Что касается политики денацификации в советской зоне оккупации, то она была проведена предельно жестко, не в последнюю очередь потому, что проводилась под контролем органов НКВД. В отличие от западных зон, где «мягкая денацификация» не позволила провести четкую разделительную черту с прошлым и где при формировании немецких органов власти много бывших членов НСДАП снова сумели занять свои прежние должности, в советской зоне чистка была проведена гораздо глубже и первоначальное «преодоление прошлого» оказалось более однозначным. СВАГ серьезно подошла к полному устранению национал-социалистов из политической и общественной жизни. Побочная же цель этих чисток заключалась в том, чтобы поставить на важные посты в органах управления, особенно в полиции и юстиции, коммунистов или левых социал-демократов. В политике декартелизации СВАГ пошла гораздо дальше разукрупнения немецких монополий, превратив декартелизацию в национализацию. Таким образом, в советской зоне под видом декартелизации было национализировано большинство крупных предприятий, банков и страховых обществ.

Особое место в работе СВАГ занимала **репарационная политика**. Она, как отмечают **Р.Ю. Болдырев** и **С.И. Невский**, изначально была ориентирована на то, чтобы вывезти из Германии значительно больше материальных ценностей, чем предусматривалось Потсдамскими соглашениями. Это позволило бы хоть как-то сократить разрыв между стоимостью причиненного войной ущерба (по подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, около 679 млрд руб.) и установленным размером компенсаций. Официально сделать это было невозможно (из-за позиции Великобритании), поэтому большая часть оборудования должна была быть демонтирована еще до завершения Потсдамской конференции.

В 1945 г. перед советским руководством стояли следующие задачи. Во-первых, в кратчайший срок эвакуировать самое ценное имущество, причитавшееся Советскому Союзу, из западных зон. Это должно было существенно расширить объем репарационных изъятий. Во-

вторых, по возможности максимально ограничить взимание репараций западными союзниками с советской зоны с тем, чтобы, с одной стороны, не допустить ухудшения экономического положения собственной зоны оккупации, а с другой стороны, добиться увеличения поступлений репараций за счет доли союзников в пользу СССР. В-третьих, желательно было перейти к такому варианту репарационных изъятий, когда каждая сторона производила бы их из своей зоны оккупации. Это практически избавило бы Советский Союз от международного контроля за учетом и вывозом репарационных грузов.

Поставленные задачи были выполнены во всех деталях. При этом советское правительство добилось продолжения ограниченного взимания репараций из западных зон и после перехода к позновому принципу. Союзнический контроль над репарационными поставками был полностью преодолен. С этого времени процесс изъятий не регламентировался никакими международными постановлениями, а все существовавшие договоренности советской стороной были обойдены. Экономические и политические последствия обособления Восточной Германии из-за проведения подобной сепаратной репарационной политики советскими оккупационными властями в расчет тогда не принимались⁴⁹.

До заключения Потсдамских соглашений было вывезено практически все промышленное оборудование из передаваемых Польше районов Восточной Пруссии, Силезии, Померании, а также из Западного Берлина. Кроме того, в СССР была отправлена значительная часть имущества из Восточной Германии. Оценка результатов деятельности трофейных и демонтажных команд практически не производилась, поэтому данные об изъятиях не были учтены при подсчете репараций. По состоянию на 9 мая 1945 г. из Германского рейха было вывезено 48 тыс. вагонов оборудования общим весом 550 тыс. тонн. Оценка стоимости этих грузов велась из расчета 370 долларов за одну тонну.

В общей сложности до 1 августа 1946 г. было демонтировано оборудование 4166 предприятий общей остаточной стоимостью в 1,9 млрд долларов (для его транспортировки потребовалось 556 тыс. вагонов). Кроме того, было конфисковано и передано в собственность СССР подвижного состава железных дорог на сумму в 350 млн долларов. Вывоз оборудования из Германии позволял существенно усилить экономический и военно-промышленный потенциал СССР. Так, мощность электрогенераторов выросла на 48%, электростанций – на 71, число металлорежущих станков – на 42, прессов и молотов – на 26, деревообрабатывающего оборудования – на 28%⁵⁰.

⁴⁹ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 52–53.

⁵⁰ Там же. С. 54.

С осени 1945 г. начался «законный» этап взимания репараций. Первоочередные мероприятия СВАГ на транспорте сводились к изъятию «излишних» транспортных средств в пользу СССР и бесперебойному обслуживанию репарационных поставок. Для обеспечения перевозок был задействован значительный подвижной состав – 900 паровозов, 12 000 вагонов, а также 28 000 платформ, которые обслуживало 1800 бригад. Из Германии были вывезены наиболее ценные и исправные корабли, 1291 локомотив и 40 852 вагона, 6 снегоочистителей, 776 цистерн, 92 транспортера, более 500 колесных пар, 8,1 тыс. км рельсов и 5 млн шпал, 11,6 тыс. комплектов стрелочных переводов (в том числе был демонтирован весь электрифицированный участок железной дороги протяженностью 860 км), что привело к резкому сокращению объемов немецких перевозок. Для преодоления создавшегося кризиса в 1946–1947 гг. была проведена национализация всех видов транспорта и введено планирование по советскому образцу. Только с 1948 г. началось восстановление демонтированных железнодорожных путей и возврат части изъятых в счет репараций транспорта (в Германию вернулись 710 локомотивов и 14 824 вагона).

После заключения Потсдамских соглашений основной упор предполагалось сделать на демонтаже из Западной Германии. Осенью 1945 г. межсоюзническая оценочная комиссия проинспектировала предприятия западных зон, оборудование которых должно было быть демонтировано. 1 апреля 1946 г. хозяйственный директорат Контрольного совета утвердил список из 415 предприятий, подлежащих демонтажу в счет репараций (130 – из американской зоны, 262 – из британской, 23 – из французской). В течение нескольких месяцев демонтированное оборудование отгружалось в Бременском порту на зафрахтованные советские суда. Демонтаж из западных зон затронул в первую очередь химические, танковые, автомобильные, авиационные, судостроительные заводы, а также металлургические предприятия⁵¹.

Однако вскоре при взимании репараций из западных зон СССР пришлось столкнуться с трудностями. Как выяснилось, самое ценное оборудование уже было продано или вывезено по указанию союзников, многие заводы вовсе не имели оборудования, американские и британские оккупационные власти препятствовали доступу советских сотрудников на предприятия. Первоначально советское руководство довольно остро реагировало на эти сообщения, обвиняя западных союзников в срыве Потсдамских соглашений. В директивах Политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на Парижской конференции совета министров иностранных дел по Германии 1946 г. говорилось, что ре-

⁵¹ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 56.

парации являются главным экономическим требованием СССР к Германии, что необходимо добиться отправки в счет репараций не только промышленного оборудования, но и товаров из текущего производства, при этом пребывание советских войск на территории Германии расценивалось как гарантия уплаты репараций.

В 1947 г. в связи с начавшимся расколом Германии вопрос о репарациях в межсоюзнических отношениях отошел на второй план. Члены советской делегации на Лондонской конференции СМВД были проинструктированы следующим образом: «Вопрос о репарациях не выпячивать и развить советскую позицию о репарациях при обсуждении экономических проблем, а также в связи со срывом репараций в западных зонах Германии» С 1948 г. ввиду уже открытого противостояния между союзниками вывоз репарационных грузов из западных зон вовсе прекратился. На заседании Политбюро 8 сентября 1949 г. было принято решение отклонить требования западных оккупационных властей о возобновлении встречных репарационных поставок из советской оккупационной зоны на запад и обратно. При этом советским представителям в межсоюзных органах управления Германией запрещалось впредь настаивать на возобновлении таких поставок⁵². Отныне вся тяжесть уплаты репараций Советскому Союзу ложилась исключительно на население Восточной Германии.

Из советской зоны в первую очередь вывозилось оборудование военных заводов, металлургических, судостроительных, авиационных, химических, электротехнических, оптических предприятий. В результате демонтажа производственные мощности СОЗ в отрасли цветной металлургии сократились на 100%, авиационной промышленности – на 100, черной металлургии – на 80, точной механики и оптики – на 65, электротехнической промышленности – на 60, транспортного машиностроения – на 54, станкостроения – на 53, целлюлозно-бумажной промышленности – на 45, производства цемента – на 40, химической промышленности – от 30 до 100% (в зависимости от вида продукции). При этом значительная часть полученного из Германии оборудования не сразу находила применение, хотя специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР и предписывалось немедленно по прибытии репарационного груза обеспечить его приемку, оценку и учет. Оценка производилась в соответствии с действовавшими в СССР ценами со скидкой на износ. Советские предприятия были обязаны в 10-дневный срок оплатить в государственный

⁵² См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 56–57.

бюджет поставляемое им трофейное оборудование и материалы за счет ассигнований на капиталовложения⁵³.

Спешная отправка грузов зачастую приводила к тяжелым последствиям: оборудование хранилось под открытым небом, терялось в пути, приходило в негодность из-за плохого обращения, расхищалось ввиду ненадлежащей охраны мест складирования. Проведенная в июне 1946 г. на московских предприятиях проверка показала, что из 45 336 единиц трофейного и демонтированного оборудования 14828 единиц – 32,7% – не используется вовсе и небрежно хранится (в основном под открытым небом).

Ввод оборудования в эксплуатацию сильно задерживался. Это было вызвано и путаницей с поставкой оборудования и комплектующих к нему, из-за чего нарушался технологический процесс, и отсутствием сопроводительной технической документации или ее перевода на русский язык, и недостаточной квалификацией инженерно-технических кадров и рабочих, которые были не в состоянии быстро освоить современное оборудование.

Имелся и еще один перекосяк: по состоянию на июнь 1945 г. почти 55% всего демонтированного оборудования отправлялось в Москву, Ленинград, Харьков и Донбасс, 16% – в районы СССР, подвергшиеся немецкой оккупации, и 11% – на Север, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток. В общей сложности 63,2% репараций попали в тыловые районы СССР, кроме того, большая их часть была использована в военно-промышленном комплексе, из чего следует вывод, что репарации не принесли ощутимой помощи советскому населению, пострадавшему от войны.

Начиная с 1946 г. демонтаж предприятий в советской оккупационной зоне шел на убыль. Вместо него летом 1946 г. 213 крупнейших немецких заводов были превращены в советские акционерные общества (САО). А вся производимая ими продукция направлялась на нужды СССР⁵⁴. В собственность СССР были переданы в первую очередь предприятия стратегического назначения: судостроительные, прокатные, сталелитейные, машиностроительные и химические заводы, электроиндустрия. Важной составной частью группы САО в Германии были предприятия отраслей, не развитых или недостаточно развитых в Советском Союзе: заводы по производству велосипедов, электрокабеля, холодильного оборудования. В 1950 г. доля САО в ВВП ССЗ составила 22,6%, в том числе: в химической промышленности – 57,8%, энергетике – 42,2, гор-

⁵³ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 57.

⁵⁴ Там же. С. 57–58.

ной промышленности – 37,6, электротехнике – 36,2, металлургии – 31,7, машиностроении – 26,4, точной механике и оптике – 25,5%.

Еще внушительнее выглядят статистические показатели САО в региональном измерении. Так, в 1947 г. в Саксонии-Анхальт 50,1% всей промышленной продукции производилось на предприятиях, переданных в советскую собственность. В соседней Тюрингии на долю САО приходилось 19,6%⁵⁵. Особую группу составляли предприятия, производившие военную продукцию, например, САО «Висмут». Советский Союз осуществлял в них прямые капиталовложения, поставлял оборудование (в случае необходимости), готовил кадры. Предприятия, включенные в план производства промышленной продукции СССР, полностью зависели от советской администрации и напрямую подчинялись профильным министерствам СССР. На них внедрялся советский опыт производства и планирования, организовывалось социалистическое соревнование и стахановское движение (впрочем, без особого успеха).

На многих частных предприятиях СОЗ были размещены репарационные заказы по производству машин и оборудования, цветных металлов, химикатов, синтетического каучука и резины, товаров народного потребления, стройматериалов, спирта, крахмала и сахара. Весьма значительными были и поставки для Красной армии. При распределении заказов зачастую не учитывались производственные мощности и запасы сырья, что приводило к срывам поставок. Ситуация обострилась, когда в течение 1946 г. в СОЗ практически иссякли все запасы производственного сырья, сделанные в годы войны. Немецкие предприятия назначали свою цену за продукцию, подлежащую вывозу. Советская комиссия сравнивала ее с ценой этого же товара в 1944 году. Из средств земельного правительства производилась оплата в размере той суммы, которую называла фирма, при этом засчитывались репарационные платежи по цене 1944 г., кроме того, для постоянных оптовых покупателей предоставлялась скидка (до 12%), которая также вычиталась из цены 1944 года. Разницу должно было покрыть земельное правительство, то есть фактически – население Германии. Главные статьи расходов бюджета приходились на выплату репараций и на покрытие затрат на оккупацию, всего в 1945–1949 гг. на эти цели было потрачено свыше 1,9 млрд долларов. При этом расходы на восстановление восточногерманской экономики за тот же период составили всего 154 млн долларов⁵⁶.

Причинами таких изменений в репарационной политике стали: развертывание «холодной войны», начало восстановления союзниками

⁵⁵ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 58.

⁵⁶ Там же. С. 58–59.

Западной Германии, ухудшение экономической ситуации в самой СОЗ, а также подготовка к выборам на коммунальном уровне (в общинах), перед которыми необходимо было продемонстрировать успехи немецкой промышленности и повысить благосостояние населения.

Кроме демонтажа и поставок из текущего производства существовали и альтернативные способы взимания репараций. Так, в качестве «интеллектуальных репараций» в СССР вывозились немецкие патенты, научная и техническая литература, а также лучшие ученые и инженеры. Руководство СССР быстро осознало низкую эффективность демонтажа: во-первых, для налаживания работы и обслуживания станков требовались грамотные специалисты; во-вторых, поступавшая в СССР немецкая техническая документация была неполной (часть была уничтожена или попала в руки американских союзников), отдельные проекты находились на стадии разработки или в процессе проектирования. Поэтому задачей сотрудников советской разведки и НКВД являлся поиск ценных немецких ученых и инженеров, а также предотвращение их захвата спецслужбами западных держав. Обнаруженные специалисты гражданских отраслей промышленности переводились на работу в советские акционерные общества или в вузы и НИИ Восточной Германии, выполнявшие задания СВАГ и советских министерств, к ним на стажировку посылались соответствующие советские специалисты. Немецкие ученые и инженеры из военных отраслей, а также специалисты в отраслях науки и техники, слабо развитых в нашей стране, подлежали вывозу в СССР⁵⁷.

Захват ведущих специалистов начался сразу после вступления Красной армии на территорию Германии; с мая 1945 г. приступили к планомерному поиску ценных ученых и инженеров; в 1945–1946 гг. ведущие немецкие вузы и НИИ были прикреплены к исследовательским отделам СВАГ и советских министерств. Одновременно советские ведомства присылали запросы на нужных им специалистов. Для сотрудников отдела науки СВАГ был составлен подробный перечень тем, интересовавших советских ученых: технология и организация приборостроения, технология станкостроения, производство цветного кино и обработка цветной киноплёнки, производство бумаги и фибры, ведение горно-геологических работ, прикладная геофизика, черная и цветная металлургия, обогащение полезных ископаемых, производство синтетического жидкого топлива и газификация твердого топлива, электротехника, электроэнергетика, производство электронных микроскопов, пищевая промышленность, производство стиральных порошков и моющих средств без применения натуральных жиров.

⁵⁷ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 59.

Еще до испытания американской атомной бомбы, в июне 1945 г. сотрудники отдела «С» НКВД-НКГБ (группа П.А. Судоплатова) вывезли из Германии видных ученых с семьями: нобелевского лауреата Генриха Герца, профессоров Роберта Дёпеля, Макса Фольмера, Хайнца Позе, Петера Тиссена – всего около двухсот специалистов, включая 33 доктора наук и 77 инженеров. В Малоярославце-10 был создан секретный центр по разработке, добыче и обогащению урановой руды и металлургии урана, укомплектованный немецкими специалистами. Немецкие ученые работали и в других уголках СССР: известные физики-ядерщики Ганс-Йоахим Борн, Роберт Ромпе и Карл Циммер – в Челябинской области, Густав Герц и его группа – в Сухуми.

Летом 1946 г. отбор специалистов был завершен. Чтобы предотвратить бегство избранных кандидатов в западные зоны, в газете «*Tägliche Rundschau*» публиковались пропагандистские статьи о «счастливой жизни» немцев, «добровольно» подписавших контракт на работу в СССР. В ночь с 21 на 22 октября 1946 г. прошла массовая акция по принудительному вывозу немецких специалистов в Советский Союз (операция «Осоавиахим»). Всего было депортировано 2370 ученых и инженеров и около 4600 членов их семей (примерно 84% всех немецких специалистов, вывезенных в СССР), при этом у них были изъяты все документы. С самыми ценными специалистами и теми, кто заключил контракт, обходились более деликатно, им выплачивалась зарплата в 5 тыс. марок (аналогичный оклад в советской зоне оккупации был положен только главноначальствующему СВАГ)⁵⁸. Розыск специалистов проводился не только в Германии, но и среди немецких военнопленных на территории СССР, для чего были задействованы как оперативные работники, так и агентура лагерей. В Советском Союзе работали инженеры передовых немецких предприятий (Junkers, BMW, Messerschmitt, Heinkel, AEG, Siemens, Karl Zeiss, Leuna, AGFA и др.), а также лучшие ученые (из которых более 50% были академиками) – специалисты по авиа- и ракетостроению, оптике, ядерным исследованиям, химии и военно-морскому флоту.

В ходе реализации программы репараций на территории СОЗ было развернуто производство в рамках советского ядерного проекта. К июню 1946 г. советские геологи обнаружили в Саксонии урановые месторождения (в Советском Союзе в то время еще не было открыто ни одного месторождения урановых руд), и уже в мае 1947 г. приказами СВАГ рудники были переданы в собственность СССР в счет уплаты репараций. Так была образована «Зона интересов САО «Висмут» в Саксонии», включавшая в себя 13 городских и земельных округов, на

⁵⁸ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 59–60.

территории которых в 1950 г. проживало 40% населения Саксонии. В 1947–1948 гг. к CAO «Висмут» присоединились и другие предприятия. В результате к середине 1950-х гг. оно насчитывало 27 объектов, в том числе 10 – по производству урана⁵⁹.

Совершенно неучтенным при подсчете общей суммы репараций оказался принудительный труд немецких военнопленных на территории СССР. В 1946 г. к работе было привлечено 1,8 млн немцев, в том числе в строительство – 35,2%, в топливно-энергетическую отрасль – 22,4, в оборонную промышленность – 17,4, в сферу производства стройматериалов – 13,5, в металлургию и машиностроение – 7,8%. За период с 1943 по 1950 г. эти люди отработали более 1 млрд человеко-дней, произведя продукции на сумму около 50 млрд рублей. Все заработанные военнопленными деньги (16,7 млрд рублей) были потрачены на их содержание⁶⁰.

Еще одним источником финансирования репараций являлась денежная эмиссия. После окончания войны союзнические державы на подконтрольных им германских территориях ввели в обращение так называемые оккупационные валюты – «военные марки». Хотя формально эти деньги эмитировались от лица всех четырех держав-победительниц, фактически их выпуск регулировался директивами Москвы и Вашингтона. Однако в отличие от западных союзников советские власти использовали эти деньги не только на оккупационные цели, но и для финансирования репарационных поставок в СССР. В отсутствие единой межсоюзной системы контроля в СОЗ подошли к эмиссии масштабно: в общей сложности на территории Германии было напечатано и распределено между различными советскими организациями 17,5 млрд военных марок. Если бы вся эта дополнительная денежная масса поступила в обращение, это могло бы привести к окончательному краху денежную систему всей Германии⁶¹. Именно намерение СССР задействовать печатный станок для финансирования своих оккупационных расходов и репарационных заказов торпедировало переговоры между союзниками в 1946–1947 гг. о единых мерах по санации валютной и финансовой системы послевоенной Германии, что в свою очередь предопределило проведение летом 1948 г. двух сепаратных денежных реформ и последовавший окончательный раскол Германии.

В соответствии с приказами главноначальствующего СВАГ, с июля 1945 г. вся иностранная валюта, драгоценные металлы и камни должны были храниться только в органах Госбанка СССР. На основа-

⁵⁹ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 60.

⁶⁰ Там же. С. 61.

⁶¹ Там же. С. 61.

нии данных постановлений в 1945–1949 гг. в счет репараций в Советский Союз было отправлено 1,6 кг палладия, 11,2 кг платины, 127 кг золота, 63,4 т серебра.

Итоги советской репарационной политики до сих пор вызывают споры среди историков. Если в историографии ГДР репарационный вопрос тщательно ретушировался, то в объединенной Германии стало нормой писать о гигантском ущербе, нанесенном Восточной Германии репарациями⁶². Видимо, одной из причин этого стала необходимость исторического обоснования «налога солидарности», который жители и фирмы-резиденты Западной Германии до сих пор выплачивают в пользу земель бывшей ГДР. Кроме того, это позволяет аргументировать «неудачный старт» второго немецкого государства и последовавшего за этим восточногерманского «экономического чуда»: с 1963 г. по уровню жизни ГДР вышла на первое место среди социалистических стран, а в 1975 г. по ВВП на душу населения (3,2 тыс. долларов) Восточная Германия находилась на 10-м месте в мире. Р. Карлш оценивает общее падение промышленного производства СОЗ от военных разрушений, демонтажа и репараций в 75%.

На самом деле, как справедливо отмечает Я. Фойтцик, предпринимаемые немецкими историками и экономистами попытки сравнения «неравных» стартовых условий для экономик ГДР и ФРГ являются некорректными: действительно, объем демонтажа и репараций из СОЗ оказался неизмеримо больше, чем из Тризонии, но в то же время и военные разрушения на западе Германии были в несколько у раз выше, чем на востоке⁶³.

Аналогично обстоит дело и с попытками подсчета «прибыли» Советского Союза. Существующее в отечественной историографии мнение о том, что германские репарации общей стоимостью 4,3 млрд долл, позволили увеличить численность станочного парка советской промышленности в два раза и построить около 6 тыс. промышленных предприятий в годы четвертой пятилетки, как отмечают **Р.Ю. Болдырев** и **С.И. Невский**, стоит признать спорным.

В целом в краткосрочной и среднесрочной перспективе СССР смог извлечь из репараций определенную выгоду. Поставки продовольствия и товаров народного потребления позволили частично удовлетворить спрос населения. Демонтированные в Германии станки и оборудование восполнили причиненные войной потери в соответствующих отраслях советской промышленности, хотя и не по всем видам.

⁶² См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 62.

⁶³ Там же. С. 62.

Официально СССР взыскал с Германии лишь 4,3 млрд долл., (в 1945–1950 гг. – 3,658 млрд, в 1951 – 1953 гг. – еще 0,634 млрд долларов). Современные западные историки приводят другие цифры: Р. Карлаш – 14 млрд долл., изданный МВД ФРГ справочнике по ГДР – 15,8 млрд долларов. В других исследованиях фигурируют цифры вплоть до 22,1 млрд долларов. Разнобой связан с различными методиками подсчета, а также с произвольным отнесением тех или иных статей расходов к «репарациям». К сожалению, открытые в 1990–2000-х гг. документы отечественных архивов также не дают окончательного ответа на этот вопрос: во-первых, значительная часть документов, связанных с репарациями, до сих пор остается на секретном хранении; во-вторых, называемые цифры также базируются на различных методиках подсчета (по весу оборудования, по остаточной стоимости, по средним ценам на 1938 или 1944 г. и т.д.), а также на различных курсовых соотношениях доллара, марки и советского рубля. Поэтому точная цифра взысканных с Восточной Германии репараций попросту не может быть определена⁶⁴.

Из ответов В.М. Молотова на вопросы американского журналиста 5 апреля 1947 г.

Вопрос: Кто получил больше репараций вплоть до настоящего момента – Великобритания, США или СССР?

Ответ: Несомненно, что СССР получил гораздо меньше, чем союзники.

(Молотов В.М. Вопросы внешней политики. М., 1950. С. 464)

Американская зона оккупации Германии

Американская оккупационная зона занимала юго-западную Германию с территорией 107,5 тыс. км² (30% территории страны) и населением 17,255 тыс. чел. В 1936 г. на этой территории было сосредоточено 40% производства средств транспорта, значительная часть производства сельскохозяйственных машин, подшипников и приводного оборудования, более 30% кожевенной промышленности Германии. Зона включала 30% возделываемой сельскохозяйственной площади Германии, здесь было сосредоточено самое крупное в стране поголовье скота⁶⁵.

К послевоенной оккупации Германии Соединенные Штаты Америки стали готовиться еще во время войны. 9 августа 1944 г. вблизи Лондона была учреждена Американская группа Контрольного совета,

⁶⁴ См.: Болдырев Р.Ю., Невский С.И. Указ. соч. С. 63–64.

⁶⁵ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 86.

которая занималась планированием управления Германией после ее поражения. В июле 1945 г. Американская группа была переведена в Берлин и вскоре преобразована в высший орган военного управления в Германии. Окончательное оформление американская военная администрация в Германии (АВАГ) получает 1 октября 1945 г., когда Американская группа Контрольного совета была переименована в Управление военной администрации Соединенных Штатов в Германии (ОМГУС). В ноябре 1945 г. на АВАГ работало более 13 000 человек, а к июню 1949 г. численность персонала сократилась до 2500. Еще в апреле 1945 г. военным губернатором американской зоны оккупации был назначен генерал **Д. Эйзенхауэр** (в ноябре 1945 г. его сменил генерал **Дж. Макнарни**), а его заместителем стал генерал **Л. Клей** (с 15 марта 1947 г. военный губернатор). Ответственность за координацию и осуществление оккупационной политики в Германии была возложена на военное министерство. 19 сентября 1945 г. в американской зоне было образовано три земли: Бавария, Вюртемберг-Баден и Большой Гессен. 1 января 1946 г. в каждой из трех земель были созданы Управления военной администрации, подчинявшиеся непосредственно ОМГУС. Бремен, в качестве американского анклава в британской зоне оккупации, стал четвертой землей 21 января 1947 г. Летом-осенью 1945 г. в трех землях были созданы немецкие земельные правительства, возглавляемые министр-президентом. Все стороны немецкой административной деятельности тщательно контролировались военной администрацией⁶⁶.

Американская военная оккупация германии продолжалась четыре года: от капитуляции германского Рейха в мае 1945 г. до ратификации Основного закона в сентябре 1949 г. Хотя главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Германии генерал Д. Эйзенхауэр по положению и являлся главой оккупационной администрации зоны, он в основном занимался вопросами управления войсками и не особенно стремился влезать в практические дела оккупационной администрации. Штаб-квартира Эйзенхауэра находилась во Франкфурте-на-Майне, в Берлине он появлялся только на заседания Контрольного совета. В еще большей мере ограничивал свою деятельность вопросами руководства войсками генерал Макнерни. Практически с самого начала оккупационную администрацию зоны возглавлял заместитель военного губернатора генерал Л. Клей, штаб которого находился в Берлине. В свою очередь, Клей не был организационно свя-

⁶⁶ См.: Некрылова О.Г. Первые шаги американских оккупационных властей в процессе восстановления послевоенной Западной Германии (1945–1947 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 10, ч. 1. С. 156–160.

зан с командованием американскими оккупационными войсками в Германии. Заместители главкома этих войск – командующий 3-й армией и командующий авиацией группы войск в Германии – не согласовывали своих распоряжений с заместителем военного губернатора, фактическим руководителем оккупационной администрации. Такое положение создавало немалую путаницу в проведении оккупационной политики США в Германии. Руководство оккупационными войсками и оккупационной администрацией было сосредоточено в одних руках с назначением Л. Клея и главкомом и военным губернатором.

Как глава оккупационной администрации **Л. Клей** располагал большими полномочиями, подчиняясь непосредственно военному министру, а не госдепартаменту. Л. Клей пользовался правом широкой инициативы в формировании и проведении американской политики в Германии, без согласования в определенных случаях с Вашингтоном. В этом отношении полномочия Л. Клея как главы оккупационной администрации были более широкими, чем полномочия глав администраций остальных зон оккупации.

Важным по значению в американской оккупационной администрации был пост политического советника, имевшего собственный аппарат. Этот пост занимал **Роберт Мэрфи** – профессиональный дипломат с большим опытом работы, владел поддержкой Ватикана и добивался своей цели любыми способами. Экономическим советником военного губернатора и руководителем Экономического управления являлся генерал Уильям Дрейпер, одна из ведущих фигур в оккупационной администрации американской зоны, позже он стал заместителем военного министра. Начальником отдела контроля за собственностью (при финансовом управлении американской военной администрации) был назначен Эрл Райнсель. С 1920 по 1942 г. он являлся представителем американских торговых интересов в Германии, возглавлял в качестве вице-президента Американскую торговую палату в Германии⁶⁷.

Конкретные цели и задачи, а также основные политические и экономические принципы американской оккупационной политики определялись директивой, выпущенной Объединенным комитетом начальников штабов в мае 1945 г., более известная как JCS 1067 (Joint Chiefs of Staff). Этот документ начал разрабатываться по инициативе Ф.Д. Рузвельта совместно в Государственном и Военном департаментах и Министерстве финансов еще в сентябре 1944 г. В конце апреля 1945 г., после многочисленных изменений, новому президенту США Г. Трумэну был представлен очередной (шестой) вариант директивы, однако лишь восьмая версия была им одобрена и подписана. 14 мая

⁶⁷ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 53.

директива JSC 1067 была выпущена под грифом «совершенно секретно», а 21 мая доведена до сведения основного персонала американской оккупационной администрации.

В соответствии с директивой, основной целью оккупационной политики объявлялось предотвращение повторения угрозы миру со стороны Германии. Германия оккупировалась как побежденная вражеская страна, однако оговаривалось, что цель оккупации – не притеснение немцев, а реализация союзнических целей, позднее известных как политика «четырех Д»: денацификация, демилитаризация, децентрализация, демократизация. Права, власть и статус военного правительства основывались на поражении и безоговорочной капитуляции Германии. Главнокомандующий американскими оккупационными войсками наделялся всей полнотой власти – законодательной, исполнительной и судебной – в пределах своей зоны оккупации. Он должен был поддерживать решения, выработанные в Союзном Контрольном совете, а в отсутствие согласованной политики – действовать в соответствии с этой и другими директивами, выпущенными Объединенным комитетом начальников штабов.

Основной политической целью американских оккупационных властей являлось скорейшее создание такой формы политической организации, которая «основываясь на экономическом благосостоянии, способствует стабилизации Германии и является вкладом в дело мира между нациями». Реализация этой задачи заключалась в том, чтобы заложить экономические и моральные основы немецкой демократии, поддержать демократические усилия.

Уже в июле-августе 1945 г. территория американской зоны была разделена на три федеральные земли с немецкими земельными управлениями – Гросс-Гессен, Бавария и Вюртемберг-Баден. Соответственно, были созданы и три управления военной администрации. При главнокомандующем американскими оккупационными войсками в Германии был создан специальный штаб во главе с заместителем главкома по гражданским делам генерал-лейтенантом Л. Клеем. В переходный период командующие армиями сохраняли свою власть наряду с управлением военной администрации. С 1 января 1946 г. такой дуализм был устранен, и начальники управлений военной администрации подчинялись непосредственно главнокомандующему американскими войсками генералу Дж. Т. Макнарни.

В правительственных директивах США значительное внимание уделялось проблеме организации немецкого самоуправления. Подчеркивалась необходимость оказать поддержку развитию органов самоуправления в Германии и «обеспечить передачу непосредственной от-

ветственности немецким административным органам, передавая им законодательные, судебные и исполнительные полномочия, в соответствии, с требованиями военной безопасности и оккупации». Правительство США считало, что лучшим вкладом в конструктивное развитие немецкой политической жизни было бы создание во всей Германии федералистических немецких государств (земель) и создание центрального немецкого правительства с ясно определенной и ограниченной властью и функциями. Отмечалось, что США «стремятся к созданию в Германии такой политической организации, которая исходит от народа, подлежит его контролю, которая действует в соответствии с демократической избирательной системой и обеспечивает основные гражданские и человеческие права личности». Правительство США отклоняло чрезмерную централизацию правительства, которое «посредством концентрации власти в своих руках могло угрожать спокойствию соседей Германии и всего мира».

Согласно директиве JSC 1067 военный губернатор должен был обеспечить быстрое выполнение политики денацификации в своей зоне оккупации. Без одобрения военного губернатора запрещалась любая политическая деятельность, военному правительству не следовало поддерживать ту или иную политическую группу. Пропаганда нацизма, милитаристских или пангерманских доктрин, демонстрации, будь то военные или политические, гражданские или спортивные, подлежали запрету. Свобода слова, печати и религиозных служб разрешалась лишь в той мере, в какой она не противоречила условиям директивы и не наносила ущерба американским военным интересам. Военному губернатору следовало придерживаться однородной и скоординированной с другими членами Контрольного Совета политики относительно связей с общественностью и контроля над общественной информацией. После проведения соответствующих мероприятий по денацификации, вновь открывались учреждения начального, среднего и высшего образования. Впоследствии американское оккупационное правительство планировало разработать программу переориентации и контроля над немецким образованием, направленную на поощрение и развитие демократических идей⁶⁸.

Серьезный шаг по программе денацификации был сделан 26 сентября 1945 г., когда вступил в силу закон №8 американского военного правительства о денацификации экономики. Теперь денацификация распространялась не только на государственные учреждения, но и на частный бизнес. Согласно закону, любая занятость членов нацистской партии или ее дочерних организаций в коммерческих пред-

⁶⁸ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 156.

приятных, за исключением должности обычных рабочих, запрещалась. Эти меры должны были воспрепятствовать прежним нацистам оказывать какое-либо влияние на экономическую жизнь Германии.

Осенью 1945 г. американские оккупационные власти составили список из 1800 крупнейших промышленников и банкиров, причисленных к военным преступникам, однако в официальной публикации в списке осталось всего 42 человека. В 1946-1948 гг. американские оккупационные власти провели судебные процессы над руководителями фирм «И.Г. Фарбениндустри», концернов Круппа и Флика, но спустя несколько месяцев заключения многие из них вновь вернулись к своей работе как «незаменимые специалисты». К концу января 1946 г. около 260 тыс. чел. были сняты со своих должностей⁶⁹.

В октябре 1945 г. с целью координации деятельности земельных правительств и осуществления однородной политики во всех трех землях американской зоны из министр-президентов был создан Совет земель. Спустя полгода, 5 марта 1946 г. ими был подписан закон №104 «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма». Впервые после окончания войны закон был принят не оккупационными, а немецкими властями. Принятие этого документа заместитель военного губернатора Л. Клей охарактеризовал как «дальнейший шаг на пути к восстановлению самоуправления в американской зоне и реконструкции жизни на демократической основе»⁷⁰.

В ходе обсуждения и разработки закона о денацификации на всевозможных уровнях выявились различия американского и немецкого подходов к решению этой проблемы. Если для американцев денацификация предусматривала удаление нацистов со всех влиятельных позиций в общественных структурах и частных предприятиях, исключение их влияния на экономическую или политическую жизнь Германии, то для немцев она означала прежде всего удаление нацистского клейма с человека и восстановление его в обществе. Определенная часть немцев рассматривала денацификацию как временный процесс чистки, который не должен иметь никакого реального воздействия на того, кто ее прошел. Согласно принятому закону каждый немец, достигший 18 лет, должен был зарегистрироваться и заполнить анкету из 133 вопросов (Meldebogen). Целью проведения анкетного опроса являлось получение информации о каждом немце для определения степени его виновности и причастности к нацизму. Заполнение анкеты являлось обязательным, так как служило основанием для получения продукто-

⁶⁹ См.: Жаронкина Е.А. Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Атлантического государственного университета. 2008. № 4/4. С. 63–64.

⁷⁰ Там же. С. 63.

вых карточек. В общей сложности в американской зоне было заполнено более 13 миллионов подобных анкет.

На основании представленных в анкете данных анкетированный мог быть помещен в одну из пяти категорий: 1) главные преступники; 2) преступники (активисты, милитаристы и спекулянты, т.е. лица, получившие доходы или извлекавшие выгоды от сотрудничества с режимом); 3) незначительные (второстепенные) преступники; 4) последователи («попутчики», т.е. номинальные нацисты); 5) невинные (реабилитированные). В зависимости от того, к какой категории был отнесен человек, и степени его виновности предусматривалась соответствующая мера наказания, начиная от работы в трудовых лагерях на срок до 10 лет и конфискации имущества для главных преступников и заканчивая штрафом для номинальных нацистов.

Для установления степени виновности анкетированного и определения меры наказания на местах создавались специальные трибуналы, или, как их еще называли, шпрукхамеры (Spruchkammer), которые состояли, как правило, из трех-пяти немцев не моложе тридцати лет: председателя, не менее двух экспертов, прокурора. Всего в американской зоне было создано 545 трибуналов со штатом в 22 тыс. чел. Военное правительство оставило за собой функции контроля и наблюдения за работой трибуналов, а также помощи немецким чиновникам в случае необходимости.

Каждый обвиняемый имел право на адвоката, а также в случае несогласия с приговором мог в течение месяца его обжаловать в апелляционном трибунале. Кроме того, лица, попавшие в первую или вторую категории, могли самостоятельно приводить доказательства, смягчающие их вину, чтобы иметь возможность попасть в меньшую категорию. Поскольку бремя доказательств своей непричастности к нацизму лежало на самих немцах, довольно скоро трибуналы наводнили огромное количество всевозможных сертификатов, оправдательных бумаг, рекомендательных писем о том, что обвиняемый вел образ жизни истинного христианина и не был активным нацистом, получивших название «персилудостоверения» («Persilscheine»).

Местные трибуналы в американской зоне приступили к слушаниям в июне 1946 г. К этому времени анкеты заполнили около 1613000 немцев. Всего же, согласно статистическим данным, на конец июня 1949 г. было зарегистрировано 13199800 взрослых немцев, из которых 3445100 человек попали под действие закона и прошли слушания в трибуналах, т.е. практически каждый четвертый немец подвергся процедуре денацификации⁷¹. Уже в течение первых месяцев работы

⁷¹ См.: Жаронкина Е.А. Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Атлантического государственного университета. 2008. № 4/4. С. 64.

трибуналов стало ясно, что быстрое завершение программы денацификации невозможно. Огромное количество лиц, подлежащих судебному преследованию, делало эту задачу практически невыполнимой. Немецкие трибуналы были бы просто не в состоянии рассмотреть все случаи в пределах разумного времени. Осуществлению денацификации мешала и чисто экономическая проблема: трибуналам по денацификации приходилось работать в трудных условиях черного рынка, нехватки пишущих машинок, бумаги и других средств.

С целью ускорения работы трибуналов военное правительство было вынуждено пойти на уступки. В августе 1946 г. была объявлена так называемая молодежная амнистия для лиц, рожденных после 1 января 1919 г., а в конце декабря «рождественская амнистия» для нетрудоспособных, а также для малообеспеченных лиц, годовой доход которых с 1943 по 1945 гг. не превышал 3600 марок, а стоимость имущества – 20 тысяч марок, при условии, что они не относились к категориям главных преступников или преступников. Предполагалось, что эти амнистии затронут около двух миллионов человек и облегчат работу трибуналов. Однако на первых порах амнистии скорее сдерживали процесс денацификации, поскольку немецким трибуналам требовалось время, чтобы разобраться с такими делами. На протяжении первых месяцев осуществления денацификации немецкими трибуналами военное правительство контролировало их деятельность. Довольно скоро ожидания американцев на активное участие немцев и их заинтересованность в деле осуществления денацификации не оправдались.

Если сравнить решения, принятые ранее военным правительством, с приговорами немецких трибуналов, то обнаруживается следующая закономерность: вердикты, вынесенные немецкими трибуналами, были гораздо мягче, чем у военного правительства, наблюдается тенденция к уменьшению степени виновности (и как следствие – меры наказания) в большинстве случаев. Так, в сентябре 1946 г. из приблизительно 42 тыс. чел., попавших под действие закона о денацификации, почти три четверти были отнесены к категории номинальных нацистов и только 116 чел. были признаны главными преступниками⁷².

Под давлением Вашингтона, и понимая неизбежность того, что ассигнования конгресса могут в скором времени значительно сократиться, военный губернатор американской зоны **Л. Клей** в октябре 1947 г. и в марте 1948 г. принимает поправки к закону о денацификации. Это позволило немецким трибуналам переквалифицировать любого, кто не относился к категории главных преступников, как второсте-

⁷² См.: Жаронкина Е.А. Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Атлантического государственного университета. 2008. № 4/4. С. 66.

пенного преступника или «попутчика» и значительно ускорить слушания. К началу лета 1948 г. военное правительство практически прекратило наблюдение за программой денацификации, передав ее полностью немцам. Из огромного количества в 13,2 миллионов зарегистрированных и подвергшихся проверке немцев лишь 613 тыс. чел. были признаны в той или иной степени виновными в причастности к преступлениям нацизма и соответствующим образом наказаны, причем главными преступниками были признаны всего 1600 человек. Многие из осужденных, отбывших свой срок наказания или освобожденных досрочно, вновь вернулись на руководящие посты в бизнесе, государственном управлении и т.д.⁷³.

Одним из ключевых положений директивы был принцип демилитаризации. Согласно параграфу 7 директивы 1067, немецкие вооруженные силы должны были быть расформированы, а все оружие и боеприпасы должны были быть конфискованы и уничтожены, сохранившиеся заводы и оборудование по их производству передавались в счет репараций. Впредь всякое военное производство запрещалось, а немецкий военный потенциал уничтожался. Но эта часть директивы не была полностью претворена в жизнь. В докладах главнокомандующих четырех зон Контрольному совету о положении дел на 1 декабря 1947 г. подчеркивалось, что в американской зоне из 186 подземных военных заводов, складов и мастерских сохранялось 161. Неразрушенными оставались 162 долговременных фортификационных сооружения. Директива СКС № 39 от 2 октября 1946 г. требовала ликвидации военного потенциала Германии, но в американской зоне было полностью ликвидировано только 7 % военных предприятий⁷⁴.

В этот период также осуществлялось и научно-техническое разоружение Германии. Американцы в 1946 г. осуществили массовый вывоз ведущих немецких ученых и конструкторов в области атомной физики, самолето- и ракетостроения, химической индустрии, машиностроения, а также ноу-хау немецкой индустрии. Немецкие специалисты получили в лабораториях научных центров и на предприятиях США хорошие должности с хорошими окладами. Американские оккупационные власти были бесспорным лидером среди союзников в формировании послевоенной экономической политики Германии. Если политические положения JCS 1067 в целом совпадали с решениями, принятыми в Потсдаме, то экономические принципы директивы были гораздо более жесткими. Директива не требовала разрушения всех отрас-

⁷³ См.: Жаронкина Е.А. Денацификация в американской зоне оккупации Германии: этапы, проблемы и итоги // Известия Атлантического государственного университета. 2008. № 4/4. С. 66–67.

⁷⁴ Жаронкина Е.А. Германский вопрос... С. 155.

лей немецкой промышленности, но уровень ее развития значительно ограничивался, структура и администрация немецкой экономики подлежали максимальной децентрализации.

Главнокомандующему предписывалось не предпринимать никаких шагов, направленных на экономическое восстановление Германии, на поддержку или усиление немецкой экономики. Восстановление немецкой экономики предусматривалось только до уровня, необходимого для производства товаров и услуг, требуемых лишь для предотвращения голода или распространения болезней, а также гражданских волнений, которые могли бы подвергнуть опасности оккупационные силы. Подобная формулировка о «предотвращении голода, болезней и волнений» позволяла сглаживать наиболее жесткие требования директивы, давая возможность Военному правительству игнорировать некоторые экономические ограничения, всякий раз как это требовалось⁷⁵.

В американской зоне был введен запрет на производство железа и стали, автомобилей, тяжелого машиностроения, зато поощрялось развитие легкой промышленности и добыча угля. Предполагалось увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции до максимально возможного. Немецкие ресурсы должны были использоваться максимально полно, потребление сводилось к минимуму, а импорт строго ограничивался. В послевоенный период американские монополии значительно увеличили ввоз товаров в Западную Германию по сравнению с довоенным временем, когда экспорт не превышал 10% ее годового импорта. В 1945–1948 гг. свыше 60% импорта Западной Германии приходилось на долю американских товаров. Необходимо заметить, что в начале оккупационного периода США выступали в качестве основного покупателя германских товаров. Основными статьями западногерманского экспорта в 1945–1947 гг. были лес и каменный уголь⁷⁶.

Военному губернатору американской зоны надлежало принять срочные меры по восстановлению основных транспортных служб и предприятий коммунального обслуживания, а также ремонту и строительству жилья для гражданского населения. В компетенции главнокомандующего находились и вопросы равноправного распределения и движения товаров и основных услуг между зонами оккупации. В финансовой сфере директива запретила военному губернатору предпринимать какие-либо шаги, предназначенные усилить немецкую финансовую структуру.

Директива JCS 1067 была направлена на создание новой, мирно настроенной Германии, без тяжелой промышленности, но с хорошо

⁷⁵ Жаронкина Е.А. Германский вопрос... С. 156.

⁷⁶ Там же. С. 156.

развитым сельским хозяйством. Косвенно, эта политика была нацелена на строительство экономически сильной Европы со слабой Германией. Но пока экономика Германии находилась в жестких рамках директивы, экономический застой в стране был неизбежен⁷⁷.

Экономическая ситуация в 1945-1947 гг. была очень тяжелой. В 1946 г. объем промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем составлял в западных зонах одну треть, выплавка стали сократилась в 7 раз, добыча каменного угля – в 2,2 раза. Значительных размеров достигла безработица. Зато количество денег, которые находились в обращении, было в 5 раз больше, чем до войны. Карточная система и контроль над ценами не могли справиться с ситуацией, бушевал «черный рынок», процветал бартер. Весной-осенью 1946 г. официальный ежедневный рацион питания в западных зонах чуть превышал 1 тыс. калорий (примерно треть от нормы), а практически выдавалось еще меньше.

Больше всего страдали горожане, не имевшие родственников или хороших знакомых в деревне. Многие люди голодали, резко подскочила детская смертность и заболеваемость туберкулезом. Взрослый мужчина в американской зоне весил в 1946 г. в среднем 51 кг. Оккупационные власти были вынуждены ежегодно завозить в западные зоны продукты питания и самые необходимые предметы потребления на сумму около 1 млрд. долларов. Голод был физиологическим, политическим и культурным феноменом. Главных причин для такого катастрофического положения со снабжением продовольствием было две: подрыв сельскохозяйственного производства в результате войны и приток переселенцев. Многие из них надеялись на получение земли. Но эти надежды не оправдались, ибо «аграрная реформа», проведенная в 1946-1948 гг. в западных зонах, привела лишь к раздроблению наиболее крупных латифундий, не ликвидировав крупного помещичьего землевладения и не наделив землей всех нуждающихся⁷⁸.

Коммунисты западных зон в своей пропаганде доказывали: голод вызывается социальными и политическими причинами; буржуазия, гроссбауэры и оккупанты сознательно организуют его; их расчет заключается в стремлении парализовать голодом волю масс к борьбе, внушить им мысль, что спасение может дать только богатая и «щедрая» Америка, а не «сомнительные социальные эксперименты». В пропаганде, которую вели правые партии, утверждалось, что виновник всех бедствий – Советский Союз, который непомерными репарациями разоряет Германию, обрекает людей на холод, голод и нищету, пытаясь

⁷⁷ Жаронкина Е.А. Германский вопрос... С. 157.

⁷⁸ Там же. С. 157.

тем самым склонить их к мысли, что выход из кризиса – только на пути «коммунистических преобразований».

Противоречия между западными державами и СССР в 1946 г. постепенно обострялись. 30 июня 1946 г. была возведена «первая германская стена». Дело было в том, что в условиях черного рынка, всеобщего дефицита и разницы в ценах (в советской зоне многое было дешевле) тем жителям западных зон, которые получали стабильную зарплату, выгоднее было покупать более дешевые товары и продукты в советской зоне. Тогда Союзный Контрольный Совет ввел режим строгого контроля за движением людей и товаров между советской и западными зонами оккупации. Осенью 1946 г. США и Англия стали готовить, с привлечением к этому делу немецких органов, объединение своих зон в Бизонию, чтобы таким путем покончить с бедственным экономическим положением. Соответствующее соглашение было подписано 2 декабря 1946 года. В экономической политике, которая стала проводиться в Бизоний с 1947 г., все возрастающую роль стали играть немецкие административные органы, в том числе Экономический совет.

Постепенно стало ясно, что возрождение экономически сильной Европы с одновременным ослаблением экономики Германии было невозможно. 5 июня 1947 г, выступая в Гарвардском университете, государственный секретарь США **Джордж Кэтлетт Маршалл** изложил план восстановления экономики европейских стран, пострадавших в результате Второй мировой войны (1939–1945), а также в результате обрушившихся на континент жестоких холодов зимы 1946–1947 гг. Предложенный план вошел в историю под названием «план Маршалла». Согласно этому плану, Правительство Соединенных Штатов Америки намеревалось выделить до 20 миллиардов долларов на оказание экономической помощи бедствующим странам Европы при условии их согласия на скоординированные действия и выработки ими разумного плана использования выделяемых на их нужды средств. **План Маршалла** предусматривал оказание помощи и Западной Германии, на которую пришлось около 1,3 млрд. долларов. Особое внимание обращалось на восстановление немецкой экономики и указывалось, что оздоровление Германии – решающий фактор подъема Европы⁷⁹. Американские экономические вливания по плану Маршалла действительно сыграли роль «стартовой помощи» разоренной Западной Европе и особенно Германии, вследствие чего, помимо прочих причин, через несколько лет ФРГ вступает в фазу «экономического чуда».

⁷⁹ См.: Иноземцев Н.Н. Американский империализм и германский вопрос (1945-1954). М., 1954. С. 347.

В июле 1947 г. была выпущена новая директива Объединенного комитета начальников штабов JCS 1779, поставившая перед американским военным губернатором задачу «помочь заложить экономические основы здоровой немецкой демократии», и которая «вместо того, чтобы послужить поводом к смене политики, просто обеспечила формальное подтверждение фактической ситуации». Изменения в директивных документах, регулирующих политику США в Германии, отражают новую политическую и экономическую обстановку в Европе. Нарастание противоречий с СССР, стремление к формированию сильной союзной Европы привели к стремлению создать сильную союзную Германию в пределах западных зон контроля. Теперь директива предоставляла самые широкие полномочия военному губернатору и рекомендовала «дать немецкому народу возможность ознакомиться с принципами и преимуществами свободной экономики», то есть, по сути, воздерживаться от декартелизации⁸⁰.

Важными предпосылками для переустройства немецкого общества на демократической основе стали возобновление деятельности демократических политических партий и профсоюзов, проведение свободных выборов, восстановление местного самоуправления. В первые месяцы оккупации в отношении партий и вообще любой политической деятельности действовал «карантин». Однако уже 27 августа 1945 г. АВАГ разрешает формирование демократических политических партий на местном окружном уровне, в ноябре – на земельном, а в феврале 1946 г. – и на зональном уровне. Прежде чем начать свою деятельность партия должна была пройти процедуру лицензирования, т.е. получить на это разрешение оккупационных властей. Тем самым АВАГ могла оказывать непосредственное влияние на формирование **партийной системы**. В американской зоне лицензию от оккупационной администрации получили несколько партий. Наибольшее влияние и поддержку среди населения имели четыре из них: Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Коммунистическая партия Германии (КПГ), Христианско-демократический союз (ХДС) (в Баварии партия называлась Христианско-социальный союз – ХСС) и различные либеральные группы. Существовали и менее многочисленные партии: Партия (Объединение) экономической реконструкции, Баварская партия, Национальная демократическая партия и др.⁸¹.

В весьма разнообразном по своему социальному составу послевоенном общественно-политическом движении на первый план вы-

⁸⁰ См.: Жаронкина Е.А. Германский вопрос... С. 158.

⁸¹ См.: Некрылова О.Г. Политика американских оккупационных властей в Западной Германии (1945–1947 гг.) // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. 2011. № 3. С. 315.

двинулась католическая церковь, взявшая на себя роль организующей силы партийно-политического движения. Общественное положение церкви создавало благоприятную почву для использования религии в целях перестройки социально-политической жизни. В отношении религии, в американской зоне продолжала обеспечиваться свобода вероисповедания, на церковные институты не распространялся запрет политической деятельности, также не предусматривалось вмешательство властей в «конфессиональные дела» и гарантировалась религиозная свобода. Не случайно, что одна из ведущих немецких партий – Христианско-демократический союз возник, вначале как одна из религиозных организаций. Однако, американское правительство, считало, что необходимо предпринимать меры направленные на предотвращение возрождения национал-социализма или милитаризма под маской религиозных программ и организаций. Существенным шагом к демократизации немецкой экономической и политической жизни стало возрождение свободных немецких профсоюзов, чья деятельность на местной основе была разрешена уже в сентябре 1945 г. К июню 1949 г. членами профсоюзов было 1 790 000 жителей зоны.

Важные шаги были предприняты АВАГ по восстановлению органов самоуправления. В первой половине 1946 г. состоялась серия выборов в местные органы власти, в которых участвовало около 5,5 млн немцев. В ноябре-декабре 1946 г. в трех землях и 12 октября 1947 г. в Бремене прошли референдумы, где были приняты конституции земель. Одновременно с референдумами по конституциям состоялись выборы в ландтаги земель. Как и на муниципальных выборах, победу разделили представители СДПГ и ХДС. Ландтаги избрали министры-президентов, которые сформировали коалиционные правительства. 30 сентября 1946 г. и 1 марта 1947 г. АВАГ выпустила две директивы, которые ограничивали ее функции и наделяли правительства земель в американской зоне всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, что позволило АВАГ изменить свою роль от прямого управления политической жизнью до косвенного контроля над ней. Такой она и оставалась вплоть до создания в 1949 г. западногерманского государства⁸².

«Перевоспитание» (reeducation) немцев американцы рассматривали как одну из главных задач оккупации, как ключевой аспект денацификации и, в конечном счете, демократизации Германии. Это было бы невозможным без установления контроля над культурной и духовной жизнью немецкого общества. Одним из первых шагов в этом направлении стал запрет на любую публицистическую или культурную

⁸² См.: Некрылова О.Г. Первые шаги... С. 158.

деятельность самих немцев (закон № 191 от 24 ноября 1944 г.). Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и др. могут заниматься только политически надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ. Большое внимание военная администрация уделяла средствам массовой информации. На протяжении всего периода оккупации АВАГ внимательно следила за всеми публикациями в прессе, хотя жесткой предварительной цензуры издаваемых материалов не осуществляла уже с августа 1945 г. Характерной чертой американской политики в отношении СМИ было стремление сделать прессу свободной и независимой от выражения узких интересов каких-либо 26 финансовых, политических или иных групп, поэтому лицензии предоставлялись исключительно частным лицам, а политические партии не имели своих печатных органов. Вскоре после начала оккупации в американской зоне было возобновлено радиовещание. Радио служило не только источником информации, но и мощным инструментом пропаганды, особенно после начала «холодной войны».

Важным элементом политики «перевоспитания» стало стремление оккупационных властей познакомить немцев с американской историей, культурой, традициями. С этой целью были созданы т. н. Американские Информационные центры («Америка Хаус»), которые постепенно становились одним из центров культурной, интеллектуальной и просветительской деятельности. Для того чтобы немцы имели возможность не только теоретически познакомиться с американским демократическим опытом, но и видеть их в действии, была разработана программа обмена. Пропаганда американской культуры и национальных традиций осуществлялась не только посредством прессы, радио или через информационные центры, но и благодаря театру, кино и музыке. В целом, несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий, денацификация, запрет критики оккупационных властей), культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, и вмешательство военной администрации было незначительным. Важное значение в политике перевоспитания оккупационные власти придавали работе с молодежью и организации молодежного досуга, поощряя создание различных молодежных объединений (религиозных, спортивных, профсоюзных, скаутских и др.). Существенной силой в духовном возрождении Германии стала церковь обоих вероисповеданий. Основным принципом своей политики в отношении церкви военная администрация провозгласила свободу вероисповедания и старалась не вмешиваться во внутренние дела церкви. Большие усилия оккупационные

власти прилагали для возобновления деятельности образовательных учреждений. Уже в октябре 1945 г. во многих 27 школах и вузах американской зоны начались занятия. В 1947 г. в американской зоне началась разработка школьной реформы⁸³.

Таким образом, в период оккупации с 1945–1949 гг. АВАГ провела целый ряд мероприятий. Одним из главных направлений деятельности АВАГ была денацификация. Несмотря на первоначальный замысел, предполагавший довольно строгий и жесткий подход к денацификации, в целом в американской зоне она была проведена достаточно мягко, и не была лишена ошибок. Так, ошибкой было превращение денацификации в массовую чистку, в ходе которой разница между высшими партийными функционерами и массой рядовых членов многочисленных нацистских организаций была практически нивелирована. Немцы, которые первыми попали под ее осуществление, были наказаны гораздо более строго, причем в основном это были как раз те, кто лишь номинально являлся нацистом. Постепенно процедура денацификации смягчалась, поэтому получалось, что виновные в гораздо более худших и тяжких преступлениях были наказаны мягче или не наказаны вообще. Несоразмерность в вынесенных приговорах, породила в широких массах немцев ощущение несправедливости. Это позволяет сделать вывод о том, что реальными «жертвами» денацификации стали номинальные, а не действительные нацисты. Однако если говорить о денацификации в масштабах всей Германии, то такие ее результаты как ликвидация НСДАП, нацистских организаций и ведомств, отмена нацистских законов и т. д., были, безусловно достигнуты и имели большое значение для последующего демократического развития немецкого общества.

Большие усилия АВАГ прилагала к возрождению и развитию общественно-политической жизни в своей оккупационной зоне. С самого начала оккупационные власти стремились избежать повторения ситуации Веймарской республики, поэтому не допускали появления на политической арене слишком большого количества партий, а также партий, занимающих крайние позиции в партийном спектре. Только большие умеренные партии могли в американском представлении стать действенной гарантией политической стабильности. Официально оккупационная администрация провозгласила свободу и равенство всех демократических политических партий, декларировала свой политический нейтралитет и избегала открыто отдавать предпочтение каким-либо партиям. Однако на деле ситуация обстояла по-другому и американские власти не всегда следовали этому принципу, забывая о нем всякий раз, когда он мешал отстаивать их интересы.

⁸³ См.: Некрылова О.Г. Политика американских оккупационных властей... С. 316–317.

Существенных результатов удалось добиться в восстановлении органов самоуправления, причем американские власти постоянно подчеркивали, что делать это должны сами немцы, воссоздавая их снизу вверх. Стремление военной администрации передать как можно больше властных полномочий немцам было характерной чертой американской оккупационной политики. Проведение выборов и принятие конституций земель, разграничение полномочий между оккупационными и немецкими властями позволили военной администрации изменить свою роль и перейти от прямого управления политической жизнью до косвенного контроля и наблюдения за ней.

Важнейшей составной частью политики демократизации немецкого общества, стала деятельность АВАГ в области «перевоспитания» немцев в проамериканских демократических традициях. В этом направлении оккупационным властям удалось добиться определенных успехов. Как и в политической сфере, американская администрация стремилась к тому, чтобы возрождение общественной и культурной жизни было главным образом обязанностью самих немцев под американским надзором и контролем. Однако в некоторых случаях, она могла действовать достаточно жестко, оказывая непосредственное давление на немцев. Особое внимание оккупационная администрация уделяла средствам массовой информации (пресса и радио) и сфере образования, где степень ее участия была максимально высока. А вот культурная жизнь развивалась в американской зоне достаточно свободно.

Большое влияние на деятельность АВАГ оказала разгоравшаяся в эти годы «холодная война». Ухудшение советско-американских отношений и изменение международной обстановки, смена американских внешнеполитических ориентиров, опасность усиления коммунистического влияния в Европе привели к повороту в оккупационной политике. Антикоммунизм и пропаганда западных стандартов демократии становятся важной составляющей деятельности военной администрации.

Британская зона оккупации Германии

Британская зона была самой большой из всех четырех как по численности населения (22,7 млн чел.), так и по промышленному потенциалу, дававшая 40% всего промышленного производства Германии. В эту зону входила Рурская область, стоимость промышленного производства которой в 1936 г. составила около 25% стоимости промышленного производства всей Германии. В 1936 г. на этой территории производилось около 45% экспортируемых из Германии промышленных изделий и создавалось 35% национального дохода. В стоимостном выражении доля английской зоны оккупации составляла 60% про-

изводства жидкого топлива и смазочных средств, железа и стали, 75% производства изделий из железа и стали. Территория составляла 97,3 тыс. км² и включала в себя 4 земли: Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Шлезвиг-Гольштейн и Гамбург⁸⁴.

В английской зоне оккупации пост главнокомандующего и военного губернатора занимал до апреля 1946 г. фельдмаршал **Б. Монтгомери**, замененный маршалом авиации **Ш. Дугласом**, которого, в свою очередь, сменил **Б. Робертсон**. Что касается предшественников Робертсона на посту главноначальствующего, то оба они – Монтгомери и Дуглас – были чисто военными деятелями, мало занимались вопросами оккупационной политики. К тому времени, когда произошел открытый отход Англии от Потсдамских соглашений, английскую оккупационную администрацию возглавлял сэр Брайан Робертсон, до этого – заместитель военного губернатора зоны. В качестве члена Союзного Контрольного совета он исправно вел «вторую скрипку» вслед за генералом Клеем в политике торможения деятельности органов союзной контрольной власти, проявляя, как правило, еще большую активность, чем Клей, в наскоках на советскую политику в Германии.

22 мая 1945 г. фельдмаршал **Б. Монтгомери**, Главнокомандующий 21-й Британской армией, был назначен Главнокомандующим британских вооруженных сил в Германии и членом КС от Великобритании. Одновременно он становился военным губернатором английской зоны. Основные структуры (подразделения) английской военной администрации в Германии были сформированы летом 1945 г. В августе 1945 г. они влились в орган, называемый Контрольная комиссия по Германии (Британский сегмент) (ККГ/БС). 25 августа того же года 21-я Британская армия была переименована в Британскую армию на Рейне, а ее Отдел по гражданским делам вошел в органы ККГ/БС, курировавшие вопросы местного самоуправления.

Политическим советником у английского главноначальствующего был Уильям Стрэнг, активный сторонник промюнхенской политики Невилля Чемберлена. Помощником Стрэнга как политического советника был Кристиан Стил, перед войной секретарь английского посольства в Берлине, участник переговоров Чемберлена с Гитлером. Позже он сменил Стрэнга на посту политического советника в Германии. Пост экономического советника сначала занимал сэр Перси Миле, который был председателем федерации Британской промышленности, в то время когда представители этой федерации накануне мюнхенского соглашения вели переговоры с представителями немецких монополий о сотрудничестве. В качестве экономического советника в Германии он

⁸⁴ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 86.

защищал главарей немецких монополий как «деловых людей» от привлечения их к ответственности за соучастие в нацистских преступлениях. После возвращения в Англию Миле стал председателем торговой палаты в Бирмингеме. Милса заменил в Германии Сесиль Уэйр, председатель торговой палаты в Глазго, директор судостроительной компании «Шредер, Уэйр и комп»⁸⁵.

У англичан заранее была создана система подготовки оккупационного персонала по типу американских учебных центров. В начале 1944 года в составе Объединенного штаба англо-американских экспедиционных сил в Лондоне был создан специальный отдел для подготовки детальных планов осуществления оккупационной политики и организации оккупационных служб в западноевропейских странах. В его составе имелись подразделения для Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Германии. Они поддерживали постоянные контакты с эмигрантскими правительствами соответствующих стран, в сотрудничестве с ними готовили программные документы, проекты приказов и распоряжений оккупационных властей. В конце июня 1945 г. вместо Объединенного штаба экспедиционных сил была создана в Германии штаб-квартира оккупационных войск Англии, в составе которой имелись отделы, занимавшиеся вопросами оккупационной политики и оккупационной администрации⁸⁶.

Политика Англии, как и США, в отношении послевоенного устройства Германии была двойственной. Она добивалась военного поражения Германии в войне, но в то же время боялась, что ее полный разгром и безоговорочная капитуляция могут привести к ослаблению системы капитализма в Европе и к активизации прогрессивных и революционных сил на этом континенте. Англия добивалась устранения этой страны как соперника на мировых рынках, соперника в борьбе за сферы влияния. Вместе с тем побежденная Германия была нужна как партнер в борьбе против СССР, стран народной демократии, прогрессивных и революционных движений. Поэтому в документах Англии, определявших основы ее оккупационной политики в Германии, звучали и мотивы реванша, мести в отношении страны, парода в целом, стремление обезопасить себя от агрессии с ее стороны в дальнейшем и боязнь глубоких социальных изменений в этой стране, могущих создать революционную обстановку.

В Англии, как и в США, принималось как очевидное равная ответственность и немецкого парода, и нацистов за все, что принесла Вторая мировая война другим странам и народам. Принимая необхо-

⁸⁵ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 73.

⁸⁶ Там же. С. 78.

димось ликвидации фашистского режима в Германии, правительство Англии стремилось сохранить в ней основные институты капиталистической системы, что само по себе не предполагало каких-либо серьезных социальных перемен в стране. В одной из записок госдепартамента США на имя президента Ф. Рузвельта, составленной незадолго до окончания войны, цели английской политики в отношении Германии характеризовались так: «Английская политика предполагает сохранение в течение оккупационного периода возможно большей части существующей организации и структуры экономики, насколько это будет совместимо с целями уничтожения нацистского режима. Основные элементы существующей ныне системы экономического контроля будут в той степени, как это позволят обстоятельства, сохранены после уничтожения их дискриминационных нацистских черт; имеющийся в частной промышленности рядовой и руководящий состав будет оставлен на своих постах, за исключением активных нацистов, занимавших правительственные и партийные посты»⁸⁷.

Довольно точно определили в США и отношение Англии к Германии как экономическому сопернику, конкуренту в борьбе за рынки и сферы влияния. «Одной из основных целей английского контроля над германской экономикой, – говорилось в аналитическом документе госдепартамента, является ограничение германского соперничества с английским экспортом... Кроме специальных предприятий, выпускающих вооружение для армии и военно-морского флота и всех типов самолетов, Англия считает возможным демонтаж лишь в незначительном числе отраслей промышленности, таких, как искусственное топливо и каучук... Такие меры создадут в Германии рынок для сбыта важной английской продукции.

Англия намерена также поддерживать программу реституций и репараций путем поставок промышленной продукции, ограниченной специальным списком предметов экспорта. Но она заинтересована в том, чтобы предотвратить возможность использования Германией репарационных поставок для расширения ее экспорта на те рынки, которые имеют для Англии критическое значение. Англия склонна к тому, чтобы сохранить по окончании периода военного управления Германией определенный вид непрямого контроля над германской экономикой, главным образом через экспорт и импорт. Такой контроль, являясь частично средством принудительного разоружения, желателен также как метод регулирования германского соперничества. Ведущие английские промышленники предполагают, что в течение длительного периода времени проблема возрождения германского соперничества

⁸⁷ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 159.

может с успехом регулироваться с помощью картельных соглашений с германской промышленностью на условиях, которые обеспечат английским товарам возможность большего доступа на рынки сбыта, чем это было до войны»⁸⁸.

Британская военная администрация первоначально пыталась использовать накопленный веками колониальный опыт «косвенного управления». Ставка в первую очередь делалась на формирование лояльного управленческого персонала из самих немцев. Однако подлинного «косвенного управления» не получилось, так как собственный управленческий персонал рос очень быстро: если в 1945 г. в зоне было около 10 тыс. английских служащих, то в 1948 г. – уже около 60 тыс.⁸⁹.

В октябре 1945 г. военные власти ввели в зоне британскую систему местного самоуправления. Поскольку в Потсдаме было принято решение о ликвидации Пруссии, в 1946–1947 гг. англичане осуществили в своей зоне, состоявшей в основном из прусских провинций, административную реформу. Были образованы новые земли: Северный Рейн – Вестфалия, Нижняя Саксония, Шлезвиг-Гольштейн; а также возрождены права старинных вольных городов-государств Гамбурга и Бремена. В октябре 1946 г. прошли первые выборы в органы местного самоуправления земель (провинций), которые в первый год оккупации составляли основу административной системы английской зоны. В конце 1945 г. был организован Зональный консультативный совет с функциями в таких областях как экономика, рабочая сила, продовольствие, транспорт. В американской же зоне оккупационная администрация делала ставку на прямое сотрудничество с правительствами земель, сведя к минимуму компетенцию зональных органов управления⁹⁰.

Тенденция американской политики в Германии постепенно распространялась и на английскую зону, что стало отчетливо заметно после того, как 2 декабря 1946 г. в Вашингтоне было подписано соглашение об экономическом объединении английской и американской зон оккупации. Это отразилось, в первую очередь, на германской бизональной администрации, созданной по условиям упомянутого соглашения в январе 1947 г. Ее высшим органом в июне 1947 г. стал **Экономический совет**, избиравшийся ландтагами (правительствами) земель (в самой английской зоне выборы в ландтаги прошли в апреле 1947 г.). В его функции входило осуществление экономического реформирования объединенной зоны под надзором Двустороннего совета, состоящего из английского и американского военных губернаторов.

⁸⁸ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 160.

⁸⁹ См.: Волгин П. Англия и Западная Германия (Политика Англии в вопросе перевооружения Западной Германии, 1949-1955). М., 1957. С. 54.

⁹⁰ Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 100.

В феврале 1948 г. состав Экономического совета был расширен. В его рамках учреждался т.н. «Лендеррат» или Совет земель, наделенный полномочиями инициировать законопроекты. В июне того же года был распущен Зональный консультативный совет английской зоны.

В ранней фазе их оккупации англичане следовали так называемой «краткосрочной политике». Ее суть сводилась к тому, что, во-первых, британские офицеры, вступив на немецкую землю, должны были помнить, прежде всего, об интересах Британии; во-вторых, эта политика была направлена на решение самых неотложных задач – разбор руин, организацию мирной жизни, снабжение населения и т.п. «Долгосрочная политика» начала, осуществляться с ноября 1945 г. Речь теперь шла во внутреннем обновлении Германии; о том, что демократизация должна проводиться при строгом учете немецкого национального характера, истории и современного политического развития Германии; о том, что новая немецкая демократия должна соответствовать основным стандартам демократии западной. К концу войны английское правительство пришло к выводу, о необходимости наказания военных преступников нацистской Германии, предварительно проведя над ними суд. Оно отказалось от «политического решения», предложенного У. Черчиллем и поддерживаемого Д. Файфом (генеральным атторнеем, то есть министром юстиции Великобритании), по которому все вражеское руководство должно быть ликвидировано сразу же вслед за его поимкой.

В соответствии договоренностями союзников, в английской зоне оккупации начался процесс денацификации. Процесс «политического очищения» осуществлялся различными методами. В соответствии с законодательством КС Англия приняла ряд антинацистских нормативно-правовых актов. С января 1946 г. в соответствии с законом КС № 10 от 20 декабря 1945 г. «Наказание лиц, виновных в совершении военных преступлений, и в преступлениях против мира и человечности» под контролем сотрудников английской военной администрации стали учреждаться немецкие трибуналы (иногда они назывались бюро) по денацификации. Ими проводилось расследование преступлений, совершенных против немцев, в то время как лицами, обвиняемыми в преступлениях против союзных наций, занимался Юридический отдел ККГ/БС⁹¹. Немецкие органы по денацификации функционировали на уровне районов и округов. Они состояли из пяти человек и занимались распределением обвиняемых по категориям, но их решения могли пересматриваться сотрудниками военной администрации.

⁹¹ См.: Галкин А.А. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1956). М., 1966. С. 114.

В целом, картина денацификации в английской зоне с начала оккупации по ноябрь 1946 г. выглядела следующим образом: уволено – 177299 чел., отклонено ходатайств о приеме на работу – 95532 чел., передано под суд за сокрытие своей принадлежности к нацистской партии – 1000784 чел., интернировано – 68000 чел.⁴⁹ Интернированные распределялись следующим образом: СС – 11279 чел., гестапо – 1564 чел., СД – 564 чел., корпус политических вождей – 6116 чел., другие – 48500 чел. Итого – 68500 чел. В лагерях (гражданских центрах) для интернированных действовали английские проверочные бюро. Результаты их работы к концу января 1947 г. были следующими (по общему количеству лиц): привлеченные к суду – 700, приговоренные к интернированию – 66, получившие другие санкции – 417. Количество лиц, признанных: главными преступниками – 6, преступниками – 66, второстепенными преступниками – 167, последователями – 184, реабилитированными – 277. Количество лиц, чье положение не определено – 3183950⁹².

В январе 1947 г. была принята резолюция «Союза немецких юристов» английской зоны «Об изменении методов денацификации». В ней содержались требования применять в процедурах по денацификации принципы немецкого уголовного права, и формулировались условия, предоставлявшие обвиняемым в нацистской деятельности расширенные права для защиты. 31 декабря 1946 г. английская военная администрация издала Распоряжение № 69, которое предусматривало создание комиссий по денацификации как судов первой апелляционной инстанции. Кроме этого, утверждалась Зональная судебная палата в качестве второй апелляционной инстанции. Состав комиссий определялся в одного судью и двух юристов (большинство которых в прошлом являлись членами НСДАП). Эти суды могли рассматривать дела всех членов преступных организаций – НСДАП, гестапо, СС, СЛ. Ответственность за разбор дел возлагалась на Центральное немецкое юридическое управление, находящееся под контролем Юридического отдела английской военной администрации. Оно получало право снижать меру наказания лицам, занимавшим в прошлом ответственные посты⁹³.

Важной чертой денацификации в английской зоне являлся периодический пересмотр дел, согласно которому лица, обозначаемые как нацисты, могли, «показав своим поведением, что они встали на демократический путь жизни», подать апелляцию в новые инстанции и получить низшую категорию, то есть реабилитацию. Никто не мог подавать апелляцию на решения, вынесенные английскими проверочными бю-

⁹² Галкин А.А. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1956). М., 1966. С. 115–116.

⁹³ Там же. С. 116–117.

ро. Окончательное юридическое оформление процедуры денацификации в английской зоне произошло осенью 1947 г., когда 10 октября был издан Ордонанс английской военной администрации № 110 «Передача правительствам земель ответственности за проведение денацификации». Он закреплял за правительствами земель английской зоны реализацию директив КС по денацификации. Учреждались органы по взиманию штрафов с обвиняемых лиц и даже изъятию их собственности. Ордонанс требовал от правительств земель обеспечить, чтобы процесс увольнений в соответствии с директивами КС завершился к 1 января 1948 г. К ноябрю 1947 г. в лагерях интернирования оставалось 15000 чел. из первоначально 68000 чел. Такое развитие событий давало основание советским аналитическим структурам в Германии делать жесткие выводы о денацификации в английской зоне, особенно в свете того, что по данным СВЯТ, первыми, кто был отпущен из этих лагерей, были «незаменимые в хозяйстве» нацистские промышленники⁹⁴.

К концу войны **английская оккупационная зона** обладала значительными промышленными и людскими ресурсами, но была дотационной в сфере сельского хозяйства. Традиционные экономические связи между частями Германии стали рушиться. Возникли «черный рынок», инфляция и безработица. Великобритания для преодоления продовольственного кризиса в английской оккупационной зоне использовала ресурсы из собственных средств. Оккупационная администрация производила экспорт сырья Рура в Великобританию, но сознательно срывала доставку немецкого угля во Францию, репарационные поставки в Советский Союз. Великобритания фактически не производила демонтаж предприятий в счет репараций, а взимание репараций из текущего производства было для нее неприемлемым вариантом. В английской зоне возникли топливный и промышленный кризисы. Ссылаясь на закон КС № 5 от 30 октября 1945 г. о немецких зарубежных фондах, английские власти активно производили конфискацию немецких зарубежных активов. В течение лета 1945 г. в британской зоне активно шло 21 расформирование немецкой армии. В ноябре 1945 г. в британской зоне все еще имелись организованные части немецкой армии. 30 ноября 1945 г. КС издал закон № 8 о принятии мер по демилитаризации Германии, который запрещал проведение военных учений. Однако только 20 августа 1946 г. вышел закон КС № 34 «О роспуске Вермахта». Однако в самой английской зоне воинские подразделения сохранялись в завуалированной форме в виде трудовых резервов и различных служб. В конце 1946 г. тотальный экономический кризис в английской оккупационной зоне вынудил Вели-

⁹⁴ Галкин А.А. СССР, западные державы и германский вопрос (1945–1956). М., 1966. С. 118–119.

кобританию поменять приоритеты: экономическое выздоровление стало целью оккупационной политики. 22–27 августа 1947 г. в Лондоне между представителями Великобритании, США, Франции состоялись переговоры относительно уровня промышленности в объединенной англо-американской зоне. 29 августа 1947 г. Великобританией, США и Францией был принят «Пересмотренный план уровня промышленности в англо-американской зоне», который предусматривал достижение уровня германской экономики 1936 г.⁹⁵

Осенью 1945 г. лейбористское правительство объявило о намерении национализировать или социализировать предприятия крупной промышленности Рура, повести их безвозмездное отчуждение. В августе 1945 г. угольные предприятия Рура временно были подчинены «Северогерманскому угольному контролю», а секвестрованные 20 августа 1946 г. предприятия сталелитейной и железнорудной промышленности Рура – «Северогерманскому контролю железнорудной и сталелитейной отраслей промышленности». Подчеркивалось, что секвестрованное имущество никогда, и ни при каких обстоятельствах не будет возвращено прежним хозяевам. 21 октября 1946 г. лейбористским правительством было принято «окончательное» решение о проведении социализации. К 1947 г. социализация так и не была проведена.

Изданный английской администрацией закон №78 от 12 февраля 1947 г. «О запрещении чрезмерной концентрации германской экономической мощи» не содержал конкретных указаний и обязательств по его реализации. На самом деле, предусматривалось лишь обследование фирм, на которых было занято свыше 10 тысяч человек. 19 ноября 1947 г. «Северогерманский угольный контроль» был распущен. Вместо него были созданы «Англо-американская группа по контролю над угольной отраслью», в задачи которого входил надзор за исполнением указаний оккупационных властей, и «Немецкое управление угольной отраслью», которое занималось экономическими вопросами. 3 июня 1948 г. вышел закон Бизонии «Урегулирование экономических последствий демонтажа», согласно которому перевод предприятий в пользование или собственность мог произойти только в пользу бывшего собственника. В июле 1948 г. между США, Великобританией, Францией и странами Бенилюкса было принято коммюнике о международном контроле над Руром. 10 ноября 1948 г. вышел закон №75 «О реорганизации немецкой угольной, железнорудной и 22 сталелитейной отраслей промышленности», предполагавший проведение декартелизации. Еще 30 ноября 1946 г. был издан закон КС № 9 о конфискации собственности «И.Г. Фарбениндустри» и осуществлении контро-

⁹⁵ См.: Висков С.И. Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 173.

ля над ним. Однако только в 1948 г. Великобританией и США было решено провести его реорганизацию. В результате были созданы только 3 крупные компании-преемницы. В марте 1949 г. «Англо-американская группа по контролю над угольной отраслью» стала «Объединенной группой», так как к ней присоединились представители Франции. В апреле 1949 г. то же самое было совершено в отношении «Двусторонней англо-американской группы по контролю над железнорудной и сталелитейной промышленностью». В итоге, английские оккупационные власти решили не выходить за рамки Потсдамских соглашений и провели ряд мер по разукрупнению немецких промышленных предприятий. Частичным сокращением военно-промышленного потенциала оккупационные власти нейтрализовали германскую угрозу. Однако отношения собственности осталось фактически не затронутыми⁹⁶.

Военная администрация прямо назначала в административные органы удобных ей немцев, действуя с определенной осторожностью и сдержанностью. Весной 1945 г. оккупационная администрация ввела запрет на политическую деятельность немцев и контакты английских солдат с немцами – «политический карантин». Однако летом 1945 г. английским солдатам было разрешено разговаривать с немцами в общественных местах, а осенью 1945 г. – были сняты все запреты на дружественные отношения.

В целях приобщения немцев к демократии и либеральным традициям английская оккупационная администрация приняла ряд законодательных и подзаконных актов. В сентябре 1945 г. вышло постановление № 8 «Регулирование общественных дискуссий и другой общественной деятельности», которым вводился запрет на обсуждение и запись всего того, что может вызвать негативную реакцию оккупационных властей. Следующим было постановление военной администрации № 10 «Политические собрания», действие которого вступало в силу 20 только 8 января 1946 г. С этого времени разрешалось проводить политические собрания и демонстрации. 10 сентября 1945 г. военная администрация разрешила образование профсоюзов. Наконец, 15 сентября 1945 г. вышло постановление № 12 «Образование политических партий».

Со второй половины 1945 г. по инициативе оккупационных властей в английской зоне начался процесс создания немецких центральных учреждений: конференции глав земель и провинций, центральные ведомства, Зональный Консультативный совет (ЗС) в Гамбурге. 1 апреля 1946 г. вступила в силу «Немецкая общинная конституция для британской зоны», согласно которой первые должности в местных органах

⁹⁶ См.: Висков С.И. Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 175.

самоуправления становились выборными. В октябре-ноябре 1946 г. состоялись выборы в органы самоуправления. Во всех землях путем назначения были учреждены законодательные органы. Постановление № 57 от 1 декабря 1946 г. разграничило полномочия земельных правительств и законодательных органов. В январе 1947 г. стали приниматься законы о выборах в ландтаги – парламенты земель. 20 апреля 1947 г. прошли выборы в ландтаги во всех землях английской зоны. На выборах лидировали социал-демократы. Затем следуют христианские демократы. Следовательно, именно эти партии от английской оккупационной зоны могли претендовать на управление Германией⁹⁷.

В 1947–1948 гг. в английской оккупационной зоне Германии в широкую практику вошли краткосрочные курсы для немецких глав правительств земель по обучению административной деятельности. 14 августа 1949 г. состоялись выборы в немецкий бундестаг – парламент сепаратно образованной на территории западных оккупационных зон ФРГ. В отличие от земельного уровня английской зоны, на федеральном уровне победу сумели одержать христианские демократы, которые в союзе с либералами и образовали первое западногерманское правительство. Канцлером ФРГ стал Конрад Аденауэр.

Таким образом, **британская оккупационная политика** имела свои особенности. В целях упрощения управления и контроля, а также по ряду экономических и политических причин английские власти провели административно-территориальную реформу оккупационной зоны. Вместо большого количества мелких земель и провинций были образованы несколько крупных равноправных земель, что дало предпосылки для их равномерного развития. Фактически одновременно формировался и сам английский оккупационный аппарат. В течение 1948–1949 гг. оккупационная администрация стала преимущественно гражданской. Вместе с тем процесс бюрократизации контрольного аппарата стал неизбежным.

Экономическая политика оккупационных властей, проводившиеся ими в 1945–1946 гг., демилитаризация и денацификация явились прямым выражением намерений английских официальных лиц сохранить Германию слабой, чтобы предотвратить возможную военную угрозу с ее стороны. Многие немецкие промышленные предприятия фактически не работали. Отчасти из-за того, что многие заводы были разрушены бомбардировками союзников и военная администрация не стремилась их возродить, отчасти потому, что на предприятия был наложен секвестр, а дальнейшая судьба оставалась юридически неопределенной. «Западное» решение германского вопроса говорило о том, что следовало оживлять немецкую экономику. Это означало фак-

⁹⁷ См.: Висков С.И. Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 178.

тический отказ лейбористского правительства от неосуществленных намерений провести социализацию секвестрованных промышленных предприятий. Начиная с 1948 г. Великобритания провела ряд мер по декартелизации, разукрупнению промышленных объединений, что способствовало возрождению германской экономики.

Различные методы денацификации вызывали у немцев чувство неопределенности. Процесс денацификации затягивался. В итоге, в 1947 г. оккупационные власти переложили ответственность за денацификацию на немцев. В результате к весне 1948 г. энергия завершить политические чистки и уничтожить остатки национал-социализма пошла на убыль. На этом фоне организация оккупационными властями общественно-политической жизни английской зоны осуществлялась без каких-либо коренных переломов и поворотов, а шла постепенно и последовательно в заданном еще в 1945 г. русле. Несомненно, что демократизация являлась долгосрочно ориентированной политикой. Великобритания оказала определенное влияние на «перевоспитание» немцев в духе приобщения их к либеральным традициям.

Начало «холодной войны» наложило свой отпечаток на политику Великобритании по осуществлению Потсдамских решений. Меры по денацификации, демилитаризации, декартелизации нельзя назвать последовательными. Это связано с наличием неопределенности в этих вопросах у самих англичан. Английские оккупационные власти в первые послевоенные годы пытались лавировать, найти свой путь реконструкции Германии. Однако, ссылаясь именно на принципы обращения с Германией, принятые на Потсдамской конференции, в конце 1946 г. Великобритания выбрала путь сепаратной западной политики.

Французская зона оккупации Германии

Французская зона была самой маленькой по площади и охватывала 15% территории послевоенной Германии с 12% населения страны. В 1936 г. здесь производилось в стоимостном выражении 10% промышленной и экспортной продукции. Доля зоны составляла в национальном доходе страны около 10%. Входящая в состав зоны Сaarская область по производству стали и добыче каменного угля уступала лишь Рурской области. Во французской зоне оккупации находились важные предприятия химической промышленности⁹⁸.

Во французской зоне оккупации были сформированы пять независимых административных округов: Южный Вюртемберг (получивший название Вюртемберг-Гогенцоллерн, с центром в Тюбингене), Южный Баден (Фрайбург), Пфальц (Нойштадт) и Рейнланд (Кобленц), объеди-

⁹⁸ См.: Висков С.И., Кульбакин В.Д. Указ. соч. С. 86.

ненные в 1946 г. в округ Рейнланд-Пфальц, и Саар, Однако, Саар был выведен из структуры оккупационного управления, так как Франция преследовала в этом регионе особые цели: его ресурсы были важны для французской стальной индустрии, которая только с их помощью могла бы столь динамично развиваться, а восстанавливающаяся германская промышленность, рассчитывая в будущем включить эти территории во французскую таможенную и валютную систему.

В первые послевоенные годы, пишет **А.Ю. Ватлин**, особую линию в оккупационной политике проводила Франция, рассчитывавшая на постепенную аннексию своей зоны оккупации, включавшей в себя левобережье Рейна от Карлсруэ до Кобленца. После того, как ее не пригласили для участия в Потсдамской конференции, она объявила ее решения необязательными для себя и “Заблокировала создание общегерманских административных структур. Предложение США объединить три зоны оккупации без участия Франции, прозвучавшее в октябре 1945 г., не нашло поддержки СССР, т.к. в новой системе правления не было заложено право «вето»⁹⁹.

На Потсдамскую конференцию Францию не пригласили, чем воспользовался ее министр иностранных дел **Жорж Бидо**, заявив, что Франция считает себя связанной Потсдамским соглашением, и не обязуется выполнять его в своей оккупационной зоне, особенно – статью о создании в Германии центральных административных органов и немедленном разрешении деятельности политических партий. Тем самым французская оккупационная зона площадью 42800 кв. км и населением около 6 млн. человек была 1 обособлена от остальной Западной Германии, практически не принимая беженцев с Востока. В вопросе о распределении беженцев Франция оказалась особенно неподатливой, так как не хотела усугублять уже существующие материальные трудности в своей зоне. В конечном итоге, Франция присоединилась к достигнутым в Потсдаме соглашениям спустя пять дней после завершения работы конференции – 7 августа 1945 г.

Из «Российской исторической энциклопедии» (М.: ОЛМА Медиа Пресс, 2015. Т. 2. С. 590-591)

Бидо (фр. *Bidault*) **Жорж** (05.10.1899, Мулен, деп. Амье – 26.01.1983, Камбо-ле-Бен, деп. Атлантические Пиренеи) – французской государственный деятель. Начальное и среднее образование получил в монастырской школе на севере Италии под руководством иезуитов, вынужденных покинуть Францию из-за антиклерикальной политики Третьей республики. Религиозное воспитание наложило отпечаток на формирование политических взглядов будущего политика. В юности он вступил в Католическую ассоциацию французской молодежи. Участник Первой мировой войны. Получив диплом историка, Б. с 1925 преподавал историю в од-

⁹⁹ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 134.

ном из лицеев г. Реймса, а в 1931 был приглашен в престижный лицей Людовика Великого в Париж. Среди его учеников был будущий известный писатель Жан д'Ормессон. В столице Б. приобщился к общественно-политической жизни, став активистом клерикальной Народной демократической партии. С 1934 он становится политическим обозревателем католической газеты «Об» («l'Aube») и приобретает первую известность. В апреле 1936 Б. выдвинут кандидатом от своей партии на парламентских выборах, но терпит поражение уже в первом туре. С началом Второй мировой войны мобилизован в армию, попал в плен во время немецкого наступления в мае 1940, но в июне 1941 был освобожден как ветеран Первой мировой войны. Вернулся к преподавательской работе в лицее г. Лиона. Одновременно принимал деятельное участие в движении Сопротивления, был одним из руководителей подпольной католической организации «Комба» Лионского района. В 1943 стал преемником казнённого оккупантами председателя Национального совета Сопротивления (НСС) Ж. Мулена. В этом качестве стал одним из руководителей Парижского восстания 1944. В ноябре 1944 основал вместе с М. Шуманом социал-реформистскую католическую партию Народно-республиканское движение (МРП), предлагавшую широкую программу реформ под лозунгом «ассоциации труда, управления и капитала». В 1949–1951 – председатель, с 1952 – почетный председатель МРП. В 1958 Б. создает новую партию – Французское народно-христианское движение, примыкавшее к МРП. С 1945 до 1962 постоянно избирался депутатом нижней палаты от департамента Луара. В правительствах Временного режима и Четвертой республики занимал посты: министра иностранных дел (сентябрь 1944 – июль 1948, январь 1953 – июнь 1954), министра обороны (август 1951 – февраль 1952). Дважды становился председателем Совета министров (июнь–декабрь 1946 и 1949 – июнь 1950). От имени Франции участвовал в подготовке Хартии Объединённых наций: Подписал советско-французский (1944) и англо-французский (1947) договоры о союзе и взаимопомощи, а также Брюссельский договор 1948 в создании Западноевропейского союза. Активно поддерживал участие Франции в Организации Североатлантического договора (НАТО), идею создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) и Парижские соглашения (1954), открывшие ФРГ возможность присоединения к НАТО. В 1954 выступал критикой «капитулянтской» политики П. Мендес-Франса в Китае. Был убежденным сторонником сохранения Алжира под властью Франции, резко критиковал курс де Голля на самоопределение Алжира с последующим признанием его независимости. В мае 1962 возглавил эфемерный Национальный совет Сопротивления, учрежденный сторонниками идеи «Французского Алжира» из кругов непримиримой оппозиции алжирской политике де Голля. В июле 1962 после официального признания Францией независимости Алжира Б., лишенный депутатской «прикосновенности за причастность к подпольно-террористической деятельности секретной вооруженной организации (ОАС) и НСС, покинул Францию и перешел на положение политического беженца. Возвратился во Францию в разгар майско-июньских событий 1968, создал организацию «Справедливость и свобода», которая вскоре влилась в праворадикальное националистическое движение Национальный фронт К.-М. Ле Пена. С конца 1960-х под влиянием усталости и разочарований Б. отошел от активного участия в политической жизни.

В Париже для управления оккупационной зоной были созданы многочисленные министерские комитеты, важнейшим из которых был Министерский комитет по германским и австрийским делам в рамках

Министерств иностранных дел Франции. Местом пребывания ставки оккупационных властей в Германии стал Баден-Баден. Военное управление зоной в должности французского главнокомандующего в Германии возглавил генерал Пьер Кёниг, давний соратник де Голля. Он уже второй раз занимал административный пост в Германии, так как после Первой мировой войны он заведовал «германскими делами» в Руре и Рейнских землях. Высокое доверие, которым Кёниг пользовался у де Голля, позволяло ему не придерживаться политических указаний из Министерского комитета.

Во главе гражданского управления оккупационной зоной (Гражданский комитет) встал Эмиль Лаффон, самый молодой из французских высших чиновников в Германии. Формально Лаффон подчинялся Кёнигу как главе оккупационной власти, однако на деле стремился к независимости и постоянно увеличивал численность подчиненного ему гражданского аппарата. Деятельность Лаффона в Германии трудно оценить однозначно: с одной стороны, он высказывался в противовес Кёнигу за скорейшее создание германских органов управления, с другой стороны, призывал к проведению жесткой экономической политики. С самого начала это привело к противостоянию двух руководителей, которое в конце 1947 г. закончилось отставкой Лаффона. На деле конфликт сводился к спору об административной структуре зоны: Лаффон полагал, что без центральных германских ведомств экономическая эксплуатация зоны не сможет проводиться эффективно, Кёниг же рассчитывал на координацию действий в рамках оккупационного аппарата¹⁰⁰.

В административные центры (Кобленц, Тюбинген, Фрайбург и Саарбрюккен) были назначены губернаторы, которым подчинялись земельные военные администрации. Комендантами в округах назначались, в основном, более молодые офицеры, и их значительная часть очень скоро стала работать в тесном взаимодействии с местным населением. Они могли располагать немецким персоналом по своему усмотрению и вскоре стали назначать немцев на многие должности. Теодор Эшенбург, работавший в послевоенное время в местной администрации Южного Вюртемберга, считает деятельность оккупационных властей настоящим подарком германскому населению: «Так как земли поначалу не имели парламентов, то главы земельных правительств, назначались военными губернаторами. Их выбор в большинстве случаев останавливался на высококвалифицированных работниках». Многие германские активисты – такие как Карло Шмид, Теодор Эшенбург, Петер Альтмайер, Адольф Зюстерхенн – в свою очередь,

¹⁰⁰ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 131–132.

считали себя ответственными перед своей страной и помогали французам устранять послевоенные трудности и, рассчитывая со временем перенять власть в воссоздаваемом государстве.

Деятельность оккупационных властей затронула самые разные сферы жизни германского населения. Перед Францией в Германии стояли те же задачи, что и перед другими союзниками: в первую очередь, это была программа «четырех Д», подразумевавшая, среди прочего, денацификацию и демократизацию страны. Послевоенное восстановление подразумевало и проведение союзниками активной культурной политики, а права державы-победительницы позволяли взимать репарации с целью возмещения военного ущерба. В адрес французской экономической политики в Германии и историками, и современниками делались, в основном, критические замечания, дававшие повод для негативной оценки и всего оккупационного периода во французской зоне в целом: «Насколько любезными были отдельные офицеры, настолько нетерпимыми были французы в принципиальных для них вещах. Их оккупационная политика была суровой, самой жесткой в Германии после советской оккупации. Они эксплуатировали страну, как только могли», – отмечали современники. Жесткая экономическая эксплуатация затмевала деятельность военного правительства в других сферах и способствовала тому, что все демократические, культурные и прочие творческие начинания властей выглядели всего лишь как «аксессуар», предназначенный для прикрытия истинных целей французов.

Германские историки долгое время склонны были списывать все трудности послевоенного времени на непродуманную политику французских властей. Нельзя, однако, забывать, что с давних времен земли французской зоны считались сельскохозяйственными областями, требующими субсидий. Кроме того, еще слабо изучены последствия экономической и финансовой политики национал-социалистов, в частности, в юго-западной Германии: скрытая инфляция и военное финансирование, дефицит товаров потребления и принудительное хозяйство уже к 1945 г. создали предпосылки для широкого распространения «теневой экономики»¹⁰¹.

Негативная оценка французской оккупации не удивительна, ведь внимание широких масс неизбежно привлекал бытовой уровень, где ситуация в послевоенное время была крайне неблагоприятной. Хотя оккупационные власти старались обеспечить зону продуктами, вместе с концом войны и изоляцией зоны начался голод. Кризис дополнялся тем, что французские военные подразделения находились на прожи-

¹⁰¹ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 132–133.

вании и обеспечении в германских деревнях. По праву военных, и к тому же победителей, на их долю распределялось больше продовольствия, чем на долю немцев, в связи с чем жизненный уровень германского населения заметно упал.

В самых тяжелых условиях оказался Южный Вюртемберг, поскольку эта земля должна была обеспечивать продовольствием части Саара, Рейнланд-Пфальца и весь французский сектор в Берлине. «В результате, преимущественно сельскохозяйственные территории оказались на грани крайней нужды в продовольственном снабжении. Эти изъятия продуктов питания из земли, которая вполне смогла бы обеспечить себя продовольствием, вызывали невероятное ожесточение населения в адрес французов». Чтобы не выходить за рамки законности, военное правительство тщательно скрывало от немцев и союзников реальные масштабы конфискации. Французы виртуозно интерпретировали международные термины и предписания союзнических договоров так, чтобы под определение изымаемых попадало как можно большее количество материальных ценностей.

В городах, где число расквартированных войск было особенно высоким, использование жилищного потенциала приводило к сильному нарушению интересом местного населения. Всего за годы оккупации, например, в Южном Вюртемберге оккупационными властями было изъято 350 отелей, 147 ресторанов, 35 школ, более 700 жилых зданий и около 4000 квартир общей вместительностью в 22 тыс. комнат, а также около 3600 отдельных комнат.

Возражения германской общественности были направлены против методов, которыми Франция проводила свою экономическую политику, причем вызывая протесты как немцев, так и союзников. Особое недовольство населения провоцировали демонтажи, подразумевавшие вывоз техники и производственного оборудования во Францию. Они сильно сказывались на жизни населения, поскольку закрытие завода влекло за собой сокращение рабочих мест и зачастую отнимало у большинства жителей единственный источник дохода. Причем это касалось не только военных объектов, но и заводов с продукцией двойного назначения, например, производство часов и оптических приборов, велосипедная промышленность. В результате за период с 1945 по 1948 год из французской зоны было вывезено 43 тыс. станков и механизмов 23 тыс.¹⁰²

Под лозунгом декартелизации Франция стремилась поставить себе на службу целые промышленные отрасли для изъятия текущей продукции, которая направлялась на развитие французской экономики.

¹⁰² См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 134.

Речь шла об угольной, электрохимической промышленности, судоходном деле. Изъятия из энергетической промышленности Бадена, например, достигали, 70–80 процентов. Для упорядочения экономических мер военное правительство Франции в Германии издало в сентябре 1945 г., а затем в июне 1947 г. постановления, регулирующие взимание репараций в зоне.

Еще одним вопросом, вызывавшим широкий протест со стороны немцев, была проводимая французами вырубка лесов Шварцвальда, что оказывало на германское общество, к тому же, огромное моральное воздействие: «Главное богатство земли Баден – это Шварцвальд. Если в ближайшие пять лет такими же темпами продолжится вырубка лесов, то нанесенный ущерб нельзя будет восполнить и за 100 лет»¹⁰³. Основные выгоды приносила Франции монополизация внешней торговли французской зоны: во-первых, посредством экспорта из германских земель она удовлетворяла потребности французского населения, а во-вторых, не имея возможности субсидировать зону из собственного дефицитного бюджета, Франция таким образом обеспечивала необходимый приток средств. За время оккупации французское военное правительство смогло перестроить сельское хозяйство германских земель на поставку во Францию значительного количества сырья, полуфабрикатов и готовой продукции: до 80% экспорта зоны направлялось во Францию. Хотя до 1948 г. Франции удалось поддерживать активный торговый баланс в зоне оккупации, что стало одним из поводов не соглашаться сразу на предложение о присоединении к Бизонии, для германской экономики перестройка некоторых отраслей производства в угоду интересам Франции имела даже более негативное значение, чем столь спорные в политическом смысле демонтажи.

Несмотря на очевидно отрицательные для Германии последствия французской экономической политики, при ее оценке нельзя не учитывать и то, что ситуация в самой Франции не позволяла управлять зоной по-другому. В экономической политике Франция последовательно выполняла стоящие перед ней задачи, которые предусматривали использование оккупационной зоны в первую очередь для восстановления французской экономики в той мере, в какой это было необходимо. До 1947 г. Франция получала от своей оккупационной зоны «определенный выигрыш». От жесткой эксплуатации французское правительство отказалось только тогда, когда вследствие поставок по плану Маршалла и признания западными союзниками экономического отделения Саара оно смогло рассчитывать не только на ресурсы своей зоны.

¹⁰³ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 134.

При проведении демонтажей военные власти не учитывали, что остатков промышленного запаса в зоне оккупации едва хватало для поддержания среднего уровня индустриального развития. Вместе с тем, технический потенциал и конкурентоспособность различных промышленных областей сохранились, что позволило Германии вскоре после окончания оккупационного периода догнать передовые капиталистические страны по темпам развития и поразить мир стремительным возрождением и процветанием еще недавно раздробленной и зависимой экономики.

Помимо экономических интересов одной из основных задач оккупационных властей Франции стало возрождение германского демократического государства. В этом вопросе уже невозможно было обойтись одними распоряжениями – требовалось теснейшее сотрудничество с людьми, которые должны были стать носителями новой демократической системы. Кроме того, сложность решения этой задачи придавало то обстоятельство, что эти люди долгое время жили под воздействием нацистской пропаганды, прививавшей им, помимо прочего, стойкую франкофобию. Как и другие державы антигитлеровской коалиции, Франция должна была провести в своей зоне денацификацию и способствовать возрождению и укоренению у немцев демократического сознания. Концепция денацификации исходила из тезиса о превосходстве французской политической традиции над немецкими, имевшими сильный уклон в сторону авторитаризма.

Денацификация должна была удалить убежденных национал-социалистов не только из органов государственного управления, но и из руководства предприятиями, из прессы и учреждений образования. К 1946 г. земли французской зоны разработали свою систему денацификации: членство в национал-социалистической партии не считалось основным доказательством виновности. Такую систему поддерживало и военное правительство. Генерал Кёниг, размышляя в сентябре 1945 г. о целях и принципах проведения денацификации, наставлял губернатора Рейнланд-Пфальца: «Не является целесообразным увольнять каждого железнодорожника или почтальона по причине его членства в НСДАП. Денацификация по отношению к работникам, не занимающим руководящие должности и не являющимся чиновниками или служащими, не найдет поддержки ни в одной правовой системе, кроме случаев, когда речь идет об опасных личностях»¹⁰⁴.

Краеугольный камень **французской модели денацификации** составляло прямое участие немцев в процессе осуждения преступников, только «Самоочищение» (autoepuration) германского общества могло

¹⁰⁴ См.: Некрасова Т.А. Французская оккупационная политика в Германии. 1945–1949 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 135.

стать длительным и действенным, так как включало в себя встречу с собственным прошлым лицом к лицу. Дела обвиняемых обсуждались в их собственном районе с участием представителей той же профессии, коллег обвиняемого, в качестве членов комиссии. В каждом округе создавались комиссии по проверке сферы управления, экономики, связи, юстиции и школ. Каждая комиссия состояла из четырех представителей политических, религиозных или профсоюзных кругов, которые в личном, профессиональном или материальном плане пострадали от нацистского режима. Этих представителей выбирал глава местного германского управления. Тем самым открылись возможности новой элите, преимущественно участникам Сопротивления, постепенно перенять власть в воссоздаваемом государстве. Отчеты комитетов по денацификации брались за основу аналогичными комитетами на земельном уровне, французы оставили за собой лишь последнюю перепроверку в соответствующем отделении военного правительства.

Наиболее строго денацификация проводилась в среде преподавателей. В промышленной области она оказалась куда менее суровой, поскольку там невозможно было обойтись без квалифицированного персонала, а заменить его быстро не удавалось. В итоге, французы часто обращали внимание скорее на административно-технические способности, а не на политическую причастность, исключая высших чиновников нацистского режима. То же касалось и сельского хозяйства: «В случаях, касающихся крестьян, стоит иметь в виду катастрофическую продовольственную ситуацию, поэтому даже в случае серьезной вины решения не должны повлечь за собой остановку сельскохозяйственных предприятий». И все же, когда работники технических областей оставались вопреки политическому прошлому на своих постах, за ними устанавливался надзор служащих, известных своей негативной позицией по отношению к национал-социализму.

В различных землях процентное соотношение оставленных на своих местах и уволенных служащих отличалось. В Южном Бадене, например, денацификацией было охвачено 163 тыс. случаев. В области культуры, где санкции были наиболее суровыми, было проверено 7000 человек. 40% служащих были оставлены на своих должностях, 45% приговорены к наказанию, 15% уволены с работы в учебных заведениях. В Рейнланд-Пфальце в области школьного образования было проверено более 3000 случаев, из них около 60% оставлены в должности, 20% уволены, а еще 20% решений отложены на более поздний срок. В Южном Вюртемберге было проверено 77344 случая (примерно 7% населения),

причем почти две трети проверяемых были оставлены «без мер наказания», а остальные – «с применением мер наказания»¹⁰⁵.

Работа комиссий по денацификации имела и свои сложности, так как единого закона по ее организации не существовало. Комиссии действовали исходя из частных обстоятельств, не имея возможности обмениваться опытом, что в итоге приводило к серьезным расхождениям между приговорами комиссии по денацификации. Все это вызывало недовольство немцев, которым казалось, что результаты либо слишком строгие, либо чересчур мягкие. В результате, эти противоречия сильно осложнили денацификацию, вынудив военное правительство перенять американскую модель палат по денацификации, и пересмотреть многие решения. Вместе с тем, широкое привлечение немцев к работе в комиссиях по денацификации позволило германскому населению принять активное участие в формировании нового демократического облика своих земель с самых первых месяцев оккупации. Французская политика, считавшаяся практически во всех сферах наиболее жесткой среди союзников, оказалась разнообразной по своим подходам. Более схематичной она стала, напротив, при переходе на американские стандарты.

Учитывая положение Германии после окончания войны, французские власти решили, что труд немецких военнопленных в пользу Франции является единственным удовлетворительным решением как с экономической, так и с моральной точки зрения. Опираясь скорее на общую оценку, а не на конкретные нужды, в начале 1945 г. власти провели расчеты и потребовали для восстановления национальной экономики 1750 тыс. военнопленных: 1500 тыс. человек для разминирования территории, 100 тыс. для восстановления сельского хозяйства, 60 тыс. для работы в шахтах и каменоломнях, 70 тыс. для выработки древесного угля, 10 тыс. для восстановления электросетей, 10 тыс. для работы в промышленности и т. д. Однако в действительности на территории Франции и в метрополии трудилось всего 907 тыс. немецких военнопленных¹⁰⁶.

К 1947 г. потребности французских властей в рабочих-военнопленных выросли до 1, 75 млн, что соответствовало экономической логике: именно столько французов трудилось на Третий рейх. Но этот уровень не был достигнут, что можно объяснить тремя причинами:

– военной: французская армия захватила в плен только 237 тыс. человек. Около 740 тыс. в качестве «рабочих для восстановления страны» ей передало американское правительство, осуществившее для этого шесть транспортировок военнопленных;

¹⁰⁵ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 136.

¹⁰⁶ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 258.

– политической: управление трудом военнопленных зависело от изменений в мировой политике. С 1947 г. под давлением англичан и американцев французские власти вынуждены были начать освобождение военнопленных, переданных Франции;

– наконец, экономической (она всегда играла второстепенную роль): чтобы максимально уменьшить долю неработающих, французские власти решили вернуть на родину весь «балласт», тех «бесполезных пленных (...) которые представляют собой лишь бремя и от которых невозможно получить никакой пользы»¹⁰⁷.

Однако чтобы объяснить, почему доля работающих немецких военнопленных после этого не слишком выросла, надо обратиться к условиям их жизни во Франции. Тогда станет понятен разрыв между официальными указаниями и их реализацией. По данным Международного комитета Красного Креста, условия проживания военнопленных можно было расценивать как удовлетворительные лишь с 1946 г., а одежду и питание – с 1947 г. Налицо парадокс: Франции в период восстановления требовалось больше пленных, чем она могла прокормить. Вот почему из всех военнопленных, находившихся в стране в период с 1945 по 1948 г., на нее работало максимум 76 % (приблизительно 550 тыс. человек).

Единственной постоянной директивой при использовании труда пленных было правило приоритетных (т.е. считавшихся главными для восстановления страны) работ.

Прежде всего это труд на шахтах. Уголь был единственным производственным топливным сырьем в масштабе всей страны. Без него нельзя было начать восстанавливать французскую промышленность. В 1945 г. угледобывающий сектор на 30 % отставал от уровня 1938 г. Поэтому около 50 тыс. неквалифицированных немецких рабочих в крайне тяжелых условиях трудились в шахтах, считавшихся неприбыльными при использовании в них свободной рабочей силы. Вплоть до их освобождения пленных держали в лагерях, не позволяли контактировать с местным населением. Особенно стабильный характер использование труда военнопленных в угледобыче носило до начала 1947 г. На первых порах они были исключены из процесса перехода в разряд свободных работников, резкое сокращение применения труда пленных произошло лишь в 1948 г.¹⁰⁸.

Второй ключевой сектор – сельское хозяйство, в нем было занято 36,5 % трудоспособного населения Франции. 40-53 % немецких военнопленных работало на фермах. Это, несомненно, оказался самый приятный для них вид занятости. Пленных хорошо кормили, они могли общаться с

¹⁰⁷ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 264.

¹⁰⁸ Там же. С. 265.

местным населением, иногда даже забывали о своем статусе. Именно в сельскохозяйственном секторе разрыв между декларируемым и реальным трудоустройством был наименее значительным. Этот сектор быстро занял первое место по объемам использования труда военнопленных.

Третий сектор – промышленность, прежде всего выработка гидроэлектроэнергии. Кажется странным, что здесь было задействовано не так уж много пленных, призванных восполнить нехватку французских рабочих. Парадокс объясняется тем, что управленцы не решались использовать неквалифицированных, ненадежных иностранных рабочих. Кроме того, данный вид промышленности был недостаточно механизирован.

Наконец, часть военнопленных занималась сугубо восстановительными работами. Например, от 30 до 40 тыс. человек использовались для разминирования территории. Но это только 11-14 % от общего числа пленных. Притом работы, которые они выполняли, не были четко распланированы, поскольку являлись безотлагательным и необходимым предварительным условием для восстановления экономической деятельности, в частности сельского хозяйства. Поэтому количество людей, занимавшихся разминированием, в основном на побережьях Ла-Манша и Атлантики, постоянно росло вплоть до ноября 1945 г. Затем, наоборот, начало быстро уменьшаться. В 1947 г. они составляли только 1,5 % трудоустроенных пленных. Использование военнопленных на работах, «имеющих отношение к военным операциям», противоречило Женевской конвенции 1929 г. (ст. 32), поэтому оно было предметом разногласий между Международным комитетом Красного Креста и французскими властями. Последние считали, что хотя это и незаконно, но вполне правомерно требовать обезвреживания мин у тех, кто их ставил. Согласно подсчетам Даниэль Вольдмэн, с 1945 по 1946 г. 9,7% из них пострадало при разминировании, причем 3,5% погибло (всего 1709 убитых и 2988 раненых)¹⁰⁹.

Места концентрации немецкой рабочей силы совпадают с географией сражений, а также с размещением тех секторов экономики, которые считались первоочередными для страны (разминирование, угледобыча, сельское хозяйство). Географическое распределение военнопленных также отражает тесную связь между их трудом и процессом восстановления. Можно выделить следующие зоны трудоустройства (в порядке убывания по значимости): 1-я военная зона (Север/Пад-де-Кале, Пикардия), там работали 83 тыс. военнопленных; 20-я (Лотарингия, Шампань/Арденны) – 57 тыс.; 18-я (Аквитания, Пуату-Шарант) – 55 тыс.; 15-я (Прованс-Альпы/ Лазурный Берег) – 54 тыс.; 8-я (Бургундия, Франш-Конте) – 50 тыс.; 13-я (Овернь, Лимузен) – 47 тыс.; 10-я (Эльзас) – 46 тыс.; 17-я (Южные Пире-

¹⁰⁹ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 266.

неи/Лангедок/Руссийон) – 46 тыс.; 21-я (Мозель) – 39 тыс.; 4-я (Пеи-де-ла-Луар, Центр) – 28 тыс.; наконец, Парижский регион – 12 тыс.¹¹⁰.

После Второй мировой войны, отмечает белорусский историк – исследователь германской политики Франции в 1945–1949 гг. **Н.В. Величко**, США, Великобритания, Франция и СССР разделили Германию на четыре оккупационные зоны, определив таким образом новую конфигурацию международных отношений в Западной Европе. Участие Франции в контрольном механизме над Германией на равной основе с СССР, США и Великобританией было определено дополнительным соглашением от 1 мая 1945 г. В Контрольном Союзном совете (КСС) Франция выступала за сохранение немецкого экономического единства, но ни в коем случае не хотела допустить централизации германского правительства. Поэтому политику, проводимую Францией в своей зоне оккупации в 1945–1949 гг., называют двойственной или амбивалентно¹¹¹.

Согласно известному германскому историку М. Оверешру, пишет далее **Н.В. Величко**, французская зона оккупации равнялась 42814 км². Она занимала 12% территории Германии, в то время как британская зона оккупации – 27,4%, американская – 30,1 %, советская – 30,2%. В 1946 г. во французской зоне производилось в стоимостном выражении 10% промышленной и экспортной продукции. Входившая в состав зоны Саарская область по производству стали и добыче каменного угля уступала лишь Рурской области. «Из основных видов промышленной продукции можно назвать удобрения, синтетическое горючее, буна (каучук), производимые заводами И.Г. Фарбениндустри, оконное стекло, карбид кальция, запасные части для автомобилей, обувь и пр.». «Во французской зоне оккупации (Саарская область) меньше всего пострадали предприятия Фельклингер, входившие ранее в состав концерна Рехлинга. Весной 1946 г. на этих предприятиях было занято около 4,5 тыс. рабочих. В начале года здесь производилось свыше 20 тыс. тонн стали и около 10 тыс. тонн проката в месяц»¹¹².

Официально французская зона оккупации существовала до 21 сентября 1949 г. Первоначально в территориальном плане французская зона состояла из пяти земель или провинций: Рейнланд со столицей в г. Бад-Эмсе, затем в г. Кобленце, Баден со столицей в г. Фрибурге, Вюртемберг со столицей в г. Тюбингене, Саар со столи-

¹¹⁰ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 266.

¹¹¹ См.: Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 42.

¹¹² Там же. С. 42–43.

цей в г. Саарбрюккене, Палатинат со столицей в г. Нестаде. После реорганизации 30 августа 1946 г. в ее состав входили три земли: Рейнланд-Пфальц со столицей в г. Майнце, Южный Баден со столицей в г. Фрибурге и Южный Вюртемберг-Гогенцоллерн со столицей в г. Тюбингене. Саарская область (столица г. Саарбрюккен) с ноября 1947 г. была отделена таможенной границей от французской зоны оккупации и присоединена в экономическом отношении к Франции.

По мнению М. Овереша, французская зона оккупации имела свои особенности. Немецкие земли оформились здесь только к осени 1946 г. Южный Вюртемберг с резиденцией в Тюбингене возглавил госсекретарь (статс-секретарь) Карло Шмидт, Южный Баден с резиденцией в Фрибурге – Лео Волеб, Рейнланд-Пфальц с резиденцией в Кобленце – Петер Альтмейер ОИВЦ. Земельные властные структуры имели кроме государственных секретарей еще министерских директоров (министериаль-директоров). Ставка главнокомандующего французскими оккупационными властями находилась в г. Баден-Бадене в отеле Бреннер. Политико-экономическим центром французской зоны оккупации являлся г. Майнц.

Французская военная администрация в Германии была создана 15 июня 1945 г. Ее возглавил генерал-лейтенант (в конце оккупационного периода – генерал армии) Пьер Кёниг. На заседания СКС П. Кёниг прилетал в Берлин из своей штаб-квартиры в Баден-Бадене и по окончании заседания немедленно улетал обратно, подчеркивая этим свое нежелание иметь что-либо общее с Берлином как центром Германии. В своем штабе он запретил произносить в его присутствии слово «центральное германское правительство», а в документах французской военной администрации употреблять слово «рейх». Во всех названиях, где оно употреблялось в качестве прилагательного, его заменили словом «дойч».

В распоряжении П. Кёнига находились четыре помощника: главнокомандующий оккупационных войск, генеральный администратор военного правительства французской зоны оккупации, глава французского представительства в СКС, главнокомандующий французского сектора Берлина. Главнокомандующим оккупационных войск был назначен генерал М. Монсабер, затем его сменил генерал Э. Севез. Генеральным администратором являлся генерал Э. Лаффон. Главой французского представительства в СКС был генерал Л. Кёльц, впоследствии его сменил генерал Р. Нуаре. Главнокомандующим французского сектора Берлина назначили генерала Т. Бошена, а затем его заместил на этом посту генерал Р. Ганевал. Кроме того, в распоряжении генерала Л. Кёнига находились политический советник (А. Франсуа-Понсэ) и экономический советник, выполнявшие консультативную роль. Граж-

данская администрация, главой которой был Э. Лаффон, состояла из двух главных отделов – Административного бюро и Бюро экономики и финансов, которое включало подотделы здравоохранения, экономики, финансов, миграции и др. Также существовало Бюро культуры, однако оно играло незначительную роль по сравнению с двумя предыдущими. «В оккупационной администрации собрались представители самых различных политических сил – от левых до крайне правых, включая бывших вишистов, которые использовали свое пребывание в Германии, чтобы укрыться от преследования за коллаборационизм»¹¹³.

Франция выступала против политического единства Германии и в течение 1945–1946 гг. отстаивала идею ее федерализации. Однако, учитывая отсталость регионов своей зоны, Франция ратовала за экономически единую Германию. Французы выступали против создания на территории своей зоны центрального немецкого органа. Во французской зоне был образован Министерат, вокруг которого группировались главы Секретариатов, под руководством генерала П. Кёнига. Секретариаты представляли собой правительства земель. Постепенно они были полностью поставлены под контроль военной администрации. После того, как весной 1947 г. во французской зоне оккупации прошли выборы в местные ландтаги, их главы получили название «министр-президенты» земель, в Рейнланд-Пфальце министр-президентом стал П. Альтмейер, в Южном Бадене – Л. Волеб, в Вюртемберг-Гогенцоллерне – Г. Мюллер. Под особым вниманием Парижа находилась Саарская область, которой управлял французский губернатор. Им был в первые послевоенные годы Жильбер Грандваль, ставший позже Верховным Комиссаром Саарской области (земли).

Генерал П. Кёниг создал разветвленный бюрократический аппарат, неспособный к управлению. Во французской зоне оккупации находилось, например, шесть различных полиций. Содержание 5880 французских администраторов и их помощников только в 1946 г. обошлось в миллиард франков. Генеральный администратор Э. Лаффон не имел контроля над всеми департаментами, многие из которых напрямую зависели от военного управления П. Кёнига.

7 июля 1945 г. в Париже был создан Межминистерский комитет по немецким и австрийским делам, переименованный в декабре 1945 г. в Генеральный комиссариат по немецким и австрийским делам. Генеральным комиссаром был назначен Рене Майер. В газете «Дер Тагесшпигель» от 29 декабря 1945 г. говорилось «о назначении

¹¹³ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 43.

Рене Мейера, бывшего французского министра путей сообщения, генеральным уполномоченным французской зоны в Германии и Австрии. В его задачу входит, как сообщает газета, объединение всего административного аппарата зоны». Генеральный комиссариат должен был выработать четкие принципы, которыми следовало руководствоваться административному аппарату французской зоны. Генеральный комиссариат подчинялся французскому правительству, которое так и не смогло выработать общие приоритеты, цели и методы в деле обращения с Германией. Следовательно, деятельность Генерального комиссариата была только формальной¹¹⁴.

Политика Франции по отношению к своей оккупационной зоне преследовала две цели: компенсировать в какой-то мере ущерб, нанесенный ей Германией во Второй мировой войне, и создать модель организации общественной жизни, которую можно было бы предложить в качестве образца для других зон. А. Гроссер отмечал, что три принципа этой политики – «изъятия из текущего производства, ограничение объема производства, преобразование общественной и экономической жизни» – имели в виду «постоянное ослабление немецкой экономики» как основы немецкой политической и военной мощи.

Американский историк К. Фридрих, исследователь темы американской оккупационной администрации в Германии, пишет, что французы «не участвовали в Потсдамском соглашении и на этом основании вообще не считали для себя обязательным решения по денацификации. Они считали, что могут проводить свою политику в этом вопросе». Во всех оккупационных зонах в первые же месяцы оккупации были арестованы как военные преступники и интернированы высокопоставленные нацистские функционеры, высшие члены Охранных отрядов (СС), Полиции безопасности (СД), Гестапо, Вермахта, высшие политические и государственные руководители. В американской зоне было интернировано 92259 человек, в английской – 64500, во французской – 18963. Французские оккупационные власти уже осенью 1945 г. отдали приказ об образовании немецких комитетов по расследованию, тем самым процесс денацификации был здесь сильно индивидуализирован. После выхода директивы СКК № 38 «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами» 12 октября 1946 г. во французской зоне была введена американская практика проведения денацификации с заполнением громоздких ан-

¹¹⁴ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 43-44.

кет, проведением разбора дел в «шпруккамерах» и распределения виновных по пяти категориям вины. «Из нацистов, привлеченных к ответственности, подверглось репрессивным мерам лишь около 38 процентов. Так называемые репрессии ограничивались зачастую перемещением по службе или понижением в должности»¹¹⁵.

В качестве основополагающего принципа разоружения и демомонополизации Германии французы рассматривали регулярное взимание и поставку репараций. Французское правительство преследовало одновременно две цели в репарационном вопросе – обеспечить безопасность Франции, лишив Германию военного потенциала, и возвратить отобранные немецкими оккупационными властями материальные блага во Францию. Еще на Ялтинской конференции было решено, что репарации с побежденной Германии должны были осуществляться в натуральном виде, в виде демонтажа излишних индустриальных предприятий, товарных поставок, но не в денежном эквиваленте.

В условиях «холодной войны» западные державы были вынуждены пересмотреть взаимосвязанные принципы демилитаризации и демомонополизации Германии. Возможное появление новой агрессии ожидалось не со стороны обновленной Германии, а со стороны СССР. В этих условиях США и Великобритания взяли курс на возобновление давних связей германских монополий с западными державами. Франция, радикально изменившая свою политику с середины 1947 г., присоединилась к этому курсу.

Еще в декабре 1945 г. французские оккупационные власти монополизировали управление шахтами Саарской области. «Парижский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Д. Шмидт приводит некоторые данные о хозяйничаньи французов в Сааре и других районах оккупации. Корреспондент, в частности, указывает, что Франция вывозит из своей зоны 1500 тонн бумаги ежемесячно, оставляя для местных нужд 500 тонн. Около 300000 пар обуви было выпущено в Сааре для нужд французской армии и 200000 для французских гражданских лиц. В качестве репараций из одной только Прирейнской области было угнано во Францию 3000 голов скота, вывезено 17600 тонн цемента, 8500 кубических метров строительного леса и 1740 тонн цветных металлов».

9 июня 1947 г. Во французской зоне оккупации был издан закон о декартелизации. Он не содержал списков фирм, подлежащих обязательной децентрализации, и не предусматривал мер, обеспечивающих ее претворение в жизнь. В конечном итоге, демомонополизация во

¹¹⁵ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 44.

французской зоне оккупации свелась к тому, что лишь небольшая часть фирм подвергалась формальному разукрупнению. Вхождение французской зоны оккупации в Тризонию и принятие Францией «плана Маршалла» означало окончательное вхождение экономики французской зоны в систему западногерманской экономики. За время оккупации во французской зоне появился ряд смешанных франко-германских компаний в часовой промышленности, в области производства хирургических инструментов, в нефтяной промышленности, в химической (заводы Людвигсгафена), в области кино¹¹⁶.

Военное правительство французской зоны провело ряд демократических реформ: земельная, имущественная, реформа социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики. Ее проводником являлся генерал Раймон Шмитляйн. Он был назначен директором образования во французской зоне. Его целью было реформировать в соответствии с принципами демократизации, денацификации и демилитаризации слишком элитарную, по его мнению, немецкую систему образования, устранить влияние национал-социализма и снова приобщить немецкое население при помощи французского культурного влияния к идеям европейского просвещения и гуманизма. Деятельность школ и университетов во французской зоне была возобновлена ранее, чем в остальных. В Майнце и Саарбрюккене были открыты новые университеты, в Гермерсхайме – переводческий институт, в Шпайере – новая высшая школа управления. Деятельность Р. Шмитляйна оставила заметный след в деле создания и развития культурных центров, французских институтов, бюро молодежи, служб международного обмена, центров «Молодежь и спорт». Р. Шмитляйн широко использовал частные инициативы, например, Ж. дю Риво в деле создания Международного бюро связи и документации, А. Гроссера во внутренней деятельности Французского Комитета по обмену с обновленной Германией.

Культурная политика французских оккупационных властей была направлена на франко-германское сближение. Были созданы специальные органы, ответственные за культурное сотрудничество Франции и Германии. Одни из них – Международное бюро связи и документации – был образован в 1945 г. в Бадене в г. Оффенбурге. Его создателем был военный священник, иезуит Жан дю Риво. С 1945 г. Международное бюро связи и документации регулярно издавало два журнала – «Dokumente» и «Documents». «Dokumente» детально инфор-

¹¹⁶ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 44-45.

мировал немецкое население о жизни во Франции, а «Documents» – французское население о Германии. В 1948 г. по инициативе Эммануэля Мунье был создан французский комитет по обмену с обновленной Германией. Он объединял деятельность немецких и французских журналистов, писателей, политических деятелей, преподавателей. До своего роспуска в 1967 г. Французский комитет по обмену с обновленной Германией, выпускал информационный бюллетень «Allemagne», где публиковались и анализировались политические и партийные дебаты, проблемы молодежи во Франции и Германии.

Несмотря на все конструктивные реформаторские начинания французских оккупационных властей, у немецкого населения не осталось в памяти никаких положительных моментов от их деятельности. Негативные настроения немцев к Франции и к французам усиливала проблема беженцев. Во втором томе «Актів к предыстории Федеративной Республики Германии» содержится стенограмма заседания конференции министров-президентов немецких земель в Мюнхене (Бавария) 6-7 июня 1947 г. Выступавший на конференции профессор П. Шмидт из Гессена говорил от имени своих коллег о тяжелом продовольственном положении населения во французской зоне оккупации. 1 июля того же года состоялась встреча министров-президентов американской зоны оккупации с генералом Л. Клеем. Министр-президент С. Майер жаловался генералу на проблему пропускного режима во французской зоне оккупации. 22 октября 1947 г. в Висбадене проходила конференция, на которой директор бizonального Хозяйственного совета доктор Й. Земмер заметил, что во французской оккупационной зоне имеющиеся промышленные мощности разработаны лишь на 25%, что явно недостаточно¹¹⁷.

Французская зона оккупации, подчеркивает **Н.В. Величко**, была наименьшая из четырех в территориальном плане и представляла собой экономически отсталый регион, за исключением Саара, поэтому деятельность французской администрации зоны была направлена на экономическое единство Германии. В то же время французы приложили максимум усилий, чтобы не допустить политического единства французской зоны оккупации. Они предоставили автономию пяти немецким землям и успешно сопротивлялись созданию на территории своей зоны центрального немецкого органа, в отличие от США и Великобритании. Вся полнота власти во французской зоне оккупации была сосредоточена в руках французской военной администрации и главно-

¹¹⁷ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 45.

командующего П. Кёнига. П. Кёниг создал разветвленный бюрократический аппарат, состоявший на 80% из бывших вишистов и неспособный эффективно управлять из-за своей сложной и громоздкой структуры. Военное правительство французской зоны провело земельную, имущественную, продовольственную реформы, реформу социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики во французской зоне, проводимой Р. Шмитляйном. Но, несмотря на все конструктивные реформаторские начинания французских оккупационных властей, у немецкого населения не осталось в памяти никаких положительных моментов от их деятельности.

Политику французских оккупационных властей называют амбивалентной или двойственной, так как она была направлена на политическую децентрализацию и экономическое единство Германии. Принципы «четырех «Д»» во французской зоне оккупации Германии в понимании советских историков не были успешно реализованы. Франция вообще не считала себя связанной Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, так как она не участвовала в их разработке. Французы не придавали особенного значения денацификации Германии, так как считали, что абсолютно каждый немец являлся бывшим нацистом. Демонопользация и демилитаризация Германии во французской зоне оккупации осуществлялись в виде репараций, реституций, демонтажей, которые должны были компенсировать ущерб, понесенный Францией за годы гитлеровской оккупации. Наиболее успешными оказались результаты демократизации, так как она была направлена на франко-германское сотрудничество в области образования, науки, культуры, искусства. Таким образом, политика французов в своей зоне оккупации предполагала не только компенсацию ущерба Франции. Французы провели ряд конструктивных реформ, направленных на объединение французской зоны оккупации и развитие франко-германского сотрудничества. Однако это сотрудничество не смогло успешно осуществиться из-за сохранения амбивалентной французской политики¹¹⁸.

В отношении **культурной политики** французских оккупационных властей, отмечает Т.А. Некрасова, мнения историков расходятся. Одни исследователи подчеркивают значительный вклад французской администрации в культурное развитие региона, в частности, в сфере образования, другие – оценивают культурную политику французов как высокомерно-попечительную, считая ее прикрытием для экономической эксплуатации региона.

¹¹⁸ Величко Н.В. Французская оккупационная политика в Германии в 1945–1949 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўна ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2016. – № 1(47). С. 45-46.

Задачи проведения культурной политики во французской зоне оккупации были вверены Управлению по делам образования (Direction de l'Education publique) и Управлению по делам информации (Direction d'information) – подразделениям военного правительства в Баден-Бадене. Однако действия этих учреждений определялись на протяжении всего оккупационного времени Главным управлением по делам культуры, подчинявшимся непосредственно Парижу. Его начальник Раймон Шмиттляйн воспринимал себя как опекуна и учителя немцев в соответствии с идеей французов о том, что путем культурных преобразований они призваны изменить германский менталитет, он был твердо убежден, что немцы не могут перевоспитаться сами, поскольку «в постнацистском режиме, где демократические немцы составляют незначительное меньшинство, неконтролируемая игра демократических институтов не может закончиться иначе, кроме как привести к власти реакцию и национализм...»¹¹⁹.

Идея перевоспитания немцев очень скоро трансформировалась в стремление распространить в Германии идеалы и культуру Франции. Шмиттляйн полагал, что для этого необходимо не менее десяти лет, то есть столько же, сколько нужно для формирования нового поколения. Единственным средством трансформации германского общества и особенно молодежи, выросшей в идеалах национал-социалистического государства, он считал изменение элитарного характера немецкого образования в демократическом русле. На базе нового образования Шмиттляйн хотел создать из подрастающего поколения новую, демократическую элиту, ориентированную в своем развитии на сотрудничество и взаимопонимание с соседней Францией.

За основу реформ была взята французская система образования. Игнорируя директиву Контрольного совета от 23 ноября 1945 г. о сохранении в Германии конфессионального образования «до того момента, когда немецкий народ сам сможет выражать свои желания», французы упразднили профессиональные школы, провоцируя тем самым столкновение с католической церковью. Кроме того, было введено совместное обучение мальчиков и девочек, а французский язык стал первым и обязательным иностранным языком.

Летом 1946 г. французы решили провести реформу вступительных выпускных экзаменов. Цель реформы состояла в том, чтобы отбор абитуриентов производился исключительно по критериям способностей и качества знаний¹²⁰. В качестве независимых экзаменаторов были привлечены университетские профессора. В результате реформы в зоне оккупации были введены централизованные экзамены, одина-

¹¹⁹ См.: Некрасова Т.А. Указ. соч. С. 137.

¹²⁰ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 138.

ковые для всех абитуриентов одной земли, проходившие устно и оцениваемые от 0 до 20 баллов. Впредь университеты предназначались не только для привилегированных слоев общества.

Главной проблемой на пути французской культурной политики был преподавательский состав, 75% которого осенью 1945 г. не имело права преподавать по причине политической неблагонадежности. Французы предложили план формирования новых педагогических кадров. На начальном этапе были назначены преподаватели-помощники, в основном пенсионеры и политически не ангажированные люди времен Веймарской республики, а также молодые студенты-педагоги. Параллельно вводились «курсы переквалификации», задачей которых было распространение культурной традиции Франции в Германии и идеи о необходимости взаимопонимания между на летние средние школы из двух ступеней по французскому образцу. Узким слоем немецкой интеллектуальной элиты французские инициативы принимались с одобрением, хотя, не удалось избежать некоторого противодействия. Наибольшие возражения германской общественности были направлены против сокращения роли латыни и французского давления на конфессиональные школы. Пик обсуждения этого вопроса пришелся на момент разработки и принятия конституций в землях французской оккупационной зоны в первой половине 1947 года.

Камнем преткновения в конституционных дебатах стали статьи относительно школы и образования. В рамках концепции рехристианизации, отстаиваемой Христианско-демократическим союзом (ХДС) французской зоны, образованию отводилась особая роль. В соответствии с этим церковь сохраняла значительное влияние в этой сфере. Право родителей гарантировало родителям возможность воспитывать детей по собственному усмотрению и выбирать для них подходящую форму школьного обучения. Об этом праве в послевоенное время заговорили не впервые, но сила, с которой оно отстаивалось, была гораздо больше. Объясняется это тем негативным опытом, который и католическая, и протестантская церковь приобрели во времена национал-социалистического режима: «Родители, которые дают детям жизнь, имеют право и обязанность определять, в каком духе будет воспитан их ребенок. Национал-социализм поправил это право». В вопросе о конфессиональности образования ХДС конкурировал с оккупационными властями. Как только культурный суверенитет вернулся в руки немцев, они вновь изменили устройство учебных заведений: введение конфессиональных школ означало провал французской оккупационной политики, нацеленной на перенесение французских школьных образцов на германскую почву¹²¹.

¹²¹ См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 138–139.

Из результатов школьной реформы оккупационное время пережили только централизованное проведение выпускных/вступительных экзаменов в смягченной, привычной для Германии форме, и французский в качестве первого иностранного языка в высших школах. Но даже эта малая часть оказалась огромным вкладом в демократическое развитие образовательного процесса. Облегчение доступа в университет широким слоям немецкого общества высоко оценили сами немцы. Причем спустя несколько десятилетий в ФРГ была проведена реформа образования, в отдельных чертах повторявшая предложенные французами изменения.

Если в школьном образовании французы стремились провести реформу, суть которой заключалась в сближении германской школьной системы с французской, то в отношении высшего образования они были свободны от этих представлений. Немецкие университеты, считавшиеся образцовыми еще со Средних веков, не нуждались в руководстве извне. Поставленные в университетах французские кураторы ограничивались лишь непосредственным контролем, стремясь к конструктивному сотрудничеству с ректорами и деканами, заботясь, прежде всего, о том, чтобы создать студентам необходимые для учебы условия. Военное правительство оставило за собой довольно ограниченные вопросы: контроль над образовательными программами и назначение университетских профессоров.

Культурная деятельность оккупационных властей не ограничивалась сферой образования. Управление по делам информации отвечало за состояние прессы и издательского дела, кино, радио и проводило опросы общественного мнения. Важной задачей управления была пропаганда: оно организовывало выставки, открывавшие правду на преступления нацистов, создавало культурные центры и библиотеки, контролировало денацификацию людей искусства. Вопрос о попытках французов воздействовать на германское общественное мнение тесно связан с концепцией перевоспитания немцев и составляет одну из сторон процесса денацификации. Наряду с управлениями существовала Служба по делам изобразительных искусств, которая занималась возвращением французских культурных сокровищ из частных и государственных коллекций. Это отделение, помимо прочего, организовывало выставки, которые во многих точках оккупационной зоны предлагали публике возможность вновь открыть для себя забытые или запрещенные произведения искусства.

Область культурной политики была для Франции особенно важна, поскольку преобразования, проводимые в германских землях, в будущем должны были создать основу для добрососедства двух стран, культурного симбиоза. Французская культурная политика достигла многих своих целей, а часто оказывала даже большее влияние на последующее развитие германского общества. Вместе с тем, несмотря на мно-

жество позитивных преобразований, внимание германской общественности в первые послевоенные годы больше привлекали отрицательные стороны у оккупационной политики французов¹²².

Таким образом, в 1945 – начале 1947 г. французская дипломатия выражала внешнеполитические интересы Ш. де Голля и решала германскую проблему за счёт идеи «величия Франции». Максимально использовать поражение Германии, не допустить её возрождения – таков был стержень французской политики по германскому вопросу. До середины 1947 г. позиция Франции по германскому вопросу оставалась наиболее радикальной и антинемецкой. Германская политика Франции исходила, прежде всего, из защиты национальных интересов и укрепления экономических позиций своего государства. Она предусматривала осуществление комплекса мер, направленных на длительное ослабление Германии: отделение Саара, Рура и Рейнской области, децентрализацию и даже дегерманизацию. Однако, капитулировав перед гитлеровской Германией, после Второй мировой войны Франция перестала играть роль великой державы и была вынуждена считаться с мнениями США, СССР и Великобритании. Долгое время французское правительство пыталось лавировать между англо-американским блоком и СССР, занимать некую среднюю позицию. Однако в условиях «холодной войны» такая политика потерпела крах. В результате внешнего и внутреннего давления в 1947 г. Франции пришлось переориентировать свою германскую политику. Её было необходимо адаптировать к новым условиям: окончательный разрыв с СССР, необходимость укрепления Западной Европы на международной арене и непосредственное участие Германии в восстановлении европейской экономики. Французское правительство присоединилось к англо-американскому курсу по возрождению Западной Германии в форме ФРГ.

¹²² См.: Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950). М., 2010. С. 139–140.

6. РАЗНОГЛАСИЯ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ. ОБРАЗОВАНИЕ БИЗОННИИ. «ПЛАН МАРШАЛЛА» ДЛЯ ГЕРМАНИИ

Соглашение в Тегеране. Еще при первой встрече на высшем уровне в Тегеране лидеры «Большой тройки» задумались о будущем нацистской Германии. Хотя еще шла война, но никто уже не сомневался в ее исходе.

Вопрос о послевоенном территориальном устройстве Центральной Европы подняли в последний день конференции – 1 декабря 1943 года. По предложению президента США **Франклина Рузвельта**, Германию условно поделили на пять независимых государств: 1) государство в пределах значительно уменьшенной в размерах Пруссии; 2) северо-западные территории Германии, включая Ганновер; 3) Саксония плюс район Лейпцига; 4) Гессен, Дармштадт, Кассель, южный Рейн; 5) Бавария и Баден-Вюртемберг. Районы Рура, Саара, Гамбурга и зона Кильского канала переходили под управление ООН.

Премьер-министр Великобритании **Уинстон Черчилль** тоже имел свой план раздела Германии. Согласно ему от Германии следовало отделить южные земли (Баварию, Баден-Вюртемберг, Палатинат), создав из них «**Дунайскую федерацию**» – что-то вроде Австро-Венгрии, и полностью изолировать Пруссию. Промышленный же Рур британцы хотели взять под свой контроль.

Верховный главнокомандующий советскими вооруженными силами **Иосиф Сталин** настаивал лишь на разделе Восточной Пруссии между СССР и Польшей, а также на передаче Польше Силезии и Померании.

«**План Morgenthau**». В 1944 году Великобритания и США договорились о том, что Германию после окончания войны надо разделить на части, уничтожить тяжелую промышленность, а само население переориентировать на сельское хозяйство. Это был так называемый «план Morgenthau». Его предложил тогдашний министр финансов США Генри Моргантау¹. В сентябре 1944 года на 2-й квебекской конференции план вынесли на обсуждение. План приняли Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. К нему прилагалась записка Гарри Уайта, члена «финансового интернационала» и «архитектора» Бреттон-Вудской системы, в которой говорилось о том, что при выполнении «плана Морген-

¹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 57–58.

тау» население Германии сократится как минимум на 25 миллионов человек в течение нескольких лет. Но план все равно приняли.

В августе 1944 года было выпущено «Руководство для военной администрации в Германии», которое должно было стать политическим руководством для оккупационных войск в этой стране. Но данное руководство Morgenthau «забраковал»: он считал, что дневной рацион в 2000 калорий для немецких рабочих слишком велик! Рузвельт приветствовал эти «предложения по улучшению», заявив: «Нам следует быть жесткими с Германией; я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Нужно либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними так, чтобы они не могли воспроизводить потомство, которое захочет вести себя так, как они вели себя в прошлом»².

Интересно, что **«план Morgenthau»** вскоре «всплыл» в прессе. Упомянутый выше Гарри Уайт по «совместительству» был агентом СССР, и он передал эти документы в Советский Союз. А там Сталин дал указание по дипломатическим каналам передать их в Третий рейх, чтобы в Берлине было меньше желающих идти на сепаратный мир с Англией и США. Немецкая газета «Фёлькишер Беобахтер» вышла с заголовком: «Рузвельт и Черчилль согласились с еврейским убийственным планом». Геббельс во всеуслышание объявил о плане «превратить Германию в одно огромное картофельное поле». Резкой критике «план Morgenthau» подвергли газеты Англии и США.

Разгорелся скандал. Правительства США и Англии были вынуждены отклонить план в первом его варианте, но в целом его идеи были сохранены и воплощены на территориях западных зон оккупации. Так, оккупационные власти США на территории Германии:

- провели децентрализацию банковской системы, создав одиннадцать отдельных банковских округов со своими ЦБ;
- разрушили единую производственную систему, произвели демонтаж и вывоз многих промышленных предприятий: было разрушено 918 немецких предприятий, причем из них военными были только 368;
- запретили внешнюю торговлю, ограничили импорт;
- запретили немцам морское рыболовство, запретили производить азот для минеральных удобрений, демонтировали и уничтожили 13 химических заводов. В итоге производство удобрений упало на 82%, а продовольствия – на 65%;
- планировали вырубить все леса в Германии, но из-за протеста союзников и ослабления (!) от недоедания немецкой рабочей силы отказались от этой идеи;

² Рубис Ф. Что ждало Германию? СССР не позволил истребить побежденных немцев полностью // Загадки истории. № 16/С. Спецвыпуск «Великая Победа». 2015. С. 42–43.

– вели жесткую налоговую политику, изымая 58% валового национального продукта³.

В итоге уровень жизни немцев, оказавшихся в зоне оккупации союзников, резко упал даже по сравнению с военным временем. До двух третей населения постоянно недоедали, половина немецкого рабочего населения была на грани полного истощения – их просто недокармливали.

Положение усугубилось миллионами беженцев и депортированными немцами, высланными из Эльзаса и Лотарингии – провинций, возвращенных Франции. Канадский писатель и телепродюсер Роберт Аллен в своей статье «Письмо из Берлина» (февраль 1946 года) так описал прибытие беженцев на берлинский вокзал: «Все они были смертельно усталые, голодные, несчастные... Полуживой ребенок... Женщина в отчаянии, которого мне еще не приходилось наблюдать... Даже если вы видите все это, невозможно поверить... Бог ужасен». Некоторые из рассекреченных бумаг Мерфи, главного дипломатического советника США в Германии, показывают, каким катастрофичным был уровень смертности в стране. В одном из своих докладов Мерфи писал, что иммиграция и официальный уровень смертности показывают, что через три года население Германии будет составлять 71 миллион, если же основываться на реальном уровне смертности, то лучше использовать цифру в 69 миллионов.

«Начиная с 1945 по середину 1948 года мы наблюдали порабощение, унижение, уничтожение целой нации», – это слова офицера медицинской службы ВМС США. Капитан Альберт Бенке сравнил немецкий и голландский голод: на протяжении многих месяцев в некоторых областях Германии рацион, установленный союзниками, составлял 400 калорий в день; в большинстве областей он был чуть ниже 1000 калорий в день. Установленный же наместником Третьего рейха в Голландии Артуром Зейсс-Инквартом рацион составлял 1394 калории в день, который голландцы получали всегда. Именно за устроенный в Голландии голод Зейсс-Инкварта повесили союзники.

Все это можно было бы назвать геноцидом. Но сейчас предпочитают пугать немцев, родившихся уже после войны, жуткими сказками о «зверствах русских варваров, грабивших несчастных немцев и насильничавших их женщин». Однако никто не вспоминает о том, что именно из-за противодействия Сталина Германия не была возвращена в до-Веймарские времена, раздроблена и превращена в конгломерат небольших аграрных государств. Кстати, забыто и то, что в своей зоне

³ Рубис Ф. Что ждало Германию? СССР не позволил истребить побежденных немцев полностью // Загадки истории. № 16/С. Спецвыпуск «Великая Победа». 2015. С. 43.

оккупации советское командование прилагало огромные усилия для того, чтобы накормить немцев и восстановить промышленность. То есть дать работу жителям оккупированных немецких земель. Советский Союз, который должен был получить значительную долю репараций с Германии путем передачи ему оборудования демонтированных немецких предприятий, скоро убедился, что ему гораздо выгоднее создавать на месте, в Германии, акционерные общества и вывозить в счет репараций готовую продукцию этих обществ.

Так же обстояло дело и со снабжением продовольствием немецкого населения. Никто из немцев не ожидал, что правительство СССР проявит такую заботу о них. Тем более никто не надеялся и не мог мечтать о таких нормах питания. Прочитав листовку о новых нормах, католический священник доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны». Немцы быстро почувствовали разницу между восточной и западной зонами оккупации. И скоро многие сбежали с Запада на Восток, спасаясь от «демократии», принесенной на штыках наших союзников.

Следует напомнить, что **план Morgентау**, который носил официальное название «Меры по предотвращению возможности развязывания Германией Третьей мировой войны», был разработан в августе и представлен президенту Франклину Д. Рузвельту в начале сентября 1944 г. в ходе подготовки второй англо-американской встречи в верхах в канадском городе Квебек. Данный «радикальный» проект, основной тон которому задавал следующий девиз: «Сильная Европа – слабая Германия!», содержал «предложения о целях и задачах послевоенной политики в Германии», смысл которых заключался в расчленении страны «на две части (южную и северную), ее практически полной деиндустриализации и превращении в страну, производящую преимущественно сельскохозяйственную и животноводческую продукцию». Согласно плану Morgентау, аграрно-ориентированная экономика Германии смогла бы прокормить лишь 60% своего населения, «тогда как остальные 40% обрекались бы на голодную смерть».

15 сентября 1944 г. **план Morgентау** был одобрен президентом США, однако уже через несколько дней (22 сентября) Рузвельт был вынужден аннулировать свою подпись под документом ввиду резкой критики данного проекта со стороны общественного мнения⁴. Против принятия доктрины изначально выступал и ряд высокопоставленных американских политических деятелей, среди которых, например, министр иностранных дел Корделл Хэлл и министр обороны Генри Стимсон, а также премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Послед-

⁴ Невский С.И. Указ. соч. С. 58.

ний опасался крайне негативных для его страны экономических последствий в случае реализации программы. Несмотря на то, что Квебекское соглашение так и не стало официальным внешнеполитическим правовым актом США, основные положения доктрины Моргентау на протяжении последующих двух лет определяли общую стратегию американской оккупации в Германии, найдя отражение в подписанном 2 августа 1945 г. в Потсдаме соглашении о совместной политике союзнических держав (США, Великобритании и СССР) в послевоенной Германии.

Несмотря на то, что «Квебекское соглашение» официально не оглашалось, отдельные аспекты его содержания все же стали достоянием общественности, что вызвало резкую критику внешнеполитического курса Рузвельта по отношению к Германии. Данная критика стала причиной развернувшейся в американской прессе мощной «антирузвельтовской кампании», в которую были вовлечены 25 из 33 крупнейших газетных изданий, выступивших против плана Моргентау. Рузвельт оправдывался, что «он вовсе не собирался угнетать немецкий народ, а намерен лишь отстранить от власти лидеров, ответственных за преступления в Германии».

Война закончилась для Германии без заключения мирного договора, и не все страны-победительницы были заинтересованы в его скорейшем подписании. Как показал ход событий, эта ситуация «правового вакуума» более всего устраивала Запад. **Совет министров иностранных дел**, учрежденный по решению Потсдамской конференции, собрался на свои сессии в 1945–1949 гг. всего 6 раз, но на них обсуждались десятки вопросов и одним из основных всегда был германский. Главной заслугой СМИД была выработка проектов мирных договоров с бывшими союзниками Германия – Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, которые были подписаны 10 февраля 1947 г. в Париже. Однако СМИД не решил главной проблемы – проблемы германского урегулирования, так как слишком серьезными были разногласия между СССР и западными державами. Они проявились уже на **первой сессии СМИД** (Лондон, сентябрь–октябрь 1945 г.) и нарастали по восходящей.

На **второй сессии** в Париже (апрель–май и июнь–июль 1946 г.) СССР выступил с предложением создать общегерманское правительство, которое взяло бы на себя ответственность за заключение мирного договора и обеспечило выполнение обязательств Германии по этому договору. В качестве переходной меры предлагалось создать в кратчайшие сроки центральную немецкую администрацию. Но против этого категорически возражали Франция и Англия. Французский министр иностранных дел Жорж Бидо потребовал отторжения от Германии Рейнской области, Рура и Саара, и раздробления остальной Германии на несколько самостоятельных государств. Советская делегация выступила резко против этих планов.

На **третьей сессии** (Нью-Йорк, ноябрь-декабрь 1946 г.) главным было обсуждение текстов мирных договоров с Италией, Болгарией, Румынией, Венгрией и Финляндией. На **четвертой сессии** (март-апрель 1947 г., Москва) советская делегация призвала западные державы отказаться от сепаратных, раскольнических действий. Она предложила немедленно начать подготовку к созданию правительства для всей Германии: учредить общегерманские административные департаменты, разработать временную демократическую конституцию и в соответствии с ней провести во всех зонах свободные выборы. По их результатам и должно было быть сформировано временное общегерманское правительство.

Но одновременно СССР потребовал от США и Англии аннулировать соглашение об образовании Бизонии и установить четырехсторонний контроль над Руром. В ответ на это американская и английская делегации подняли вопрос о восточных границах Германии и высказались в пользу передачи Саара Франции. Советская делегация продолжала настаивать на создании общегерманского правительства, западные делегации категорически возражали. Отрицательное отношение Запада вызвало также советское предложение предоставить решение вопроса о государственном устройстве Германии самим немцам.

На **пятой сессии** СМВД (ноябрь-декабрь 1947 г., Лондон) СССР предлагал созвать мирную конференцию с приглашением стран, участвовавших в войне против Германии, и подготовить в двухмесячный срок проект основ мирного договора с Германией. Но министры иностранных дел США, Англии и Франции не могли согласиться с этим, поскольку их правительствами к концу 1947 г. уже был определен курс на создание сепаратного западногерманского государства.

Шестая, последняя сессия СМВД для обсуждения германского вопроса, открылась 23 мая 1949 г. в Париже. Но всего за несколько часов до начала первых заседаний вступил в силу Основной закон западногерманского государства. Раскол Германии стал реальностью. Парижская сессия закончилась 20 июня 1949 г. фактически ничем. По логике «холодной войны» СМВД уже был не нужен, и больше ни разу не собирался.

События первой половины 1947 г., полагал **А.Ю. Ватлин**, оставляли открытой возможность положительного решения германского вопроса, то удаляя, то приближая ее. Конференция министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции, проходившая с 10 по 24 марта в Москве, почти вплотную приблизилась к разрешению этой задачи. Беседа нового госсекретаря США Джорджа Маршалла и Сталина открывала шанс достижения договоренности, но ее основные положения не были поддержаны остальными участниками конференции. Помимо глобального конфликта двух общественных систем путь ком-

промисса блокировали и национальные интересы: так, Великобритания сопротивлялась введению международного контроля над рурским угольным бассейном, французская сторона выступала за присоединение Саара. Стремлением остановить сползание к расколу страны была продиктована мюнхенская встреча премьер-министров всех германских земель, состоявшаяся в июне 1947 г. по инициативе руководителя баварского правительства Ганса Эхарда. Ее ход копировал «большие» переговоры Востока и Запада. Прибывшие на встречу представители восточногерманских земель потребовали поставить первым вопросом образование общегерманского правительства, а после отказа их западных коллег обсуждать столь радикальные предложения покинули Мюнхен⁵.

План Маршалла, предусматривавший стратегическую помощь США Западной Европе, включая западные зоны оккупации Германии, поставил точки над «4» в германском вопросе. От Лондонской конференции министров иностранных дел (25 ноября – 15 декабря 1947 г.) уже никто не ждал чудес. СССР требовал от своих союзников по антигитлеровской коалиции подтверждения их приверженности единству Германии, но для Запада этот вопрос уже потерял свою актуальность. Сохранять даже видимость совместной оккупационной политики в этих условиях не было смысла. 20 марта 1948 г. маршал В.Д. Соколовский объявил о прекращении работы СКС.

Германский вопрос был на протяжении более чем полувека одним из самых главных в мировой политике. Суть его после войны сводилась к поиску мирного урегулирования, приемлемого как для победителей, так и для побежденной Германии. Главными дискуссионными проблемами периода от мая 1945 г. до октября 1949 г. являются следующие: была ли альтернатива расколу Германии; кто виноват в этом расколе; был ли раскол Германии в тех конкретно-исторических условиях «абсолютным злом» или хотя бы «относительным благом»?

Старые штампы советской историографии и историографии ГДР можно свести к трем тезисам: 1. Империалистические круги Запада, нарушив Потсдамское соглашение и опираясь на «реакционную клику Аденауэра», раскололи Германию. 2. Советский Союз неукоснительно соблюдал решения, принятые в Потсдаме, и стремился до последней возможности сохранить единство Германии. 3. Решение об образовании ГДР было «вынужденным ответом» на создание ФРГ. Не менее старые штампы западной историографии сводились к ответному обвинению СССР в раскольнической деятельности, которую он проводил во имя установления в Восточной Германии советского строя и дальней-

⁵ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 141.

шей экспансии коммунизма на Запад, хотя всегда были и другие голоса известных историков, таких как Р. Штайнингер и др.

Как отмечалось выше, в 1945 г. **планы раскола Германии** имелись в столицах всех оккупирующих держав, но они не предавались огласке. Молчание было нарушено в 1946 г. **И.В. Сталин** произнес в феврале 1946 г. в Москве речь, которую на Западе называли кремлевской доктриной «двух миров»: «Причины прошедшей войны, – заявил Сталин, – кроются в интересах капиталистическо-империалистических монополий. Эти силы продолжают править бал в капиталистических странах. Ввиду этого мирные отношения с ними невозможны. Советский Союз должен быть готов к любому развитию событий».

Отметим три речи **У. Черчилля**. С первой, самой знаменитой, он выступил в марте 1946 г. в американском городке Фултоне, в присутствии президента США Трумэна. Суть фултонских рассуждений Черчилля сводилась к тому, что Запад не для того боролся с одним видом тоталитаризма (немецким), чтобы дать свободу действиям другому (советскому). В двух речах, произнесенных в ноябре 1946 г., Черчилль призвал Францию «заключить мир с Германией» и вновь повторил, казалось бы, забытые лозунги о необходимости создания «Соединенных Штатов Европы», «Объединенной Европы» с включением в нее Германии.

В сентябре 1946 г. в г. Штуттгарте (американская зона оккупации) перед американскими офицерами, министрами немецких земель и высокопоставленными чиновниками выступил госсекретарь США **Джеймс Ф. Бирнс**. Эта речь стала поворотным пунктом американской политики в отношении Германии. Охарактеризовав политику СССР как экспансионистскую, а границы Польши как «временные», Бирнс подчеркнул, что американцы останутся в Германии до тех пор, пока требуется присутствие оккупационных войск других стран. По его мнению, в Германии теперь должна измениться суть военного присутствия западных союзников: на смену оккупационной и контрольной власти должна прийти «защитная». «Мягкая» репарационная политика должна удерживать немцев от рецидивов национал-социализма и реваншизма, она будет поощрять их к сотрудничеству с Западом. Речь Бирнса знаменовала собой переход к «западному» решению германского вопроса, – то есть курсу на постепенное отделение западной части Германии от восточной.

И, наконец, в октябре 1946 г. министр иностранных дел Англии **Э. Бевин** заявил, что «британское правительство находится в почти полном согласии с тем, что сказал американский министр иностранных дел Бирнс в Штуттгарте». Это было объявление друг другу **«холодной войны»** (термин был пущен в оборот в том же 1946 г. американским политическим обозревателем **Уолтером Липпманом**, 1889–1974). А судьба Германии (ее целостность или раскол, ее принадлежность к

западному или советскому миру) в этой ситуации становилась разменной картой в руках двух сверхдержав.

Из «Российской исторической энциклопедии» (М.: ОЛМА Медиа Пресс, 2015. Т. 2. С. 404).

Бевин (англ. Bevin), **Эрнест** (09.03.1881, Уинсфорд – 14.04.1951, Лондон) – английский политик, один из лейбористских и профсоюзных лидеров. Родился в бедной семье, воспитывался матерью, после ее смерти в 1889 – ближайшими родственниками. – Систематического образования не получил, бросил школу в 11 лет, рано начал работать, участвовал в профсоюзном движении. В 1910–1921 входил в руководство профсоюза докеров сначала на местном, с 1914 – на национальном уровне. На всеобщих выборах 1918 и 1931 не смог пройти в парламент.

Б. принимал участие в создании Союза транспортных и неквалифицированных рабочих – одного из крупнейших профсоюзов Британии и стал его генеральным секретарем (1922–1940). В 1925–1940 – член Генерального Совета Британского конгресса тред-юнионов, в 1937 стал председателем этого объединения. В 1920–1940-х входил в число наиболее влиятельных фигур в тред-юнионистском и лейбористском движении. Был среди тех, кто принимал решение о завершении Всеобщей стачки 1926. Противник фашизма и политики умиротворения, Б. осудил заключение Мюнхенского соглашения 1938, поддерживал программу вооружения Британии. В 1940–1951 – член парламента от Лейбористской партии, примыкал к правым лейбористам, критически относился к коммунизму. В 1940–1945 – министр труда и национальной повинности в коалиционном правительстве У. Черчилля, член Военного кабинета. Добился успехов в мобилизации усилий британских рабочих для производства всего необходимого для нужд войны. В 1945–1951 был министром иностранных дел в правительстве К. Эттли.

Б. – один из инициаторов создания Организации европейской экономической кооперации (1948), сторонник осуществления «плана Маршала». Поддержал США в первые годы «холодной войны», содействовал подписанию Брюссельского договора (1948) и созданию НАТО (1949), был сторонником участия Британии в Корейской войне 1950–1953- Лит.: Bullock A. The Life and Times of Ernest Bevin. 3 V. London, 1960–1983. Williams F. Ernest Bevin: Portrait of a Great Englishman. London, 1952. А. Ю. Прокопов.

Практические шаги последовали за этими речами 1946 года почти незамедлительно. В условиях политики ускоренной советизации Восточной Германии и продолжавшегося экономического хаоса западные державы сделали все, чтобы изъять свои зоны оккупации из-под четырехстороннего контроля. США еще в ноябре 1945 г. внесли в СКС предложение о создании центральных административных департаментов для трех или двух зон, но советский представитель высказался резко против. В июле 1946 г. США вновь выступают с подобной инициативой, но СССР и Франция это предложение отклонили. Тогда США и Англия начинают активные переговоры об экономическом слиянии своих зон оккупации, и 2 декабря 1946 г. подписали соглашение о создании объединенной зоны – **Бизонии**.

Из «Российской исторической энциклопедии» (М.: ОЛМА Медиа Пресс, 2015. Т. 2. С. 591-592).

Бизония – неофициальное название «Объединенной экономической области», возникшей в Зап. Германии 1 января 1947 и включившей в себя территории американской и британской зон оккупации. Руководители США и Великобритании объясняли ее создание экономическими мотивами, однако фактически это был первый шаг к формированию сепаратного западногерманского государства – будущей ФРГ. Первоначально главным органом немецкого самоуправления в Б. был руководимый левым социал-демократом В. Агарцем Административный совет по хозяйственным вопросам, расположенный в г. Минден. С 25 июня 1947 эту роль стал играть Экономический совет, сформированный из 52 депутатов, делегированных парламентами восьми земель, входивших в Б. (по 20 мандатов получили представители двух партий – Социал-демократическая партия Германии и объединение политических партий Христианско-демократический союз Германии / Христианско-социальный союз в Баварии). Кроме того создавался Исполнительный комитет, в который каждое земельное правительство делегировало по одному представителю. По представлению этого органа назначались директора пяти Управлений (по снабжению и с. х., транспорту, почте и связи, финансам, экономике), которые располагались в разных городах Б. Все директорские должности заняли представители ХДС/ХСС. Эти назначения утверждались военными губернаторами. Они же имели право отправить любого из директоров в отставку. Так случилось в январе 1948 с директором Управления экономики, членом ХСС, И. Землером, который выступил критикой политики США; его место занял формально беспартийный в то время Л. Эрхард.

9 февраля 1948 Экономический совет увеличивал свою численность до 104 членов; был создан Совет земель из 24 представителей земельных правительств, имевший право вето в отношении законов, принимаемых Экономическим советом (это право сохраняли и военные губернаторы). Существовавшие Управления объединялись в Административный совет во главе с «обер-директором» (им стал член ХДС Г. Пюндер). Был создан также Верховный суд и Банк немецких земель, который подготовил денежную реформу, проведенную 20–21 июня 1948. Весь управленческий аппарат сосредотачивался во Франкфурте-на-Майне. К Б. 1 августа 1948 присоединилась французская зона (без Саара), и возникла «Тризония». В 1949 на ее территории была создана Федеративная республика Германия.

Лит.: Филитов А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993; Pünder T. Das bizonale Interregnum. Die Geschichte des Vereinigten Wirtschaftsgebietes 1946–1949. Weiblingen, 1966. А. М. Филитов.

С организационной точки зрения **«Объединенная экономическая область» (т.е. Бизония)** представляла собой экономический союз американской и британской оккупационных зон (с 1 января 1947 г.) со штаб-квартирой во Франкфурте на Майне. Летом 1947 г. здесь были созданы первые институты правления: **Экономический совет**, выполнявший роль квазипарламента и состоявший из 52 членов, избранных ландтагами земель; **Исполнительный комитет** (прообраз будущего бундесрата), в который входили 8 представителей демократически избранных правительств земель; и **Директориум** (прообраз будущего фе-

дерального правительства), который состоял из пяти Управлений (экономики; финансов; почты и связи; питания; лесного и сельского хозяйства) и наделялся непосредственными полномочиями экономического управления на территории Бизонии. Деятельность этих учреждений первоначально находилась под контролем оккупационной администрации, для чего специально было создано (9 августа 1946 г.) **Двухзональное контрольное ведомство (Bipartite Board)**⁶.

С 1 января 1947 г. США и Англия осуществили перевод расчетов по торговле между Бизонией и остальными зонами с марок на доллары, что было равнозначно замене режима внутригерманской торговли на режим торговли межгосударственной. Это вызвало резкие протесты в СКС не только со стороны СССР, но и Франции. Параллельно в Бизонии создавался немецкий административный аппарат для двух зон.

6 сентября 1946 г., отметил **А.Ю. Ватлин**, в ходе своего визита в Европу секретарь госдепартамента США Джеймс Бирнс, выступая перед офицерами военной администрации и немецкими политиками, высказался за скорейшее воссоздание независимого германского государства. Хотя речь шла об образовании временного правительства из представителей всех четырех зон оккупации, наблюдатели справедливо отмечали, что за этим демаршем стояла новая линия США в германском вопросе, рассчитывавшая поставить СССР перед свершившимся фактом. Объединение оккупационных зон Великобритании и США, где проживало 39 млн немцев и был сосредоточен основной промышленный потенциал Германии (в 2% индустриального производства, 82% добычи угля, 90% выплавки стали), вполне соответствовало этой линии. Популярная среди западных политиков теория экономического магнетизма утверждала, что подъем Бизонии неизбежно вовлечет в орбиту ее притяжения советскую и французскую зону оккупации⁷.

Предпринятая американцами 20 июля 1946 г. попытка пригласить к диалогу представителей других держав-победительниц в Контрольном совете для обсуждения вопроса о слиянии в единое экономическое пространство производственных мощностей всех оккупационных зон, пишет **Н.В. Павлов**, как и ожидалось, встретила взаимность только со стороны англичан. Поэтому в условиях растущего идеологического размежевания между СССР и тремя западными державами-победительницами официальный представитель военного командования Соединенных Штатов генерал Луциус Д. Клей, выступая 6 августа 1946 г. в Штутгарте перед премьер-министрами южногерманских земель, объявил о планах США по слиянию американской и английской зон оккупации. В этой связи он по-

⁶ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 62.

⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 140–141.

ручил им в сотрудничестве с немецкими представителями английской зоны разработать соответствующие соглашения. А уже 6 сентября 1946 г. американцы устами госсекретаря США Дж.Ф. Бирнса, выступившего в том же Штутгарте, призвали немцев создать в ближайшем будущем некоммунистическое демократическое германское государство. Вскоре после этого в обход Контрольного совета американцы и англичане провели переговоры об экономическом и административном слиянии своих зон. 2 декабря 1946 г. в Нью-Йорке министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин и государственный секретарь США Дж.Ф. Бирнс подписали соглашение о создании американо-английской объединенной зоны – Бизонии. 1 января 1947 г. соглашение о слиянии двух зон вступило в силу, и расчеты по торговле между Бизонией и остальными зонами были переведены с марок на доллары.

Управление Бизонией было возложено в июне 1947 года на Экономический совет со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне. Собственно, можно говорить о том, что в 1947–1948 гг. были созданы первоосновы государственных структур будущей Федеративной Республики Германии. В качестве парламента выступал Экономический совет в составе 52 депутатов ландтагов, который взял на себя некоторые законодательные функции. В его состав входил Исполнительный комитет (палата земель), избравший правительство – Управленческий совет с директорами (фактически министрами) экономики, продовольствия и сельского хозяйства, финансов, транспорта и почты, возглавлявшийся главным директором. Немецкие директора подчинялись, однако, оккупационным властям⁸.

Шаги западных союзников по расколу Германии не оставляли Советскому Союзу иной альтернативы, кроме как действовать аналогичным способом. Ответом на создание 29 мая 1947 г. бizonального Экономического совета стало учреждение 4 июня Германской экономической комиссии – органа, ответственного за экономическое планирование и за координацию деятельности земель и центральных органов управления в советской зоне оккупации (прообраз будущего восточногерманского правительства). Это означало не только вторжение в компетенцию земель и провинций, но и стало первым шагом к централизации власти.

В качестве реакции на ставшие очевидными на Лондонской конференции министров иностранных дел в ноябре 1947 года тенденции западных держав создать сепаратное западногерманское государство в Восточной Германии по инициативе СЕПГ конституируется гражданская инициатива Немецкий народный конгресс за единство и справедливый мир. Эта общественная организация, по мысли ее соз-

⁸ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 168–169.

дателей, должна была стать квазипарламентским собранием, в задачу которого входила бы поддержка советских предложений по решению германского вопроса на встречах министров иностранных дел четырех держав-победительниц. После множества преобразований 7 октября 1949 г. из Конгресса выросла Народная палата ГДР.

С 1947 года, после образования Бизонии, провозглашения «доктрины Трумэна» и принятия «плана Маршалла», политические цели двух сверхдержав в отношении Германии вступили в прямое противоречие друг с другом. Поставив весь мир перед альтернативой: или западная демократия, или коммунизм, Трумэн расширил рамки конфликта между США и СССР, переводя его за рамки исключительно борьбы за власть и влияние в плоскость борьбы за реализацию идеологических целей, которые были принципиально несовместимы. Эту мировоззренческую борьбу известный американский публицист Уолтер Липман окрестил в 1947 году «холодной войной».

На фоне превращения советской зоны оккупации в жесткую коммунистическую систему – а уже в 1948 году о государственном строе на западный манер там не могло быть и речи – англичане и американцы начали форсировать процессы государственного строительства в своих зонах по собственным лекалам. По времени начало «холодной войны» и раскол Германии следовали почти друг за другом⁹.

Вообще 1947 г. стал переломным для судеб Германии, Европы и мира. Конфронтация между СССР и США стремительно нарастала. Во всех странах Восточной Европы устанавливаются коммунистические, просоветские режимы (кроме Чехословакии, там это случится в феврале 1948 г.). Угроза установления коммунистической диктатуры нависла и над охваченной гражданской войной Грецией. 12 марта 1947 г. президент США Г. Трумэн изложил обеим палатам американского конгресса свою доктрину «сдерживания коммунистической опасности». 5 июня 1947 г. госсекретарь США **Джордж Маршалл** (1880–1959) объявил о начале осуществления программы экономического возрождения разрушенной войной Европы, которая станет известной как «план Маршалла».

Законодательное оформление плана Маршалла происходит 3 апреля 1948 г. с подписанием американским президентом Гарри С. Трумэном закона «О Программе восстановления и развития Европы». Решение о включении Германии в программу помощи Европе было принято на Парижской конференции от 27 июня – 2 июля 1947 г. План Маршалла охватывал 17 европейских государств, которые за четыре года действия программы (с апреля 1948 по июнь 1952 г.) получили от Соединенных Штатов в общей сложности около 13,9 млрд долл.

⁹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 169–170.

Для западногерманской экономики план Маршалла в первую очередь должен был означать возможность получения необходимых инвестиций из-за рубежа. Так, вступая перед представителем профсоюзов в 1948 г., **Л. Эрхард** отмечал: «После денежной реформы у нас в Германии нет капитала, который может быть направлен на инвестиционные цели. Если бы мы пошли на аккумуляцию необходимых средств за счет и без того невысокого уровня жизни населения, это был бы тернистый путь. Мы надеемся получить эти средства из-за рубежа... В то время как иностранные средства пойдут на финансирование капиталовложений, внутренние доходы населения – как низкие, так и высокие – будут использоваться в основном на нужды потребления».

В отличие от других программ послевоенной помощи Германии, прежде всего американской продовольственной программы «GARIOA», **план Маршалла** предполагал поставки не только продуктов питания, но также и промышленного сырья и в менее значительном объеме «инвестиционных товаров» – машин, оборудования и проч. (см. табл. 1). Для большей эффективности внутреннего использования ресурсов плана Маршалла под совместным американо-германским контролем был создан специальный «эквивалентный фонд» («counterpart fund»), который аккумулировал средства в национальной валюте, вырученные немецкими импортерами от реализации поставленных в страну товаров. Накопленные «эквивалентные средства» (в немецких марках) предназначались для последующего кредитования германской экономики («помощь для самопомощи»). В период с 1949 по 1952 г. из данных инвестиционных фондов было профинансировано в среднем около 8% всех чистых капиталовложений, в основном в сфере развития инфраструктуры и производства полуфабрикатов. Значительная часть «эквивалентных инвестиций» была направлена в угледобычу, железнодорожное строительство и энергетику, а также на мобилизацию дополнительных кредитных ресурсов в немецкой банковской системе¹⁰.

Однако, несмотря на всю неоспоримую важность плана Маршалла для послевоенной Западной Германии, зачастую его историческая роль сильно преувеличивается, особенно тогда, когда ему приписывается «решающее» значение «в запуске механизмов восстановления». Так, **Ханнелоре Хамель** в своей комментарии к «немецкому экономическому чуду» обращает внимание на то, что «Великобритания, получившая 2,7 млрд долларов, и Франция, получившая 2,8 млрд долларов, более чем вдвое превосходили в этом отношении Германию, которая с 1948 по 1952 г. получила 1,3 млрд долларов»¹¹. Немецкая иссле-

¹⁰ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 51–52.

¹¹ Там же. С. 52.

довательница соотносит эту сумму с величиной «стоимости примерно 22% западногерманского импорта». В аналогичном направлении приводится статистика и российским специалистом **Дмитрием Митяевым**, который указывает, что «Западная Германия получила ... по этому плану с 1948 г. около 1,9 млрд долл., что по тогдашнему курсу составляет 150 марок на человека! Это меньше, чем бесплатные поставки 1945–1948 гг. продуктов питания, удобрений и семян...». По данным немецкого историка **Вольфрама Ваймера**, в 1949 г. доля кредитов, предоставленных Германии по плану Маршалла, составила всего 6,4% от общих инвестиций, тогда как в 1950 г. – 8,6% от всех валовых капиталовложений в сфере торговли и промышленности. «За весь период... с 1949 по 1956 г. все инвестиции от Программы восстановления и развития Европы составили в среднем 2,9%», – констатирует исследователь¹².

Таблица 1

Структура западногерманского импорта по плану Маршалла¹³
(в млн долл. США)

Годы	Продовольствие, корма, зерно	Промышленное сырье	Станки и оборудование	Транспортные расходы
1948–1949	213	135	8	32
1949–1950	175	212	9	29
1950–1951	196	240	13	31
1951–1952	76	100	8	26
1952–1953*	24	38	2	4
Всего:	683	719	36	121
В %	43	46	23	78

* до 31.12.1952 г.

По данным другого западногерманского историка **Вернера Абельсхаузера**, одна лишь Франция получила по плану Маршалла экономическую помощь в объеме 3,104 млрд долл. (См.: Abelshauser W. Wirtschaftsgeschichte der Bundesrepublik Deutschland: (1945–1980). Frankfurt a.M., 1989. S. 62.) Взамен французское правительство пошло на сокращение взимаемых с Германии репараций, что было важно для экономической реабилитации французской, зоны оккупации, где репарационное бремя было намного тяжелее, чем было важно для

¹² См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 53.

¹³ Bundesminister für den Marshallplan (Hg.). Wiederaufbau im Zeichen des Marshallplans. Bonn, 1953. S. 23 / Abelshauser W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945. München, 2004. S. 138.

экономической реабилитации французской зоны оккупации, где репарационное бремя было намного тяжелее, чем в англо-американской.

Следует заметить, что первоначальные надежды немецкой стороны на возможность свободного распоряжения долларовой помощью по плану Маршалла не оправдались. К тому же в первые годы осуществления программы структура импорта из США отвечала в основном внутризэкономическим приоритетам самих американцев, а не потребностям германского народного хозяйства. С американской стороны контроль за реализацией программы помощи осуществляла Администрация экономического сотрудничества («Economic Cooperation Administration») со штаб-квартирой в Вашингтоне, «специальным представительством» в Европе и «специальными миссиями» в каждом из участвующих в плане Маршалла европейских государств.

Таблица 2

Американская экономическая помощь Западной Германии¹⁴
(в млн долл. США)

Годы	GARIOA	Программа восстановления и развития Европы
1946–1947	263	–
1947–1948	580	–
1948–1949	579	388
1949–1950	198	416
1950–1951	–	497
1951–1952	–	210
1952–1953*	–	67
Всего:	1620	1578

* до 31.12.1952 г.

Что же касается оценки масштабов всей иностранной помощи в отношении Германии, то, как замечает **К. Хардах**, «до октября 1954 г. «Федеративная Республика получила от западных союзников в общей сложности около 4,4 млрд долларов США» из которых 1,7 млрд – по американской программе помощи «GARIOA», 0,8 млрд – по аналогичному проекту со стороны Великобритании и 1,9 млрд – по Программе восстановления и развития Европы (и после нее). По подсчетам ученого, «полученная в целом иностранная помощь, которая в 1948–1949 гг. равнялась одному, а в 1950 г. – полумиллиарду долларов, в количественном выражении была не столь значительна, едва ли

¹⁴ Bundesminister für den Marshallplan (Hg.). Wiederaufbau im Zeichen des Marshallplans. Bonn, 1953. S. 23–24 / Abelshauser W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945. S. 137.

составляя 5% всего немецкого национального дохода в 1948–1949 гг.»¹⁵. Не удивительно, что сам **Л. Эрхард** и его сподвижники довольно сдержанно высказывались о практическом значении плана Маршалла для экономического возрождения Германии: «Программа восстановления и развития Европы и другая иностранная помощь... мало способствовали данному прорыву. В первый год они помогли избежать голодной смерти жителям Западного Берлина, тогда как во второй – содействовали пополнению запасов и оживлению фабричного производства, при этом практически не повлияв на рост национального продукта... Экономический подъем в конечном счете был достигнут исключительно «за счет собственных сил»»¹⁶.

Такого рода осторожные оценки роли плана Маршалла могут свидетельствовать лишь о том, что иностранная финансовая помощь в отношении Германии, хоть и являлась, по словам Эрхарда, «широкой, или даже великодушной» и, несомненно, значимой для финансирования импорта необходимого сырья из США, однако для системной трансформации западногерманского народного хозяйства и его феноменального прорыва в направлении «экономического чуда» все же сыграла незначительную роль. «Поставки импортных товаров в рамках плана Маршалла не имели сколько-нибудь решающего значения для западногерманского экономического роста», – указывает **В. Абельсхаузер**. «Они пришли слишком поздно, чтобы хоть как-то повлиять на экономический подъем, который начался уже до этого за счет собственных средств... Они были слишком дорогими... и зачастую не отвечали потребностям западногерманской индустрии». В аналогичном духе рассуждает и российский экономист **Владимир Гутник**, однозначно утверждая, что «“план Маршалла”... не был непосредственным фактором успеха послевоенного восстановления и его роль не следует преувеличивать, выпячивая чуть ли не в качестве главной причины успеха послевоенной трансформации»¹⁷.

Однако притом, что, как показали вышеприведенные свидетельства, **план Маршалла** не следует переоценивать в отношении его материальной стороны, нельзя недооценивать его психологического, а также политического влияния. Для широких масс населения Германии громко распропагандированная «Программа восстановления и развития Европы» являлась своего рода гарантом стабильности и надеждой на возможный в скором времени экономический прорыв. Сам факт включения Бизонии в план Маршалла был политически намного значимее, чем весь «экономический» вклад иностранной помощи в послевоенное восстановление Германии. Определенное значение данный про-

¹⁵ Hardach K. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert: 1914–1970. Göttingen, 1993. S. 193.

¹⁶ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁷ Там же. С. 54–55.

ект имел также для будущего самоопределения страны в ходе формирования новой общественно-экономической и политической системы. Как отмечает **Абельсхаузер**: «План Маршалла создавал важные предпосылки для объединения западных зон в Федеративную Республику, освобождения страны от гнета репарационных обязательств, ее зависимости от оккупационных властей и получения возможности рассчитывать на собственный экономический потенциал». Кроме того, план Маршалла дал импульс возрождению экономического сотрудничества в Западной Европе, установив такие правила торговли, которые благоприятствовали международной реабилитации Германии и ее возвращению на мировые рынки. «Помощь для самопомощи» позволила Германии самой достичь экономических успехов и в свою очередь внести определенный вклад в процесс стабилизации всей Западной Европы¹⁸.

16 апреля 1948 г. в Париже была основана **Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС)** для координации распределения финансовых средств по плану Маршалла и содействия либерализации системы товарооборота и расчетов между странами-участницами. Позднее (30 сентября 1961 г.) ОЕЭС была преобразована в **Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)**.

Фактически запретив восточноевропейским правительствам участие в «плане Маршала», **Москва** сделала ответный и не менее решительный шаг. В сентябре 1947 г. ВКП(б), шесть компартий стран Восточной Европы и две самые многочисленные компартии Запада – итальянская и французская – создают **«Информационное бюро»**, что на Западе было расценено как возрождение «штаба мировой революции» – Коминтерна, а по аналогии с ним новое бюро стали называть **Коминформом**.

Для этого были определенные основания, ибо человек из ближайшего окружения Сталина – **Андрей Александрович Жданов** (1896–1948) – при создании Коминформа произнес речь, где говорилось, что в мире теперь образовалось «два лагеря» – империалистический (агрессивный, антидемократический во главе с США), и антиимпериалистический (демократический, прогрессивный во главе с СССР); что борьба между ними неизбежна; что «вчерашие агрессоры – капиталистические магнаты Германии и Японии – готовят Америкой к новой роли – стать орудием империалистической политики США...».

В Вашингтоне, Лондоне, Париже и других западных столицах создание Коминформа и речь Жданова были расценены как объявление войны западной цивилизации. Именно в 1947 г. на Западе начала вызревать идея скорейшего образования западногерманского государ-

¹⁸ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 55.

ства, которое могло бы стать альтернативой советской экспансии в Европе и коммунистическому эксперименту в советской зоне оккупации.

Принятые на **Потсдамской конференции** решения союзников все же способствовали некоторому смягчению содержащихся в директиве JCS/1067 предписаний, так как включали «непосредственное требование обеспечения сбалансированного экономического развития, с тем чтобы Германия могла ориентироваться на собственный хозяйственный потенциал»¹⁹. С американской стороны подобная стратегия впервые получает конструктивную поддержку спустя год, когда министр иностранных дел США **Джеймс Френсис Бирнс**, выступая в Штутгарте (6 сентября 1946 г.), произнес следующие слова: «Нынешние условия в Германии не позволяют достичь уровня промышленного производства, который был определен союзными властями в качестве допустимого минимального предела развития германской мирной экономики. Сегодня ясно, что, если мы хотим достичь промышленного роста до согласованного уровня, мы не можем дальше ограничивать свободный обмен товарами, рабочей силой и идеями в пределах Германии». Бирнс призывал к упразднению экономических границ между оккупационными зонами, ревизии Промышленного плана 1946 г. и скорому созданию германского временного правительства. Как заключил госсекретарь Соединенных Штатов: «Американский народ хочет помочь немецкому народу вновь занять почетное место среди свободных и миролюбивых наций мира»²⁰.

Еще за день до выступления Дж. Бирнса в Штутгарте руководители американской и британской военных администраций договорились об объединении их оккупационных зон в «Единую экономическую область» (**Бизонию**). Соответствующее соглашение между США и Великобританией было подписано спустя три месяца (2 декабря 1946 г.).

Официальное признание необходимости увеличения германского промышленного производства происходит в марте 1947 г. в ходе Московской конференции министров иностранных дел союзнических государств, на которой **Дж. Маршалл** (преемник Бирнса) впервые за пределами Соединенных Штатов представляет свой проект экономического возрождения послевоенной Европы, предполагавший также и промышленную реабилитацию Германии. В августе 1947 г. Контрольный совет принимает «Пересмотренный промышленный план» для Бизонии, который предусматривал почти двукратное сокращение темпов демонтажа и допускал некоторое увеличение масштабов германского промышленного производства. Новый индустриальный план, по сути, ознаменовал собой отход союзников от прежней политической стратегии в духе доктрины Моргентау в пользу создания более благоприятной

¹⁹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 59.

²⁰ Там же. С. 59.

ситуации в Германии, с тем чтобы использовать ее хозяйственный потенциал для реконструкции всей Западной Европы²¹.

Из первоначального списка в 1546 предприятий, подлежащих демонтажу в западных зонах оккупации, было вычеркнуто 687 заводов и фабрик. Оставшиеся в принятом 16 октября 1947 г. «окончательном» списке по демонтажу 859 предприятий принадлежали в основном к отраслям сталелитейной, электротехнической, химической и машиностроительной промышленности. Так, «Пересмотренный план» для **Бизонии** предусматривал увеличение примерно вдвое производства стали – с 5,8 до 10,7 млн т и устанавливая новые пределы допустимого роста промышленного производства – с 50–55% до 70–75% от уровня 1938 г. (См.: Gortemaker M. Op. cit. S. 138.)

Вопрос о будущей роли **Германии** в условиях послевоенного устройства мира приобретал все более принципиальное значение по мере нарастания конфликта «двух идеологий» между СССР и США («холодная война»). Термин **«холодная война»** впервые был введен американским экономистом У. Липпманом в 1947 г. для обозначения развернувшейся борьбы двух «супердержав» за власть и влияние в мире. (См., например: Gortemaker M. Op. cit. S. 39.) Формальное начало данного конфликта, как правило, связывают со знаменитой речью У. Черчилля в американском городе Фултон (штат Миссури) от 5 марта 1946 г., в которой экс-премьер-министр Великобритании (в присутствии президента Трумэна) «выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран с целью борьбы с мировым коммунизмом»²².

Интерпретируя внешнюю политику Советского Союза как «настойчиво экспансионистскую», американцы опасались, что экономическая неустойчивость в Европе может стать «идеальной почвой для укоренения коммунистических идей». В марте 1947 г. президент Трумэн в своем послании Конгрессу США провозгласил широкую поддержку «всем свободным нациям» в борьбе против распространения «коммунистической угрозы» (**«доктрина Трумэна»**). С началом подготовки США к созданию военного альянса (реализованного в 1949 г. в виде НАТО) Германия становится важным стратегическим ориентиром для дальнейшего военно-политического присутствия Соединенных Штатов в Западной Европе. Отныне речь шла о том, чтобы «приобрести в лице Западной Германии надежного союзника, который в принципе мог бы оказывать НАТО и военную помощь». К тому же, по словам главы американской оккупационной зоны генерала **Л. Клея**, «без самостоятельной и ответственной за себя Германии ни о каком восстановлении

²¹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 59–60.

²² Иванян Э.А. История США: пособие для вузов. М., 2004. С. 429.

стабильности Европе не могло идти и речи, а без стабильной Европы невозможно обеспечить прочный мир»²³.

Именно в данном контексте у Соединенных Штатов появилась убежденность в том, «что путем перевоспитания удастся сделать немцев хорошими демократами», что стало основным мотивом для принципиального решения о постепенной «передаче германским политическим органам автономных демократических прав». Разумеется, в реализации данных намерений США исходили прежде всего из собственных – американских – представлений о демократии. Так, «наряду с далеко идущими программами реформ в задачу “перевоспитания” входило разъяснение, что именно свободная экономика является наилучшим из всех возможных вариантов». Руководству американской зоны было поручено «максимально содействовать распространению в Германии американского экономического мировоззрения и основополагающих идей учения о свободном рыночном хозяйстве». Однако уже в июле 1947 г. генерал **Л. Клей** был информирован, что в планы США не входит «навязывание Германии их собственных, исторически сложившихся форм демократии и общественной организации». Об этом свидетельствует направленная главе американской оккупационной администрации директива JCS/1779: «Несмотря на то, что Вашим долгом является предоставление возможности немецкому народу узнать основополагающие принципы и преимущества свободного рыночного хозяйства, в вопросе относительно общественной собственности на предприятия в Германии Ваше вмешательство допустимо лишь в том случае, если необходимо обеспечить, чтобы каждое решение за или против государственной формы собственности принималось в нормальных условиях и на свободной демократической основе»²⁴.

Подобного рода «двойственные» предписания, – с одной стороны, придерживаться политического нейтралитета, а с другой, – «правильно» преподносить достоинства свободного предпринимательства, – создавали почву для их субъективного толкования и соответствующей манеры исполнения. В 1950 г. генерал **Л. Клей** вспоминал: «Мы старались держаться нейтральной позиции между различными германскими партиями, выступавшими за различные хозяйственные системы, вопреки тому, что, согласно нашей директиве, должны были указывать на преимущества свободного предпринимательства. Американская военная администрация ни разу не нарушила своей политики нейтралитета. Когда произошло объединение нашей зоны с британской, англо-американское военное руководство было совершенно едино во мне-

²³ Невский С.И. Указ. соч. С. 60–61.

²⁴ Там же. С. 61.

нии, что характер будущей модели германской экономики должен определяться не оккупационными властями, а самим немецким народом»²⁵.

И все же, несмотря на официально провозглашавшийся нейтралитет, политика союзнической военной администрации оказывала пусть косвенное, но в то же время далеко не второстепенное влияние на процесс принятия решений относительно будущей формы экономического и общественно-политического устройства Западной Германии. Такие меры, как объединение американской и английской зон в единую Бизонию, включение Германии в американскую программу помощи послевоенного восстановления Европы, а также подготовка и осуществление американскими властями денежной реформы принято считать важнейшими политико-экономическими решениями союзников, имевшими существенное значение для последующего государственного строительства на территории трех западногерманских оккупационных зон²⁶.

Немцы, проживавшие в Бизонии, отмечал **А.Ю. Ватлин**, далеко не сразу почувствовали на себе плоды нового курса Запада в германском вопросе. Их будничная жизнь продолжала определяться борьбой за существование. Кризис 1946–1947 гг. стал самым жестоким за все послевоенные годы. Нехватка угля, поставлявшегося в счет репараций, и продовольствия (его конфискованные запасы кончились, поставки из Восточной Германии прекратились, а крестьяне уклонялись от продажи плодов своего труда по заниженным ценам) в условиях необычно суровой зимы привели к массовому голоду, которого население Германии не знало и в годы войны. Немалую долю ответственности за такое развитие событий несло сохранение западными оккупационными властями основ принудительной экономики, появившейся в годы войны. Ее отличала замена рыночных механизмов административным контролем за сферой производства и потребления. «Экономический дирижизм на три года пережил нацистское государство» (А. Мюллер-Армак)²⁷.

Система сносно функционировавшая на исходе «третьего рейха», отказывалась работать в условиях оккупационного режима. Только в хозяйственных ведомствах Бизонии работало несколько тысяч чиновников, учитывавших и распределявших абсолютно все вплоть до бритвенных лезвий и детских колясок. Коррупция административного аппарата стала притчей во языцех, сокрытие товаров от учета – любимым занятием фабрикантов и торговцев. Неизбежное в условиях тотального дефицита сохранение карточной системы не спасало положения. Особенно туго приходилось рабочим и служащим, жившим на замороженную с 1936 г. зарплату, выдававшуюся к тому же в обесце-

²⁵ Невский С.И. Указ. соч. С. 61–62.

²⁶ Там же. С. 62.

²⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 142.

ненных рейхсмарках. Чтобы прокормить семью, приходилось отправляться на «черный рынок», цена килограмма масла на котором превышала среднемесячную зарплату. Здесь, в теневой сфере экономики (зачастую не без участия сотрудников оккупационной администрации) в те годы создавались целые состояния. Чтобы удержаться на плаву, предприятия занимались бартерной торговлей, выдавали зарплату своему персоналу произведенной продукцией.

В условиях, когда самой твердой валютой являлись американские сигареты и шоколад, в послевоенном обществе начала складываться новая иерархия. Наверху оказались те, кто имел доступ к закрытым магазинам и складам военных администраций, затем шли предприниматели и ремесленники, производившие из доступного сырья предметы первой необходимости от буржоек до зажигалок, наконец, крестьяне, вернувшиеся к натуральному хозяйству и без труда выменивавшие у горожан, осаждавших деревни, любые предметы роскоши. У подножия социальной пирамиды оставались инвалиды войны, жившие на мизерное пособие, потерявшие нажитое переселенцы, индустриальные рабочие и служащие, не имевшие доступа к контролю за товарными потоками. Излишне говорить о том, какое влияние принудительная экономика первых послевоенных лет оказывала на состояние умов большинства населения. Немцев «мариновали» до тех пор, пока у них не выветрились социалистические настроения. Попытки обобществления тяжелой промышленности, прежде всего в Руре, были свернуты англичанами со ссылкой на недопустимость экспериментов в условиях жестокого дефицита угля и стали. Американская военная администрация действовала более жесткими методами, отменив аналогичный закон, принятый в Гессене, хотя вопрос о социализации стоял отдельным пунктом конституционного референдума, проведенного в этой земле 1 декабря 1946 года.

Политика торможения социально-экономических перемен, которую на свой страх и риск проводил глава военной администрации США в Германии генерал Люциус Клей, в конечном счете получила одобрение из Вашингтона. Новая директива президента Трумэна, принятая 17 июля 1947 г. предписывала американским оккупационным властям «показать немцам преимущества экономики свободной конкуренции». Подкреплявший ее план Маршалла обеспечил инвестирование в Западную Германию с 1948 по 1957 г. 1,5 млрд долларов. В условиях «холодной войны» стремление США поскорее поставить на ноги своего потенциального союзника не вызывало сомнений. Свою роль сыграл и страх перед повторением межвоенного сценария в самой Германии, когда проблема репараций стала питательной средой для реваншистских сил с партией Гитлера во главе²⁸.

²⁸ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 142–143.

7. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ В ЗАПАДНЫХ И СОВЕТСКОЙ ЗОНАХ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ. ДЕНЕЖНАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РЕФОРМЫ Л. ЭРХАРДА. БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1948 ГОДА

Экономическая ситуация в 1945–1947 гг. в Германии была очень тяжелой. В 1946 г. объем промышленного производства по сравнению с довоенным уровнем составлял в западных зонах 1/3, выплавка стали сократилась в 7 раз, добыча каменного угля – в 2,2 раза. Значительных размеров (по некоторым данным – до 500 тыс. человек) достигла безработица. Зато количество денег, которые находились в обращении, было в 5 раз больше, чем до войны. Карточная система и контроль над ценами не могли справиться с ситуацией, бушевал «черный рынок», процветал бартер. Весной-осенью 1946 г. официальный ежедневный рацион питания в западных зонах чуть превышал 1 тыс. калорий (примерно треть от нормы), а практически выдавалось еще меньше.

Больше всего страдали горожане, не имевшие родственников или хороших знакомых в деревне. Многие люди голодали, резко подскочила детская смертность и заболеваемость туберкулезом. Взрослый мужчина в американской зоне весил в 1946 г. в среднем 51 кг. Оккупационные власти были вынуждены ежегодно завозить в западные зоны продукты питания и самые необходимые предметы потребления на сумму около 1 млрд долларов. Голод был физиологическим, политическим и культурным феноменом.

Главных причин для такого катастрофического положения со снабжением продовольствием было две: подрыв сельскохозяйственного производства в результате войны и приток 12 млн переселенцев. Многие из них надеялись на получение земли. Но эти надежды не оправдались, ибо «аграрная реформа», проведенная в 1946–1948 гг. в западных зонах, привела лишь к раздроблению наиболее крупных латифундий, не ликвидировав крупного помещичьего землевладения и не наделив землей всех нуждающихся.

Коммунисты западных зон в своей пропаганде доказывали: голод вызывается социальными и политическими причинами; буржуазия, гроссбау-эры и оккупанты сознательно организуют его; их расчет заключается в стремлении парализовать голодом волю масс к борьбе, внушить им мысль, что спасение может дать только богатая и «щедрая»

Америка, а не «сомнительные социальные эксперименты». В пропаганде, которую вели правые партии, утверждалось, что виновник всех бедствий Советский Союз, который непомерными репарациями разоряет Германию, обрекает людей на холод, голод и нищету, пытаясь тем самым склонить их к мысли, что выход из кризиса – только на пути «коммунистических преобразований».

Противоречия между западными державами и СССР в 1946 г. постепенно обострялись. 30 июня 1946 г. была возведена **«первая германская стена»**. Дело было в том, что в условиях черного рынка, всеобщего дефицита и разницы в ценах (в советской зоне многое было дешевле) тем жителям западных зон, которые получали стабильную зарплату, выгоднее было покупать более дешевые товары и продукты в советской зоне. Тогда СКС ввел режим строгого контроля за движением людей и товаров между советской и западными зонами оккупации.

Была ли дата 30 июня 1946 г. решающим поворотным пунктом на пути к расколу Германии? – Задается вопросом **А.М. Филитов**. В историографии германского вопроса эта дата традиционно не привлекала особого внимания, и это понятно. Возникшая тогда стена еще не была ни герметичной, ни прочной. Согласованные меры контроля мыслились как чисто временные. Уже 3 июля 1946 г. на заседании СКС обсуждался вопрос о создании «общего пула» для хозяйств всех зон; советский представитель выразил согласие, но при одном условии: каждый главноначальствующий должен принять меры, чтобы полностью задействовать все промышленные мощности в своей зоне. Это, однако, предполагало, что западные державы откажутся от той политики, которую определяют как политику «выжидания и открытых возможностей», или «Präjudizieren durch Nichtpräjudizieren». Такого отказа не последовало; более того, для объяснения бедственного положения в собственных зонах западные представители все более стали прибегать к антисоветской риторике, к попыткам возложить ответственность и за это положение, и за соответствующие негативные тенденции в германском вопросе на Советский Союз¹.

Использовались три аргумента. Первый: восстановление и развитие германской экономики тормозится чрезмерно низким разрешенным уровнем производства стали, а поскольку в дискуссии об этом уровне именно советская сторона отстаивала самую низкую цифру, то это и доказывает советскую ответственность за возникшую ненормальную ситуацию. Второй: из советской зоны не осуществляются поставки продовольствия и товаров в обмен на те 15% оборудования из западных зон, которые надлежало изъять в качестве репараций. Тре-

¹ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 57.

тий: советские власти производят чрезмерную эмиссию немецких марок в своей зоне, способствуя таким образом инфляции и расстройству экономической жизни во всей Германии.

Как можно оценить суть этих претензий? Что касается уровня производства стали, то советская позиция определялась буквальным толкованием формулы Потсдама о том, что уровень жизни немцев должен быть не ниже, но и не выше среднеевропейского. Брался среднеевропейский показатель потребления стали на душу населения в 1938 году (75,2 кг), умножался на численность немецкого населения на 1945 год (62 млн), полученное произведение (4,6 млн г) и считалось достаточной контрольной цифрой для немецкого производства. Расчет был некорректен. Сам Сталин в Потсдаме говорил о том, что Германия должна будет ввозить продовольствие, а для этого экспортировать промышленные товары, и показатели в базовых отраслях, в том числе и по стали, должны были превышать среднеевропейский уровень для того, чтобы по общему потреблению немцы могли его достигнуть.

На тогдашней линии советских участников переговоров (даже доброжелательные комментаторы сближают ее с линией Моргантау) сказывалось, конечно, то, что мы отмечали выше, говоря о недостатках потсдамской формулы о репарациях: она обуславливала заинтересованность СССР в максимальных изъятиях из западных зон (а сталелитейные мощности были почти исключительно там) и тем ставила советскую дипломатию в сложное положение, когда ей приходилось доказывать, что тамошняя промышленность должна работать на все 100% свою: мощностей, но сами эти 100% должны быть как можно меньше². Разумеется, и английская сторона, выступавшая за контрольную цифру по стали 10 млн. т, руководствовалась исключительно тем соображением, чтобы как можно меньше дать советской стороне в виде репараций (к тому же реальное уменьшение производственных мощностей противоречило политике «выжидания и открытых альтернатив»). Компромиссная цифра 5,6 млн г была достигнута при посредничестве американцев (по их мнению, зафиксированному во внутренних документах, достаточный для немцев объем производства стали составлял всего 3,5 млн. т). Как бы ни оценивать согласованный показатель, факт заключается в том, что реальное производство стали в западных зонах не достигло даже этой отметки, а одно это уже опровергает первый аргумент.

Теперь о втором аргументе. По Потсдамскому соглашению для репарационных поставок из западных зон Советскому Союзу устанавливался срок два года, для встречных поставок в оплату 15% изъятых

² См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 57–58.

там оборудования – пять лет, причем время их начала оставлялось на усмотрение советских властей. До 1 января 1947 г. СССР получил из западных зон оборудования на сумму 12,5 млн долл., к оплате встречными поставками подлежало 7,5 млн долл. Даже если считать, что эти встречные поставки должны были начаться немедленно, уровень советской задолженности был не более 1,5 млн долл., но никак не 500 млн, которые, по утверждению англичан и американцев, были ими потрачены на оплату продовольствия для немцев, якобы недопоставленного из советской зоны. Очевидно, «аргумент» и здесь был чисто пропагандистского свойства³.

Меньше всего можно сказать по поводу третьего аргумента. Финансовая политика – все еще тайна в нашей стране, и нет совершенно никакой надежной информации о финансовой политике СВАГ. Разумеется, советская сторона в принципе могла напечатать столько банкнот, что это подорвало бы всю немецкую денежную систему, а тем самым и экономику. Однако первой жертвой было бы население собственной зоны, и именно собственная зона была бы дестабилизирована наиболее опасным образом. Между тем в имеющихся исследованиях отмечается наличие у СВАГ весьма твердой, если не сказать жесткой, линии на ограничение массы денежного обращения у населения (вплоть до замораживания вкладов). Форсированная эмиссия явно противоречила бы этой линии.

Имеет, правда, хождение полудетективная версия о том, что советские власти печатали оккупационные марки, использовавшиеся в западных зонах (т. е. по существу занимались их подделкой), для их последующего обмена на доллары (т. е. для подрыва уже экономики США, а не Германии). Приводятся даже цифры ущерба, понесенного таким образом американской стороной, – речь идет о сотнях миллионов долларов. Проведение такой операции предполагало бы, однако, создание разветвленной сети посредников, в том числе из американского военного персонала. Трудно предположить, что такая сеть в случае ее существования где-нибудь не лопнула бы. Еще труднее предположить, что не стали бы циркулировать по крайней мере слухи о такой сети (в период маккартизма их бы постарались раздуть). Ничего этого не было. Поэтому вполне разумно предположить, что ущерб, понесенный американской казной, объясняется скорее деятельностью мафиозных структур в американском административном аппарате, а вовсе не советскими «интригами».

В общем, как видим, заключает А.М. Филитов, аргументацию в пользу тезиса о советской «обструкции» дела экономического оздоров-

³ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 58–59.

ления германской экономики (или даже о советской экономической «диверсии») трудно принимать всерьез. Между тем в обстановке 1946 года эта аргументация использовалась не только для пропаганды, но и для оправдания таких акций, как прекращение репарационных поставок из американской зоны в мае⁴.

Осенью 1946 г. США и Англия стали готовить, с привлечением к этому делу немецких органов, объединение своих зон в **Бизонию**, чтобы таким путем покончить с бедственным экономическим положением. Соответствующее соглашение было подписано 2 декабря 1946 г. В экономической политике, которая стала проводиться в Бизонии с 1947 г., все возрастающую роль стали играть немецкие административные органы, в том числе Экономический совет. В 1948 г. к Бизонии присоединилась французская зона оккупации и была создана, таким образом, **Тризония**.

Тризония – (от англ. three – три и zone зона) часть Германии, после Второй мировой войны оккупированная войсками США, Великобритании и Франции.

Тризония была создана 3 июня 1948 года в результате объединения французской зоны оккупации Германии с Бизонией, ранее (2 декабря 1946 года) объединившей американскую и британскую зоны оккупации.

После того как США и Великобритания начали создавать демократические органы власти в своей объединённой зоне оккупации (так называемой Бизонии). Франция начала получать меньше угля из Рурского бассейна, который находился на территории Бизонии. так как французы не имели права голоса при распределении поставок. Понимая недовольство Франции. США и Великобритания предложили создать для управления Руром международный контрольный орган с участием Франции, но без Советского Союза. Взамен Париж должен был согласиться на присоединение своей оккупационной зоны к Бизонии.

После нескольких раундов секретных встреч представителей США, Великобритании, Франции и стран Бенилюкса по согласованию позиций по германскому вопросу. 1 июня 1948 года были подписаны соглашения, по которым создавался Международный контрольный орган по Руру. Стороны соглашались с участием Германии в «плане Маршалла» и её вступлением в Организацию европейского экономического сотрудничества. Страны договаривались способствовать интеграции французского сектора оккупации с Бизонией (официально их слияние в Тризонию состоялось в июле 1948 г.). Для решения текущих вопросов управления западными секторами Германии был сформирован Союзный совет военной безопасности. В знак протеста против создания Тризонии СССР вышел из состава Союзного Контрольного совета, и тот прекратил существование. 20 июня 1948 г. на территории Западной Германии союзники начали проведение денежной реформы. Так американско-английская Бизония превратилась в Тризонию. из которой 7 сентября 1949 г. образовалась Федеративная Республика Германия.

Надо сказать, что у командования оккупационными войсками не было в проведении экономических мероприятий ни единства, ни четкого плана. Но западные державы не считали необходимым изменять

⁴ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 59.

структуру собственности в своих зонах. Коренные реформы германской экономики не отвечали их интересам, прежде всего американцев, которые свято верили в могучую силу свободного рыночного хозяйства. Поэтому в западных зонах уже в 1945 г. начинают возрождаться предпринимательские организации, на которых лежала немалая доля ответственности за преступления нацизма. В американской зоне их восстановление было разрешено распоряжением генерала **Д. Эйзенхауэра** от 17 октября 1945 г.

Замедленные темпы восстановления экономики **Западной Германии** определялись политикой союзников, цель которой заключалась в значительном сокращении немецких производственных мощностей и придании приоритетного значения развитию сельского хозяйства. Чтобы перекрыть Германии любую возможность возобновления производства вооружений, страны-победительницы запретил и изготовление многих видов стратегической продукции (алюминий, синтетический каучук, бензин и др.). Германии предписывалось сократить производство ее металлургической промышленности до 50% по отношению к уровню 1929 г. Все ставшее в результате этого решения избыточным заводское оборудование демонтировалось перед его вывозом в страны-победительницы.

Бедственное положение населения и активные выступления рабочих (см. ниже) заставило оккупационные власти западных держав в 1947 г. отказаться от демонтажа предприятий в счет репараций. Отказываются западные союзники и от широкомасштабного изъятия товаров. По сути они были демпинговыми для «перегретой» и без того экономики США. Поэтому акцент был перенесен на вывоз сырья и уникального оборудования. В послевоенное время в воздухе витала идея национализации если не всей экономики, то, по крайней мере, тяжелой промышленности и банков.

В Великобритании у руля управления государством встали лейбористы, во Франции были также очень сильны левые силы, которые осуществляли национализацию ряда отраслей экономики. В западных зонах идея национализации («социализации») тоже была очень популярной, но все-таки для политической и хозяйственной элиты во главе с **К. Аденауэром** наиболее привлекательной оказалась модель «социального рыночного хозяйства», разработанная доктором экономики, профессором **Людвигом Эрхардом** (1897–1977). Основную цель реформ Л. Эрхард видел в том, чтобы повысить покупательную способность всех слоев населения и сосредоточить все усилия народного хозяйства на увеличении государственного дохода. Главными рычагами экономического возрождения он считал частную инициативу и свободную конку-

ренцию в сочетании с активной ролью государства (гибкая кредитная и налоговая политика, ставка на средний и мелкий бизнес и т. д.).

Но прежде чем приступить к реформам, надо было убрать руины, восстановить те предприятия, которые еще подлежали восстановлению и не попали в разряд демонтируемых. Поэтому, прежде чем говорить о больших заслугах теоретиков западногерманского «экономического чуда», надо в первую очередь отметить трудовые усилия тех миллионов рядовых немцев, которые занимались восстановлением хозяйства, созданием нормальной жизни; тех, кого называли тогда «женщины и мужчины развалин».

В Вашингтоне было принято решение распространить на Тризонию действие «плана Маршалла» (см. ниже), по которому только денежные поступления в Западную Германию должны были составить полтора миллиарда долларов. Все это и позволило начать создание «социального рыночного хозяйства». Первой стала **денежная реформа 1948 г.**

Зима 1946–1947 гг. была суровой. В западноевропейских странах ощущалась нехватка угля: его добыча в Руре не была налажена в довоенных объемах, а польский уголь из Силезии на запад не поступал, покрывая потребности Польши и Советского Союза. США склонялись к мысли о том, что экономическое восстановление Западной Европы важнее взаимопонимания с СССР по германскому вопросу. В январе 1947 г. на посту государственного секретаря США осторожного Д. Бирнса сменил Джордж Маршалл, сторонник наступательной политики. Он считал восстановление Германии главной задачей⁵.

Весной 1947 г. французское правительство обратилось к США с просьбой о крупных поставках зерна и макаронных изделий в связи с дефицитом аграрной продукции. Вашингтон мог помочь Парижу. Пока обсуждались планы выделения Франции американской помощи, при американском содействии заем в 250 млн долл. Франции выделил МБРР. Средства пошли на реконструкцию сталелитейной промышленности и транспортных сетей. За помощью к США обратилась и Италия. Помочь обещали ей тоже.

Наступил подходящий момент для оглашения условий, на которых США были согласны помогать европейским странам. Представители американской администрации разъяснили, что при оказании помощи США будут отдавать предпочтение только тем государствам, которые проявляют стойкость в отстаивании демократических принципов и институтов, а также принимают решительные меры для защиты своей независимости. При этом пояснялось, что посягательства на демократи-

⁵ См.: Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2005. Т. 2. События 1945–2003 годов. С. 81.

ческие идеалы и независимость европейских стран исходят со стороны коммунистов и Советского Союза, который их поддерживает. Позиция Вашингтона предполагала необходимость усиления антикоммунистической составляющей в политической жизни европейских стран. Умеренным партиям Франции, Италии и Бельгии фактически предлагали отказаться от коалиционного сотрудничества с коммунистами ради получения американской помощи⁶.

Выступая 5 июня 1947 года в Гарварде, государственный секретарь США **генерал Маршалл** предложил европейцам коллективную помощь на 4 года, о распределении которой им предстояло договариваться самим. План был нацелен на обеспечение экономического подъема европейских стран, на то, чтобы способствовать объединению их, усилий в сопротивляемости коммунизму и в то же время позволить американской экономике сохранить свое процветающее положение. В принципе план адресовался так же и Восточной Европе, в том числе и СССР. Но после отказа Москвы страны народной демократии не приняли его, и только 16 стран, главным образом Западной Европы, собравшиеся в июле 1947 года в Париже, приняли американское предложение⁷.

Теоретически «план Маршалла» был рассчитан не только на страны Западной Европы. К участию в нем пригласили восточноевропейские государства и Советский Союз. Западные державы не надеялись на конструктивный ответ Москвы, но им было важно привлечь к плану хотя бы умеренные, еще не вполне коммунистические, правительства Чехословакии и Венгрии.

Но план был неприемлем для СССР, потому что его главная идея состояла не в восстановлении, а в реорганизации европейского экономического пространства, включении в него Германии и формировании международных институтов, которые бы направляли развитие Европы. Речь шла о создании регионального механизма экономического регулирования на американские деньги и при неформальном американском лидерстве. Советский Союз не мог согласиться на такой план, поскольку он бы встраивал СССР в мировую экономическую политику, ограничивал его самостоятельность и «уводил» бы от него новых союзников в Восточной Европе.

Консультации по «плану Маршалла» состоялись в Париже 27 июня – 2 июля 1947 г. на совещании министров иностранных дел СССР, Франции и Великобритании. Советскую сторону представлял министр иностранных дел В.М. Молотов. После предварительного обсуждения,

См.: Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А.Д. Богатурова. М., 2005. Т. 2. События 1945–2003 годов. С. 82.

⁷ См.: Ваисс М. Международные отношения после 1945 года. М., 2005. С. 29.

30 июля Молотов отказался от разговора по существу плана, сославшись на неуместность обсуждения вопроса об участии в нем Германии в формате трехсторонних обсуждений: Германия была оккупированной страной и, строго говоря, решения о политике в отношении нее должны приниматься четырьмя оккупирующими державами вместе⁸.

Несмотря на демарш Москвы, правительства Франции и Великобритании направили в 22 страны, включая восточноевропейские, приглашения прибыть 12 июля 1947 г. в Париж на конференцию для обсуждения «плана Маршалла». Советский Союз отклонил приглашение и вынудил правительства восточноевропейских стран отказаться от участия в конференции. Под влиянием СССР к «плану Маршалла» не решилась примкнуть и Финляндия.

Конференция в Париже, тем не менее, состоялась. На ней было принято принципиальное решение о создании Организации европейского экономического сотрудничества (в дальнейшем трансформировавшейся в Организацию экономического сотрудничества и развития, ОЭСР), задачей которой было администрирование «плана Маршалла». Поскольку конгресс США мог начать рассмотрение запроса на выделение средств под этот план не ранее января 1948 г., официально конвенция о создании ОЕЭС была подписана только 14 апреля 1948 г.⁹

В апреле 1948 года Конгресс Соединенных Штатов голосует за European Recovery Program, закон, который предлагает американскую помощь, состоящую на 10% из займов и на 90% из помощи натурой, т.е. из американской продукции, предоставляемой правительствам для продажи ее промышленникам. Стоимость этих товаров, выражаемая во франках и выплачиваемая французскому правительству, называется «эквивалентной стоимостью». Благодаря ей французское правительство может предоставлять государственные займы промышленности или сельскому хозяйству. Это очень эффективная и логичная система, которая позволила осуществить подъем экономики европейских стран. Администрация Г. Трумэна запросила у конгресса на «план Маршалла» 29 млрд долл., в расчете на 4 года с 1948 по 1952 г. Фактически в Европу поступило около 17 млрд долл. Помощь выделялась в основном в форме товарных поставок американской промышленной продукции на основе займов и безвозмездных субсидий. Основными получателями помощи стали Франция, Великобритания, Италия и Западная Германия¹⁰.

По **М. Ваиссу**, создав 16 апреля 1948 года Организацию европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) для распределения

⁸ Системная история. Т. 2. С. 83.

⁹ Там же. С. 83–84.

¹⁰ Там же. С. 84.

американской помощи, европейцы вступили на путь сотрудничества. С 1948 по 1952 год предоставленная в рамках плана Маршалла помощь Европе составила около 13. млрд долларов, из которых 3,2 млрд – Великобритании и 2,7 млрд – Франции¹¹.

**Распределение помощи между основными европейскими странами
(в млн долл, и в процентах)**

Страны	Всего	%	Безвозмездно	%
Все страны	12992,5	100	9290	100
Франция	2629	20,3	2212,2	23,8
Италия	1434,6	11,0	1174,4	12,6
Нидерланды	1078,7	8,3	796,4	8,6
ФРГ	1317,3	10,1	1078,7	11,6
Великобритания	3165,8	24,4	1956,9	21

Другой большой заслугой ОЕЭС стала либерализация внутриевропейских обменов, для которых были характерны архаичная организация и наличие ограничений (запреты, контингентирование). С 1950 года (т.е. со времени создания Европейского платежного союза) проводимая ОЕЭС политика либерализации разворачивается полностью. Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле, подписанное 1 января 1948 года, за которым закрепляется его англоязычное сокращение – ГАТТ (GATT – General Agreement on Tariffs and Trade), становится многосторонним договором с участием более 80 государств, на которые приходится более 4/5 мировой торговли¹². Оно направлено на либерализацию торговли и на то, чтобы установить ее на прочный фундамент путем отказа от любой дискриминации и от практики контингентирования. Распределение помощи, предоставляемой Соединенными Штатами в рамках плана Маршалла, а также различные созданные после войны учреждения становятся отправными точками экономической солидарности западных стран во время разделившей Европу надвое «холодной войны».

Наиболее критичные оценки этого плана строятся на аргументе о заинтересованности Вашингтона в сбросе американской товарной продукции европейским потребителям за счет госбюджета США ради избежания назревавшего в американской экономике кризиса перепроизводства. В самом деле, значительная часть средств на оказание помощи Европе фактически пошла на счета американских компаний-

¹¹ См.: Ваисс М. Указ. соч. С. 30.

¹² Там же. С. 31.

производителей¹³. Причем в момент получения помощи в 1948 г. европейские страны уже прошли пик разрухи. Повсюду, за исключением Германии, был достигнут довоенный уровень производства. Поэтому «план Маршала» для многих европейских стран был не средством спасения от экономического краха, а инструментом ускорения хозяйственного развития.

Американская помощь была средством привязки европейских стран к американской экономике и инструментом, который позволял Вашингтону влиять на развитие Западной Европы. Переориентация восточноевропейских стран на экономические связи с СССР лишила западноевропейские государства традиционных источников продовольствия, сырья и рынков. Им невольно пришлось переключаться на импорт из США, имевшихся у некоторых европейских государств колониальных владений и стран периферийных регионов мира.

**Помощь, полученная европейскими странами по «плану Маршала»
с апреля 1948 по июнь 1952 г.**
(в млн долл. США)

Великобритания	3389,8
Франция	2713,6
Италия	1508,8
Германия (Западная)	1390,0
Нидерланды	1083,5
Греция	706,7
Австрия	677,8
Бельгия и Люксембург	559,3
Дания	273,0
Норвегия	255,3
Турция	225,1
Ирландия	147,5
Швеция	107,3
Португалия	51,2
Исландия	29,3

Соединенные Штаты, опасаясь кризиса платежей, выделяли европейским странам долларовые кредиты для оплаты товарных закупок как в самих США, так и в третьих странах. Вследствие этого наблюдались приток американских долларов в экономики развивающихся го-

¹³ Системная история. Т. 2. С. 84–85.

сударств и начальная долларизация последних. Американские валютные поступления в колонии стимулировали в них производство продовольствия – так же, как и добычу нефти в странах Ближнего Востока.

«План Маршалла» убедил США в слабости старых колониальных держав и неизбежности их ухода с периферии международной системы. Президент Г.Трумэн стал размышлять о противостоянии с коммунизмом вне Европы. Чем неустойчивей казалась в Вашингтоне обстановка в Старом Свете, тем сильнее были настроения в пользу освоения альтернативных по отношению к нему экономических связей. На рубеже 40-х и 50-х годов стал возрастать интерес США к ресурсам Канады, стран Латинской Америки, бассейна Тихого океана и Северной Африки.

Наконец, план Маршалла нейтрализовал в Европе настроения в пользу «обогащения по Гитлеру, Муссолини или Сталину» – через создание систем государственного патернализма или насильственной уравнительности. Он способствовал осуществлению альтернативного варианта движения к общественному богатству – через политическую демократизацию и модернизацию отношений предпринимателей с работающими. Итогом экономической реконструкции в Европе стала «товаризация» массового сознания, которая заменяла собой идеологизацию, типичную для межвоенного периода¹⁴.

План реформировал европейский капитализм через внедрение в него американских стандартов, производственных практик и норм, этики производственных отношений, научной организации производства, обновление оборудования и экспорт новых идей. Американское экономическое мышление принесло новый для Европы лозунг – «и прибыли, и зарплаты». Характерный для экономической модели США упор на стимулирование потребления в условиях европейских обществ способствовал разрушению консервативных социальных иерархий и облегчал диалог классов, отсутствие которого могло вести к новым революциям.

Сепаратная денежная реформа, носившая конфискационный характер, была проведена очень быстро: **20–21 июня 1948 г.** Методы ее проведения были предельно жесткими, направленными на полную санацию финансовой системы Тризонии перед распространением на нее «плана Маршалла». По курсу 1:1 каждый немец мог обменять сразу только 40 наличных рейхсмарок. Остальные имевшиеся деньги зачислялись на «блокированные счета» и пересчитывались по курсу 100 : 10, но на руки можно было получить не более 5% новых «западных» марок. Затем налоговые органы проверяли происхождение доходов и их можно было получить в два приема: 20% и 10%. Остальные 65% доходов аннулировались.

¹⁴ Системная история. Т. 2. С. 85.

Таким образом, около 23 млн мелких вкладчиков были вмиг разорены, ибо фактический обменный курс составил 100:6,5. Однако заработная плата, различные пособия и пенсии были пересчитаны в соотношении 1:1. Было отменено централизованное планирование и разрешено свободное ценообразование. Сохранился лишь контроль цен на жилье, основные продукты питания, транспортные и почтовые услуги. На несколько месяцев «замораживалась» зарплата. Число безработных через полгода выросло вдвое, достигнув отметки 1 млн человек.

Но владельцы материальных ценностей оказались в большом выигрыше, ибо стоимость земли, недвижимости, сырья и продуктов резко возросла. Практически сразу исчез черный рынок, прилавки магазинов, как по мановению волшебной палочки, наполнились товарами, деньги вновь стали деньгами. И хотя цены на продовольствие и товары первой необходимости сразу подскочили на 20–25%, реформа привела к быстрому оживлению всех отраслей народного хозяйства.

Большую роль в восстановлении, а затем и быстром развитии экономики Западной Германии сыграли кредиты и займы США и Англии, которые составили в сумме более 5,5 млрд долларов. Уже в 1949 г. был достигнут (в сопоставимых границах) довоенный уровень производства.

20-21 июня 1948 г. в западных оккупационных зонах была проведена денежная реформа. – Пишет **Н.В. Павлов**. – Ее главная задача состояла в том, чтобы как можно скорее избавиться от разбухшей денежной массы и восстановить марку в качестве платежного средства. Вместо рейхсмарки была введена немецкая марка¹ которая в достаточном количестве была напечатана в Нью-Йорке и Вашингтоне еще осенью 1947 года. Все обязательства государства, выраженные в рейхсмарках, аннулировались без всякой компенсации, что привело к обесценению примерно $\frac{2}{3}$ банковских активов. А это потребовало санации банковской системы. Одновременно было резко снижено налоговое бремя на предприятия и физических лиц, введены многочисленные налоговые льготы для стимулирования сбережений и инвестиций. Собственно, уже тогда три западные державы приняли однозначное решение ограничить денежную реформу только той территорией, которую они контролировали.

Стратегическая линия нюрнбергского профессора экономики Л. Эрхарда, ответственного за реформу, состояла в том, чтобы, используя стабилизирующий эффект жесткой денежной реформы, немедленно приступить к радикальной перестройке всего механизма управления экономикой: осуществить либерализацию цен; отменить многочисленные регламентации и постановления, сковывавшие инициативу хо-

зяйствующих субъектов (в июне 1948 года было отменено 90% действовавших до этого инструкций по контролю над ценами¹⁵); создать условия для рыночной конкуренции путем принятия жесткого антикартельного законодательства; переориентировать инвестиционные потоки в сферу производства потребительских товаров и жилищного строительства; использовать социальные амортизаторы для защиты наиболее слабых и незащищенных. Черный рынок исчез за одну ночь. На полках магазинов появились товары, ранее придерживавшиеся под прилавком. Одновременное начало денежной и хозяйственной реформ, либерализация цен запустили механизм приспособления производства к спросу.

Твердые, достаточно высокие цены некоторое время были сохранены на наиболее важные продукты, такие как уголь, сталь, удобрения, топливо. На основные продукты питания и квартплату также сохранились твердые цены. Рационирование картофеля было отменено уже в октябре 1946 года. До апреля 1950 года рационированным оставался сахар, до 1951 года – бензин, до 1952 года – уголь¹⁵.

В экономической истории Германии **валютную реформу 1948 г.** принято рассматривать в качестве центрального события послевоенного периода, которое позволило не только возродить систему денежного обращения в стране, но и стать важным импульсом к отмене прежнего командно-административного порядка и формированию новой рыночно-экономической системы. Будучи главной монетарной предпосылкой реформирования западногерманской экономики, денежная реформа открыла путь довольно скорому преодолению политико-экономического вакуума, побудив немецкие органы власти «решиться на переход от управляемой экономики дефицита к свободному рыночному хозяйству, при котором цена определялась спросом и предложением».

Между тем ряд авторов-исследователей не спешит отождествлять факт проведения валютной реформы с исключительной причиной быстрого подъема экономики Германии. По мнению **Ф. Куас**, «денежную реформу не следует расценивать в качестве некоего внезапного и переломного события»¹⁶, хотя она и символизировала завершение послевоенного периода разрухи, кризиса и неопределенности. Что же касается начала нового этапа в экономическом и политическом развитии страны, то ключевым катализатором последующего бурного роста западногерманской экономики явилось, прежде всего, сочетание денежной и хозяйственной реформ. Вопреки широко распространенному представлению сама по себе денежная реформа не оказала столь значительного воздействия на протекание макроэкономических про-

¹⁵ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 172–173.

¹⁶ См.: Невский С.И. Указ соч. С. 63.

цессов, более того, ее последствия были достаточно непредсказуемыми, а зачастую даже нежелательными, что противоречиво отражалось на общеэкономическом развитии страны на протяжении последующих нескольких лет. К тому же, как указывает **В. Абельсхаузер**, рост промышленного производства в западных оккупационных зонах наметился еще с конца 1946 г., и экономика Германии лишь продолжала планомерно развиваться, независимо от факта проведения реформы¹⁷.

В историческом контексте денежная реформа, в ходе которой в трех западногерманских зонах вводилась новая валюта – **немецкая марка**, преследовала конкретную цель: восстановление упорядоченной системы денежного обращения в стране. Прежняя валюта – рейхсмарка – уже давно утратила способность выполнения своих основных денежных функций – стабильной расчетной единицы, эффективного средства обмена и надежного средства сбережений. В первые послевоенные годы удовлетворение спроса происходило главным образом на процветающих «серых» и «черных» рынках, где широко господствовала практика натурального обмена. В 1947 – первой половине 1948 г. около половины всей производимой продукции Бизонии реализовывалось посредством компенсационных (бартерных) сделок на сером рынке. «Установились более или менее прочные условия натурального обмена, будь то между отдельными отраслями, или же между секторами экономики – промышленностью и сельским хозяйством»¹⁸, – писал **К. Хардах**.

На уровне официальной системы нормирования и торговли за старые рейхсмарки легальным способом было практически невозможно что-либо купить. В качестве средства обращения и платежа их сфера применения сужалась до возможности оплаты коммунально-бытовых услуг, налогов и квартирной платы. Наиболее ликвидным средством обмена в те времена служила американская сигарета, которая благодаря своей универсальности, мобильности, относительной редкости и международному признанию «была в состоянии выполнять все денежные функции и получила широкое распространение наряду с продолжающими действовать валютными системами и денежными формами».

Об очевидном дефиците товаров повседневного спроса в сфере официального распределения могут служить, например, следующие сравнительные показатели уровня цен легальной торговли по карточкам и цен черного рынка в 1946–1947 гг.: если по карточкам 1 кг картофеля можно было купить за 12 пфеннигов, то на черном рынке он стоил уже 4 рейхсмарки; цена 1 кг хлеба составляла 0,37

¹⁷ Adelshauser W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte Seit 1945. S. 106-109, 127.

¹⁸ Hardach K. Op. cit. S. 122.

и 20–30 рейхсмарок, соответственно; сахара – 1,07 и 120–180; масла – 4,00 и 350–550; мяса – 2,20 и 60–80¹⁹.

Как отметил **Н.В. Павлов**, попытки англо-американских оккупационных властей взять финансово-экономическую ситуацию под контроль путем замораживания цен и введения карточно-распределительной системы успеха не имели. При тотальном дефиците и фактически обесцененной марке расцвели «черный рынок» и спекуляция. Подлинной денежной единицей стала пачка американских сигарет, за которую можно было приобрести полфунта масла, а за блок – пару ботинок. На 300 блоков можно было обменять украденный «Фольксваген»²⁰.

Одной из причин данной крайне неблагоприятной ситуации являлась денежно-кредитная политика времен Третьего рейха. Военное финансирование, осуществлявшееся преимущественно за счет печатного станка, безудержно вело к увеличению объема денег в обращении. По некоторым данным, в период с 1938 по 1945 г. в Германии произошел более чем шестикратный рост денежной массы; с 11 млрд. рейхсмарок накануне войны до 71 млрд. рейхсмарок к моменту ее окончания. Для имитации денежной стабильности в военный и послевоенный период в Германии предпринимались интенсивные рестрикционные меры по контролю за ценами и заработной платой. Неолиберал В. Рёпке определял данное положение вещей термином «сдерживаемая инфляция», указывая, в частности, на общую тенденцию преобладания коллективистско-инфляционного курса (сочетание инфляции и коллективизма) в экономической политике Германии и ряда других стран послевоенной Западной Европы.

О размерах денежной эмиссии Третьего рейха в военный период может наглядно свидетельствовать рост показателей задолженности государственного бюджета. Так, если в 1938–1939 гг. государственный долг составлял 30,7 млрд. рейхсмарок, то в 1944–1945 гг. его сумма равнялась 379,8 млрд. рейхсмарок (в том числе по облигациям – 6,1 и 102,7 млрд. и по долговым обязательствам – 0,4 и 116,0 млрд. соответственно). Для сравнения, общие бюджетные расходы составляли 31,8 млрд. рейхсмарок по состоянию на 1938–1939 гг. и 171,3 млрд. рейхсмарок по состоянию на 1944–1945 гг. (в том числе на вооружение – 18,4 млрд. и 128,4 млрд. соответственно)²¹.

Обращаясь к предыстории денежной реформы, следует отметить, что в общей сложности существовало более 200 различных предло-

¹⁹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 64.

²⁰ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 170.

²¹ Там же. С. 64–65.

жений по ее проведению. **Рольф Вальтер**, например, приводит данные о разработке «не менее чем 218 предложений по проведению денежной реформы». **М. Гёртемакер** и **В. Абельсхаузер** указывают на наличие «более 250 планов реформы, предложенных с 1945 г. как со стороны союзников, так и с немецкой стороны». В целом все эти предложения можно свести к двум основополагающим идеям²²:

1. Предложенный еще в июне 1945 г. немецким политиком **Паулем Биндером** (ХДС) проект предполагал 70%-ное обложение или сокращение всего имущества и денежных активов в пользу государства. Планировалось параллельно увязать денежную реформу с программой компенсации ущерба, причиненного войной.

2) Конструкция экономиста **Адольфа Вебера**, а также план немецких профсоюзов и американский «план Колма–Голдсмита–Доджа» основывались на идее сокращения денежной массы и на налогообложении доходов от имущества. Санация денежной системы в этом случае не предусматривала одновременного возмещения убытков, понесенных в результате войны (эту программу предполагалось реализовать отдельно от денежной реформы).

Профессор **Адольф Вебер** (1876–1963) возглавлял кафедру политэкономии в Мюнхенском университете (с 1948 г. преемник М. Вебера); его научные труды по экономико-политической проблематике служили важным ориентиром для А. Мюллер–Армака и Л. Эрхарда при обосновании доктрины социального рыночного хозяйства. В разработке данного проекта принимал участие профессор Кильского университета **Герхард Колм**, который с приходом к власти национал-социалистов эмигрировал в США и занимал должность сотрудника американского казначейства. Имена двух других авторов плана – **Джозеф В. Додж** (президент Детройтского национального банка и советник по финансовым вопросам главы американской военной администрации в Германии генерала Клея) и профессор экономики **Рэймонд В. Голдсмит** (также выходец из Германии).

Шансы практического воплощения в итоге получил американский «**план Колма–Голдсмита–Доджа**» («План ликвидации военного финансирования и финансовой реабилитации Германии»), работа над которым была завершена еще в 1946 г. и который более двух лет держался в строжайшей секретности. По мнению **Б. Зарицкого**, этот план представлял собой «в высшей степени грамотный и в техническом отношении детально проработанный проект санации финансовой системы Германии», который был подготовлен компетентными и высоко профессиональными специалистами²³.

²² См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 65–66.

²³ См.: Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М., 1997. С. 64.

Первый вариант проекта денежной реформы («Outline of a tentative plan for the liquidation of war finance and the financial rehabilitation of Germany») был разработан в начале апреля 1946 г., второй – 14 мая, окончательная версия была представлена в штаб генерала Клея уже 20 мая 1946 г. Спустя месяц (26 июня) двухсотстраничный документ был официально утвержден американским министерством иностранных дел.

Следует сказать, что и с немецкой стороны велись интенсивные работы по подготовке денежной реформы. Особого внимания заслуживает деятельность специально созданного в октябре 1947 г. в германском городе Бад Хомбург Особого отдела по вопросам денег и кредита, который под руководством **Л. Эрхарда** (и под надзором Контрольного совета) занимался разработкой собственной концепции стабилизации валюты. За полгода (к 18 апреля 1948 г.) немецкие специалисты подготовили «Проект закона по реорганизации денежной системы» (так называемый «Хомбургский план»)²⁴. Данный обширный документ, состоявший из 30 параграфов, содержал достаточно детальную проработку всех финансовых, юридических и организационных аспектов предстоявшей денежной реформы, и по большому счету не имел каких-либо существенных отличий от американского проекта. **Л. Эрхард** возглавлял данную экспертную группу вплоть до избрания его директором Экономического управления Бизонии 2 марта 1948 г. Его преемником на посту председателя Особого отдела по вопросам денег и кредита стал **Эрвин Хильшер**.

Весной 1948 г. специалисты из Бад-Хомбурга получили возможность непосредственно ознакомиться с «планом Колма–Голдсмита–Доджа». 20 апреля 25 сотрудников Особого отдела были доставлены на американскую авиационную военную базу «Ротвестен» под Касселем, где в условиях строжайшей секретности в течение последующих 49 дней между германскими и американскими экспертами велись согласовательные консультации по разработанным проектам. Однако, вопреки ожиданиям немецкой стороны – получить более широкие компетенции в деле подготовки и реализации собственного плана введения новой валюты, организационное участие сотрудников Особого отдела сводилось в основном лишь к переводу «уже готовых документов» на немецкий язык и приведению их в соответствие с местным законодательством, постановлениями, инструкциями, распоряжениями и проч. Таким образом, степень участия немецких финансистов существенно сужалась до консультационно-технической поддержки американского проекта: «Согласно детально подготовленной американскими

²⁴ Невский С.И. Указ. соч. С. 66–67.

специалистами концепции, немцы не могли нести ответственность за проводимые реформы, им отводилась лишь роль экспертов»²⁵.

Не приняв немецкий вариант реформы, **американская военная администрация** в очередной раз продемонстрировала свою четкую и бескомпромиссную позицию по всем аспектам проводимой США политики по отношению к Германии. К тому же еще в декабре 1947 г. американское казначейство в Вашингтоне передало секретную информацию о том, что купюры новых немецких денег уже отпечатаны в Соединенных Штатах и оттранспортированы в Германию (в рамках так называемой «операции Bird Dog»), где «хранятся в подвале здания бывшего рейхсбанка во Франкфурте на Майне»²⁶. Планирование и проведение «операции Bird Dog» было поручено молодому лейтенанту ВВС США **Эдварду А. Тененбауму**, выпускнику Йельского университета (1942), где он изучал экономическую историю Германии и получил ученую степень за работу «Национальный социализм против международного капитала». В середине 1945 г. он был прикомандирован к финансовому управлению американской военной администрации в Германии, вскоре став ассистентом финансового советника при штабе генерала **Л. Клея**. Денежную реформу 25-летний Тененбаум рассматривал в первую очередь как «крупнейшую операцию логистики американской армии со времен высадки в Нормандии»²⁷.

Интересно отметить, что в ходе производства банкнот немецкой марки еще не было окончательно известно, удастся ли договориться оккупационным властям четырех держав о проведении реформы на территории всей Германии и, соответственно, об учреждении единого эмиссионного центра в стране. Поэтому на первых купюрах (достоинством в 5, 10, 20, 50 и 100 немецких марок), несмотря на указание на них названия «банкнота», отсутствовали сведения о центральном банке, а также необходимые имена и соответствующие подписи. Впоследствии осуществлением эмиссии денег в Западной Германии был уполномочен заниматься Банк немецких земель, учрежденный во Франкфурте на Майне 1 марта 1948 г. На основании Закона № 60 «О реорганизации денежной системы» (так называемого закона «Об эмиссии») данное кредитное учреждение стало выполнять функции главного эмиссионного центра в стране (вплоть до 1957 г., когда был учрежден Немецкий федеральный банк)²⁸.

Переговоры четырех держав о совместном проведении **денежной реформы** изначально сопровождались трениями сторон. Даже та-

²⁵ Невский С.И. Указ. соч. С. 67.

²⁶ Зарицкий Б.Е. Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». С. 66.

²⁷ Abelshauser W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945. S. 124.

²⁸ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 68.

кой формальный вопрос, как процедура выпуска денежных знаков, выступил одним из пунктов расхождений интересов между оккупационными властями. Дело в том, что бывшая печатная типография Третьего рейха находилась на территории восточной зоны (в Лейпциге), и советское руководство, ссылаясь на общее право всех союзнических администраций осуществлять выпуск денежных знаков в собственных зонах, намеревалось отпечатать по меньшей мере половину всех банкнот для денежной реформы в Лейпциге. Американцы не без основания опасались неконтролируемой эмиссии в советской зоне, так как в предшествовавшие месяцы там уже была выпущена серия «военных марок» для покрытия чрезмерных оккупационных издержек, что вызвало проблемы с избыточной ликвидностью во всей Германии. Это давало основание руководству американской зоны настаивать на производстве денежных купюр «под строгим контролем» и исключительно на «своей» территории – в типографии, располагавшейся в американском секторе Берлина. Окончательный провал переговоров относительно совместного осуществления денежной реформы произошел 20 марта 1948 г. с демонстративным **выходом советской стороны из союзного Контрольного совета**²⁹.

В результате неразрешимых противоречий между «востоком» и «западом» администрация Бизонии в итоге приняла решение о проведении реформы лишь на территории Объединенной экономической области. После согласия французских властей на присоединение их зоны к денежной реформе установилась окончательная дата ее проведения – 20 июня 1948 г.³⁰.

О переходе Западной Германии на новую валюту – немецкую марку – путем образования единого валютного союза Тризонии союзническая военная администрация официально объявила 19 июня (в субботу). На следующий день – в воскресенье – начался обмен старых рейхсмарок на новые немецкие марки, а с понедельника новая валюта непосредственно вступала в силу. На территории западных секторов Берлина переход на немецкую марку начался 24 июня, на следующий день после объявления о параллельном проведении денежной реформы в советской оккупационной зоне, включая территорию Восточного Берлина.

Порядок перехода на новую валюту регулировался четырьмя законами **«О реорганизации денежной системы»**³¹:

Первый закон (закон № 60 «Об эмиссии») от 20 июня 1948 г. предоставлял Банку немецких земель право осуществления эмиссии

²⁹ Невский С.И. Указ. соч. С. 68.

³⁰ См.: Погорлецкий А.И. Экономика и экономическая политика Германии в XX веке: научное издание. СПб., 2001. С. 234.

³¹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 69–70.

денежных знаков; при этом объем наличного обращения на территории западных зон Германии ограничивался 10 млрд. немецких марок;

Второй закон (закон № 61 «О валюте») от 20 июня 1948 г. устанавливал обмен 60 старых рейхсмарок на новые немецкие марки в соотношении 1 : 1 (из которых 40 марок подлежали единовременному обмену, остальные 20 – спустя два месяца), а также предоставление по требованию так называемой «переходной помощи» (в размере 60 немецких марок) для частных предпринимателей и лиц свободных профессий;

Третий закон (закон № 63 «Об обмене денег») от 27 июня 1948 г. регулировал порядок обмена старых сбережений на банковских счетах, а также денежных средств по взаимным обязательствам в соотношении 10 : 1. Из «новых» вкладов лишь половина средств подлежала разблокированию, в то время как остальные 50% временно замораживались на специальных «блокированных» счетах. Для финансирования разблокированных вкладов коммерческие банки получали кредитные средства в размере 15 немецких марок на 100 немецких марок по вкладам до востребования и 7,5 немецких марок на 100 немецких марок по депозитам и сберегательным счетам; иные долговые обязательства погашались путем так называемых «компенсационных требований» по отношению к государству;

Четвертый закон («О блокировании вкладов») от 4 октября 1948 г. безвозмездно аннулировал 70% средств в немецких марках из половины вкладов, замороженных согласно третьему закону «О реорганизации денежной системы»; оставшиеся 30% подлежали непосредственной выплате, из которых 10% инвестировались в ценные бумаги.

Таким образом, окончательное соотношение обмена старых рейхсмарок на новые немецкие марки составило 100 : 6,5, что позволяет сделать вывод: денежная реформа носила достаточно «жесткий и радикальный характер», в ходе которой «обмен осуществлялся конфискационным путем, весьма болезненным для населения». Данное положение вещей, когда «около 23 млн. мелких вкладчиков были вмиг разорены», не могло не вызвать острой критики в отношении социальных последствий реформы. Так, по словам тогдашнего премьер-министра земли Баден-Вюртемберг Райнхольда Майера, «для немцев оставалось непонятным, почему при проведении реформы не учитывались социальные мотивы. Недопустимо, чтобы денежная реформа без различия уравнивала отложенные на черный день сбережения пенсионеров со средствами на всевозможных банковских счетах»³².

³² См.: Социальное рыночное хозяйство в Германии: Истоки, концепция, практика. М., 2001. С. 83; История Германии: учеб. пособие для студентов: в 3 т. / под ред Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. Кемерово, 2005. Т. 2. С. 331; Невский С.И. Указ. соч. С. 70.

Закон (№ 64) «О временном преобразовании системы налогообложения» от 22 июня 1948 г. регламентировал снижение конфискационных ставок налогового бремени (установленных Контрольным советом 12 февраля 1946 г.). Однако новые налоги все еще оставались достаточно высокими и продолжали вертикально прогрессировать. Кроме того, вводились относительно высокие акцизы, как, например, новый налог на кофе в размере 30 немецких марок с килограмма. Одновременно был зафиксирован прежде дифференцированный налог с доходов корпораций на уровне 50 процентных пунктов. Разумеется, данные преобразования в фискальной сфере не способствовали быстрому и эффективному решению проблемы массового уклонения от уплаты налогов и созданию приемлемых условий для частных инвестиций.

В рамках **реформы** был осуществлен также ряд других технико-финансовых мероприятий, направленных на упорядочение германской денежно-кредитной сферы. Среди них:

- отмена всех долговых обязательств Третьего рейха;
- аннулирование ностро-активов всех финансово-кредитных учреждений;
- упразднение возможности распоряжения германскими активами за пределами валютной зоны, в особенности на территории советской оккупационной зоны и в отошедших от Германии восточных областях;
- резкое сокращение суммы дебиторской задолженности кредитных учреждений ввиду прекращения практики погашения кредитов обесценивающимися рейхсмарками;
- установление новых обязательств между Эмиссионным банком (Банком немецких земель) и центральными банками земель с целью снабжения населения, экономики и государственного сектора достаточным количеством новых денежных средств, а также для необходимого обеспечения кредитами в немецких марках.

Итак, в результате **денежной реформы** значительной экспроприации подверглись, прежде всего, денежные накопления немецких граждан. Почти не пострадали обладатели реальных ценностей – собственники земли, средств производства и товаров потребления. Все заверения властей в скорейшем проведении программы справедливой компенсации ущерба, причиненного войной, получают соответствующее законодательное закрепление лишь спустя годы. Вступивший в силу в сентябре 1952 г. закон «О компенсации ущерба, причиненного войной» («Lastenausgleichsgesetz») вводил порядок выплаты материальной помощи жертвам бомбежек и изгнаний за счет специального налогообложения доходов от имущества непострадавшего населения, что, хоть и не своевременно,

но отвечало принципу пропорционального распределения финансового бремени от проигранной войны среди всего общества³³.

Подводя итог данного раздела, необходимо сделать следующее замечание историографического характера. Часто в литературе можно встретить указание на то, что практическая реализация денежной реформы являлась исключительно заслугой **Л. Эрхарда** (а не фактом осуществления американского «плана Колма–Голдсмита–Доджа», как отмечалось выше).

Так, в ряде учебных пособий по экономической истории, отмечает **С.И. Невский**, можно ошибочно прочесть, что западногерманская денежная реформа была именно «эрхардовской»³⁴: «В 1948 г. при непосредственном участии Л. Эрхарда... была проведена денежная и экономическая реформа». (История мировой экономики: учеб. для вузов / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. М., 1999. С. 538.) «Денежная реформа... была, пожалуй, самой непопулярной и даже довольно жесткой среди всех мероприятий, проведенных Л. Эрхардом». (Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие / под ред. проф. М.Н. Чепурина. М., 2000. С. 322.) «Ее разработка (денежной реформы. – В.К.) велась группой известных экономистов, во главе которой стоял профессор... Л. Эрхард». (Экономическая история зарубежных стран: учеб. пособие / Н.И. Полетаева, и др.; под ред. проф. В.И. Голубовича. Минск. 2002. С. 472) В этой связи уместно еще раз сослаться на авторитетное утверждение **Б. Зарицкого**, который однозначно констатирует: «20 июня 1948 г. в жизнь воплотился не план Эрхарда и возглавляемой им группы экспертов Особого отдела по вопросам денег и кредита, а именно американский План Колма–Голдсмита–Доджа»³⁵.

Бесспорно, будущий архитектор западногерманского «экономического чуда» рассматривал данную меру в качестве решающей предпосылки выхода страны из социально-экономического хаоса и перехода к здоровой рыночно-экономической системе. Однако сам Эрхард узнал о точной дате проведения реформы всего за два дня до ее начала. Получив вечером 18 июня соответствующую информацию от генерала Клея, глава Экономического управления Бизонии взял на себя ответственность тот час же объявить по радио о старте денежной реформы, «как будто это было его собственное решение». Впрочем, еще за два месяца до «дня X» (т.е. начала денежной реформы. – В.К.) в своей программной речи перед общим собранием Экономического совета Л. Эрхард заявлял: «Я считаю своим неперенным долгом повторить..., а также особенно подчеркнуть, что... нам прежде всего необходимо вновь обрести упорядоченную валюту, ту

³³ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 70–71.

³⁴ Там же. С. 71–72.

³⁵ Зарицкий Б.Е. От замыслов к реальности. Немецкое «экономическое чудо» Людвига Эрхарда // Социальное рыночное хозяйство в Германии. С. 82.

незаменимую основу, на которой только и будет возможным рациональное использование труда, капитала и материалов в соответствии с экономическими и социальными принципами... Денежная реформа... должна быть чем-то большим, чем финансово-экономическая или даже финансовотехническая операция, она в равной мере должна учитывать экономические и социальные требования».

Несмотря на то, что в 1948 г. история стала свидетелем не реализации («Хомбургского») плана Эрхарда и возглавляемой им группы немецких специалистов, а претворения в жизнь именно **американского проекта**, практически «спущенного сверху в директивном порядке», нельзя не согласиться с тем, что гораздо более значительная заслуга будущего министра экономики ФРГ состояла в проведении другой части комплекса западногерманских реформ, а именно – в устранении инфляции и ликвидации административно-хозяйственного аппарата регулирования (Хозяйственная реформа Л. Эрхарда)³⁶.

24 июня 1948 г. Экономическим советом во Франкфурте на Майне был принят закон **«Об основных принципах нормирования и политики цен после денежной реформы»** («Gesetz über die Leitsätze für die Bewirtschaftung und Preispolitik nach der Geldreform»), который принято считать основополагающим инструментом перехода Западной Германии к рыночной экономике. С оглашением военной администрацией Бизонии точной даты начала денежной реформы проект закона «Об основных принципах» («Leitsatzgesetz») был в срочном порядке принят Директориумом (исполнительным органом), после чего внесен на рассмотрение в Экономический совет. Все три чтения, а также соответствующие обсуждения законопроекта состоялись 17 и 18 июня и заняли в общей сложности 18 часов. В пять часов утра 18 июня, после напряженного ночного заседания, закон был принят в результате поименного голосования 50 голосами «за» (ХДС/ХСС, СвДП и Германская партия) и 37 голосами «против» (СДПГ и КПГ). Именно данный закон предоставлял директору Экономического управления Бизонии далеко идущие полномочия по проведению безотлагательной и фундаментальной политики либерализации, предусматривавшей отмену государственного регулирования экономики, освобождение цен, товарного обращения и установление добросовестной конкуренции³⁷.

Основополагающее значение закона «Об основных принципах» проистекало из довольно необычной формы его построения: акт начинался с подробной преамбулы, за чем следовали четыре кратких параграфа и обширное приложение, непосредственно включавшее основ-

³⁶ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 73–80.

³⁷ Там же. С. 73.

ные принципы. В совокупности все это отражало следующий смысл: «Отдать предпочтение освобождению от нормирования перед его сохранением и освобождению цен перед их административным установлением». Достаточно широкие компетенции, предоставлявшиеся **Л. Эрхарду** в рамках закона «Об основных принципах», кардинально изменяли весь прежний порядок правовой ответственности на территории западных зон Германии.

Примечательно, что оглашенный в день проведения денежной реформы закон «Об основных принципах» в первое время не имел под собой полной юридической силы, поскольку, несмотря на принятие Экономическим советом, ему следовало также получить поддержку Совета земель (второй «парламентской» палаты) и военной администрации Бизонии. Закон вступал в действие уже 24 июня, тогда как соответствующее одобрение со стороны администрации союзников было получено только 30 июня 1948 г.³⁸

Отныне глава Экономического управления мог упразднить систему рационирования товаров и административного контроля над ценами без необходимости формально согласовывать подобные действия с руководством оккупационной администрации. Так, в частности, вопросы ценообразования, которые прежде регламентировались на основании закона «О ценообразовании и контроле над ценами» (от 10 апреля 1948 г.), теперь переходили в непосредственное ведение Эрхарда, чья бескомпромиссная приверженность принципам свободной рыночной системы не позволяла ему более придерживаться курса централизованно-административного хозяйственного регулирования. Как позднее высказался Эрхард: «Таким образом, был сделан огромный шаг в направлении к цели, которой является освобождение хозяйства от непосредственного воздействия бюрократии»³⁹.

Еще в апреле 1948 г. в уже упоминавшейся речи перед общим собранием Экономического совета **Л. Эрхард** указывал на необходимость преодоления административно-распределительной системы: «Даже если у нас и нет полного единства относительно целей, однако ясен курс, которым мы должны идти: освобождение от государственной командной экономики, которая заставляет всех граждан нести унижительное ярмо бюрократии, лущающей всякую жизнь, убивающей всякую ответственность и чувство долга, равно как и всякое стремление к высокопроизводительному труду, а тем самым, в конечном счете, неизбежно превращающей самого добронравного гражданина в бунтовщика... Решительно отвергая такой экономический принцип, я отнюдь

³⁸ См.: Koerfer D. Kampf urns Kanzleramt: Erhard und Adenauer. Berlin, 1998. S. 49.

³⁹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 73–74; Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 2001. С. 27.

не выступаю за возврат к экономическому укладу классического либерализма и безответственному пиратству прошедших времен... Свободное ценообразование становится совершенно необходимым, когда речь идет о восстановлении свободного товарообмена с остальным миром и на прочной межвалютной основе». (Эрхард Л. Полвека размышлений: Речи и статьи. С. 71 и далее)

К концу июня 1948 г. в Германии было отменено около 90% действовавших ранее инструкций по контролю над ценами, что, в общем, не являлось нарушением распоряжений союзнической военной администрации – без строгого согласования не изменять порядок твердых цен – ввиду того, что данные постановления попросту упразднялись. На заседании специально созванной комиссии военного управления Бизонии 21 июня 1948 г. **Л. Эрхард** аргументировал свои столь радикальные шаги следующим образом: «Я не нарушал постановлений военной администрации о квотировании и контроле над ценами. Я их просто отменил. Я скорее уйду в отставку, чем откажусь от своего решения»⁴⁰.

Следует отметить, что либерализации подверглись прежде всего те сектора хозяйства, в которых регулирование представлялось наиболее затруднительным и где рост цен мог оказать наименьшее воздействие на прожиточный минимум населения. Порядок государственного rationирования пока что сохранялся в отношении важнейших видов потребительских товаров, стратегического сырья и коммунально-бытовых услуг. С целью смягчения издержек переходного периода закон «Об основных принципах» временно исключал из списка либерализации цены на основные продукты питания (хлеб, мясо, молоко и проч.), промышленное сырье и материалы (уголь, железо, сталь), а также плату за жилье, газ, электричество и транспорт до особого распоряжения Экономического совета у (здесь продолжали действовать так называемые «максимально установленные цены»). Для всех других видов товаров и услуг предписания в области цен и нормирования отменялись (за исключением одежды и обуви, на которые сохранялась практика нормирования, но одновременно упразднялся ценовой контроль)⁴¹.

Одним из центральных требований Людвига Эрхарда, писал **А.Ю Ватлин** в своей книге «Германия в XX веке», занявшего в апреле 1948 г. пост главы экономического ведомства Бизонии стало скорейшее оздоровление финансовой сферы. Инфляционное финансирование войны привело к обесцениванию рейхсмарок, которые продолжали ходить во всех зонах оккупации. Блокирование банковских счетов нацистских организаций и бонз не могло решить проблему избыточной

⁴⁰ Зарицкий Б.Е. Указ. соч. С. 83.

⁴¹ Эрхард Л. Благополучие для всех. С. 29.

денежной массы. Первоначальные проекты денежной реформы содержали в себе решение вопроса о справедливом перераспределении социальных тягот между теми, кто безболезненно пережил годы нацизма и теми, кто потерял абсолютно все. Так, в документе, предложенном США осенью 1946 г., предусматривалось наложение 90% ипотеки на собственность, приобретенную в 1933–1945 гг. Позже к разработке подобных планов подключились политики Бизоннн, причем их позиция определялась отнюдь не национальными интересами. На встрече с военными властями весной 1948 г. Эрхард заявил: «вероятно, для всех четырех зон можно было бы разработать единую денежную реформу, но нельзя создать единое экономическое руководство. Коллективистская экономика победит демократическое рыночное хозяйство»⁴².

Уже в октябре 1947 г. во Франкфурт-на-Майне из Нью-Йорка прибыли первые ящики со свеженапечатанными банкнотами. 1 марта 1948 г. был образован Банк германских земель, в ведение которого планировалось передать эмиссию новых денег. Генерал Клей не скрывал, что «денежная реформа будет в высшей степени непопулярной и мы преисполнены решимости взвалить ее на собственные плечи». За дипломатическими формулировками скрывалось нежелание допускать немецких политиков к принятию стратегических решений. Западные военные власти находились в полной боевой готовности, ожидая лишь принципиальных политических решений. И они не заставили себя ждать – 2 июня 1948 г. завершилась Лондонская конференция США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, открывшая дорогу формированию западногерманского государства.

Хорошо информированная гамбургская газета «Ди Вельт» писала во вторник, 15 июня: «Наступила решающая неделя послевоенной германской истории». Накануне члены Экономического совета вручили оккупационным властям собственные предложения по проведению налоговой реформы. Это был ясный сигнал – немецкие политики требовали пересмотра сложившегося разделения труда, отказываясь выступать в роли простых исполнителей военных приказов. 17 июня в бizonальном парламенте состоялись три чтения «Директив о рациировании и ценовой политике после денежной реформы». Документ делал ставку на «интенсивное включение рынка для повышения эффективности производства и распределения», скорейший отказ от бюрократического распределения товарных запасов и регулирования цен. Обосновывая его перед парламентариями, Эрхард признал риск «прыжка в холодную воду». Социал-демократы, игравшие роль оппозиции, парировали: «бросить больного человека в холодную воду – значит обречь

⁴² См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 143.

его на неминуемую смерть». Принятие «Директив» означало переход командных высот в экономике Западной Германии от оккупационных властей к немецким представителям. Сам факт предоставления ведомству Эрхарда особых полномочий в условиях оккупационного режима выглядел достаточно необычно. По мнению историка Т. Эшенбурга, нечто подобное происходило в германской истории только однажды, когда чрезвычайное законодательство 1923 г. смогло остановить гиперинфляцию в Веймарской Германии⁴³.

Было уже утро пятницы, 18 июня, когда члены Экономического совета Бизонии покидали зал франкфуртской биржи. Вечером того же дня был оглашен закон военной администрации № 61, определявший сроки и методы проведения денежной реформы. Принятие «Директив» прошло незамеченным – прессу гораздо больше занимала атмосфера разбуженного муравейника, порожденная общим стремлением запастись материальными ценностями и любой ценой избавиться от старых денег. С начала июня владельцев магазинов охватило отпускное настроение, добрая половина булочников занялась ремонтом своих печей, крупные предприятия попросту перестали отгружать продукцию потребителям. Тех, кто имел хоть какие-нибудь сбережения, напротив, охватило «сумасшествие покупок». Газеты сообщали, что косметику покупают чемоданами, хотя цены на нее в июне выросли в 15 раз. Работники почты не успевали принимать денежные переводы в адрес «тетушки в восточной зоне»⁴⁴.

В ночь на воскресенье огромные очереди выстроились перед пунктами обмена денег. Согласно закону № 61 каждый житель западных зон мог обменять 60 «рейхс-» на 40 «дойчмарок» (еще 20 подлежали выплате позже). Юридические лица получали по 60 новых марок на каждого работающего. Все вклады в банках и сберкассах замораживались на неопределенное время. Старые деньги подлежали декларированию в течение недели, чтобы избежать отмывания нелегальных состояний, нажитых на «черном рынке». Пропорцию их будущего обмена определял специальный закон. Цены, зарплаты, пенсии и прочие пособия сохраняли свои номинальные размеры.

Первые дни после появления новых денег общество было шокировано чудом полных витрин. Люди безмолвно двигались от магазина к магазину, рассматривая товары, вид и запах которых казался символом безвозвратно ушедшего прошлого. Ось послевоенного существования – «черный рынок» потерял всякий смысл и тихо скончался. Как оказалось, в предшествовавшие годы западногерманская экономика работала от-

⁴³ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 143–144.

⁴⁴ Там же. С. 144–145.

нюдь не вхолостую. Наибольшие возможности для спекуляции получили фирмы, занимавшиеся импортом сырья и продовольствия. По оценкам экспертов, за счет товаров, оплаченных и ввезенных до реформы, а проданных после нее, было получено более 1,2 млрд марок прибыли.

Реальное значение денежной реформы 1948 г. для простых людей проявилось сразу же после того, как были потрачены первые сорок марок. «Введение новых денег было проведено еще более жестко, чем этого ожидал Эрхард, и означало резкое увеличение социальной амплитуды и несправедливости» (Х. Клессман). Заявления политиков о том, что реформа сделала всех одинаково бедными, явно грешили против истины. В отличие от мелких вкладчиков, деньги которых в конечном счете обменяли в соотношении 100:6,5, крупные собственники и акционеры практически не пострадали. Обложение их капиталов в пользу неимущих, знаменитое «выравнивание социальных тягот», перекладывалось на плечи германских властей и отодвигалось в неопределенное будущее⁴⁵.

Огромный отложенный спрос подстегнул инфляцию, цены за вторую половину 1948 г. выросли на 33%. Хотя рост стоимости жизни по сравнению с довоенным уровнем достиг 190%, зарплаты работающих по найму были разморожены лишь в ноябре. Денежная реформа стимулировала стремление не участвовавших в производстве слоев населения найти себе работу («Биржи труда осаждают женщины» – писали газеты летом 1948 г.). Число официально зарегистрированных безработных выросло более чем в два раза, профсоюзы были вынуждены предъявить Экономическому совету ультиматум. После его отклонения 12 ноября 1948 г. В Западной Германии прошла всеобщая забастовка, в которой приняло участие более 9 млн человек.

Несмотря на резко возросшую социальную напряженность, главный результат денежной реформы заключался в динамике рыночных отношений, разбухенной 20 июня. На следующий день ведомство Эрхарда в соответствии с полномочиями, полученными от Экономического совета, начало публиковать списки товаров, освобождаемых от рационирования. В них упоминались детские коляски, столовые приборы, ведра и даже пружинные матрасы – наглядное подтверждение того, какие уродливые формы приобрел «экономический дирижизм» в период своей агонии. Протесты военных властей, удивленных самовольным изменением их хозяйственных директив, встретили хладнокровную реакцию Эрхарда: «Я не изменил их, а отменил». Несмотря на словесные и эпистолярные дуэли, американские офицеры и немецкие политики работали в тандеме, разделив между собой и ответственность за непопулярные решения, и конечный успех своей экономической стратегии.

⁴⁵ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 145.

Нормализация денежной системы создавала условия для появления главного стимула расширения производства – прибыли, вела к борьбе за снижение себестоимости и повышению качества продукции. Инвестиционный голод утоляли кредиты, начавшие поступать в западные зоны оккупации согласно плану Маршалла. Промышленное производство в них выросло за первую половину 1948 г. с 47% до 51% к уровню 1936 г., а за вторую половину добралось до отметки 79%. Достигнув пика накануне рождества, цены начали снижаться. В начале следующего года Экономический совет принял первые законы о компенсациях жертвам фашизма. Хотя они не затрагивали основной массы населения, его настроения стали меняться к лучшему – людям было с чем сравнивать нынешнюю ситуацию. И речь шла не только о годах послевоенных лишений, но и о положении немцев в советской зоне оккупации⁴⁶.

Оценивая **результаты** проведенных летом 1948 г. реформ, следует заметить, что чудо социально-экономического возрождения в Германии произошло не сразу. Возможность политической реализации курса рыночно-экономических преобразований здесь оставалась под большим сомнением вплоть до 1951 г. Как показывают социологические опросы того времени, население, несмотря на вполне положительное отношение к начавшимся денежной и хозяйственной реформам, достаточно скептически воспринимало непосредственную роль Эрхарда в деле осуществления данных «рыночных экспериментов», полагая, что именно его виной являлось то, «что реформа была проведена особенно несправедливо по отношению к старикам, инвалидам, переселенцам, пострадавшим от бомбежек и т.д.». Сам Эрхард признавал, что «второе полугодие 1948 г. стало одним из самых драматических периодов в экономической истории послевоенной Германии»⁴⁷.

Несмотря на постепенный характер либерализации цен на товары первой необходимости, а также вопреки уверенному росту производства во втором полугодии 1948 г. (с июня по декабрь он составил в среднем около 50%), в первые месяцы после начала денежной реформы в стране произошло резкое повышение уровня цен⁴⁸. Явно недостаточное предложение товаров было не в состоянии удовлетворить возросший до ажиотажа потребительский спрос (долгие годы немцы не имели возможности что-либо приобретать за твердую валюту по относительно разумным ценам, так что реформа моментально оживила потребительский рынок, обнаружив избыточную покупательную способность населения), что, даже несмотря на продолжавший временно действо-

⁴⁶ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 145–146.

⁴⁷ Там же. С. 29.

⁴⁸ Невский С.И. Указ. соч. С. 75.

вать порядок замороженных заработных плат, естественно, не могло не привести к достаточно серьезным инфляционным проявлениям.

Позднее **Л. Эрхард** вспоминал: «После реформы казалось, - что наша экономика столкнулась с такой готовностью покупателя к потреблению, которая, казалось, никогда не кончится, - царило поистине безграничное желание восстановить утраченное... Маятник цен сейчас повсюду нарушил границы нравственного и допустимого. Это произошло под давлением факторов, которые увеличивают себестоимость продукции, и под влиянием опьянения, вызванного теми деньгами, которые были выданы на каждого человека при валютной реформе в обмен на старые деньги. Но скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние, - а именно, к тому, которое обеспечивает наилучшее взаимоотношение между заработками и ценами, между нормальным доходом и уровнем цен⁴⁹.

К концу года цены в розничной торговле выросли более чем на 10% по сравнению с июнем 1948 г. Для обуздания инфляции и снятия социальной напряженности Экономическое управление предприняло ряд «регулирующих» мер: с 11 сентября 1948 г. стали периодически публиковаться так называемые «каталоги уместных цен» (где приводились «адекватные» цены с учетом «реальных» издержек производства и «разумной» прибыли), 7 октября того же года был издан закон «Против произвольного завышения цен», а также принята «Программа широкого потребления», направленная на обеспечение населения важнейшими потребительскими товарами по сниженным ценам⁵⁰.

На ценовую динамику соответствующим образом повлияло и принятие закона «Об отмене ограничений заработной платы» (3 ноября 1948 г.), что способствовало дальнейшему увеличению денежной массы в обращении (см. табл. 3). Уже к концу сентября 1948 г. уровень официальной денежной эмиссии составил 10,2 млрд немецких марок, превысив установленный предел в 10 млрд. Сюда следует добавить еще 3,25 млрд марок в форме банковских кредитов. Таким образом, спустя три месяца после начала денежной реформы количество доступных денег в обращении достигло почти 13,5 млрд немецких марок. Учитывая дополнительные 4,8 млрд в виде новых банковских кредитов, к концу года объем денежной массы возрос до 17,6 млрд марок. Понятно, что столь интенсивные темпы увеличения размеров денежного обращения не могли не отразиться негативно на экономическом развитии Германии в данный восстановительный период. С июня

⁴⁹ Эрхард Л. Благосостояние для всех. С. 29–30.

⁵⁰ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 76.

по декабрь 1948 г. официальный индекс стоимости жизни поднялся на 11%, продукты питания подорожали на 20%, одежда – на одну треть⁵¹.

Таблица 3

Официальная денежная эмиссия во второй половине 1948 г.
(в млрд. немецких марок)

Конец меся- ца	Первоначальные средства		Обмен средств на счетах		Всего
	Государств. учреждения	Негосу- дарств. учреждения	Счета до востребо- вания	Депозиты и сберегатель- ные счета	
Июнь	2,50	1,90	–	–	4,40
Сент.	3,45	3,25	3,50	(2,85)*	10,20
Дек.	3,45	3,25	5,35	0,75**	12,80

* – заблокированные средства;

** – разблокированные средства за вычетом 70%.

В результате отмены порядка фиксированных заработных плат почасовая ставка оплаты труда немецкого рабочего увеличилась с 0,99 немецких марок в июне 1948 г. до 1,13 немецких марок в декабре того же года. В 1949 г. средняя заработная плата в Западной Германии составила 1,39 марок в час, что на 14% выше, чем в 1948 г. По другим данным, коэффициент прожиточного минимума в период с июня по декабрь 1948 г. возрос на 17%, таким образом, в течение «лишь 6 месяцев новые деньги вновь потеряли одну шестую своей покупательной силы»⁵².

Для сдерживания кредитной экспансии коммерческих банков с 1 декабря 1948 г. Банком немецких земель был увеличен минимальный уровень резервов с 10 до 15 процентных пунктов, а также предложено кредитным учреждениям сократить объемы кредитования до уровня, который они имели по состоянию на 31 октября 1948 г. (См., например: Weimer W. Op. cit. S. 66.). С конца 1948 по конец 1949 г. произошло снижение потребительских цен минимум на 5%. При этом цены не прекратили своего дальнейшего падения: «В первом полугодии 1950 г. уровень цен в розничной торговле был на 10,6% ниже, чем в первом полу-

⁵¹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 76–77.

⁵² Там же. С. 77.

годии 1949 г.»⁵³. Так, количество безработных увеличилось с 603 тыс. человек (среднегодовой показатель) в 1948 г. до 1,26 млн человек в следующем году. В феврале 1950 г. число безработных составило 2 млн (13,5%), что придавало безработице уже массовый характер⁵⁴.

С тем чтобы выправить сложившуюся ситуацию Центральный банк был вынужден прибегнуть к проведению рестрикционной денежной политики, которая в итоге, несмотря на то, что и имела позитивное воздействие на ценовую динамику одновременно спровоцировала проблемы занятости. Даже относительная стабилизация экономического положения весной-летом 1949 г. с продолжающимся ростом показателей промышленного производства (см. табл. 4) не смогла в полном объеме компенсировать данную почти кризисную ситуацию в социальной сфере. В целом негативное развитие общеэкономического положения в указанный период времени усиливало недовольство эрхардовским курсом как со стороны союзнической военной администрации, так и среди внутригерманских оппозиционных политических сил (прежде всего СДПГ, компартии и профсоюзов).

В знак протеста против «антинародной политики» **Л. Эрхарда**, а также «против анархии на товарных рынках и увеличения разрыва между зарплатами и ценами» осенью 1948 г. Объединение германских профсоюзов организовало 24-часовую всеобщую забастовку, на которую было призвано до 12 миллионов рабочих и служащих Бизонии. В действительности забастовка имела менее массовый характер, чем планировалось ее организаторами (отчасти в результате заблаговременно принятых мер по «размораживанию» заработных плат), и лишь 9 миллионов бастующих вышли 12 ноября на улицы германских городов, с тем чтобы высказать следующие требования: «Официальное провозглашение чрезвычайного положения в экономике, назначение должности уполномоченного по ценам и издание законов по контролю над ценами и против спекулятивного роста цен, восстановление в полном объеме нормирования в продовольственном секторе, планирования и регулирования в сфере торговли и промышленности, в особенности в области распределения сырья, энергии, а также кредитования, внешней торговли и транспорта»⁵⁵. Как отмечал позднее Эрхард: «Происходила борьба между идеей освобождения рыночного хозяйства и упорствующими силами принудительно-направляемого хозяйства»⁵⁶.

⁵³ Эрхард Л. Благополучие для всех. С. 35.

⁵⁴ Невский С.И. Указ. соч. С. 78.

⁵⁵ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 78–80.

⁵⁶ Эрхард Л. Благополучие для всех. С. 29.

**Основные показатели экономического развития Западной Германии
в 1948–1953 гг.⁵⁷**

Год (поквар- тально)	Индекс промыш- ленного про- изводства (1936 = 100)	Заня- тость (млн чел.)	Безра- ботица (%)	Индекс производ- ственных цен (1950 = 100)	Индекс стоимости жизни (1950 = 100)	Номиналь- ная почасо- вая заработ- ная плата (1950 = 100)
1948						
II	57	13,5	3,2	92	98	77
III	65	13,5	5,5	99	104	84
IV	79	13,7	5,3	105	112	89
1949						
I	83	13,4	8,0	104	109	90
II	87	13,5	8,7	101	107	94
III	90	13,6	8,8	100	105	95
IV	100	13,6	10,3	100	105	95
1950						
I	96	13,3	12,2	99	101	97
II	107	13,8	10,0	97	98	98
III	118	14,3	8,2	99	99	100
IV	134	14,2	10,7	104	103	105
1951						
I	129	14,2	9,9	116	115	108
II	137	14,7	8,3	121	119	117
III	133	14,9	7,7	121	108	118
IV	146	14,6	10,2	124	112	–
1952						
I	136	14,6	9,8	122	111	120
II	143	15,2	7,6	121	109	122
III	144	15,5	6,4	121	109	123
IV	158	15,0	10,1	121	110 f	124
1953						
I	146	15,2	8,4	120	109	125
II	158	15,8	6,4	119	108	128
III	160	16,0	5,5	117	108	128
IV	174	15,6	8,9	116	107	128

Несмотря на многие проблемы «переходного периода», резкой критике эрхардовского курса спустя некоторое время суждено будет смениться его всеобщим восхищением. Как покажет исторический опыт, уже к началу 1950-х гг. широкую поддержку и способность «отве-

⁵⁷ Abelshauser W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte seit 1945. S. 155.

чать требованиям времени» получают как «основные принципы экономической политики» **В. Ойкена**, так и по-новому сложившееся политическое соотношение сил, несмотря на то, что всего несколькими годами ранее за неолиберальную доктрину выступало лишь однозначное меньшинство ее сторонников.

К числу таких сторонников необходимо прежде всего отнести В. Ойкена. Л. Микша, А. Мюллер-Армака и Ф. Бёма, которые работали в Научном совете при Экономическом управлении Бизонии и оказывали Эрхарду научно-вспомогательную поддержку при обосновании экономической политики реформ. Именно первое экспертное заключение, подготовленное Научным советом (во главе с Ф. Бёмом) к апрелю 1948 г., легло в основу эрхардовского закона «Об основных принципах»⁵⁸.

Реформы середины 1948 г. не являлись окончательным фактом реализации в Германии определенной формы экономического и общественного устройства. Тем не менее, они заложили важную основу для возможности решительного поворота Западной Германии к воплощению именно рыночной экономической модели и ее последующей трансформации в направлении «социального рыночного хозяйства».

Восстановление экономики в советской зоне. Прежде чем говорить о восстановлении, необходимо сказать о том, что вступление советских войск в Германию ознаменовалось массовыми «реквизициями». Вернувшись из Ялты, где союзники договорились лишь о создании межсоюзнической комиссии по репарациям, 21 февраля 1945 г. Сталин подписал под грифом «совершенно секретно» постановление Государственного Комитета Обороны № 7563 о порядке вывоза промышленного оборудования и материалов с территории Германии. Согласно ему было создано 5 специальных «демонтажных батальонов» по тысяче человек в каждом, 10 рабочих батальонов по 500 человек, 5 отдельных автобатальонов с тракторными взводами и т. д.

В качестве бесплатной рабочей силы использовались тысячи бывших граждан СССР, угнанных нацистами на принудительные работы в Германию, а теперь подлежащих репатриации. Освободившись от фашистской неволи, они лопали на тяжелую подневольную работу по демонтажу, с полуголодным существованием, где подвергались многочисленным унижениям, а женщины – изнасилованиям. Всего к концу ноября 1945 г. на демонтаже в Германии и Австрии было занято свыше 300 тыс. советских граждан. То есть, СССР начал взимание репараций, по сути, в одностороннем порядке, еще до окончания войны, без согласования с союзниками, и в очень широких масштабах: только за 1945 г. трофейные войска отправили в СССР более 400 тыс. желез-

⁵⁸ Невский С.И. Указ. соч. С. 80.

нодорожных вагонов, груженных оборудованием, продовольствием, одеждой и т. д.

Восстановление экономики шло параллельно с радикальными социально-экономическими реформами. Так, уже в мае июне 1945 г. в советской зоне были закрыты частные банки, распущены нацистские предпринимательские союзы и хозяйственные организации, а с 1 июля 1945 г. началась конфискация имущества активных нацистов. Уже осенью 1945 г. была конфискована вся государственная собственность бывшего Третьего рейха и собственность военных преступников типа концерна «Герман Геринг». С осени 1945 г. было начато и проведение радикальной аграрной реформы под лозунгом «Землю юнкеров – крестьянам!». Однако была учтена приверженность немецких крестьян к частной собственности на землю, поэтому в ходе реформы ее национализация не осуществлялась.

Безвозмездной конфискации подлежала земельная собственность размером свыше 100 га, а также владения военных преступников и активных нацистов. При распределении земли за основу был принят размер хозяйства в 5 га. Наделение землей проводилось, по сути, даром, с предоставлением кредитов, да еще в рассрочку до 20 лет.

Столь быстрое осуществление аграрной реформы, конечно, было невозможно без активного участия СВАГ. В основном реформа была завершена уже к январю 1946 г. Всего в ее ходе было конфисковано 3,3 млн га земли, из них 2,2 млн га были поделены между 330 тыс. новых хозяйств переселенцев и батраков или ирнрезаны к почти такому же числу старых крестьянских дворов. Остаток конфискованной земли примерно в 1 млн га был объявлен «общенародной собственностью», там создавались «народные имения, а позднее (с 1949 г.) и МПС – машинопрокатные станции. Юнкерство перестало существовать, главной фигурой на селе стал крестьянин-середняк. Таким образом, аграрная реформа коренным образом изменила социальное лицо деревни в Восточной Германии.

Восстановление промышленности сильно осложнялось четырьмя факторами: во-первых, она была сильно разрушена в ходе боевых действий (примерно на 45%); во-вторых, бесконтрольными репарационными изъятиями со стороны СССР; в-третьих, отсутствием опыта у новоиспеченных коммунистических управленцев; в-четвертых, восстановление промышленности шло параллельно с демонтажем и национализацией. ВАГ стремилась форсировать национализацию, и 30 июня 1946 г. в наиболее промышленно развитой земле Саксония был проведен референдум по вопросу об «экспроприации собственности военных преступников». 77,6% населения, имеющего право голоса, вы-

сказалось за безвозмездную экспроприацию предприятий, которые принадлежали военным преступникам и активным нацистам.

На основе саксонского референдума ландтагами других земель советской зоны были приняты соответствующие законы, и всего к весне 1948 г. было экспроприровано 9281 предприятие. Они переходили в собственность земли, на которой были расположены. В государственном секторе к этому времени было уже 97% горной промышленности, более 60% энергетики и около 47% предприятий машиностроения; 2/3 оптовой торговли тоже было государственной.

Аналогичной была и судьба банков: в июле 1945 г. началась их национализация, а с 4 августа 1945 г. начинают создаваться «народные» финансово-кредитные учреждения. Из двухсот бывших военных предприятий, первоначально занесенных в списки на демонтаж, в 1946 г. были образованы «Советские акционерные общества» (САО). Они были перепрофилированы на выпуск мирной продукции, на них под руководством советских директоров работали немецкие рабочие. В 1954 г. последние САО, кроме «Висмута», были переданы ГДР.

Таким образом, с господством в экономике крупных предпринимателей, банкиров 11 юнкеров в Восточной Германии было быстро покончено. Но экономика продолжала оставаться смешанной, и это дает основания некоторым авторам писать о том, что СВАГ использовала (и отчасти повторила) опыт советского НЭПа начала 1920-х годов. Если в 1947 г. объем валовой продукции промышленности в советской зоне по сравнению с 1936 г. составлял 53,7%, то в 1949 г. 87,2%, а к лету 1950 г. – уже 100%. Причем, в советской историографии и историографии ГДР всегда особо подчеркивалось, что восстановление разрушенного войной хозяйства и становление плановой экономики в Восточной Германии шло под непосредственным руководством со стороны СВАГ и при значительной помощи со стороны СССР.

В качестве иллюстрации этой помощи обычно приводились цифры о том, что за 1948–1949 гг. было ввезено из СССР более 200 тыс. т минеральных удобрений, почти 140 тыс. т зерна, более 230 тыс. т проката, более тысячи тракторов и 500 грузовых автомобилей. Но никогда не приводились цифры: а сколько же было вывезено из Германии в Советский Союз за тот же период аналогичной продукции в качестве репараций? Относительный свет на это могут пролить сведения из отчета Главного Трофейного управления Советской Армии в период войны, которые до начала 1990-х годов хранились в фондах Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО, ф. 67, оп. 12020, д. 9) под грифом «совершенно секретно». В Советский Союз по распоряжениям ГКО и Совнаркома за 1945 год трофейными войсками было отправлено:

– 73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60149 роялей, пианино и фисгармоний, 458612 радиоприемников, 188071 ковер, 941605 предметов мебели, 264441 штука настенных и настольных часов;

– 3338348 пар различной гражданской обуви, 1203169 женских и мужских пальто, 2546919 платьев, 4618631 предмет белья, 1052503 головных убора; 154 вагона мехов, тканей и шерсти;

– 18217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260068 единиц;

– зернопродуктов – 2259 тыс. т, мясопродуктов – 430 тыс. т, рыбопродуктов – 10 тыс. т, жиров – 30 тыс. т, сахара – 390 тыс. т, картофеля и овощей – 988 тыс. т.

П.Н. Кнышевский, который впервые обнародовал эти цифры, задается закономерным вопросом о том, как же оценивать известный из учебников факт спасения от голода победителями населения Берлина, Дрездена, Праги и других городов? Было ли это высшим проявлением гуманности или такого не было вообще? Он отвечает на этот вопрос очень категорично: «Было, но весьма своеобразное. Сначала все продовольственные ресурсы на оккупированной территории Красная Армия изъяла, затем начался дележ. Ничтожный карточный минимум своих же запасов немцы получили в виде так называемой помощи, которой поделились с чехословаками и поляками». Очевидно, что здесь нужны дополнительные исследования.

В 1947 г. СВАГ официально объявила, что демонтаж промышленных предприятий полностью прекращен. На самом деле, до весны 1948 г. последовали еще две волны демонтажей. В целом демонтаж был произведен на 3474 «объектах» и по некоторым оценкам привел к сокращению экономического потенциала на 25% от довоенного уровня. В феврале 1948 г. в советской зоне создается Немецкая экономическая комиссия как высший центральный орган руководства экономикой. А в июне 1948 г. принимается первый (двухлетний, рассчитанный на 1949–1950 гг.) план развития народного хозяйства. Таким образом, к осени 1949 г. в западных зонах была сохранена и отчасти модернизирована социально-экономическая система капитализма. В советской же зоне оккупации социально-экономические основы жизни были во многом кардинально преобразованы.

Берлинский кризис. Кризис назревал давно, со времени разделения Берлина на 4 сектора. Непосредственным прологом к нему стало проведение западными державами в своих оккупационных зонах сепаратной денежной реформы. Реформа была нужна, так как Германия была завалена абсолютно обесценившимися рейхсмарками. СССР

выступал за проведение реформы во всех зонах одновременно, путем создания общегерманского финансового департамента и центрального эмиссионного немецкого банка.

Как пишет в своих мемуарах **Л. Клей**, с октября 1947 г. в США начали тайно печататься новые немецкие марки и к концу того же года 30 вагонов новых денежных знаков были в условиях большой секретности доставлены в Западную Германию. Готовились к проведению денежной реформы и в советской зоне, но американцы сработали оперативнее. Сепаратная денежная реформа в западных зонах и распространение ее 23 июня 1948 г. на западные секторы Берлина резко обострили обстановку в Германии. Поток обесцененной валюты грозил хлынуть в советскую зону, вызвать инфляцию и дезорганизацию экономики. В качестве защитной меры СВАГ объявила о запрещении ввоза в советскую зону, а соответственно, и в Берлин, как старых, так и новых «западных» марок. В советской зоне была срочно введена своя марка.

В ночь с 23 на 24 июня 1948 г. советские войска начинают **блокаду Западного Берлина**, отрезав связывавшие его с Западной Германией железнодорожные, водные и автомобильные пути. Прекратилось снабжение города электроэнергией и продовольственными товарами из советской зоны. Маршал Соколовский открыто заявил, что эти «технические трудности» будут иметь место до тех пор, пока США, Англия и Франция не откажутся от своего проекта создания «трехзонного правительства». Оккупационные власти Тризонии ответили контрмерами, запретив западногерманским фирмам торговлю с советской зоной.

Итак, в Германии появились две валюты, сложились «двойные» цены, разрушались основы свободного передвижения населения и товаров, разрывались традиционные экономические связи. Сталин почитал введение в обращение немецкой марки в западных секторах Берлина удобным поводом для блокады, а затем и для присоединения западной части города к советской зоне оккупации. Ведь Западный Берлин был анклавом внутри советской зоны, отстоявшим от ближайшей точки английской зоны на 260 км. Но одним из основных мотивов блокады (как будет и при возведении стены в 1961 г.) стали прозападные настроения многих восточных немцев.

Пропаганда стран Запада начала массированную атаку против «агрессивных намерений» СССР. В правящей элите США нашлись люди, которые выдвинули лозунг «Берлин стоит войны!», в штабе генерала Л. Клея строились планы прорыва блокады с помощью танков. По указанию министра обороны США Дж. Форрестала в Англию были срочно переброшены 90 бомбардировщиков дальнего радиуса действия, а вообще он предлагал Трумэну использовать для разрешения Берлин-

ского кризиса атомную бомбу. И хотя президент США Г. Трумэн не поддался атомному психозу, но 20 июля 1948 г. заявил, что нельзя отказываться ни от Западного Берлина, ни от создания западногерманского государства.

Конфронтационное мышление тогдашних лидеров **И. Сталина** и **Г. Трумэна**, а также их союзников, толкало всех на поиск военных путей разрешения конфликта. На блокаду Западного Берлина советскими войсками Запад ответил неординарно – созданием «воздушного моста». До 12 мая 1949 г. (318 дней!) снабжение Западного Берлина обеспечивалось по воздушному мосту, организованному США и Англией. Это был в целом эффективно действующий воздушный мост, по которому в Западный Берлин транспортными самолетами было переброшено около полутора миллионов тонн продовольствия, медикаментов, стройматериалов, угля и многого другого.

Всего было осуществлено 195 тыс. рейсов, в среднем через каждые 3 минуты в Западном Берлине приземлялся самолет западных союзников. На Пасху 15–16 апреля 1949 г. был устроен демонстративный **«пасхальный парад»**, когда американские и английские самолеты взлетали беспрерывно, в течение 24 часов они совершили 1344 рейса и доставили в Западный Берлин 12 тыс. т грузов.

Прорвать блокаду, отмечают **немецкие историки**, которая включала в себя в том числе энергетическое и топливное снабжение, помог «воздушный мост», организованный американскими и английскими оккупационными властями. Для снабжения более чем двухмиллионного населения Западного Берлина продуктами питания и энергоносителями (всего в город было доставлено 1 млн 831 тыс. 200 т грузов, две трети из которых пришлось на уголь) в самые удачные дни в среднем каждые три минуты военно-транспортные самолеты, груженные необходимыми товарами, приземлялись в западных секторах города. За 462 дня существования «воздушного моста» было совершено 277264 полета. Блокада обошлась американским и английским налогоплательщикам примерно в 200 млн. долл. Основная тяжесть расходов пришла на Бизонию (впоследствии и на Федеративную Республику Германию в целом), которая с ноября 1948 года ввела специальный налог «вынужденная жертва – Берлин» в помощь жителям блокадного города. Этот налог в поддержку города действовал вплоть до 1958 года⁵⁹.

Конечно же, западноберлинцы с нетерпением ждали эти рейсы. Однако преодоление блокады с помощью воздушного моста в историографии часто изображается односторонне – как успешная и героиче-

⁵⁹ См.: Deutschland 1945–1949. Besatzungszeit und Staatengründung. Informationen zur politischen Bildung. Bonn, 2002. S. 43/

ская акция, которая спасла жителей Западного Берлина от голода, как моральная победа Запада. Весьма распространена и точка зрения, что именно советская блокада развеяла последние сомнения западных стран относительно необходимости создания западногерманского государства.

По **А.Ю. Ватлину**, тот факт, что советская военная администрация (СВАГ) не была поставлена бывшими союзниками в известность о проведении денежной реформы в западных зонах оккупации и Западном Берлине, следует рассматривать как составную часть западной стратегии экономического магнетизма. Надпись на изготовленных в США новых банкнотах «Германский эмиссионный банк, Берлин» выглядела грустной усмешкой вслед несбывшимся планам союзнической кооперации, предвосхищая новые проблемы и конфликты. С 23 июня 1948 г. денежная реформа началась и в советской зоне, из-за отсутствия новых банкнот на старые просто наклеивали специальные марки. Общая пропорция обмена также составляла 1:10, хотя мелкие вкладыши могли обменивать свои сбережения по льготному курсу. Одновременно СВАГ объявила о запрете хождения западногерманской валюты на подконтрольной территории, включая весь Берлин, и начала блокаду транспортных путей в западные сектора германской столицы. Их судьба казалась предрешенной, так как для обеспечения военных гарнизонов и гражданского населения оставался только воздушный коридор, согласованный в СКС еще в 1945 г. Предложение Клея об организации автоконвоев с танковым сопровождением не нашло поддержки в Вашингтоне, так как ставило обе сверхдержавы на грань вооруженного конфликта. На нехватку продовольствия и топлива в городе накладывалось отключение электроэнергии, разрыв путей сообщения с пригородами, где проживали многие берлинцы. Вскоре западным союзникам удалось наладить воздушный мост, по которому за 10 месяцев блокады было переброшено 1,5 млн тонн грузов. О масштабах акции свидетельствует тот факт, что западноберлинский аэропорт Темпельхоф принимал в день до 400 военно-транспортных самолетов⁶⁰.

В сентябре перестал действовать общеберлинский магистрат, бургомистром западной части города стал социал-демократ Эрнст Рейтер, принадлежавший когда-то к числу руководителей КПГ. Блокада не привела к дискредитации западногерманской марки среди берлинцев или к параллельному хождению в городе двух валют. Уже к началу 1949 г. за одну «тризональную» марку в меняльных конторах Западного Берлина давали несколько восточных. Гораздо более существенными были политические последствия этого шага, который никак нельзя

⁶⁰ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 146–147.

отнести к успехам советской дипломатии. Не столь уж далеко от истины предположение, что Сталин в обмен на ставшее неизбежным образование западногерманского государства попытался получить в свои руки контроль над всем Берлином. Международная атмосфера 1948 г. не оставляла шанса для любовных соглашений между союзниками, подобных Ялтинским.

Блокада Западного Берлина стала символом бесплодной конфронтации, привела к падению престижа СССР и утверждению в общественном мнении образ США как спасителя западной цивилизации. Попытка Сталина противодействовать расколу страны, сохранив в своих руках германскую карту, не удалась. Ссылки на катастрофическое положение Берлина являлись важным фактором давления западных военных властей на заключительном этапе предыстории Федеративной Республики Германии. Завершение блокады (12 мая 1949 г.) не привело ни к возобновлению деятельности общегородских структур, ни к нормализации отношений между оккупационными администрациями. Расколотый Берлин на десятилетия стал символом «холодной войны» и на несколько месяцев опередил развитие событий во всей Германии⁶¹.

Свои оценки у **Х. Шульце**. «Американское правительство, – пишет он, – озабоченностью взирало на экономическую разруху, царившую тогда по всей Европе. В этой связи в Государственном департаменте США опасались возникновения благоприятных условий для распространения коммунизма. Поэтому новый госсекретарь США Дж. Маршалл 5 июня 1947 г. предложил всем европейским народам программу помощи, включавшую кредиты, поставки продовольствия и сырья. Эта программа помощи (план Маршалла) была сразу же отклонена Советским Союзом и странами, входившими в сферу его влияния. Однако для экономического возрождения Западной Европы, включая и западные зоны Германии, она оказалась в высшей степени полезной. Для включения западных зон Германии в план Маршалла прежде всего потребовалось коренное изменение валютно-денежного обращения: необходимо было нормализовать соотношение товарной и денежной массы. В западных зонах 20–21 июня 1948 г. была проведена денежная реформа; одновременно экономический директор «Бизонии» Людвиг Эрхард (1891–1977) единолично объявил об отмене бюрократического распределения товарных запасов и регулирования цен. Черный рынок исчез за одну ночь. В то время как полки в магазинах наполнялись товарами, ранее придерживавшимися под прилавком, руководство советской зоны, как бы вдогонку, провело свою денежную реформу, которая должна была распространяться также на

⁶¹ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 147.

весь Берлин. Западные державы, напротив, ввели в своих секторах Берлина новую немецкую марку. На этот шаг Запада СССР ответил введением 24 июня 1948 г. тотальной блокады Берлина.

«Сдача Берлина означала бы потерю Европы» – это признание британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина определило берлинскую политику Запада. Неожиданно для Москвы державы Запада ответили на блокаду Берлина созданием такого большого воздушного моста, которого история до сих пор еще не знала. Уникальные организационные и человеческие усилия позволили во время одиннадцатимесячной блокады совершить почти 200 тыс. полетов и доставить по воздуху в Берлин почти 1,5 млн тонн продовольствия, угля, стройматериалов. Каждые две-три минуты на одном из трех западно-берлинских аэродромов приземлялся самолет. Между тем раскол города завершился. Коммунистический путч осенью 1948 г. изгнал из резиденции в берлинской ратуше свободно избранный магистрат Берлина, который нашел новое прибежище в здании западноберлинской ратуши Шёнеберг. В то время как возглавляемый Эрнстом Рейтером (СДПГ) городской магистрат Западного Берлина успешно противостояло советской блокаде, советские оккупационные власти создали в Восточном Берлине свой собственный магистрат под руководством Фридриха Эберта (СЕПГ) – сына бывшего рейхспрезидента. Тем самым политический раскол столицы Германии завершился»⁶².

Однако здесь возникает ряд вопросов: кто больше виноват в Берлинском кризисе 1948 года – СССР или Запад? Почему ни советскими, ни западными политиками не были использованы более адекватные в той ситуации меры? В результате блокады Берлин оказался в центре мировых интересов, проблемой начал заниматься Совет безопасности ООН. 12 мая 1949 г. по приказу советского руководства блокада была снята. Но до сих пор неизвестна ее настоящая цель: или принуждение союзников к общей политике в германском вопросе или – как сказал И. Сталин своим собеседникам В. Пику и О. Гротеволу – изгнание союзников из Берлина.

«В качестве ответной меры, – пишет **Н.В. Павлов**, – 23 июня в советской зоне оккупации была проведена своя денежная реформа. На следующий день советские власти перекрыли все пути сообщения с Западным Берлином, где в обращение была введена западная немецкая марка. Одной из главных причин этих, в общем-то вынужденных, шагов СССР было опасение, что советская зона, включая восточный сектор Берлина, будет наводнена обесцененной рейхсмаркой, а это грозило экономическим коллапсом Восточной Германии. Блокада За-

⁶² Цит. По: Шульце Х. Указ. соч. С. 204–205.

падного Берлина, которая продлилась с 24 июня 1948 г. до 12 мая 1949 г.⁶³, обернулась контрблокадой. С 24 июня западные державы отрезали восточную зону от снабжения углем и сталью из Бизонии⁶³.

Говоря о «блокаде Берлина», **А.М. Филитов** отмечает, что до недавнего времени у нас имелась устойчивая трактовка этой акции: она явилась результатом подрывных действий Запада, вызвавших ответную реакцию советских и восточногерманских властей, продиктованную необходимостью защитить экономические интересы восточной зоны. Конкретно речь шла о следующем, 20 июня 1948 г. в западных зонах совершенно неожиданно была проведена денежная реформа, в ходе которой населению обменивалась лишь очень небольшая сумма старых рейхсмарок. На руках, особенно у тамошних королей «черного рынка», оказалось огромное количество купюр, ставших макулатурой на Западе, но по-прежнему имевших хождение на Востоке. Закрытая еще с 30 июня 1946 г. межзональная граница создавала определенную преграду на пути обесцененных марок, приток которых мог буквально смести с полок все товары в советской зоне, однако в Берлине этой преграды не было. Единственным выходом было либо воздвигнуть там стену (ни технически, ни политически это было в ситуации 1948 г. невозможно), либо заблокировать пути сообщения между западными зонами и Западным Берлином. Это и было сделано, и таким образом был сорван некий таинственный «план Эрхарда», заключавшийся в том, чтобы путем наводнения советской зоны огромным количеством обесцененных денег подорвать всю ее экономику⁶⁴.

Такая чисто экономическая интерпретация «блокады Берлина» (точнее, Западного Берлина), или «временных мер по ограничению транспортных связей между Берлином и западными зонами», как это официально фигурировало в советских документах, пишет далее **А.М. Филитов**, однако, не вполне убеждает.

Во-первых, столь ли уж неожиданна была денежная реформа? Еще в период работы Лондонской сессии СМВД американские журналисты сообщали о доставке в западногерманские порты грузов с новыми марками. Советские газеты перепечатывали эти сообщения и выражали обоснованные сомнения в правдивости опровержений, с которыми, естественно, не замедлили западные официальные инстанции. И если советские власти в Германии в конечном счете оказались застигнутыми врасплох, то это свидетельствовало лишь либо о полной их некомпетентности, либо о совершенно странном оптимизме центра насчет намерений западных союзников. Неожиданности не могло быть

⁶³ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 173.

⁶⁴ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 104–105.

и в краткосрочном плане. Правда, западные губернаторы официально известили советскую сторону о предстоящей реформе только за два дня до ее проведения (18 июня). Но, например, уже 15 июня в Бохуме (английская зона) была издана официальная прокламация к населению, подписанная от лица всех партий, представленных в городском управлении (включая и КПГ), предупреждавшая о предстоявшем обмене денег. Появление таких прокламаций (видимо, это был не единичный случай) должно было, по идее, насторожить советские и восточногерманские власти и побудить их заранее принять все необходимые меры защиты своей экономики, причем менее конфронтационного характера, проще говоря, подготовить собственную денежную реформу.

Во-вторых, «блокада» Берлина с экономической точки зрения имела смысл в промежуток с момента проведения денежной реформы на Западе до момента проведения аналогичной реформы на Востоке, то есть с 20 по 24 июня. Однако именно в этот промежуток «блокады» как раз не было, а введена она была с 24 июня, когда опасность скупки всей товарной массы советской зоны на обесцененные марки вроде была уже устранена, поскольку старые банкноты и на Востоке теперь тоже стали макулатурой. Допустим, оставались опасения, что возможность злоупотреблений полностью не устранена. (Поскольку новых банкнот изготовлено не было, вся реформа в восточной зоне свелась к тому, что на старые марки были наклеены новые купоны. Таким образом, подделка была делом технически несложным.) Но если имелся «план Эрхарда», поддерживавшийся западными оккупационными властями и предусматривавший дальнейшее наводнение советской зоны теперь уже поддельными марками, то перекрытия только наземных и водных путей было недостаточно. Такие контрабандные марки могли транспортироваться в Западный Берлин по воздуху на самолетах западных союзников, и проконтролировать ситуацию было невозможно. Кроме того, совершенно непонятно, как такой западной диверсии можно было помешать отключением электрического снабжения Западного Берлина, а это тоже было сделано.

В-третьих, с экономической точки зрения «защитные меры», принятые в советской зоне, превратились в свою противоположность, когда западными державами было введено в качестве «ответной меры» эмбарго на поставки товаров в советскую зону. В западной историографии встречается точка зрения, что «контрблокада» со стороны Запада не вызвала особых трудностей для экономики советской зоны, поскольку «Советы успешно справились с задачей замены тех поставок, которые ранее осуществлялись из Западной Германии»¹⁴¹. Но дающие такое объяснение обходят вопрос о том, какой ценой был дос-

тигнут этот «успех». Продолжение осуществления ограничительных мер в сложившихся условиях являлось отличной мишенью для антисоветской пропаганды и спекуляций насчет истинных целей этих мероприятий: если не экономические, то какие же? Очевидно, речь шла о политических целях. Каких именно?

Разумеется, и речи не было о том, чтобы изгнать западных союзников из Западного Берлина, захватить его, как это широко муссировалось в ортодоксальной историографии. Скорее имелось в виду подтолкнуть их к столу переговоров, к тому, чтобы вернуться к практике четырехстороннего обсуждения германского вопроса в духе Потсдама. Цель была вполне хорошая и реалистичная. В западном политическом мире не было единства насчет оптимального курса действий в германском вопросе, и сделать все для усиления тенденций к реализму – это была, без преувеличения, коренная задача советской внешней политики⁶⁵.

Сталинская дипломатия повела себя в ее решении, мягко говоря, бездарно. Давление на Запад в вопросе о Западном Берлине привело не к усилению там разброда и разногласий, а, наоборот, к консолидации, причем на крайне антисоветской основе. Западные державы, по крайней мере в восприятии мирового общественного мнения, оказались в роли защитников немцев от «коварных русских», которые замыслили угрозой голода и холода заставить западноберлинцев смириться с диктатом своих восточногерманских марионеток (после установления «блокады» СЕПГ и поддерживавшие ее организации развернули кампанию против берлинского магистрата, в ходе которой применялись и меры насильственного характера). В результате до сих пор в сознании немцев да и вообще подавляющего большинства людей остается крайне позитивное представление о тогдашней политике Запада и, наоборот, крайне негативное – о политике СССР и немецких коммунистов. Предпочитают не вспоминать факты раскольнической и провокационной политики США и Великобритании и даже тот факт, что именно западные власти возвели 21 августа 1948 г. первую берлинскую «стену» – за тринадцать лет до того, как ее воздвигла ГДР.

Есть, правда, и аргументы в пользу того образа действий, который был тогда избран советской стороной. Эти аргументы порой можно встретить в трудах западных историков, причем отнюдь не только тех, кто склонен вообще оправдывать Сталина и его внешнеполитические акции. Аргументы эти звучат примерно так: меры, принятые тогда советской стороной в отношении Берлина, были, конечно, грубоваты, но у СССР просто не было иного выхода; если бы не исключительно благоприятные погодные условия второй половины 1948-го – первой

⁶⁵ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 105–106.

половины 1949 года, то западный «воздушный мост», организованный для прорыва «блокады», рухнул бы и западным державам пришлось бы пойти либо на унижительную эвакуацию своих войск из Западного Берлина, либо на компромисс в германском вопросе, а в этом случае цель советской политики была бы достигнута. В первые недели функционирования «воздушного моста», когда его эффективность еще не определилась. Советскому Союзу все же удалось вызвать некоторую сумятицу в западном лагере, добиться некоторых важных уступок и в некоторой степени усилить тяготение к более сбалансированной линии, по крайней мере у французов и самих немцев⁶⁶.

Эта аргументация не слишком убеждает. Апелляция к «метеорологическому фактору» напоминает ссылки на «генерала-зиму» при объяснении поражений вермахта в России. Вообще, рассуждения о том, что тактика шантажа, если называть вещи своими именами, может принести успех в политике, весьма опасны. В рассматриваемой ситуации аргументация тем более неубедительна: те, кто ее применяет, выступая вроде бы против официальной западной пропаганды, сами оказываются в ее плену, молчаливо соглашаясь с версией о том, что «воздушный мост» действительно спас западноберлинцев и западные гарнизоны от голода и холода. Между тем при практическом отсутствии контроля на межсекторальных границах (во всяком случае, с восточной стороны), при наличии и городе двух валют (западные коменданты, кстати, вовсе не спешили с запретом на использование восточной марки в Западном Берлине) и при разветвленной системе «черного рынка» снабжение западных секторов все равно происходило в значительной мере за счет восточной зоны, так что уменьшение поставок по воздуху лишь привело бы к усилению действия эффекта «пылесоса», который тогда еще отсасывал товары с Востока на Запад. Когда к весне 1949 года направление перемещения товаров изменилось из-за начавшегося экономического подъема в западных зонах, тогда западные коменданты и ввели запрет на хождение восточной марки в западных секторах.

Наконец, подчеркивает **А.М. Филитов**, крайне преувеличенным. Следует признать тезис о том, что введение «блокады» застало «западников» врасплох и что поначалу это обеспечило советской политике определенные преимущества. Дело в том, что сценарии «блокады» и соответствующих западных контракций были заранее проиграны Вашингтоном еще весной 1948 года, тогда же была принята принципиальная линия – не «поддаваться» советскому давлению. Соответственно, положим, компромиссная «программа А» появилась не из-за того, что Дж. Кеннан был напуган советской акцией в июне 1948 года, как

⁶⁶ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 106–107.

считает немецкий историк В. Лот. Концепция этой программы появилась раньше, и, напротив, берлинский кризис ее перечеркнул.

Нет оснований преувеличивать и степень «уступчивости» Запада и трактовать в этом духе совместную четырехстороннюю директиву от 30 августа 1948 г., которая предусматривала изъятие западной марки из Берлина. Формально это была, конечно, уступка Запада, но именно формально: конкретное осуществление директивы было связано с решением массы технических вопросов, и западные коменданты получили идеальную возможность затягивать это дело, в то же время по максимуму используя доводы о советском «шантаже» и «упрямстве».

Что касается французской позиции, то она в начале берлинского кризиса, до введения «блокады», действительно была мягче, чем англо-американская, но и здесь советские акции лишь способствовали западной солидарности – после 24 июня уже никакой особой французской линии не было. Наконец, о «немецком факторе». Да, действительно, западногерманские представители, собранные на очередное совещание в Кобленце 8–10 июля 1948 г., отвергли указания, содержащиеся в документах, полученных от западных военных губернаторов, или, как пишет В. Лот, «воспротивились продиктованной им инициативе по созданию (западногерманского. – Авт.) государства и тем самым по осуществлению раскола». Но эти «смелость» и «самостоятельность», проявленные западно-германскими политиками, были отнюдь не следствием берлинского кризиса, как это, кажется, считает Лот. Напротив, здесь скорее еще сказалась инерция докризисного периода. Что касается дальнейшего хода событий, то сам Лот вполне однозначно признает: «Под влиянием берлинского кризиса росла готовность подчиниться давлению Клея. Когда во время второго раунда совещания, который проходил 15–16 и 21–22 июля в Рюдесхайме, именно берлинский обер-бургомистр Эрнст Рейтер призвал к скорейшему созданию западногерманского государства-«ядра» с включением в него Западного Берлина, то большинство министров-президентов высказались за созыв Учредительного собрания к 1 сентября 1948 г.» (Напомним: именно этот срок предусматривался лондонскими решениями.) Вот и еще один парадокс: советская сторона хотела надавить на западные державы, чтобы добиться компромиссного решения германского вопроса и предотвратить создание сепаратного государства в западных зонах, но именно это давление позволило западным державам, в свою очередь, надавить на западных немцев и ускорить создание ФРГ⁶⁷.

⁶⁷ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 107–108.

Надо сказать, заключает **А.М. Филитов**, западные державы прямо-таки виртуозно использовали «блокаду» Берлина для нужного им воздействия а своих западногерманских клиентов-партнеров. Не случайно, видимо, упомянутая четырехсторонняя директива, производившая впечатление западной «уступки», была издана именно 30 августа – накануне созыва Парламентского совета для разработки Основного закона будущей ФРГ. Термины «Учредительное собрание» и «конституция» были сняты по требованию немцев как подразумевающие слишком явный сепаратизм. И вот, чтобы исключить дальнейшую «строптивость» членов Парламентского совета, им и был послан сигнал: слушайте нас, а то можем договориться с русскими и «отдать» Западный Берлин. Как только парламентарии, собравшиеся в Бонне, продемонстрировали свое «послушание», директива сразу же была предана забвению и, напротив, был принят ряд мер, приведших к обострению кризиса (передача берлинской проблемы в ООН и Характерно, что западные державы пошли на урегулирование кризиса только после того, как Парламентский совет закончил свою работу и задача регулирования его поведения отпала⁶⁸.

Берлинский кризис обострил до предела международную ситуацию, стал одним из первых крупных кризисов холодной войны. Он ясно показал, что США и их союзники не могут изменить политику СССР в Восточной Германии, а СССР не может повлиять на политику, проводимую США и их союзниками в Западной Германии. Возник тупик, и последними логическими шагами, которые предопределили раскол Германии, стали создание СССР и его союзниками в январе 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), а в апреле 1949 г. под эгидой США – Организации Североатлантического договора (НАТО).

Таким образом, одной из главных предпосылок раскола Германии стала «холодная война». Хотя формально союзники и не отменяли решений, принятых в Потсдаме, но на деле в каждой зоне проводилась политика, отвечавшая геополитическим интересам Вашингтона, Лондона, Парижа и Москвы.

Определенную роль в **расколе Германии** сыграла и формирующаяся немецкая политическая элита западной и восточной зон оккупации. И та, и другая прекрасно понимали, что вывода оккупационных войск и свободных демократических выборов в обозримом будущем не будет. Обе хорошо осознавали, что они «не поместятся» на одном политическом пространстве единой Германии. Так, в общем-то, и произойдет в 1990-м году, ну а в конце 1940-х годов одна часть политической элиты западных зон начинает ориентироваться на идеи «Объеди-

⁶⁸ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 108.

ненной Европы»; другая – на идеи возрождения рейнского сепаратизма. Приверженцами «европеизма» были известные ученые и политики: философ **Карл Ясперс** (1883–1969), историк **Ханс Ротфельс** (1891–1976), лидер ХДС **Конрад Аденауэр**, один из лидеров социал-демократии **Карло Шмид** (1896–1979) и др.

Еще в мае 1945 г. крупный немецкий промышленник **Ф. Тиссен** и некоторые другие «рейнские политики» опять выдвинули идею создать из части Западной Германии небольшое **«независимое Рейнское государство»** под покровительством Франции. Надо сказать, что **К. Аденауэр** от этого «второго рождения» рейнского сепаратизма сразу дистанцировался. Свою прозападную и федералистскую позицию, которой он придерживался до конца, К. Аденауэр сформулировал уже 5 октября 1945 г., заявив в одном из интервью, что лучше всего было бы как можно быстрее образовать из трех западных зон федеративное государство и тесно связать его с экономикой Франции и Бельгии. Опять заявил о себе и **баварский сепаратизм**. Так, в программе Баварской партии, которая была принята в июне 1949 г., фигурировало требование создания «самостоятельного, жизнеспособного баварского государства». В 1947–1948 гг. обсуждалась и идея «нейтрализации Германии» под эгидой ООН.

Немецкая политическая элита советской зоны в массе своей была воспитана в правоверном коммунистическом духе, мыслила категориями мировой революции, находилась в постоянном страхе перед сталинскими репрессиями и единую Германию могла представлять только «советской социалистической республикой». Но, поскольку в условиях оккупации западной части страны англо-американо-французскими войсками это было невозможно, видела свою номенклатурную выгоду в создании на востоке Германии «первого немецкого государства рабочих и крестьян».

8. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЗОНАХ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ

Политическая жизнь западных зон. «Карантин», объявленный оккупационными властями, почти не мешал политической самоорганизации немецкой элиты. Еще до капитуляции Германии при посредничестве церкви началась разработка «стратегии выживания» в послевоенное время. Бывшие лидеры партий Веймарской республики понимали, что восстановление прежней партийной структуры невозможно. Много споров о будущем Германии было в рядах Сопротивления, в основных центрах эмиграции – Мехико, Лондоне, Москве.

Оккупационные власти английской и американской зон разрешили деятельность партий и профсоюзов в конце августа – начале сентября, а французской – только в последних числах декабря 1945 г. Но их деятельность была разрешена не в зональных масштабах, как это было в Восточной Германии, а сначала лишь на уровне округов.

Некоторые лидеры католического Центра взяли курс на создание биконфессиональной партии (**Христианско-демократического союза** – ХДС), то есть с участием и протестантов. Новая партия мыслилась как «народная», способная сплотить людей на основе христианской этики и создать мощную электоральную базу. Центром ее рождения стали Рейнланд и Вестфалия. Еще до снятия карантина в Кёльне был создан первый христианский «кружок», началась разработка партийной программы. Из этих «кружков» в феврале 1946 г. возникает ХДС британской зоны, который возглавил **К. Аденауэр**.

В феврале 1947 г., под влиянием левого, профсоюзного крыла в г. Алене была принята так называемая **«Аленская программа»** ХДС британской зоны. Программа требовала «социализации» горнодобывающей и металлургической промышленности, контроля над крупными предприятиями, соучастия рабочих в управлении предприятиями и экономикой в целом. Капиталистическая система хозяйства объявлялась в программе «не соответствующей государственным и социальным интересам немецкого народа». «Аленская программа» способствовала росту влияния партии, ведь рабочие в 1945–1948 гг. составляли около трети ее членов. Но, принятая под влиянием очень популярных после войны лозунгов, она никогда не признавалась правым крылом ХДС как обязательный документ, а в 1949 г. К. Аденауэр официально от нее отказался.

Родственная ХДС партия в Баварии приняла название **Христианско-социальный союз** (ХСС). Она уже в 1946 г. установила «союз сотрудничества» с христианскими демократами, а после конституирования ФРГ обе партии подписывают «парламентскую унию». С тех пор аббревиатура ХДС/ХСС стала постоянной, но она относится только к их единой фракции в бундестаге. Очень большую роль в образовании этих партий сыграла церковь, особенно католическая, а также поддержка оккупационных властей.

Либералы эпохи Веймара создали свою – **Свободную демократическую партию** (СвДП) – лишь в декабре 1948 г. Председателем партии был избран Теодор Хойе (1884–1963), в прошлом деятель Демократической партии, депутат рейхстага. По своему социальному составу СвДП с самого начала выступила как партия, стремящаяся сплотить крупных предпринимателей, средних и мелких буржуа, интеллигенцию. В ее программном заявлении говорилось, что СвДП это «антимарксистская, антиклерикальная и антиавторитарная партия».

В отличие от правых и либеральных партий эпохи Веймарской республики, коммунисты и социал-демократы попросту возобновили свою деятельность, так и оставшись, по сути, на прежних идеологических позициях, не простив друг другу прошлых обид, не примирившись и не найдя дороги к объединению. Коммунистическая партия Германии (КПГ) в западных зонах к весне 1946 г. насчитывала 205 тыс. членов, в 1947 г. – уже 324 тыс. (это было больше, чем в соответствующих округах до 1933 г.). Во главе КПГ западных зон стоял **Макс Рейман** (1898–1977), член партии со «спартаковским» стажем, активный деятель антифашистского подполья и узник Заксенхаузена.

СДПГ была воссоздана в июне 1945 г. в Берлине, возглавлялась Отто Гротеволем и рассматривала себя как общегерманскую партию. Но еще в мае 1945 г. в Ганновере возникло так называемое «бюро Шумахера» Бывший депутат рейхстага **Курт Шумахер** (1895–1952) был инвалидом Первой мировой войны и имел репутацию мученика, прошедшего 11 лет в нацистских концлагерях. Он и его соратники не признали полномочия созданного Гротеволем в Берлине ЦК. Окончательное конституирование СДПГ западных зон произошло на съезде в Ганновере в апреле 1946 г., где было объявлено, что в партии состоит более 700 тысяч человек.

В 1945–1948 гг. в западных зонах оккупации был создан еще ряд политических партий и организаций, однако большинство из них быстро сошло с политической сцены. Но в целом процесс возрождения партий был немецким процессом, оккупационные власти лишь контролировали его. С осени 1945 г. в западных зонах начинается восста-

новление традиционных **профсоюзов**. 16 из них объединятся в 1949 г. в Объединение немецких профсоюзов (ОНП), и это было серьезнейшим извлечением уроков из прошлого. 18 остальных сохраняют свою самостоятельность. Всего западногерманские профсоюзы объединили примерно треть наемных работников.

В трудные послевоенные годы профсоюзы Западной Германии и предприниматели часто находили общий язык, выступая, например, против демонтажа промышленных предприятий; приходили (без забастовок) к компромиссам в вопросах создания рабочих мест, уровня заработной платы. С лета 1945 г. повсеместно из числа рабочих и служащих начинают создаваться «производственные советы» («советы предприятий») с очень широкими правами. Они стали реализовывать право на участие наемных работников в делах предприятий и фирм. Принцип соучастия станет одной из важнейших опор общественного строя Западной Германии. Именно тогда зарождается реальное социальное партнерство, без которого будет невозможно осуществить экономическое чудо.

Здесь надо сказать хотя бы несколько слов о **забастовочном движении в западных зонах**. В советской зоне оно было практически невозможно. Главным организатором забастовок выступала, как правило, КПГ, а главными участниками забастовок были рабочие, не входившие в профсоюзы. Наиболее крупной забастовкой 1946 года стала забастовка металлистов ганноверской фирмы «Боден-Панцер», которая продолжалась более трех недель. В феврале – мае 1947 г. забастовки в крупных городах Западной Германии продолжались почти непрерывно, а в Дуйсбурге, Вуппертале и Дюссельдорфе приняли характер всеобщих. В их ходе, впервые со времен Веймарской республики, прошли мощные (до ста тысяч участников) демонстрации под лозунгами: «Спекулянты пируют, а мы голодаем!», «Дайте хлеба! Спасите умирающих детей!».

Забастовки продолжались и в 1948 году. Начало им положила всеобщая забастовка в Баварии, которая прошла 23 января 1948 г. и в которой участвовало около миллиона человек. Закончился же год всеобщей забастовкой 12 ноября, когда бастовало почти 95% предприятий. Забастовщики требовали не только повышения заработной платы и улучшения условий труда, но и соучастия в управлении предприятиями. Однако в условиях начавшегося экономического чуда, нормализации жизни, стремления лидеров профсоюзов к социальному партнерству, в 1949 г. забастовочное движение пошло на убыль.

Важными событиями политической жизни стали **выборы в ландтаги в 1946 г.**, а затем – разработка и принятие ландтагами конституций земель. Здесь уже развернулась острая политическая борьба. Наиболее показательными в этом плане стали выборы в ландтаг земли

Гессен, где из 90 депутатских мест 49 оказались у левых партий – СД ПГ (42 мандата) и КПГ (7 мандатов). По их инициативе статья 41-я проекта конституции предусматривала социализацию железнодорожного транспорта, металлургической, горной, энергетической промышленности, а также установление государственного контроля над банками.

1 декабря 1946 г. проект конституции земли Гессен был вынесен на референдум, причем голосование по статье 41-й было проведено отдельно. Результаты референдума для американских оккупационных властей были малоприятными: 72% имевших право голоса одобрило эту статью. Законы о «социализации» были приняты ландтагами ряда других земель, почти во всех земельных конституциях было записано право рабочих на «соуправление». Но законы о «социализации» не удалось реализовать. Военные губернаторы или налагали на них вето, или делали все, чтобы они остались на бумаге.

От отмены «политического карантина» до образования ФРГ прошло четыре года. За это время в западных зонах удалось сформировать плюралистическую партийную систему; создать демократическую систему властных структур от местного самоуправления до ландтагов; посредством референдумов принять демократические конституции земель.

Политическая жизнь в советской зоне. Ее главной интригой конца 1945 – начала 1946 гг. стало объединение КПГ и СДПГ. С благословения Сталина СВАГ начинает форсировать этот процесс, стремясь решить главную задачу: раз нельзя официально запретить или ликвидировать социал-демократию, надо ее нейтрализовать, растворив в «единой рабочей партии». Многие исследователи сегодня сходятся во мнении, что для большинства членов СДПГ объединение было принудительным.

Объединительный съезд, на котором была рождена **Социалистическая единая партия Германии** (СЕПГ), состоялся в Берлине 21–22 апреля 1946 г. Председателями партии делегаты избрали Вильгельма Пика от КПГ и Отто Гротевоя от СДПГ. Единство было скреплено их символическим дружеским рукопожатием, которое стало эмблемой СЕПГ. Хотя правление, и другие органы новой партии были сформированы на паритетной основе из коммунистов и социал-демократов, главенствующую роль в партии играли коммунисты. КПГ видела свою опору в профсоюзах, поэтому с помощью СВАГ форсировала их быстрый рост. К своему I конгрессу, который прошел в феврале 1946 г., Союз свободных немецких профсоюзов (ССНП) насчитывал уже 1,6 млн членов. В феврале-апреле 1946 г. создается и «немецкий комсомол» – Союз свободной немецкой молодежи (ССНМ). Он насчитывал тогда в своих рядах 230 тыс. юношей и девушек.

В сентябре-октябре 1946 г. в советской зоне были проведены выборы в общинные, районные и земельные «собрания народных представителей». Выборы проводились по пропорциональной системе и были «первой пробой пера» для СЕПГ. Несмотря на мощнейшую поддержку СВАГ, СЕПГ получила только 47,8% голосов избирателей, ХДС – 26,5%, ЛДПГ – 22,7%. Результаты выборов были объявлены официальной пропагандой как большой успех Социалистической единой партии Германии, но показали, что СЕПГ еще далеко не так влиятельна. Поэтому в 1947–1948 гг. наблюдается превращение СЕПГ в «партию нового типа»: создается Центральная комиссия партийного контроля, начинается чистка рядов, разворачивается кампания борьбы с «антисоветизмом» и другими «измами».

Для сохранения хотя бы видимости демократии в 1948 г. по инициативе СВАГ и под опекой СЕПГ были созданы еще две «мелкобуржуазные демократические» партии, как конкуренты ХДС и ЛДПГ: Национально-демократическая партия Германии (НДПГ) и Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ), куда вошло немало бывших нацистов. Но ни ХДС, ни ЛДПГ, ни вновь образованные партии не могли вести сколько-нибудь серьезной собственной политической линии, поскольку входили в «антифашистско-демократический блок», где господствующее положение занимала СЕПГ.

Этот процесс объединения (по сути – подчинения) партий под руководством СЕПГ был завершен 4 октября 1949 г., когда было объявлено о создании «Национального фронта». В него вошли не только все партии, но и все массовые организации (ССНП, ССНМ и др.). Таким образом, к моменту провозглашения ГДР в Восточной Германии складывалась политическая модель, кардинально отличавшаяся от той, которая формировалась на западе страны.

«После Второй мировой войны, – отмечает известный российский германист **Н.В. Павлов**, – на право говорить от имени всех немцев и фактически не существующей страны претендовали лидеры политических партий, которые либо возобновили свою деятельность после 1945 года, как СДПГ, КПГ и либералы, либо только что конструировались, как ХДС и ХСС. Очевидно, что эти претензии подкреплялись либо не подкреплялись со стороны оккупационных властей, которые, каждая в своей зоне, лицензировали их деятельность и, соответственно, обращались с ними, исходя из своих принципиальных политических и идеологических установок. Советские оккупационные власти разрешили деятельность политических партий в своей зоне в июне 1945 года, американцы – в середине августа, англичане – в сентябре, французы – в декабре 1946 года»¹.

¹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 179.

Для подавляющего большинства немецкого населения, по мнению **Н.В. Павлова**, после тотального поражения во Второй мировой войне была характерна политическая апатия. Рядовые немцы пытались обрести будущее в личном счастье и материальном благополучии. Поэтому логичным выглядело то, что возрождением политической деятельности занялись преимущественно политики старшего поколения, еще во времена Веймарской республики «вошедшие во власть» и познавшие, что такое демократическая ответственность. Поскольку после войны в Германии практически не осталось политических деятелей, которые не несли бы ответственности за сотрудничество с преступным режимом НСДАП, то выбор среди людей, которые могли бы претендовать на партийное лидерство, оставался крайне ограниченным. Многие антифашисты были членами Коммунистической партии, но их популярность в трех западных зонах оккупации падала по мере того, как в советской зоне под аккомпанемент коммунистических лозунгов начал слепо копироваться тоталитарный режим Советского Союза.

Определенную свободу действий по отношению к союзническим державам демонстрировали две крупнейшие партии – СДПГ и ХДС, которые в своей деятельности далеко перешагнули границы отдельных зон оккупации и имели, таким образом, возможность обращаться ко всему национальному избирательному корпусу. Наибольший интерес представляет рассмотрение первых программных установок СДПГ и ХДС, поскольку именно они стали ведущими политическими силами Федеративной Республики Германии, которые определяли и продолжают определять внешнеполитический курс одного из самых влиятельных государств современности. При этом следует заметить, что первые программные документы всех партий, получивших лицензию на политическую деятельность сразу после войны, делали упор прежде всего на решение внутриполитических и экономических задач. Вопросы внешней политики были достаточно размыты и формулировались тезисно, в общих чертах, если вообще формулировались. Сказывались тотальная зависимость в этой области от позиции оккупационных держав, отсутствие государственности и полная неясность перспектив дальнейшего политического развития на германской земле².

Не менее, а может быть и более, важен обзор внешнеполитических представлений лидеров этих партий. Формирование политического, в том числе и внешнеполитического, курса той или иной партии, особенно в экстремальных условиях перехода от одного образа жизни и типа государственного устройства к принципиально иному, всегда носит ярко выраженный персонифицированный характер. Поэтому

² См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 179–180.

личность партийного руководителя, его политическая биография, как это демонстрирует и опыт партийного строительства в современной России, на длительный период становятся точкой отсчета и доминантой как программных установок, так и политической направленности деятельности той или иной партии.

Социал-демократическая партия Германии начала возрождаться еще до официального падения режима национал-социалистов по мере того, как он метр за метром сдавал свои позиции. Известно, что уже 6 мая 1945 г. бывший депутат рейхстага Курт Шумахер выступил с программной речью по случаю образования ганноверской организации СДПГ. Официального разрешения со стороны объединенного командования союзников на деятельность политических партий еще не последовало, поэтому все организационные собрания социал-демократов проходили нелегально.

На высшем партийном уровне на руководящую роль в социал-демократическом движении претендовали три группы. В Ганновере это было «бюро Шумахера», которое с самого начала отвергало любое сотрудничество с коммунистами и Советским Союзом. Отношение Шумахера к коммунистам было враждебным. Его недоверие объяснялось тем, что до конца Веймарской республики КПГ последовательно придерживалась пропагандируемого ею с 1928–1929 гг. тезиса о «социал-фашизме» СДПГ, который полностью разделяли и поддерживали в Москве, помня, что главными виновниками поражения Ноябрьской революции в Германии и разгрома советской власти были именно социал-демократы. Не сумев по своему влиянию на избирателей ни разу достичь уровня СДПГ, Коммунистическая партия Германии рассматривала германскую социал-демократию как своего главного врага. Поэтому в ряде случаев КПГ шла даже на союз с НСДАП против СДПГ, как, например, в ходе референдума в Пруссии в 1931 году о роспуске ландтага и в 1932 году во время забастовки в Берлине работников транспорта.

Вторая по численности группа появилась в Берлине. Там сконструировался Центральный комитет СДПГ, возглавлявшийся также бывшим депутатом рейхстага Отто Гротеволем. Уже 15 июня 1945 г. им был опубликован призыв к возрождению СДПГ³. Эта группа представляла то крыло в партии, которое было ориентировано на сотрудничество с Коммунистической партией. Третья, менее влиятельная группа состояла из немногочисленных членов избранного еще в 1933 году правления СДПГ, которые провели долгие годы в эмиграции в Лондоне и формально имели полное право претендовать на руководство всей партией. При этом между лондонской группой и «бюро Шумахера» в политических взглядах и оценках существовало далеко идущее согласие.

³ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 180–181.

В октябре 1945 года близ Ганновера удалось провести первую рабочую встречу представителей всех трех групп, на которой обсуждались прежде всего вопросы единства действий. Однако в апреле 1946 года под давлением Советской военной администрации в Германии в Восточном Берлине последовало объединение СДПГ и КПГ советской оккупационной зоны и образование Социалистической единой партии Германии. В качестве ответной меры 9 мая 1946 г. состоялся съезд СДПГ западных зон оккупации в Ганновере, который завершил фазу организационного становления Социал-демократической партии Германии. Председателем СДПГ трех западных оккупационных зон был избран Курт Шумахер, его заместителем – член лондонского Президиума СДПГ в изгнании Эрих Олленхауэр.

«Шумахер, – отмечает российский историк **В.Д. Ежов**, – был антиподом Аденауэра: пруссак, протестант, заядлый курильщик, неженатый и бессемейный одиночка, агрессивный, саркастический, взрывной и крайне нетерпеливый, он не признавал компромиссов. В Аденауэре видел иезуитскую скрытную натуру, реакционера, не способного представлять новую немецкую демократию. Неоднократные попытки Аденауэра наладить хоть какие-то отношения с Шумахером успехом не увенчались»⁴. Единственное, что их объединяло, – это непримиримый антикоммунизм и антисоветизм.

Главным программным документом социал-демократов оставалась Гейдельбергская программа СДПГ 1925 года, идейным фундаментом которой был научный социализм. И этому есть свои объяснения. Политическая практика Веймарской республики и последовавшие преследования СДПГ со стороны нацистского режима сделали практически невозможной внутрипартийную дискуссию по вопросам развития социал-демократической теории и, соответственно, программтики. Поэтому в первые послевоенные годы в среде социал-демократов возник своего рода «теоретический вакуум», который на некоторое время должны были заполнить Политические тезисы, принятые на съезде в мае 1946 года в Ганновере. Их содержанием были⁵:

- 1) безоговорочная приверженность демократическим принципам и борьба с правым радикализмом;
- 2) приоритет национальных интересов и несогласие с любыми территориальными претензиями к Германии;
- 3) попытка сформулировать внешнюю политику с ориентацией на нейтралитет (что было нереально в условиях оккупации Германии);

⁴ Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 252.

⁵ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 181–182.

4) экономическая политика с упором на национализацию крупных отраслей промышленности и плановое ведение хозяйства.

К. Шумахер считал, что только социал-демократы, будучи «антиподом нацистов», вправе определять будущую судьбу Германии. Лишенный иллюзий, он понимал, что в обстановке государственной разрухи вопросы внутренней политики непременно будут решаться с точки зрения внешней политики. Шумахер был немецким националистом, как утверждает американский историк Уильям Гриффит, убежденным в том, что СДПГ проиграла национал-социалистам прежде всего потому, что была недостаточно националистична. И он был полон решимости больше не повторить эту ошибку. Это был для него «последний и решительный бой». Но в результате тотального поражения национализм большинства западных немцев находился в глубокой «заморозке», а их «страх перед русскими и требования американской экономической помощи настолько велики, что они были готовы ориентироваться на аденауэровский курс интеграции в Запад».

Шумахер категорически отвергал концепцию, согласно которой будущая демократическая Германия могла бы играть роль «моста» между Востоком и Западом. «Срединный путь», который предлагал Шумахер, представлял собой третье решение национальной проблемы, отличное от «западного капитализма» и «русского социализма», некий симбиоз между Востоком и Западом, между индивидуальной свободой и коллективной дисциплиной. Еще в майских тезисах СДПГ 1946 года Шумахер торжественно провозглашал: «Целью немецкой социал-демократии является создание Соединенных Штатов Европы, демократической и социалистической федерации европейских государств. Она хочет видеть социалистическую Германию в социалистической Европе». Он считал, что блок по-настоящему социалистических (в западном понимании) государств должен был возвести Европу в ранг «третьей силы» и наметить таким образом «третий путь» развития, отличный от тех, которым шли обе великие державы.

Его суждения о политическом будущем порой были пророческими: «Процветание западной зоны, которое может быть достигнуто на основе энергичной бизональной экономической политики, превратит Запад в Притягательную экономическую силу. Не существует... другого пути достижения немецкого единства, кроме как экономического усиления Запада. Это, в свою очередь, послужит для Востока столь поучительным примером, что имеющийся там аппарат власти сам по себе будет бессилён противостоять его воздействию»⁶.

⁶ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 182–183.

Таким образом, Шумахер задолго до Конрада Аденауэра сформулировал так называемую «теорию магнита». И хотя он и был немецким националистом, ему был чужд антиевропеизм. Его суждения о необходимости прозападной ориентации Германии не получили широкой политической поддержки из-за его антикапитализма, антиамериканизма, из-за приверженности догматическому социализму и безусловной солидарности с социалистическими силами Западной Европы. Своей критикой европейской политики буржуазных партий (эта политика, по его словам, была консервативной, клерикальной, капиталистической и корпоративной) он поставил СДПГ в изоляцию. Продолжая оставаться на позициях немецкой социал-демократии образца Веймарской республики, он надеялся на превращение Германии в демократическое социалистическое государство. Он был убежден, что, поскольку СДПГ оказывала нацизму активное сопротивление, она имеет моральное право претендовать на руководство Германией и, следовательно, на то, чтобы на равных участвовать в диалоге с Западом. Поэтому, в отличие от Аденауэра, он считал, что вначале Германия должна получить равный статус с другими европейскими державами и лишь затем вставать на путь интеграции в западные структуры. Однако чем больше претворялись в жизнь аденауэровские идеи прозападной ориентации Федеративной Республики на базе либерального капиталистического рыночного хозяйства, тем в большую изоляцию ставил себя сам Шумахер.

Его критическое отношение к США и незнание этой страны вызывали, соответственно, негативную обратную реакцию – как, например, при встрече Шумахера с госсекретарем США Дином Ачесоном. Его высокомерное отношение к американским представителям, критика монополистических и капиталистических сил и образа жизни в США, его противоречивое отношение к «плану Маршалла», как и невосприимчивость к американским интересам, с одной стороны, а также его беспощадная критика в адрес Советского Союза и его «германской политики» – с другой, привели к тому, что обе великие державы не только не поддерживали Шумахера, но и всячески сдерживали его активность. Его отношение к лейбористской партии в Англии также было критическим, не говоря уже о том, что он не поддерживал необходимых контактов с буржуазными партиями в Англии и Франции. Из-за его действий политика СДПГ полностью лишилась доверия и симпатий со стороны западных союзников⁷.

И после образования Федеративной Республики Шумахер продолжал придерживаться своих внутри- и внешнеполитических целей. Поначалу прозападная ориентация привела Шумахера в лагерь Кон-

⁷ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 183–184.

рада Аденауэра. Однако чем дальше воззрения Шумахера расходились с прозападным курсом христианских демократов и чем иллюзорней становилась его догматическая позиция в отношении Запада, тем отчетливее проявлялось его сдержанное отношение к политике Конрада Аденауэра, направленной на западноевропейскую интеграцию.

В целом политика СДПГ была направлена на восстановление Германии в границах 1937 года. Сюда относилось и требование возвращения Саарской области, сохранение роли Берлина как столицы и непризнание границы по Одру–Нейсе. В основе этих постулатов лежала убежденность, что раздробленная Германия представляла бы собой постоянную скрытую или открытую угрозу для мира в Европе и во всем мире. Установка на национальное воссоединение на протяжении 15 лет придавала внешней политике СДПГ и ее позиции по военным вопросам некую внутреннюю логику, но, вместе с тем, делал ее негибкой, что существенно снижало шансы партии на успех⁸.

В партии христианских демократов, которая под разными названиями начала формироваться почти одновременно по всей территории Германии в виде небольших инициативных групп, можно выделить две организации, оказавшие существенное влияние на выработку внешней политики будущего западногерманского государства. Это были берлинская группа во главе с Якобом Кайзером и кёльнская группа во главе с Конрадом Аденауэром. Позднее из первой вырастет ХДС ГДР, а из второй – ХДС ФРГ. Автор сознательно не анализирует деятельность Христианско-социального союза как чисто баварского придатка ХДС, не имевшего непосредственного отношения (хотя и претендовавшего на это) к формированию внешней политики Федеративной Республики Германии.

Один из основателей, позднее председатель берлинского ХДС (Христианско-демократического союза Германии – ХДСГ) Я. Кайзер, как и его заместитель по организации Эрнст Леммер, был выходцем из движения христианских профсоюзов. Его социальное и географическое происхождение определяли и его внешнеполитические представления. Они в целом соответствовали политической ситуации в 1945–1947 гг., эпицентром которой была бывшая германская столица. В качестве программной установки новой партии Кайзер выдвинул идею о необходимости строительства в стране национального «христианского социализма». В области внутренней политики он выступал за передачу крупной собственности в руки народа, за обобществление ведущих отраслей промышленности. В заявлении съезда берлинского ХДС в 1946 году содержалось требование о создании экономического строя, при котором общество в целом решает вопрос об общем направлении произ-

⁸ Поттхофф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. М., 2003. С. 198–199.

водства и основных принципах снабжения, контролирует ключевые позиции и в случае необходимости назначает туда своих представителей⁹.

В сфере внешней политики берлинский ХДС выступал за конструктивное развитие отношений с Советским Союзом, претворение в жизнь решений Потсдамской конференции. После поражения в войне большинство немцев считало возможным возврат к классическим довоенным традициям во внешней политике, учитывая центральноевропейское положение Германии. Многие, в том числе и Я. Кайзер, считали, что Германия должна играть нейтральную роль, роль связующего звена – «моста» между Востоком и Западом. Им хотелось добиться взаимопонимания с Россией, подобного тому, которое установилось в результате заключения Рапальского договора. Его концепция «моста» исходила из национального единства Германии и должна была вобрать в себя все лучшее из идейного наследия Востока и Запада.

«Мне думается, – размышлял Я. Кайзер, – что перед Германией стоит великая задача найти в борьбе европейских наций синтез между восточными и западными идеями. Мы должны стать мостом между Востоком и Западом. Вместе с тем мы пытаемся нащупать свой собственный путь к построению нового социального общества. Европейский мир должен вновь обрести спокойствие». Однако не примирение, не синтез, не функция «моста», а жесткая конфронтация между Востоком и Западом стала отличительной чертой действительности, что предопределило крах концепции Кайзера.

После Второй мировой войны ни Восток, ни Запад не нуждались в немецкой посреднической дипломатии. Как и Шумахер, Кайзер пытался поставить знак равенства между положением Германии после Первой мировой войны и ее положением после Второй мировой войны. Но ситуация 1945–1946 гг. коренным образом отличалась как от периода 1918–1919 гг., так и от бисмарковской системы баланса между европейскими национальными государствами. Мир перестал быть не только евроцентристским, но и многополярным. Вторая мировая война на долгие годы закрыла Германии дорогу в клуб мировых держав.

Американский историк Уильям Гриффит писал, что Я. Кайзер не был настроен профранцузски, поскольку Париж в его глазах проводил сепаратистскую политику. Он не доверял Соединенным Штатам, поскольку они олицетворяли капитализм. У него была антипольская позиция, ибо он выступал за восстановление Германии в границах 1937 года. Его идеи разбились о «холодную войну». Они были погребены в результате жесткой политики СССР в своей зоне оккупации и в результате того, что западные немцы предпочли безопасность единству нации¹⁰.

⁹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 185–186.

¹⁰ Там же. С. 187.

В декабре 1947 года Я. Кайзер был фактически отстранен советскими оккупационными властями от исполнения своих обязанностей, а в январе 1948 года ему было запрещено публично выступать и свободно передвигаться в советской зоне оккупации. Таким образом, в советской оккупационной зоне была подведена черта под довольно самостоятельной политикой ХДС, руководимого Якобом Кайзером. С 1948 года он был вытеснен с арены политической борьбы. В ее центре отныне стояло исключительно соперничество между Аденауэром и Шумахером, протекавшее не на общегерманском поле, а сконцентрировавшееся только на ее западногерманской половине. Перебравшись в Западную Германию, с 1949 по 1957 год Кайзер был министром по общегерманским вопросам, с 1950 по 1958 год исполнял также функции заместителя председателя ХДС.

В католической среде Рейнской области сформировались политические силы, которые выступали за самые тесные и широкомасштабные интеграционные связи Германии с западноевропейскими демократическими государствами. Будущий рейнский ХДС (Христианско-демократическая народная партия – ХДНП) был учрежден 17 июня 1945 г. в Кёльне. Одним из семи сопредседатели ХДНП стал ярый антикоммунист, бывший обербургомистр Кёльна К. Аденауэр, в прошлом активный член католической партии Центра, сыгравший решающую роль в создании новой федеральной партии на двухконфессиональной основе.

К. Аденауэр был уроженцем земель Рейна и считал себя скорее западным немцем, чем просто немцем. Восток, в том числе и восток Германии, был ему чужд. «Он любил рассказывать, – пишет Вилли Брандт, – что когда он, президент Прусского государственного совета, ехал поездом в Берлин, его никогда не оставляло чувство, что за Эльбой кончается Европа, а начиная с Магдебурга он задерживал занавески, “чтобы не видеть азиатскую степь”. После войны в нем пробудились прежние чувства. В письме эмигрировавшему в США бывшему депутату рейхстага от Кёльна Зольману он писал: Азия стоит на Эльбе. В “языческом” Берлине он не чувствовал себя как дома. К этому, вероятно, добавлялось и то, что в нем, как и в Саксонии и еще кое-где, голосовали не за “черных”, а скорее за “красных”». В глазах Аденауэра Советский Союз был не только центром коммунизма. Хуже того, СССР по своей природе был азиатчиной и поэтому являлся смертельным врагом всему тому, что было ему так дорого, – католицизму, Рейнской области, Европе и Западу. А немецкие социал-демократы были для него наследниками протестантской Пруссии – авторитарно настроены, централистски организованы, выступающие в лучшем случае, с антикапиталистических, в худшем – с просоветских позиций¹¹.

¹¹ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 41.

Поэтому неудивительно, что еще до образования Федеративной Республики Германии, в период становления Христианско- демократического союза, в фундамент его будущей идеологии были заложены первые камни антикоммунизма и антисоветизма. Рейнский ХДС отвергал христианский социализм берлинцев, не отказываясь, однако, от антифашистских демократических лозунгов как насущного требования времени.

В представлениях Аденауэра, которые он сформулировал в одном из своих писем в октябре 1945 года, важнейшими моментами являлись¹²:

во-первых, России, которая доминировала на востоке континента, должен был противостоять сильный блок западноевропейских государств. В него должны были входить Западная Германия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург и, если это возможно, Великобритания;

во-вторых, федеративный характер нового немецкого государственного образования должен быть выражен сильнее, чем в предыдущие периоды немецкой истории. Централизму в нем не было и не должно было быть места.

Отношение Аденауэра к германской, европейской и глобальной политике формировалось после 1945 года довольно медленно, хотя он безоговорочно признавал для себя именно примат внешней политики как главенствующего фактора послевоенного развития. «От внешней политики, – писал он уже на закате своей политической карьеры в марте 1961 года, – от внешнеполитического развития зависит все, зависит вся экономика, зависит то, что мы делаем в социальной области. И было бы совершенно неправильно говорить: почему ты все время обращаешься к внешней политике? Другие вещи, необходимость которых я полностью поддерживаю, я как раз не могу реализовывать в должной мере, если во внешней политике мы не будем действовать максимально осмотрительно и содействовать тому, чтобы в лагере свободных народов наступило согласие и нам было бы вновь оказано доверие».

Приобщение к демократии на основе христианского образа жизни представлялось Аденауэру велением времени. В отличие от Кайзера и Шумахера, он встретил союзников по-деловому и сдержанно. Он исходил не из благих пожеланий, как это делали Кайзер и Шумахер, а из реальных возможностей. Он понимал, что после 1945 года ничего нельзя было предпринять против воли союзников, соглашаясь, что «проводить свою внешнюю политику Германия сможет поначалу лишь в ограниченных масштабах»¹³. Поэтому он пытался использовать интересы победителей для реализации собственных замыслов.

¹² См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 189.

¹³ Там же. С. 189.

В конце 40-х годов в изменившихся исторических условиях, когда уже обозначился раскол Германии, основополагающей идеей стало органичное включение Западной Германии в Западную Европу при опоре на союз с Францией. Аденауэр искал немецко-французского согласия. «Франция притягивала Аденауэра потому, что это подсказывало ему рейнское чутье и каролингские традиции. Кроме того, он трезво рассчитал, что для Европы хорошо лишь то, что исходит от немцев и французов»¹⁴. Он пытался в обходительной манере смягчить жесткий курс французской оккупационной политики и прежде всего предотвратить возможное отторжение немецких территорий. Отторжение немецких земель, по его словам, превратило бы Германию в разлагающийся труп, который «был бы так же опасен для Европы, как и победоносная национал-социалистическая Германия». Он заявлял: «Я – немец и остаюсь немцем, но я всегда был и европейцем и чувствовал себя таковым. Поэтому я с давних пор выступал за взаимопонимание с Францией и вступался за нее перед имперским правительством в двадцатые годы во времена тяжелейших кризисов. Я никогда не был за отторжение немецкой области, но всегда – за разумное, отвечающее обоюдным интересам согласие. Поэтому я боролся в двадцатые годы за органичное переплетение французской, бельгийской и немецкой экономики во имя прочного мира, поскольку параллельно развивающиеся равноскоростные экономические интересы являются и всегда будут оставаться самым здоровым и самым прочным фундаментом добрых политических отношений между народами»¹⁵.

Аденауэр воплощал антипрусское и прозападное крыло немецкого католицизма, что позволило ему быстро обеспечить себе доступ к правящим кругам западных держав. «Мы хотим нового возрождения Германии. Мы не желаем империи Бисмарка под предводительством Пруссии», – заявлял он. На партийно-политическом уровне после утраты Якобом Кайзером власти в советской оккупационной зоне стало очевидно, что возглавлять партию будет Конрад Аденауэр.

Биполярное послевоенное устройство мира давало Аденауэру шанс на реализацию его давних, времен начала 20-х годов, политических представлений: примирение и экономическая кооперация с Францией, воплощаемые в жизнь христианской народной партией, объединяющей католиков и протестантов. «Государственный интерес Аденауэра, – пишет У. Гриффит, – был в значительной степени западногерманским, нежели немецким».

¹⁴ Брандт В. Указ. соч. С. 50.

¹⁵ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 190.

Для Аденауэра раздел Германии и Европы был не причиной, а следствием растущих противоречий между обеими сверхдержавами. Аденауэр считал, что в биполярном мире нейтральный статус для Германии, находящейся в центре столкновения интересов двух сверхдержав, полностью исключен. Простейший анализ расклада сил в послевоенном мире приводил его к убеждению, что «рано или поздно одна либо другая сторона в любом случае предприняла бы попытку заполучить немецкий потенциал на свою сторону». Более того, нейтрализованная Германия означала бы ее выключение из процесса европейского объединения и представляла бы опасность в качестве нового очага национализма в Европе. Поэтому, как он думал, следует проводить не «политику качелей» в духе Веймарской республики, а курс на западную ориентацию Германии. Он полагал, что безопасность Германии может быть обеспечена только тогда, когда Германия будет прочно включена в семью западноевропейских демократий. Вместе с тем, Аденауэр надеялся на то, что сможет изменить роль Германии в этом процессе, трансформировав ее из зависимого объекта дееспособный и равноправный субъект европейской политики¹⁶.

Аденауэр прекрасно отдавал себе отчет в том, что реализация его политических представлений практически исключает объединение восточной и западной частей оккупированной Германии. Об этом он открыто заявил в одном из интервью представителю информационного агентства «Ассошиэйтед пресс» в октябре 1945 года. Занятая Россией часть, сказал он, потеряна для Германии на неопределенное время. А в начале 1948 года тогда еще только председатель ХДС британской зоны оккупации был уже твердо уверен, что раскол Германии – это не какая-то нависшая угроза, а свершившийся факт. Этот раскол был инициирован со стороны Востока и должен быть ликвидирован Западом, заявил он газете «Кёльнише рундшау» 3 апреля 1948 г. Для этого, по его мнению, необходимо было включить западную часть Германии в евроатлантическое сообщество государств, чтобы с позиции силы иметь возможность стремиться к воссоединению, которое без гарантированной привязки к Западу было достижимо лишь ценой советизации всей Германии. Поэтому, считает немецкий историк Ф. Пфеч, «можно с уверенностью предположить, что германское единство было утеряно не только вследствие советской политики «прессинга»... Но и политика Аденауэра исключала это единство, по крайней мере в первое послевоенное время».

Таким образом, ход мыслей Аденауэра определяли не только перипетии конфликта между Востоком и Западом, но и специфический

¹⁶ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 190–191.

новый опыт в германской истории и невиданно тяжелое положение страны после Второй мировой войны. Цель, которую преследовал Аденауэр, представляла триаду, которая включала в себя (в порядке очередности) свободу – мир – единство. Аденауэр бескомпромиссно отстаивал свободу как неотъемлемый компонент этой триады. Во всяком случае во внешнеполитической сфере она была неразрывно связана с приматом политики мира. В представлении Аденауэра национальная задача воссоединения немцев ставилась вслед за двумя другими, т.е. обеспечением свободы (что означало западную интеграцию) и сохранением мира.

«Аденауэр знал, чего он хотел, – пишет У. Гриффит. – Он знал, чего он мог достичь. Он знал, что это одно и то же, и он это получил. Будучи католиком, но не клерикалом, обладая чувством национального достоинства, но не национализма, «ужасный упрости́тель» и гордый этим званием, автократичный по темпераменту, но демократичный по убеждениям, по успешному примеру Бисмарка решивший сделать внешнюю политику исключительно своим личным делом, непоколебимый в катастрофических ситуациях и скромный в успехах, полностью лишенный иллюзий и циничный в отношении человеческой природы и особенно в отношении своих германских соотечественников, Аденауэр был величайшим сыном Рейнланда, великим европейцем и величайшим немецким государственным деятелем со времен Бисмарка, как когда-то заметил Черчилль»¹⁷.

Зигзаг, который сделала история в 1945 году под воздействием держав-победительниц, был сопряжен с лишением немцев возможности вернуться к традиционным формам германской внешней политики. Для этого отсутствовала реальная почва. Те, кто попытался их воскресить, как Якоб Кайзер или Курт Шумахер, потерпели фиаско, поскольку отсутствовала реальная почва для реализации классической модели – предоставления немецкому национальному государству статуса центрально-европейской державы со всеми вытекающими последствиями. Лишь Конрад Аденауэр, будучи последовательнее и осмотрительнее, чем все остальные, сделал ставку на прозападную внешнеполитическую ориентацию ФРГ в союзе с западными демократиями и настойчиво добивался восстановления суверенитета Федеративной Республики в рамках этого содружества наций. Ценой, уплаченной за обретенную свободу как вовне, так и внутри страны, было единство Германии, достижение которого отодвигалось на неопределенный срок.

В принципе внешнеполитическая ориентация зависит от внутриполитических факторов, и прежде всего от духовно-политического облика граждан, общества. Естественно, что в 1949 году при разделе

¹⁷ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 192.

Германии на два государства отношение граждан к этому акту не было одинаковым. Они испытывали двойственные чувства. С одной стороны, они понимали, что в условиях конфликта между Востоком и Западом было крайне желательным утверждение демократии, свободы и благосостояния в ФРГ. С другой стороны, у них велико было сожаление по поводу утраты немецкого единства.

На формирование внешнеполитического курса, прежде всего «восточной политики», Западной Германии оказала влияние и такая огромная группа населения, как беженцы и вынужденные переселенцы, которые, естественно, старались избежать поселения в советской зоне оккупации и стремились осесть на западе страны. Будучи выходцами из областей восточнее Одера и Нейсе, т.е. из Силезии, Судет, Восточной Пруссии и Померании, потеряв практически все свое имущество, они представляли собой крайне националистическое и непримиримое крыло западногерманского общества. Они имели своих представителей во всех политических партиях, поначалу, однако, сконцентрировавшись в Союзе изгнанных и обездоленных, который в конце 50-х годов самораспустился. Но самое мощное представительство было все-таки в Христианско-демократическом союзе, в рамках которого имелось самостоятельное подразделение под наименование «ХДС в изгнании». Очевидно, что негативное влияние беженцев и вынужденных переселенцев замедляло формирование гибкой и конструктивной политики Западной Германии на восточноевропейском направлении¹⁸.

После «часа ноль», пишет **Х. Шульце**, политическая жизнь, прежде всего на самом низком, локальном уровне, снова оживилась. Немецкие политики, действовавшие сначала на основе приказов оккупационных властей, а с 1946–1947 гг. и в дальнейшем получившие законные права с помощью выборов бургомистров и органов земельного управления, вышли большей частью из среды политиков Веймарской республики, которые теперь представляли старые, но вновь основанные на зональном уровне политические партии. Это были: Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), созданная в Ганновере под руководством Курта Шумахера (1895–1952); Свободная демократическая партия (СвДП), которая использовала ресурс бывших либеральных партий веймаровских времен – Немецкой демократической партии Германии (НДПГ) и Немецкой народной партии (ННП), сложилась в основном в Юго-Западной Германии под руководством Теодора Хейса (1884–1963) и Рейнхольда Майера (1881–1971). Напротив, совершенно новое образование представлял собой Христианско-демократический союз (ХДС), объединивший христиан и буржуазию и

¹⁸ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 192–193.

создавший движение, стремившееся на основе опыта сопротивления национал-социализму преодолеть конфессиональную ограниченность старой партийной системы. ХДС соединил в своих рядах весь спектр – от христианских профсоюзов до либералов и умеренных консерваторов; в нем доминировала рейнско-вестфальская группа во главе с обер-бургомистром Кёльна Конрадом Аденауэром. Его претензии на лидерство оспаривал прежде всего берлинский ХДС под руководством Якоба Кайзера. Аналогично дела обстояли с большинством других партий – центральное руководство СДПГ в Ганновере явно соперничало с берлинским руководством СДПГ, возглавляемым Отто Гротеволем, а на роль авангарда либералов претендовала в Берлине Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ), руководимая бывшим министром внутренних дел Веймарской республики Вильгельмом Кюльцем. С одной стороны, это было связано с символическим значением Берлина как столицы, а с другой – с быстрой и целеустремленной политикой Советского Союза, спешившего создавать в своей оккупационной зоне партийные организации прежде всего, разумеется, Коммунистической партии Германии (КПГ). Вождь КПГ Вальтер Ульбрихт (1893– 1973) за несколько дней до конца войны прибыл из Москвы в Германию, для создания гражданского политического руководства в общегерманском масштабе, сначала без выдвижения односторонних социалистических или коммунистических требований.

Но эта концепция Народного фронта провалилась. Советская оккупационная власть вынуждена была примириться с тем фактом, что число сторонников КПГ, в отличие от числа сторонников СДПГ и буржуазных партий, было намного меньшим. Поэтому КПГ изменила свою политику по отношению к другим партиям. С октября 1945 г. КПГ требовала объединения с СДПГ; Руководимый Отто Гротеволем (1894–1964) берлинский ЦК СДПГ находился под большим давлением советской стороны. Возражавшие социал-демократические функционеры навсегда растворялись в вечерних сумерках, другие вернулись из сибирских лагерей или же из приспособленного к новым условиям концлагеря Бухенвальд значительно позже. Несмотря на то что на единственном предварительном голосовании по объединению обеих партий, состоявшемся в западных секторах Берлина, 82% голосов членов СДПГ было подано против советского требования, слияние КПГ и СДПГ в советской зоне под давлением оккупационных властей состоялось на объединительном съезде 22 апреля 1946 г. Созданная таким образом Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ) быстро превратилась в подчиненную СССР партию ленинского типа¹⁹.

¹⁹ См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 199–200.

9. «ФРАНКФУРТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ» 1948 Г. И НАЧАЛО РАБОТЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО СОВЕТА В БОННЕ. ОБРАЗОВАНИЕ ТРИЗОНИИ.

Началом конституирования ФРГ обычно считают создание в 1946 г. **Бизонии**. 25 июня 1947 г. там был учрежден «Экономический совет» из 52 человек с местом пребывания во Франкфурте-на-Майне. Следующим шагом стало упомянутое выше **совещание 7–8 января 1948 г.** военных губернаторов американской и английской зон с участием премьер-министров западногерманских земель. Согласно его решениям с 1948 г. состав «Экономического совета» был увеличен до 104 человек. Он состоял преимущественно из политических деятелей эпохи Веймарской республики, но там было и несколько молодых политиков возраста **Франца-Йозефа Штрауса** (1915–1988), которому в 1947 г. исполнилось 32 года. Президентом «Экономического совета» был избран представитель ХДС **Эрих Кёлер** (1892–1958), и этот орган стал прообразом бizonального парламента. Прообразом же правительства стал «Административный совет», председателем которого был избран один из руководителей ХДС **Герман Пюндер** (1888–1976). Параллельно были созданы также Верховный суд и эмиссионный банк. Так обрисовались контуры нового западногерманского государства.

Первым практическим шагом к расколу Германии стало совещание военных губернаторов американской и английской зон с участием премьер министров земель Бизонии. На этом совещании, которое прошло 7–8 января 1948 г. во Франкфурте-на-Майне, **Л. Клей** огласил план создания правительства Западной Германии. План предполагал расширение полномочий Экономического совета Бизонии (право принимать законы, утверждать бюджет и др.), который, по сути, превращался в подобие нижней палаты парламента; образование Совета земель (по сути – второй палаты парламента, сформированной по принципу федерализма); и создание Административного совета, который фактически выполнял бы роль кабинет; министров. **План Клея** в принципе совпадал с пожеланиями политической и предпринимательской элиты Западной Германии, поэтому совещание одобрило американскую программу, а управленческий аппарат Бизонии приобрел полугосударственный статус.

7–8 января 1948 г., пишет **А.М. Филитов**, во Франкфурте-на-Майне состоялось совещание министров-президентов Бизонии, созванное оккупационными властями. На нем английский губернатор

Б. Робертсон объявил о немедленном введении ряда мер, которые превращали «объединенную экономическую область» в настоящее государство: создавались верховный суд и центральный банк; Экономический совет, образованный еще 29 мая 1947 г. из представителей ландтагов, увеличивался вдвое (до 104 депутатов) и получал дополнительные полномочия в области налоговой политики; директорат, созданный тогда же, в мае 1947 года, из глав пяти бizonальных управлений (все они были сосредоточены уже во Франкфурте), стал отныне называться Исполнительным советом, и его компетенция была также расширена. Как пишет немецкий историк Х. Клессман, «тем самым был создан прообраз будущей конституционной структуры в виде парламента, представительства земель и правительства»¹.

Казалось бы, немцы должны были быть довольны: создавались предпосылки демократической системы и свободного волеизъявления. Однако реакция даже со стороны политиков «больших партий» была отрицательной. Во-первых, они явным образом оказывались соучастниками раскола, ибо вся планировавшаяся конституционная структура касалась только Бизонии, вопрос о выработке общегерманского урегулирования попросту снимался; во-вторых, и по форме, и по содержанию все выглядело так, что немцы по-прежнему являются всего лишь объектами, а не субъектами политических решений, которые принимаются оккупантами. Кстати, как раз накануне франкфуртского совещания произошла скандальная история, наглядно показанной, кто «хозяин» в Бизонии: 4 января директор Экономического управления, член баварского ХСС Й. Землер позволил себе не очень почтительно отозваться об американской помощи: мол, американцы сбывают «корм для цыплят» в качестве продовольственных поставок для населения да еще требуют за это благодарности. По приказу оккупационной администрации он был немедленно снят со своей должности и исчез с политической арены.

Впрочем, реакция немцев не столь сильно беспокоила англо-американских политиков. На роль главной фигуры в двухзональной экономике выдвинулся Л. Эрхард, и хотя его взгляды на американскую помощь не столь уж отличались от взглядов предшественника, он благоразумно предпочел до поры до времени публично их не высказывать. С утратой центристской альтернативы западногерманские политики уже не могли позволить себе портить отношения с западными покровителями.

Не очень тогда беспокоила «западников» и советская реакция: как уже указывалось, некий «ступор», в который впали тогда советская

¹ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 98.

дипломатия, позволял ее игнорировать. Главной «головной болью» для сторонников форсирования курса на раскол, отмечает **А.М. Филитов**, стала тогда позиция Франции. Разумеется, отрицательное ее отношение к единой, централизованной и сильной Германии не изменилось, просто англо-американский план, с точки зрения французского правительства, не обеспечивал достаточной степени децентрализации и ослабления Германии. Планировавшееся западногерманское государство также представлялось слишком опасным соседом. В обстановке, когда во Франции коммунисты уже не были в правительстве, а, напротив, вели активную кампанию по разоблачению его политики «предательства национальных интересов», одним из немногих козырей у официального Парижа был тот, что он соблюдает бдительность в отношении «германской угрозы». Эти соображения французов не могли игнорировать англичане и американцы. Погрому они прибегли к довольно сложным политическим маневрам².

С другой стороны, в отношении Франции был использован не только «кнут», но и «пряник». Англия и США все же санкционировали отторжение Саара от Германии и передачу его под фактический суверенитет Франции (ранее, как мы видели, на Парижской сессии 1946 г. они на это не решились, пытаясь возложить бремя решения на СССР). Кроме того, было заявлено, что в дальнейшем англичане и американцы будут воздерживаться от односторонних акций и вернутся к многосторонней дипломатии. Было предложено созвать новую конференцию по германскому вопросу с участием Франции, но без Советского Союза. Его отсутствие «компенсировалось» приглашением участвовать в этой конференции стран Бенилюкса³.

Нигде в мире, отмечает **Х. Шульце**, «холодная война» не имела такого непосредственного влияния на судьбы людей, как в оккупированной Германии. Когда США в июле 1946 г. на основе Потсдамских решений потребовали от СКС сохранения экономического единства четырех зон оккупации в целях улучшения снабжения населения, Советский Союз отклонил эти требования и определил такую политику Запада как экономическое наступление, осуществляемое в империалистических целях США. И наоборот, советская политика в германском вопросе понималась в Вашингтоне как попытка превратить всю Германию в советскую сферу влияния. В результате американское руководство решилось на то, чтобы ускорить процесс объединения западных зон, невзирая на угрозу раскола всей Германии. Поворот в американской, а также британской политике по германскому вопросу на-

² См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 98–99.

³ Там же. С. 100.

шел свое отражение в штутгартской речи госсекретаря США Дж.Ф. Бирнса 6 сентября 1946 г., в которой он призвал немцев создать в ближайшем будущем некоммунистическое, демократическое германское государство. Первого января 1947 г. американская и британская оккупационные зоны объединились в единую экономическую зону – «Бизонию». Французская зона присоединилась к ним лишь 8 апреля 1949 г. Так возникла «Тризония» – экономический и политический предшественник Федеративной Республики Германии. Чтобы предотвратить угрозу раскола, земельное правительство Баварии 6 июня 1947 г. пригласило глав всех земельных правительств в Мюнхен на общегерманскую конференцию. Она сорвалась еще до официального открытия: сразу же возникли острые разногласия по повестке дня⁴.

Следующим реальным шагом к расколу стала **Лондонская конференция по германскому вопросу** министров иностранных дел США, Англии и Франции. Она проходила с 23 февраля по 1 июня 1948 года, причем советский министр туда приглашен не был, зато участвовали министры иностранных дел Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, а также К. Аденауэр и К. Шумахер.

Главнотначальствующий СВАГ маршал **В.Д. Соколовский** потребовал в СКС от своих коллег разъяснений и предоставления информации о ходе Лондонской конференции. Но представители западных держав отказались это сделать. Тогда 20 марта 1948 г. Соколовский от имени советского правительства сделал заявление, в котором обвинил США, Англию и Францию в сепаратных действиях; в том, что они «взорвали» союзнический контрольный механизм; что теперь Контрольного Совета, как органа верховной власти в Германии, «фактически уже не существует», и в качестве председательствующего распустил заседание. Союзный Контрольный Совет больше не собирался.

В Лондоне же было решено: созвать в ближайшее время учредительное собрание, которое разработает конституцию для западногерманского государства; распространить на три западные оккупационные зоны Германии действие «плана Маршалла»; создать особый орган по контролю над Руром из представителей участвовавших в конференции государств (без СССР, а это было одним из главных требований советской дипломатии!); принять согласие Франции на присоединение своей зоны к Бизонии (объединение трех зон получило название «**Тризония**»).

Лондонская конференция по германскому вопросу (первая, на которой отсутствовал Советский Союз), пишет **А.М. Филитов**, проходила в два этапа: с 23 февраля по 6 марта и с 20 апреля по 1 июня 1948 г. США представлял посол в Великобритании Дуглас; ОМГУС – Клей и

⁴ См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 203.

Мэрфи; Великобритании – Стрэнг и Робертсон (от аппарата оккупационной администрации), Холл-Пэтч и Киркпатрик (от Форин офиса); Францию – посол Массигли, первые лица МИД Кув де Мюрвиль и Альфан, а также генерал Кёниг – губернатор французской зоны.

На конференции был согласован текст директивы главам правительств всех западногерманских земель (уже не только Бизонии), обязывавшей их созвать не позднее 1 сентября учредительное собрание для выработки конституции; учреждался Международный орган по Руру; было принято решение о создании аналогичного органа по обеспечению «военной безопасности», то есть формально по контролю над исполнением решений о демилитаризации Германии на территории будущей ФРГ. Содержание согласованных документов отражало определенные уступки французской стороне. Согласно трехсторонней директиве, будущая конституция должна была предусматривать минимальную централизацию. Состав органа по Руру обеспечивал преобладание интересов французских сталепромышленников над немецкими; не было речи о какой-либо немецкой армии – ни ныне, ни в будущем. Тем не менее французская общественность считала эти уступки недостаточными, поэтому лондонские решения лишь с рядом оговорок и очень незначительным большинством были ратифицированы французским парламентом (300 депутатов проголосовали «за»; 286, включая не только коммунистов, но и голлистов, – «против»; в комиссии по иностранным делам вопрос был решен вообще одним голосом – 21 против 20).

С другой стороны, лондонские решения вызвали у немцев реакцию, которую А. Буллок однозначно определяет как «возмущенную». Меньше всего это возмущение касалось подтверждения западными союзниками принципа демилитаризации Германии, зато фактическая передача юрисдикции над Руром международному органу, равно как и ранее принятое решение о передаче Саара под юрисдикцию Франции, воспринималась как гальванизация планов расчленения германской территории. Таким образом, лондонские решения, значительно усилив конфронтацию по линии Восток – Запад, усилили и противоречия в западном лагере. В этой обстановке там получила дополнительный импульс линия на возвращение к поискам четырехстороннего решения германской проблемы, то есть к курсу, альтернативному политике конфронтации и раскола⁵.

Итак, в начале 1948 г. на **Лондонской конференции министров иностранных дел** шести держав была достигнута договоренность о создании независимого государства на территории трех западногерманских зон. Согласно «лондонским рекомендациям», 1 июля 1948 г. во-

⁵ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 100–101.

енные губернаторы англо-американской и французской оккупационных зон передали собравшимся во Франкфурте на Майне главам одиннадцати западногерманских земель пакет так называемых «Франкфуртских документов». Данный пакет состоял из трех документов, включавших положения о: 1) созыве Учредительного собрания для разработки конституции будущего западногерманского государства; 2) пересмотре территориально-административных границ между землями; 3) Оккупационном статуте, на основании которого должны были определяться взаимоотношения союзников с будущим германским правительством до получения последним полного суверенитета. Премьер-министрам предлагалось не позднее 1 сентября 1948 г. созвать Учредительное собрание для разработки демократической конституции федералистского типа, которая бы подлежала ратификации путем всенародного голосования. Данное событие имело, несомненно, поворотное значение для послевоенной Западной Германии, хотя первоначально немецкая общественность восприняла предложенные «Франкфуртские документы» скорее отрицательно, опасаясь исторической ответственности за разделение страны. В германских средствах массовой информации даже появилось саркастическое выражение «тризонезия» для ироничного обозначения названия будущего западного государства.

По результатам совещания глав западногерманских земель, собравшихся 8–10 июля в отеле «Риттерштурц» в городе **Кобленц**, была составлена «ответная нота» военным губернаторам Тризонии, в которой выражалась озабоченность немецкой стороны по поводу «дальнейшего раскола между Востоком и Западом». Следует отметить, что в обсуждении «Франкфуртских документов» также участвовали представители ведущих партий. Одни (как, например, ХДС и ХСС) в целом высказывались за принятие конституционных предложений западных союзников, другие (прежде всего СДПГ) заняли критические позиции по отношению к «франкфуртской инициативе». При этом почти все проявляли осторожный скепсис. Западноберлинский бургомистр **Эрнст Рейтер** (СДПГ) приводил «успокаивающие» доводы, что ответственность за разделение Германии лежит не на немецких политиках, а ее факт уже был предопределен ходом предшествующего развития. Преодолению кризиса доверия способствовали предостережения американских властей о неизбежности «сдачи Берлина, если их немецкие партнеры пойдут на конфликт».

После недолгих колебаний премьер-министры все же согласились с проектом западного государства, однако с оговоркой, что новое образование «должно быть не полноценным германским государством, а (поскольку оно охватывает лишь часть Германии) только временным». Наиболее активным сторонником концепции «временного государства»

выступал социал-демократ **Карло Шмид**, министр юстиции и исполняющий обязанности премьер-министра земли Вюртемберг-Гогенцоллерн. Его аргументация сводилась к следующему: «Германский народ всех оккупационных зон желает жить в согласии, справедливости и мире в одном общем доме. Если же на западе Германии будет создано отдельное государство, то руководство восточной оккупационной зоны в качестве ответной меры создаст восточногерманское государство. До тех пор, пока четыре оккупационные державы не придут к единому решению относительно окончательной политической судьбы Германии, любое правовое подкрепление статус-кво будет лишь подрывать политику, направленную на преодоление немецкого раскола.

Поэтому необходимо сделать так, чтобы то, что сейчас создается, носило “временный характер”, и что имело бы силу до тех пор, пока весь германский народ не получит возможность “совместно основать государство для всех немцев”».

Напомним, что начало практической реализации «американского плана» экономического единства Германии путем образования **Бизонии** (Объединенной экономической области американской и британской зон) и создания первых квазигосударственных учреждений – Экономического совета («парламента»), Исполнительного комитета (координационного органа) и пяти управлений («министерств») на западе страны относится к первой половине 1947г. Официальное слияние Бизонии с французской зоной произошло только весной 1949 г. Между тем понятие «Тризония» вошло в широкий оборот еще с момента проведения совместной денежной реформы от 20 июня 1948 г.⁶. Как пишет **Михаэль Фельдкамп** в своем исследовании «Парламентский совет», последний барьер на пути образования «Тризонии» был устранен «с включением французского правительства в конституционные планы Лондонской конференции..., несмотря на то, что ее (Тризонии) создание формально относится лишь к Вашингтонскому соглашению от 8 апреля 1949 г.»⁷. Выработанные в Кобленце решения встретили неоднозначную реакцию со стороны союзников. Если британцы расценили их как «единогласное стремление к сотрудничеству», то, по мнению главы американской зоны генерала **Л. Клея**, степень участия германской стороны была «определенно негативной и деструктивной». Военный губернатор французской зоны генерал **Мари-Пьер Кёниг** вообще приветствовал любые проволочки на пути создания германского

⁶ Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik. Fr. a. Main, 1989. S. 40.

⁷ Feldkamp M. Der Parlamentarische Rat 1948-1949: die Entstehung des Grundgesetzes. Göttingen, 1998. S. 16–17.

государства; единая, централизованная и сильная Германия все еще представлялась Франции слишком опасным соседом⁸.

На конференции в Лондоне было принято также секретное решение – провести в Тризонии **денежную реформу**. Таким образом, западные державы договорились между собой о создании сепаратного западногерманского государства со своей конституцией, парламентом, правительством и валютой. Но решение подобных вопросов по Германии, согласно Ялтинско-Потсдамским договоренностям, должно было входить или в компетенцию Совета министров иностранных дел четырех держав, или Союзного Контрольного Совета. Созыв конференции по этим вопросам без представителей СССР и приглашение на него стран, не входящих в СМВД, было воспринято в Москве как вызов, как разрыв западными державами четырехсторонних соглашений по Германии. В качестве ответной меры 23–24 июня 1948 г. в Варшаве было созвано совещание министров иностранных дел СССР и стран «народной демократии». В итоговом документе министры иностранных дел семи восточноевропейских государств обвинили страны Запада в раскольнической деятельности и заявили, что не признают за сепаратными решениями, принятыми в Лондоне, «законную силу и моральный авторитет». Конфронтация нарастала и разразилась Берлинским кризисом.

Следующим шагом к конституированию ФРГ стало **образование Тризонии**. Затем, 1 июля 1948 г. премьер-министры всех одиннадцати западногерманских земель вновь были приглашены во Франкфурт-на-Майне, где им были вручены три документа (так называемые **«Франкфуртские документы»**). По первому из них главам земельных правительств были даны полномочия созвать до 1 сентября 1948 г. Учредительное собрание для выработки «демократической конституции федералистского типа». Другие документы касались нового деления на земли (немецкие политики этим предложением не воспользовались) и основных положений Оккупационного статута.

С одной стороны, западногерманские политики были заинтересованы в получении автономии и возможно больших полномочий. Все партии, которые действовали в Западной Германии (кроме КПП), выступали за объединение западных зон в новое государство. Но, с другой стороны, эти политики, как немцы, не хотели брать на себя историческую ответственность за раскол страны.

В этой ситуации премьер-министры земель заявили трем военным губернаторам, что проект конституции должно выработать не «Учредительное национальное собрание» (это было бы претензией на вы-

⁸ См.: Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993. С. 99; Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2005. С. 148.

ражение воли всех немцев и было чревато серьезным конфликтом с СССР), а **«Парламентский совет»**, который надо сформировать из депутатов ландтагов. Он должен разработать не конституцию, а Основной закон. Несмотря на возмущение Л. Клея такой нерешительностью немецких политиков, западные союзники согласились с их позицией.

Как отмечает **С.И. Невский**, немецкие политики сочли нецелесообразным созыв «национального собрания», что ошибочно означало бы выражение воли всей Германии как целого. Обсуждение конституции, по их мнению, следовало передать на рассмотрение в Парламентский совет. К тому же сам термин «конституция» им представлялся неприемлемым, вместо чего было предложено (гамбургским бургомистром Максом Брауэром, СДПГ) использовать более «скромное» название – **«Основной закон»**. Ратификация Основного закона должна была осуществляться парламентариями земель, что исключало возможность «политически неуместного» всенародного голосования и ослабляло «демократическую легитимизацию» высшего законодательного акта вновь создаваемого государства. Таким образом, германские политики вынесли окончательный вердикт: «руководствуясь обоснованными национальными интересами, они готовы принять участие в образовании сепаратного западногерманского государства, но по национальным мотивам оставили за собой право создать лишь временную конституцию, только для переходного периода»⁹.

Присоединение французской зоны оккупации к западногерманской денежной реформе, полагает **А.Ю. Ватлин**, означало отказ от самостоятельной позиции Франции в германском вопросе. Лишь по отношению к Саарской области она продолжала настаивать на особых правах. 1 июля 1948 г. во франкфуртской штаб-квартире военной администрации США состоялась передача премьер-министрам одиннадцати западногерманских земель решений Лондонской конференции. Они содержали в себе проект конституционного устройства будущего западногерманского государства, предложение административно-территориальной реформы и основные положения Оккупационного статута. Последний сохранял за западными державами верховные полномочия в ряде ключевых сфер государственной деятельности (контроль за выполнением решений Потсдамской конференции, внешняя и военная политика).

Первую реакцию премьер-министров определяли стоявшие за их спинами фигуры партийных политиков, считавших Франкфуртские документы неприемлемыми. По мнению Шумахера и Аденауэра следовало отказаться от столь рискованного подарка, который не менял ре-

⁹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 91.

ального положения дел, но вешал на немецких политиков ярлык виновников раскола страны. Их главным контраргументом было указание на недопустимость создания государственных структур до проведения всеобщих германских выборов. Кризис доверия был преодолен намеками американских представителей на неизбежность сдачи Берлина, если их немецкие партнеры пойдут на конфликт. Состоявшееся 8–10 июля 1948 г. совещание премьер-министров, обсудив альтернативу – сохранение малопривлекательного status quo или продолжение движения вперед – высказалось за второй путь. Скорее для того, чтобы сохранить собственное лицо, руководители западногерманских земель выдвинули несколько встречных предложений, подчеркивавших переходный характер создаваемого государства (Pro visorium). Они сводились к драпировке реалий дипломатическими терминами – так, будущую конституцию предлагалось назвать Основным законом, принять его должен был не всенародный референдум, и даже не Конституционное собрание, а Парламентский совет, созданный из представителей ландтагов. «В конечном счете словесные оговорки лишь успокоили общегерманскую со весть западногерманских политиков» (К. Зонтхеймер). После не которых колебаний главы трех военных администраций согласились с этими предложениями¹⁰.

Весной 1948 года в Лондоне, отмечает **Н.В. Павлов**, на уровне послов собрались представители США, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Они приняли решение преобразовать западные зоны оккупации в самостоятельное государство и создать временное западногерманское правительство. Параллельно с этим было решено реформировать денежную систему и подключить Западную Германию к «плану Маршалла» по стабилизации экономической системы Запада. Решения этой конференции были переданы 1 июля 1948 г. во Франкфурте-на-Майне военными губернаторами трех оккупационных зон 11 премьер-министрам западногерманских земель в виде рекомендаций под названием «*Франкфуртские документы*». По настоянию Франции эти документы в весьма прохладной обстановке были зачитаны тремя губернаторами каждым на своем языке в бывшем здании химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Под конец аудиенции перевод был передан немецкой стороне. В них речь шла о новом территориально-административном делении будущего временного государства, об основных положениях Оккупационного статута и о необходимости созвать до 1 сентября 1948 г. Учредительное собрание. Этому собранию предстояло разработать конституцию, главные черты которой были предписаны союзниками. Она должна

¹⁰ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 147–148.

была статья демократической и федералистской и обеспечивать основные права граждан. В остальном же немцам предоставлялась полная свобода рук.

На решения Лондонской конференции шести западных держав по созданию сепаратного западногерманского государства Москва отреагировала жесткими нотами протеста, и ее представитель покинул 20 марта 1948 г. Контрольный совет союзников. Демонстративный выход советских представителей из Контрольного совета свел на нет его значение как органа по выработке совместной политики союзников в отношении Германии и избавил американцев от необходимости искать приемлемое объяснение того, что западная сторона была уже не заинтересована в совместном решении германского вопроса и, учитывая фактический раздел Германии, всеми силами форсировала создание сепаратного западногерманского государства. Таким образом завершилось четырехстороннее управление Германией¹¹.

После ряда «согласовательных» встреч премьер-министров и военных губернаторов Тризонии в конце июля 1948 г. был сформирован специальный комитет экспертов для разработки «ключевых положений Основного закона». В данный **«конституционный конвент»**, собравшийся с 10 по 23 августа в южнобаварском городке **Херренхимзее**, вошли одиннадцать уполномоченных делегатов от всех западногерманских земель. Примечательно, что члены делегации (сопровождаемые одним или двумя сотрудниками) придерживались самых различных конституционно-правовых и идеологических взглядов. Среди них были политики, чиновники земельных администраций, профессора-юристы и бывшие дипломаты, но никто из них не мог официально представлять какую-либо политическую партию. Председателем комиссии был избран министр баварского земельного правительства Антон Пфайффер (ХСС). После вступительного заседания конвент был разделен на три экспертные группы, которые независимо друг от друга занимались разработкой соответствующих разделов конституционного акта. Результаты их работы дважды обсуждались на промежуточных пленарных заседаниях, после чего редакционная комиссия составила обширный 95-страничный документ, который был представлен главам западно- германских земель¹². Итоговое заседание премьер-министров состоялось 31 августа 1948 г. в замке Нидервальд под Рюдесхаймом. В этот же день проект Основного закона был передан на рассмотрение в Парламентский совет.

¹¹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 170–171.

¹² Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. Von der Bizone zum souveränen Staat. München, 1989. S. 111.

Ввиду того что премьер-министрам трех западных зон оккупации не удалось в свое время достичь единства со своими коллегами из советской зоны, пишет **Н.В. Павлов**, они приняли решение создать собственный орган по разработке переходной конституции для западных зон оккупации, известный как Парламентский совет, для которого специальная экспертная комиссия из юристов и политических деятелей – Конституционный конвент – подготовила проект конституции. Парламентский совет состоял из 65 депутатов, избранных ландтагами земель, и 5 представителей с совещательным голосом от Западного Берлина (по 27 мест имели представители от ХДС/ХСС и от СДПГ, 5 – СвДП, по 2 – Немецкая партия, Центр и КПП). Принципиальная разница между Конвентом и Советом состояла в том, что первый разрабатывал и излагал теоретические проблемы, второй же занимался поиском компромиссов и принимал политические решения. Любопытно, что Конвент предложил Совету свое название будущего временного государства – Союз германских земель. Возглавил работу Совета бывший обер-бургомистр Кёльна 72-летний Конрад Аденауэр¹³.

Следует отметить, что при создании контуров новой конституции одним из важных ориентиров для немецких экспертов служил исторический пример Веймарской республики¹⁴. В первую очередь речь шла о том, чтобы устранить «слабости» прежней Имперской конституции. В отличие от веймарской модели (с неограниченными полномочиями президента, легкостью свержения правительства и плебисцитарным волеизъявлением народа), Основной закон должен был стать «чисто представительской конституцией, по которой народ мог осуществлять свой суверенитет только путем участия в выборах. Для нового государственного устройства предусматривалась четко выраженная федеративная структура (кстати, традиционная для Германии до 1933 г.) с достаточно децентрализованной законодательной системой, системой управления, юстиции, финансовым суверенитетом и финансовой ответственностью земель, а также двухпалатной парламентской системой законодательной власти с нижней палатой (бундестагом) и палатой земель (бундесратом). Первоначально обсуждалось два варианта построения второй парламентской палаты: в виде сената или представительства земель. Окончательный выбор был сделан в пользу палаты земель – «бундесрата» (совета федерации), которая формировалась из представителей земельных правительств и располагала правом законодательной инициативы, а также отлагательного вето на решения нижней парламентской палаты¹⁵.

¹³ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 173–174.

¹⁴ См.: Конституции зарубежного государств: учебное пособие / сост. В.В. Маклаков. М., 2001. С. 61.

¹⁵ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 150.

Намереваясь по возможности не допустить вновь появления неустойчивых, часто сменяемых правительств веймарских времен, создатели Основного закона стремились исключить негативную зависимость будущего германского правительства от парламента. Отныне главным условием функционирования правительства должна была стать его постоянная опора на «дееспособное парламентское большинство». При этом «деструктивное парламентское большинство» (т.е. оппозиция) не должно было оказывать влияния ни на процесс формирования правительства, ни на его свержение. По новой конституции досрочное смещение главы правительства могло произойти лишь при условии, если имелось абсолютное большинство в парламенте для избрания нового канцлера («конструктивный вотум недоверия»), что отличалось от порядка веймарских времен, когда весь кабинет или отдельного министра можно было отправить в отставку путем простого вотума недоверия. Тем самым в систему будущего государственного устройства вводились элементы так называемого «рационализированного парламентаризма», что обеспечивало относительную устойчивость сосуществования парламентского режима и стабильной исполнительной власти¹⁶.

Исторический опыт Веймарской республики заставил авторов Основного закона по-новому определить и статус главы западногерманского государства. Отныне президент как фактор власти почти полностью исключался (как исключался и порядок президентских выборов посредством всенародного голосования), вместо чего усиливалось положение главы правительства – федерального канцлера, избираемого, как уже говорилось выше, большинством в парламенте. В отличие от Веймарской республики, рейхспрезидент которой всенародно избирался на семилетний срок (с неограниченным правом переизбрания), в послевоенной Западной Германии выборы президента (на пять лет и максимум на два срока) осуществляло Федеральное собрание, состоявшее из 1200 делегатов, половина из которых – депутаты бундестага, вторая половина – делегаты ландтагов, направляемых в зависимости от численности представительств партий. Главе государства предписывалось занимать нейтральную позицию по отношению к правительству, тогда как последнее, наряду с парламентом, должно было исполнять доминирующую роль в управлении страной. Полномочия президента ограничивались чисто представительскими или формальными функциями, и лишь в особых случаях он имел право принимать решения о роспуске парламента или об объявлении чрезвычайного положения.

Наконец, желая защитить свободный и демократический строй от возможных негативных трансформаций, что также обуславливалось

¹⁶ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 93.

опытом веймарских времен, творцы Основного закона установили: «Основные принципы конституции, а именно: демократия, федерализм и социальное правовое государство – не подлежат никакому конституционному изменению». В особенности, по замыслу экспертов, охране должны были подлежать конституционные гарантии индивидуальных прав и свобод граждан, так как они являются основой демократического правового государства, и «которым неотъемлемо должен подчиняться государственный порядок в законодательстве, исполнительной власти и судопроизводстве». Примечательно, что именно раздел об основных правах (включающий 19 статей) открывает западногерманский конституционный акт, убедительно подчеркивая правовой характер вновь создаваемого государства¹⁷.

Ландтаги земель летом 1948 г. избрали из числа своих депутатов **Парламентский совет** в составе 65 человек, где преобладали юристы. Среди них были и те, кто разрабатывал Веймарскую конституцию. Председателем Парламентского совета был избран доктор Конрад Аденауэр. Многие исследователи отмечают выдающуюся роль, которую тот сыграл в Парламентском совете, борясь за отстаивание «демократического духа» многих статей Основного закона. Именно он был активным сторонником федеративного устройства государства и выступал за предоставление как можно более широких прав землям, за соблюдение баланса интересов между землями и федерацией.

Учреждение Парламентского совета состоялось, как и намечалось, 1 сентября 1948 г. На торжественном открытии в зоологическом музее имени Александра Кёнига в Бонне (позднее заседания Парламентского совета переместились в специально оборудованное помещение Боннской педагогической академии на берегу Рейна, которая впоследствии стала официальным зданием бендестага) собрались, помимо избранных ландтагами земель 65 парламентариев (по одному на 750 тыс. жителей Западной Германии) и 5 депутатов от Берлина (с правом совещательного голоса), премьер-министры, представители церкви, экономики, деятели культуры, члены Экономического совета, журналисты и сотрудники военной администрации. По политическим причинам на мероприятии отсутствовали военные губернаторы Тризонии (как не было и их заместителей); западные союзники опасались срыва московских переговоров о прекращении «берлинской блокады». С приветственной речью выступил хессенский премьер-министр Христиан Шток (СДПГ), который подтвердил от имени премьер-министров официальное принятие союзнического поручения по разработке конституции: «Если

¹⁷ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 93-94; Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 138.

кто скажет, что сегодня в Бонне происходит окончательный раскол немецкого народа, то я заявляю перед всей немецкой нацией: мы не разъединяемся, мы двигаемся вместе и объединяемся. До сих пор все наши действия были направлены на то, чтобы в любое время достичь максимального единства немецкого народа»¹⁸. С места события велась прямая трансляция по Северо-западному радио Германии.

Президентом Парламентского совета был избран Конрад Аденауэр (ХДС), пост председателя Главного комитета занял Карло Шмид (СДПГ). Распределение депутатских мест во фракциях конститунты выглядело следующим образом: ХДС/ХСС и СДПГ получили по 27 мандатов (ХДС – 19, ХСС – 8), 5 депутатов сформировали фракцию СвДП, по два места досталось представителям мелких партий – Партии центра, Германской партии и Коммунистической партии Германии (КПГ). Наблюдатели от Берлина были представлены тремя депутатами от СДПГ и по одному – от ХДС и СвДП. Непосредственная работа над проектом Основного закона началась с середины сентября в шести специально созданных экспертных комитетах: «По основным вопросам» (“Ausschuß für Grundsatzfragen”), «Разграничению компетенций» (“Zuständigkeitsabgrenzung”), «Организации федерации, конституционного суда и судопроизводства» (“Organisation des Bundes, Verfassungsgerichtshof und Rechtspflege”), «Финансовым вопросам» (“Finanzfragen”), «Вопросам избирательного права» (“Wahlrechtsfragen”) и «Оккупационному статусу» (“Besatzungsstatut”)¹⁹.

По результатам деятельности экспертных комиссий было проведено 60 (открытых) заседаний в рамках четырех чтений в Главном комитете. Первое чтение в Главном комитете проходило с 11 ноября по 10 декабря 1948 г., второе – с 15 декабря 1948 г. по 20 января 1949 г., третье – с 8 по 10 февраля 1949 г. и четвертое (дополнительное) – 5 и 6 мая 1949 г. Кроме того, на различных стадиях подготовки конституционного проекта было проведено 10 пленарных заседаний и три чтения в Парламентском совете (первое чтение на пленуме состоялось 20-21 октября 1948 г., два заключительных – 6 и 8 мая 1949 г.). Спустя полгода противоречивых дискуссий и напряженных дебатов, которыми сопровождалось обсуждение проекта Основного закона, выработанный документ был передан на рассмотрение военным губернаторам Тризонии (февраль 1949 г.). В конце апреля состоялась встреча делегатов учредительного собрания с главами оккупационных зон. За окончательной редакцией текста конституции согласно замечаниям союзников последовало итоговое чтение в Главном комитете, по-

¹⁸ См.: Benz W. Die Gründung der Bundesrepublik. S. 112.

¹⁹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 95.

сле чего 8 мая 1949 г. (как раз в четвертую годовщину капитуляции Германии) на общем собрании Парламентского совета Основной закон был принят 53 голосами – «За» и 12 голосами – «против»²⁰.

Военные губернаторы потребовали дополнительного уточнения формулировок, касающихся разграничения финансовых и законодательных компетенций между федерацией и землями. «Против» проголосовали все шесть депутатов от малых партий – КПГ, Германской партии и Партии центра, а также шесть членов фракции ХСС, выразивших несогласие по поводу чрезмерных полномочий федерации по отношению к статусу земель.

Из 65 делегатов, собравшихся 1 сентября 1948 г. в зоологическом музее небольшого рейнского города Бонн на первое заседание Парламентского совета, отмечал **А.Ю. Ватлин**, по 27 представляли ХДС/ХСС и СДПГ, остальные мандаты распределились между СвДП, КПГ, Центром и консервативной Германской партией. К началу работы этого органа группой экспертов был подготовлен конституционный проект, содержащий в себе несколько возможных формулировок большинства статей. Предполагаемым названием будущего государства должен был стать «Союз германских земель».

Ход работы немецких политиков над проектом Основного закона определялся пониманием того, что «речь шла о подконтрольной западным оккупационным властям выработке конституции, при которой следовало соблюдать определенные директивы» последних (К. Зонтхеймер). Лишь в вопросе о компетенциях федерального центра возник серьезный конфликт между большинством Парламентского совета и генералом Клеем. Социал-демократы, стремившиеся ввиду предстоявших парламентских выборов предстать в образе национальной партии, отстаивали финансовую независимость центральной власти. Это стало одной из причин того, что в марте 1949 г. одобренный в трех чтениях проект Основного закона был отправлен оккупационными властями на доработку. В результате посреднических усилий британской администрации, симпатизировавшей СДПГ, конфликт был улажен в пользу последней. В обмен на сохранение финансовых рычагов за федеральной властью земли получили широкую автономию в вопросах культурной политики и образования. Уступчивость военных властей объяснялась их стремлением поскорее подвести под крышу здание западногерманского государства. В четвертую годовщину капитуляции Германии Основной закон ФРГ был принят в окончательной редакции. Против голосовали делегаты баварского ХСС, Германской партии и

²⁰ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 95–96.

КПГ. Своим последним решением Парламентский совет постановил считать столицей «временного государства» провинциальный Бонн²¹.

Уже 12 мая **Основной закон** был утвержден военными губернаторами Тризонии; в последующие дни (18–21 мая) он был ратифицирован ландтагами земель. За исключением Баварии, парламентарии которой усмотрели в новом государственном устройстве чрезмерное количество централистских элементов и недостаточное отражение принципа федерализма, за конституцию проголосовали десять западногерманских земель. Утверждение союзниками Основного закона было увязано с последним днем пребывания на своем посту американского генерал-губернатора Л. Клея, а также с прекращением трехсотдневной блокады Западного Берлина и оглашением Оккупационного статута (вступил в силу параллельно с учреждением первого германского правительства осенью 1949 г.)²².

²¹ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 148–149.

²² Там же. С. 96.

10. РОЖДЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ (ФРГ). ОСНОВНОЙ ЗАКОН (КОНСТИТУЦИЯ) ФРГ 1949 Г. Т. ХЕЙС

П Арламентский совет заседал с 1 сентября 1948 г. в Бонне без участия прессы. За основу для обсуждения был взят проект Основного закона, разработанный группой юристов в августе 1948 г. Обсуждение шло довольно быстро, и 8 мая 1949 г., ровно через четыре года после капитуляции Германии, Парламентский совет (53 голоса – «за», 12 – «против») принял Основной закон. 12 мая 1949 г. военные губернаторы выразили свое согласие с его текстом. В последующие недели он был утвержден ландтагами всех земель, кроме Баварии, где большинство депутатов решило, что в нем мало учтены интересы федерации, но все же обязались его признавать. 23 мая 1949 г. Основной закон был провозглашен официально.

Торжественное подписание и провозглашение **Основного закона** состоялось 23 мая 1949 г. на заключительном пленарном заседании Парламентского совета. Из большого зала Педагогической академии в Бонне велась прямая трансляция по всем радиостанциям Германии. В присутствии премьер-министров, президентов ландтагов, представителей трех западных держав, членов Экономического совета, высокопоставленных чиновников администрации Бизонии, а также многочисленных гостей и прессы свою подпись под конституционным актом поставили 63 депутата Парламентского совета, одиннадцать премьер-министров, пять представителей Берлина и берлинский обербургомистр Рейтер. Последнее слово взял президент Парламентского совета Аденауэр: «Надеюсь, что дух и воля Основного закона полюбятся немецкому народу... Сознывая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный желанием своим национальным и государственным единством служить делу мира во всем мире, немецкий народ [...] принял настоящий Основной закон». Конституция нового государства – Федеративной Республики Германии – вступила в силу с 0:00 часов следующего дня – 24 мая 1949 г.¹

Примечательно, что в связи с «временным характером» нового государственного образования Парламентский совет принял решение о размещении столицы ФРГ в небольшом городе Бонн, а не во Франк-

¹ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 96–97.

фурте на Майне, более подходящем кандидате и финансовом центре Германии, где с лета 1947 г. заседал Экономический совет Бизонии и где располагались ключевые ведомства американской военной администрации (среди возможных претендентов на столицу Западной Германии рассматривались также Кассель и Штутгарт). Выбор в пользу Бонна зачастую иронично связывают с местом жительства самого Аденауэра, который «по личным причинам покровительствовал этому провинциальному городу на Рейне». Между тем, по мнению политолога К. Зонтхаймера, это имело «далеко идущие последствия», поскольку, «несмотря на местопребывание в нем правительства, Бонн так и остался провинциальным городом, в котором сами правители, и политики, и бюрократия не интегрированы в общую политическую жизнь столицы»². Разумеется, «неблагоприятный климат и отсутствие живой среды» для полноценной политической жизни «временной» столицы одного из крупных европейских государств нельзя ставить в ряд факторов, которые могли оказывать сколько-нибудь значительное влияние на Федеративную Республику и ее политику в целом, тем более что с воссоединением Германии (1990) они вообще утратили свое значение в связи с переездом федеральных органов власти в Берлин.

Теперь остановимся на **Основном законе (Конституции) ФРГ подробнее.**

«Отцы-основатели» ФРГ стремились создать такую систему, где было бы невозможно повторение ситуации 1933 г., когда Гитлер пришел к власти легальным путем. Поэтому в Основном законе был зафиксирован принцип строгого разделения законодательной, исполнительной и судебной властей; правительство становилось подотчетным парламенту; четко прописывались права и обязанности политических партий; устранялись и такие слабости Веймарской конституции, как легкость отставки правительства, завышенные полномочия президента, плебисцитарность и т. п.

Творцы Основного закона стремились усилить гарантии индивидуальных прав граждан. Они сознательно сформулировали их в первых 19 статьях: равенство перед законом, право на свободное развитие личности, свобода печати, собраний, объединений, мировоззрения и политических взглядов. Учитывая горькие уроки Веймарских времен, они были также озабочены и тем, чтобы защитить рождающуюся новую демократию от поползновений потенциальных врагов. Статья 20 запрещала ликвидацию демократического, федеративного, правового, социального и государственного устройства.

² См.: Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М., 1996. С. 40.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о закреплении в германской конституции положений об общественно-экономической системе. Несмотря на то, что Основной закон совершенно определенно характеризует Федеративную Республику в качестве «демократического и социального правового государства», он не содержит какой-либо конкретной «экономической конституции как выражения общего решения относительно желаемого хозяйственного порядка». Упоминания о «социальном государстве» содержатся в двух статьях Основного закона: в статье 20, абзаце 1 («Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством»), а также в статье 28, абзаце 1 («Конституционный строй земель должен соответствовать основным принципам республиканского, демократического и социального правового государства...»)³. По замыслу своих создателей, Основной закон изначально был сформулирован «относительно открыто», а его экономические статьи носили «подчеркнуто идеологизированный характер». В результате, ни социальное рыночное хозяйство, ни какая-либо иная форма экономического устройства не закреплялись в качестве единственно возможной основы западно-германского общества⁴. По мнению разработчиков Основного закона, положения о социальном и экономическом строе должны были быть включены лишь в общегерманский конституционный акт (согласно постулату о «временном» государстве).

Известно, что среди членов Парламентского совета (как и Экономического совета) были представители различных социально-политических сил, которые придерживались альтернативных (рыночной) экономических концепций (например, «демократического социализма» СДПГ или «христианского социализма» Аленской программы ХДС, не говоря уже о коммунистах). Западногерманский политолог Юрген Зайферт пишет, что Основной закон стал своего рода «конституционным компромиссом между противоборствующими социально-политическими силами и выражением консенсуса между ведущими партиями государства»⁵.

Основной закон предусматривал, что законодательная власть будет сосредоточена в двухпалатном парламенте. Члены верхней палаты – бундесрата – назначаются правительствами земель из своего состава. Бундесрат – так сказать, «вечный орган», он не имеет легислатурнош срока, его состав частично обновляется в зависимости от результатов земельных выборов. В бундесрате нет фракций политических

³ См.: Конституции зарубежных государств: учебное пособие / сост. В.В. Маклаков. М., 2001. С. 74–76.

⁴ См.: Невский С.И. Указ. соч. С. 102–103.

⁵ См.: Die Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Bd. 1: Politik. S. 44.

партий, главная задача этой палаты – отстаивать интересы земель. До объединения с ГДР в 1990 г. в бундесрате заседали 45 делегатов от десяти западногерманских земель, а также наблюдатели из Западного Берлина, которые не участвовали в голосовании. Количество делегатов от земли (минимум 3, максимум – 6) зависит от числа ее жителей.

Депутаты нижней палаты – бундестага – избираются гражданами, достигшими 18 лет, на четыре года и занимаются в основном законотворчеством. Они избирают также главу исполнительной власти – федерального канцлера и контролируют деятельность правительства. Бундестаг является органом представительства всего немецкого народа. До объединения Германии в бундестаг избиралось 520 депутатов.

Главой государства Основной закон ФРГ провозглашает федерального президента, который избирается на 5 лет специальным «федеральным собранием», которое создается только для этой цели из депутатов бундестага и равного им числа выборщиков от ландтагов. Полномочия президента ФРГ довольно скромны, он выполняет в основном представительские функции. Федеральный президент считается первым гражданином республики, он «стоит над партиями»; назначает и увольняет федеральных судей, высших чиновников и офицеров; скрепляет своей подписью законы (его в шутку называют «главным нотариусом государства»); лично поздравляет граждан по случаю их 100-летия, а супружеские пары – с 65, 70 и 75-летием их союза; осуществляет право помилования преступников и т. д.

Зато власть федерального канцлера, избираемого бундестагом по результатам общенациональных парламентских выборов, исключительно велика. Основной закон предписывает ему единолично определять главные направления внутренней и внешней политики, назначать и увольнять министров. Его отставка весьма затруднена и может произойти только в результате так называемого «конструктивного вотума недоверия», когда бундестаг должен предложить на пост канцлера альтернативную кандидатуру. Это ограничение Основного закона тоже было данью памяти многочисленной череде отставок канцлеров Веймарской республики и вводилось с целью сохранения политической стабильности. Только один раз (в 1982 г.) канцлер будет смещен таким образом.

В качестве высшей судебной инстанции выступает федеральный конституционный суд. Срок полномочий его членов – 12 лет, что обеспечивает ему высокую степень независимости.

Принцип федерализма был реализован в основном законе так, что земли получили широкие права самостоятельных государственных образований: собственная конституция, земельный парламент (ландтаг) и свое правительство. Федерация взяла на себя функции управления в та-

ких сферах как вопросы обороны, таможня; в ведение же земель частично отданы проблемы охраны общественного порядка и окружающей среды; полностью – развитие народного образования и культуры.

Основной закон допускал возможность национализации отдельных отраслей экономики. Он закреплял право профсоюзов на заключение коллективных договоров и декларировал, что «трудящиеся находятся под особым покровительством закона». Дань недавним урокам истории была отдана статьей 26-й, в которой объявлялись антиконституционными любые действия, «могущие нарушить мирную совместную жизнь народов или направленные на подготовку к агрессивной войне».

Конституция ФРГ, пишет **А.Ю. Ватлин**, открывалась положением о том, что «человеческое достоинство неприкосновенно и подлежит защите». Легкость, с которой нацисты расправились с каталогом прав и свобод Веймарской конституции, привела к ряду важных нововведений Основного закона ФРГ. Так, его основополагающие статьи не подлежали изменению, использование политических свобод во вред демократическому строю преследовалось в уголовном порядке. Никто не мог быть насильно лишен германского гражданства. Права и свободы граждан ФРГ были дополнены указанием на то, что «никто не может быть принужден помимо своей воли к военной службе с оружием в руках». Памятуя о нацистских плебисцитах, творцы Основного закона отказались от включения в него элементов прямой демократии⁶.

Политическая воля населения ФРГ должна была выражаться в ходе парламентских выборов, проводившихся раз в четыре года на основе пропорционального избирательного права. Депутаты бундестага имели несвязанный мандат, т.е. не могли быть отозваны своими избирателями, но свобода их решений на практике ограничивалась партийной принадлежностью. Исполнительная власть сосредотачивалась в руках главы федерального правительства (Bundeskanzler), который формировал кабинет министров. Нововведениями, направленными на недопущение парламентской чехарды, характерной для Веймарской республики, стал опробованный в 1953 г. пятипроцентный барьер для партий, представленных в бундестаге, а также процедура конструктивного вотума недоверия правительству. Последнее отныне могло быть отправлено в отставку только при наличии в бундестаге большинства, способного сформировать ему замену. Принципиальной ревизии были подвергнуты полномочия президента. Первоначальные проекты Основного закона ФРГ вообще не предусматривали этого поста, в ходе работы Парламентского совета он был введен, но получил репрезентативные функции. Федеральный президент избирался сроком на пять

⁶ См.: Ватлин А.Ю. Германия XX века. С. 149.

лет непрямым голосованием и в повседневном политическом процессе выступал не в качестве самостоятельной силы, а как посредник между партиями и группами интересов. В случае, если президентского авторитета уже не хватало, к разрешению конфликтов между ветвями власти подключался конституционный суд.

Правоведческие исследования Основного закона акцентируют свое внимание на его отличиях от Веймарской конституции, хотя такой подход кажется историкам преувеличенным. Политическая система ФРГ рассматривала себя как развитие и исправление, а не как отрицание первой германской демократии. Перефразируя известное изречение: «Бонн – не Веймар» (Ф.Р. Аллеман), можно сказать, что без веймарской трагедии не было бы и боннских успехов. Главная гарантия соблюдения конституции заключалась не внутри ее самой, а в готовности общества жить по ее законам. После 1945 г. изменилась не буква, а дух эпохи: были дискредитированы разного рода утопии «светлого будущего», Западная Европа окончательно потеряла свой патент на мировое лидерство. Если в Веймарской Германии верность конституции являлась предметом коалиционного торга, то в ФРГ радикальные силы справа и слева были отрезаны от реального влияния на политику. Демократические ценности проросли в массовое сознание, превратились из заученных формул в руководство к действию. Поэтому не следует понимать буквально распространенное мнение о том, что «Основной закон в своих ключевых положениях больше напоминает имперскую конституцию 1871 г., нежели конституцию Веймарской республики» (Э. Йекель). Оно справедливо в деталях, но не в общей характеристике новой политической системы. Так, преемственность в развитии германского права сохраняла в ФРГ кастовую замкнутость чиновничества, составлявшего особую социальную группу (*Berufsbeamtentum*). На практике это привело к преобладанию в судебском корпусе лиц с нацистским прошлым, далеко не все из которых превратились в убежденных демократов⁷.

Еще одним связующим звеном с историческим опытом Германской империи стала реабилитация федерализма как вертикальной опоры нового государства. Еще в ходе работы Парламентского совета острые споры разгорелись по вопросу о том, какой быть второй палате парламента – сенатом или представительством отдельных земель. Спорящие партии разделились по географическому признаку, южане в силу антипруссских традиций настаивали на втором варианте. Поддержка военных властей Франции и США (хотя именно в этих странах верхняя палата парламента являлась сенатом), увидевших в нем известную

⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия XX века. С. 149–150.

гарантию от повторения нацистской унификации, обеспечила победу сторонникам палаты земель. В окончательной редакции Основного закона ФРГ она получила название «бундесрат», дословно – совет федерации, формировавшийся из представителей земельных правительств, полномочия этого органа были расширены по сравнению с имперским и веймарским рейхсратом, в частности, он получил право законодательной инициативы и отлагательного вето на решения нижней палаты парламента⁸.

Ссылки на временность создаваемого государственного объединения отличали Основной закон ФРГ от мировой конституционной практики. В преамбуле говорилось о том, что его действие распространяется и на тех немцев, которые лишены права свободно выражать свое мнение. Впоследствии это стало правовой основой для претензии Бонна на единоличное представительство национальных интересов. Статья 146 предусматривала, что после воссоединения страны будет созвано Национальное собрание и разработана новая конституция. Временный характер Основного закона стал одним из секретов стабильности западногерманской демократии – в нем содержался минимум положений, заимствованных из партийных программ и способных стать поводом для затяжных идеологических дебатов. Члены Парламентского совета, собравшиеся в провинциальном Бонне, в целом избежали давления влиятельных общественных организаций, таких как христианские церкви или Объединение германских профсоюзов. Открытость социально-экономических основ будущего государства (статья 14 подчеркивала, что собственность должна служить благу общества, статья 15 предусматривала возможность социализации отдельных предприятий, а статья 20 содержала понятие социального государства, не раскрывая его) резко контрастировала с общественными настроениями первых послевоенных лет, нацеленными на перспективу социалистических преобразований.

Несмотря на дефицит времени и эмоциональное воздействие берлинской блокады, работа над Основным законом ФРГ была проделана с немецкой тщательностью. Его ключевые положения оказали значительное воздействие на государственное строительство стран Восточной Европы после их освобождения от коммунистической диктатуры. Многие формулировки российской конституции 1993 г. Выдают заимствования из Основного закона ФРГ, ставшего необходимым, хотя и не достаточным условием формирования стабильного правового государства с эффективно действующей многопартийной демократией⁹.

⁸ См.: Ватлин А.Ю. Германия XX века. С. 150–151.

⁹ Там же. С. 151.

В начале апреля 1949 г. министры иностранных дел США, Англии и Франции одобрили и передали Парламентскому совету текст **Оккупационного статута**. В нем определялись отношения между будущими органами государственной власти ФРГ и оккупационными властями. Предусматривалось, что последние и впредь, на неопределенный срок, сохраняют за собой все основные права, которыми пользовались ранее (контроль над внешней политикой ФРГ, над Руром, над соблюдением Основного закона). К тому же, военные губернаторы получали право в любой момент приостанавливать его действие, отстранять от управления немецкие органы и вводить свой неограниченный контроль. За соблюдением Оккупационного статута должна была наблюдать Верховная союзническая комиссия.

Первые шесть лет истории ФРГ, отметил **А.Ю. Ватлин**, сферу ее действия ограничивал -Оккупационный статут, принятый на Вашингтонской конференции в апреле 1949 г. Три западные державы сохраняли за собой контроль над соблюдением государственного законодательства, проведение демилитаризации и обеспечение выплаты репараций, эксплуатацию рурского бассейна и даже содержание в тюрьмах нацистских преступников. «В случае нарушения собственной безопасности, угрозы демократической форме правления в Германии или вследствие иных международных обязательств» они могли вернуть себе всю полноту исполнительной власти. После провозглашения ФРГ функции контроля над соблюдением положений Оккупационного статута были возложены на «Союзническую высокую комиссию», местопребыванием которой стала резиденция Нетерсберг в пригороде Бонна. Великобритания, США и Франция продолжали рассматривать свой сектор в Берлине как особую административную единицу. Тем не менее на нее было распространено западногерманское законодательство, представители этого полугорода-полугосударства вошли с правом совещательного голоса во все федеральные структуры¹⁰.

По **Н.В. Павлову**, за несколько месяцев до вступления в силу Основного закона западные оккупационные державы разработали для ФРГ Оккупационный статут (устав). Ему предстояло стать соглашением трех держав с западногерманским государством. Предполагалось, что по мере становления и развития ФРГ Оккупационный статут будет пересматриваться в сторону предоставления западным немцам большей самостоятельности (он вступил в силу 21 сентября 1949 г., т.е. на следующий день после формирования первого правительства Федеративной Республики Германии). Согласно его положениям Федеративная Республика получала в свои руки законодательную, исполнительную и

¹⁰ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 151–152.

судебную власть на уровне федерации и земель. Вместе с тем, оккупационные державы оставляли в своей компетенции все вопросы безопасности, большинство экономических и политических вопросов, внешнюю политику, а также контроль над внешней торговлей. Статут предполагал постепенное расширение правомочий западногерманских властей по прошествии 12 месяцев¹¹.

Что касается **государственной символики** нового государства, то 22-я статья Основного закона определяла только вопрос о государственном флаге ФРГ: возвращался черно-красно-золотой триколор Веймарской республики. Вопросы же о гербе и гимне были отнесены к компетенции бундеспрезидента. Но Т. Хойе только в 1950 г. объявил об утверждении герба ФРГ – им стал орел Веймарской республики. Вопрос о гимне был решен только в 1952 г. – им вновь стала «Песнь немцев» на музыку Й. Гайдна и стихи Х. фон Фаллерслебена. После принятия Основного закона Парламентский совет принял решение провозгласить столицей ФРГ город Бонн – тогда вполне провинциальный город на Рейне с числом жителей около 150 тыс. человек.

На Основной закон ФРГ сразу же обрушилась критика: как слева, со стороны КПГ – в антидемократизме (за запрет политических стачек), в консерватизме (за устранение из нее плебисцитарных принципов) и даже реваншизме (за 23-ю статью, в соответствии с которой произойдет объединение Германии в 1990 г.); так и справа, со стороны право-консервативных и неонацистских сил – в чрезмерном демократизме; но он показал свою жизнестойкость, сохранившись и после объединения Германии в 1990 г.

Через несколько недель после вступления в силу западногерманской конституции был принят (15 июня 1949 г.) «Закон о выборах в Первый бундестаг и в первое Федеральное собрание Федеративной Республики Германии» (так называемый **закон «О выборах»**), а также назначена дата выборов – 14 августа 1949 г.

Несмотря на достаточно многообразный партийно-политический ландшафт послевоенной Германии, в ходе предвыборной борьбы изначально наиболее ярко проявилась конфронтация между двумя крупными партиями – СДПГ и ХДС/ХСС. Общественное внимание было сосредоточено прежде всего на двух партийных лидерах – К. Шумахере (СДПГ) и К. Аденауэре (председателе рейнского ХДС). Шумахер, обладая энергичным и харизматическим имиджем профессионального партийца (к тому же с антифашистским прошлым), был более известной политической фигурой, нежели Аденауэр¹². Поэтому решающую

¹¹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 174.

¹² Невский С.И. Указ. соч. С. 98.

роль в предвыборной борьбе для христианских демократов сыграл глава хозяйственного ведомства Бизонии Л. Эрхард, уже зарекомендовавший себя в качестве решительного реформатора «Объединенной экономической области». Не являясь членом партии, Эрхард умело персонифицировал себя с центральной темой предвыборной кампании – «социальная рыночная экономика», настойчиво агитируя за продолжение начатого годом ранее хозяйственно-политического курса, ключевые положения которого составили основу официальной предвыборной программы ХДС («Дюссельдорфские тезисы»). Позднее Эрхард вспоминал: «Первая предвыборная кампания проходила исключительно под знаком Социальной рыночной экономики, а также вокруг проблем, касающихся цен, независимости, свободы... В той первой предвыборной борьбе “Социальное рыночное хозяйство” идентифицировалось с “ХДС”. Не знаю, часто ли я использовал популярность ХДС; однако каждый знает, что я выступаю за ХДС. В стране меня считают провозвестником Социального рыночного хозяйства»¹³.

По сути, предвыборная борьба лета 1949 г. носила характер всеобщих политических дебатов относительно выбора «хозяйственной конституции» Федеративной Республики. Сторонники рыночной экономики Эрхард/Аденауэр активно противостояли планово-хозяйственной концепции социал-демократов. Шумахер выдвигал против политики «апологета свободной рыночной экономики Эрхарда» достаточно резкие контраргументы, обещая в случае победы его партии на выборах социализацию крупной промышленности, банковской сферы и страховых услуг. «Мы не хотим планировать каждую головку сыра и не стремимся социализировать каждую парикмахерскую, однако мы выступаем за планирование на высшем уровне и за регулирование кредитов и сырья в тех отраслях промышленности, от которых зависит функционирование остальных», – декларировал в своих речах лидер СДПГ¹⁴.

Основной мишенью критики для социал-демократов служили увеличивающиеся показатели безработицы и рост цен после денежной реформы. Социал-демократы, оглядываясь на политику британских лейбористов, а также опыт американского «нового курса» 1930-х, предпочитали кейнсианские рецепты полной занятости: искусственное стимулирование спроса, льготное кредитование промышленности, бюджетное финансирование широкомасштабных государственных программ создания новых рабочих мест и, соответственно, значительное урезание экономических свобод. Эрхард, в свою очередь, указывал на «временный» характер данных негативных проявлений, оправ-

¹³ См.: Koerfer D. Kampf ums Kanzleramt: Erhard und Adenauer. Berlin, 1998. S. 60.

¹⁴ Невский С.И. Указ. соч. С. 99.

дывая их неизбежными «адаптационными» проблемами переходного периода: «Успехи последнего года в восстановлении хозяйства и улучшении социального положения нашего народа были достигнуты лишь благодаря решительному переходу от командно-принудительной экономики к рыночной; деструктивная, близорукая критика и догматические враждебные выпады ошавевших бюрократов от планирования только тормозили развитие живых сил. Оппозиция нападает на нашу экономическую политику не потому, что эта политика плоха, а потому, что она хороша, ибо помогает народу, но вредит партии критиков»¹⁵.

Предвыборная поляризация общественно-политических фронтов произошла довольно быстро. Если профсоюзы традиционно следовали за СДПГ, то католическая церковь и торгово-промышленные объединения выступили на стороне обеих партий Союза. Шумахер крайне резко критиковал партийные пристрастия церкви, назвав ее «пятой оккупационной властью» и объявив религиозные ценности «абстрактными, ничего не значащими категориями» (за что, кстати, принес социал-демократам дополнительные голоса в южной части Германии, а также в Рейнской области). Аденауэр парировал нападки оппонента: «Как и прежде СДПГ стоит на пути классовой борьбы, что противоречит интересам немецкого народа... Будут ли Германией править по христиански или ей будут править по социалистически? Если ей будут править по социалистически, то тогда нам станет ясно, что между социализмом и коммунизмом нет никаких преград»¹⁶.

Еще до вступления в силу Основного закона (23 мая 1949 г.), писал **А.Ю. Ватлин**, на территории будущей ФРГ развернулась острая предвыборная борьба. Националистические выпады, личные оскорбления, обилие компрометирующего материала о контактах тон или иной партии с покровительствующей ей военной администрацией – все это заставило мировую прессу вспомнить худшие традиции политической культуры Веймара, когда-то приведшие к власти партию Гитлера. Впрочем, мнения о «неисправимости» немцев были явно преувеличенными – присутствие оккупационных властей и шок тотального поражения, который определял общественное сознание и на Западе, и на Востоке Германии, не оставлял реваншистским силам шансов легальной политической деятельности.

Главным полем предвыборных баталий стала альтернатива «плановое хозяйство или свободная рыночная экономика», отвечавшая социально-экономическим программам двух крупнейших партий. Если

¹⁵ Невский С.И. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ См.: Ежов В.Д. Конрад Аденауэр – немец четырех эпох. М., 2003. С. 106; Weimer W. Deutsche Wirtschaftsgeschichte: von der Währungsreform bis zum Euro. Hamburg, 1998. S. 73.

бы выборы состоялись на полгода раньше, социал-демократам удалось бы собрать под свои знамена большинство населения, недовольного рискованным «прыжком в холодную воду». С точки зрения неолибералов «социальная справедливость являлась конечной целью экономического подъема, а не его отправной точкой, на чем настаивала СДПГ» (Т. Эшенбург), что делало их позицию особенно уязвимой в условиях всеобщей нужды и хозяйственного хаоса. Однако к лету 1949 г. признаки оздоровления западногерманской экономики были уже налицо, и формально беспартийный Эрхард стал главным агитатором (Wahllokomotive) ХДС/ХСС. Многим импонировали его хладнокровие и самоуверенность, способность убеждать военные власти в своей правоте, избегая громких конфликтов с ними. Наконец, профессорский титул Эрхарда как нельзя лучше дополнял политические инстинкты лидера христианских демократов.

Против социал-демократов играл не только подъем рыночного хозяйства, но и воинствующая риторика их лидера. Видя в Аденауэре «символ политического банкротства целого класса», Шумахер продолжал настаивать на безальтернативности социалистического развития послевоенной Германии. Это отпугивало от СДПГ крестьянство и широкие слои мелких предпринимателей, только-только почувствовавших под ногами твердую почву. В большей степени прагматическим интересам ХДС, нежели действительной позиции СДПГ соответствовали лозунги «социализм или христианство», заменившие собой традиционные клише «красной угрозы». В отличие от социал-демократов и коммунистов буржуазные партии получали значительные пожертвования от предпринимательских кругов, которые тратились на технические средства пропаганды. На западных немцев обрушилось целое море предвыборных листовок, и сбор макулатуры на некоторое время стал достаточно доходным бизнесом¹⁷.

Результаты состоявшихся 14 августа 1949 г. выборов в Первый германский бундестаг, в которых приняли участие 78,5% избирателей из 31,2 млн. имеющих право голоса, оказались следующими: 31% голосов был отдан блоку ХДС/ХСС, социал-демократы получили 29,2%, СвДП – 11,9% (см. табл.).

Исход выборов в бундестаг, состоявшихся 14 августа 1949 г., отмечал **А.Ю. Ватлин**, почти без изменений воспроизвел расстановку сил в Парламентском совете. Главным итогом предвыборных баталий стала высокая активность западногерманских избирателей. 31% голосов был отдан блоку ХДС/ХСС, 29% получила СДПГ, 11% – СвДП. Независимо от предстоявших переговоров о формировании правительства

¹⁷ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 152–153.

эти три партии образовали «боннскую коалицию», стоявшую на почве признания ценностей западной демократии, положений Основного закона ФРГ, атлантической солидарности и бескомпромиссного антикоммунизма. Вне этой коалиции, включавшей в себя и мелкие либеральные партии, оставалась только КП Г, оказавшаяся по итогам выборов на четвертом месте (5,6% голосов). Хотя этот результат заслуживал уважения ввиду жесткой антисоветской политики оккупационных властей, рассматривавших коммунистов как «агентов Москвы», он не оставлял шансов для формирования антизападной оппозиции, идею которой неоднократно излагал Сталин в своих послевоенных беседах с немецкими политиками. Чтобы объяснить очевидное поражение коммунистов, Управление информации США в своих донесениях делало акцент на «режиме террора и (ограничения свобод, который был создан оккупантами и их немецкой агентурой в период выборов»¹⁸.

Таблица

Итоги выборов в Первый германский бундестаг

Партия	Голоса	Процент	Места в парламенте
ХДС/ХСС	7359089	31,0	139
СДПГ	6934975	29,2	131
СвДП/ННП*	2829975	11,9	52
КПГ	1361708	5,7	15
Баварская партия	986478	4,2	17
Германская партия	939934	4,0	17
Союз экономического развития	681981	2,9	12
Партия центра	727505	3,1	10

Примечание: * Немецкая народная партия (Deutsche Volkspartei).

8 апреля 1949 г. Франция присоединилась к единому западно-германскому экономическому пространству по англо-американскому образцу, пишет **Н.В. Павлов**. Бизония превратилась в Тризонию. А ровно через месяц Парламентский совет, заседавший в Бонне, одобрил проект Основного закона (конституции) и передал его на ратификацию в ландтаги. Во второй половине мая 1949 года парламенты земель, за исключением Баварии, одобрили представленный документ, и Основной закон вступил в силу 23 мая 1949 г., что стало официальным днем образования Федеративной Республики Германии.

¹⁸ См.: Ватлин А.Ю. Германия XX века. С. 153.

Основной закон мыслился не как окончательная конституция, а как временное урегулирование. Перед немецким народом по-прежнему стояла цель «обрести единство и свободу Германии в условиях свободного самоопределения». Для того чтобы подчеркнуть, что речь идет не о постоянном документе, а только об основах конституционного регулирования в переходный период, и было выбрано название «Основной закон», а не «Конституция». Этот выбор должен был также подчеркнуть географически ограниченную сферу действия Основного закона. В августе 1949 года в Западной Германии состоялись первые парламентские выборы, а в сентябре последовало конституирование законодательной и исполнительной ветвей власти Федеративной Республики Германии. 7 октября была образована Германская Демократическая Республика¹⁹.

Двадцать первого сентября 1949 г., пишет **Х. Шульце**, три верховных комиссара западных оккупационных держав вызвали к себе канцлера Федеративной Республики Германии, чтобы торжественно передать главе правительства новой страны Оккупационный статут. В этом документе закреплялись суверенные права оккупационных держав, ограничивавшие боннский Основной закон. Чтобы внести полную ясность в ситуацию, три представителя союзных держав хотели стоять во время церемонии на красном ковре, в то время как немецкой делегации было указано место рядом с ковром. За несколько дней до этого только что избранный первый германский бундестаг крайне незначительным большинством избрал Конрада Аденауэра федеральным канцлером. В его кабинет входили политики из Христианско-демократического союза, Свободной демократической партии, а также Немецкой партии, Крестьянской консервативной партии из Ганноверского округа, вошедшей позже в ХДС. Социал-демократическая партия под руководством Курта Шумахера оказалась пока на оппозиционных скамьях. Легитимированный таким демократическим способом новый федеральный канцлер и мысли не допускал, что верховные комиссары могут смотреть на него свысока, и ступил, будто бы это само собой разумелось, на ковер, не предназначенный для него. Шаг Аденауэра был с кисло-сладкими минами принят к сведению, германский федеральный канцлер продемонстрировал, что намерен действовать, используя данные ему возможности.

Правда, Аденауэр знал, что с внешнеполитической точки зрения пространство для его маневра было сильно ограничено. Как он подчеркнул уже в своем первом правительственном заявлении от 20 сентября 1949 г., его задача заключалась в первую очередь в том, чтобы возможно быстрее интегрировать безвластную, представляемую вове

¹⁹ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 174–175.

сообщества державами-победительницами Федеративную Республику в «западноевропейский мир» и обрести суверенитет, военную безопасность и свободу действий. В культурном и духовном отношении часть государства, каковой являлась ФРГ, также надлежало навсегда быть связанной с Западом, чтобы исключить всякую возможность проведения Германией, как ранее, политики качелей между Востоком и Западом, а также и возможность того, чтобы Германия оказалась в тени Советского Союза. Прочная привязанность к Западу, которой добивался Аденауэр, должна была, кроме того, ликвидировать германо-французское противоречие и превратить Германию в постоянного, предсказуемого политического партнера. Только с такого рода прочной позиции – в этом первый федеральный канцлер Федеративной Республики был твердо убежден – возможно решение германского вопроса посредством воссоединения²⁰.

Учреждение бундестага состоялось 7 сентября 1949 г. Распределение депутатских мест в нижней парламентской палате выглядело так: 139 мест досталось блоку ХДС/ХСС, 131 – СДПГ, 52 – СвДП, 17 – Германской партии. 12 сентября Федеральным собранием был избран первый президент ФРГ – Теодор Хейс (председатель СвДП), 15 сентября парламент избирает первым федеральным канцлером К. Аденауэра.

7 сентября 1949 г., пишет **А.Ю. Ватлин**, на свое первое заседание собрался бундестаг, в котором 139 мест получил блок ХДС/ХСС, 131 – СДПГ и 52 – свободные демократы. 12 сентября Федеральное собрание избрало президентом ФРГ Теодора Хейса. На 15 сентября были назначены выборы канцлера, имевшие решающее значение для будущего политического курса страны. Находившийся еще во власти предвыборных эмоций Аденауэр отказался от большой коалиции с СДПГ, что сделало его избрание весьма проблематичным. В ходе голосования по его кандидатуре на пост главы правительства «за» проголосовало 202 депутата, «против» – 200. Впоследствии Аденауэр шутил, что решающим голосом оказался его собственный. Интересно, что первым «бундесканцлером» в германской истории стал в 1867 г. Бисмарк, но на это в 1949 г. никто не решался указывать. Традиции в послевоенной Германии были не в чести, ставка делалась скорее на амнезию исторической памяти немцев. В этом ключе было выдержано заявление первого правительства ФРГ, отказавшееся от обширных экскурсов в прошлое и повторявшее удачные обороты предвыборной кампании христианских демократов. Отличие возникшего государства и от нацистского, и от восточногерманского режимов заключалось, по мнению Аденауэра, не только в личной свободе, но и в свободной эко-

²⁰ См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 208–209.

номике, противопоставлявшей принудительному хозяйству. Внешне-политическую часть его выступления перед бундестагом отличали слова примирения по отношению к Франции и жесткие упреки в адрес СССР и Польши, якобы самовольно аннексировавших территорию Германии к востоку от Одера и Нейсе²¹.

Конрад Аденауэр (1876–1967) родился в Кёльне в семье служащего земельного суда. Получил высшее юридическое образование в университетах Фрайбурга, Мюнхена и Бонна (1894–1901). С 1901 по 1905 г. работал в городской адвокатуре Кёльна, затем – с 1906 г. – помощником депутата городского собрания и – с 1909 г. – первым заместителем обербургомистра Кёльна. С 1917 по 1933 г. занимал пост обербургомистра Кёльна. В 1921 г. был избран президентом Прусского государственного совета (от партии Центра). Во времена национал-социализма был отстранен от государственной службы. С мая по октябрь 1945 г. вновь занимал пост обербургомистра Кёльна. С марта 1946 г. – председатель ХДС британской оккупационной зоны, с сентября 1948 г. по май 1949 г. – президент Парламентского совета в Бонне. После образования Федеративной Республики четыре раза избирался федеральным канцлером Германии (до 1963 г.). С 1951 по 1955 г. одновременно был министром иностранных дел ФРГ. До 1966 г. – председатель ХДС.

Исчерпывающие сведения о жизни и политической карьере Аденауэра содержатся в крупном биографическом исследовании германского политолога Ханса-Петера Шварца: «Adenauer. Der Aufstieg: 1876–1952» (Bd. 1. 1986); «Adenauer. Staatsmann: 1953–1967» (Bd. 2. 1991). В отечественной литературе наиболее полное изложение жизненного пути и деятельности немецкого политика представлено в биографической работе ШД. Ежова: «Конрад Аденауэр – немец четырех эпох» (М, 2003).

Аденауэр был избран федеральным канцлером 202 голосами «за», 142 – «против», при 44 воздержавшихся и 1 недействительном голосе (из 389 проголосовавших). Так как, согласно Основному закону, для избрания канцлера необходимо было абсолютное большинство в парламенте, а в 1949 г. это составило 202 из 402 голосов, то Аденауэр получил необходимый перевес лишь в 1 голос, который, как впоследствии шутил политик, был его собственным голосом, отданным самим за себя.

Спустя пять дней (20 сентября) был сформирован коалиционный кабинет из ХДС/ХСС, СвДП и Германской партии. В новое правительство вошли 13 министров, включая Эрхарда, возглавившего министерство экономики. Главой оппозиции в бундестаге стал председатель

²¹ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 153–154.

фракции СДПГ Шумахер. В своем первом правительственном заявлении 73-летний федеральный канцлер подвел итоги выборов: «Вопрос Социального рыночного хозяйства или плановой экономики в предвыборной борьбе играл первостепенную роль. Германский народ преобладающим большинством высказался против планового хозяйства». В состав правительства пока что не входило министерство иностранных дел, поскольку внешние вопросы оставались в ведении оккупационных властей. Первые внешнеполитические полномочия Федеративная Республика получила 22 ноября 1949 г. с подписанием «Петерсбергского соглашения», устанавливавшего консульские отношения между Германией и союзническими державами.

7 сентября 1949 г., пишет **Н.В. Павлов**, бундестаг первого созыва собрался на свое первое пленарное заседание. 12 сентября Федеральное собрание (специальный орган по выборам главы государства) избрал первым президентом ФРГ Теодора Хойса. А 20 сентября 73-летний Аденауэр, возглавлявший до этого деятельность Парламентского совета и избранный 15 сентября федеральным канцлером большинством в один голос (этот голос он сам отдал за себя), сформировал первое коалиционное правительство, куда вошли ХДС/ХСС, СвДП и Немецкая партия. В первом кабинете, как и в последующих, доминирующей личностью оставался К. Аденауэр, хотя еще в период работы Парламентского совета практически никто, кроме, пожалуй, самого Аденауэра, не сомневался, что он – всего лишь техническая, проходящая фигура. Он стал самым старым за всю историю Германии главой правительства. Родился он раньше, чем Штреземан, Брюннинг и шесть последующих канцлеров Веймарской республики, был на 13 лет старше Гитлера. Он стал канцлером почти в том же возрасте, в каком Бисмарк был отправлен на пенсию, и правил страной дольше, чем 21 кабинет Веймарской республики, вместе взятый, дольше, чем существовал «тысячелетний рейх». Его физическая форма потрясала так же, как и его политика. А министры, за исключением Эрхарда, казались второстепенными фигурами. Сам же Аденауэр, как тогда говорили, в одиночку составлял «70% своего кабинета»²².

Так конституировалось новое государство – **ФРГ**, суверенитет которого пока что ограничивался Оккупационным статутом, вступившим в силу 21 сентября 1949 г. Оккупационный статут сохранял за союзническими державами многочисленные права и компетенции в отношении Федеративной Республики – от вопросов военной безопасности и внешней политики до контроля над государственным законодательством, экономикой и внешней торговлей. За соблюдением норм Оккупа-

²² См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 195–196.

ционного статута следила специально созданная **Верховная комиссия союзников** со штаб-квартирой в Петербурге (в пригороде Бонна). Окончание оккупационного режима и признание полного суверенитета ФРГ произошло в 1955 г.

Необходимо заметить, что победе **Л. Эрхарда** и **К. Аденауэра**, помимо многообещающей предвыборной программы под девизом «социального рыночного хозяйства», в немалой степени способствовал начавшийся экономический подъем (см. таблицу)²³. Вопреки все еще наблюдавшимся проблемам переходного периода (росту цен и безработицы) население Германии спустя год после начала рыночных реформ уже могло почувствовать некоторые улучшения в экономическом развитии своей страны. Индекс промышленного производства, который в 1948 г. еще составлял две трети уровня 1936 г., достаточно быстрыми темпами приближался к данной «условно-исторической» отметке. Наиболее значительный рост отмечался в секторе строительства и производстве потребительских товаров, что имело важное «социальное» значение накануне выборов 1949 г.

Таблица

Индекс промышленного производства ФРГ (1948–1949 гг.)

(1936 = 100)

	Вся промышленность	Строительство	Потребительские товары
1948 г.:			
1-е полугодие	53,0	–	43,7
2-е полугодие	73,2	–	63,8
1949 г.:			
январь	79,5	71,1	71,4
февраль	78,6	65,1	71,3
март	87,3	71,1	81,4
апрель	80,4	74,4	74,7
май	86,3	83,9	82,0
июнь	85,1	89,0	80,0
июль	88,5	96,8	78,8
август	94,0	103,1	86,4
сентябрь	95,7	105,4	95,9

Источник: Statistisches Bundesamt (Hrsg.): Datenreport 1992. Bonn, 1992 / Weimer W. Op. cit. S. 75.

²³ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 101–102.

За первыми шагами правительства ФРГ, отмечал **А.Ю. Ватлин**, внимательно следили в Москве, спешно подготавливая провозглашение государства в советской зоне оккупации. Взаимное непризнание сопровождалось пропагандистской дискредитацией «боннского режима», который советская пресса на протяжении нескольких лет отказывалась называть государством. Позже и вплоть до конца 1980-х гг. его официальное название выглядело следующим образом: Федеративная Республика Германии (родительный падеж в последнем слове должен был подкрепить неприятие ее претензии на единоличное представительство интересов всех немцев). В 1949 г. на такие мелочи никто не обращал внимания – огонь велся из пропагандистских орудий самого крупного калибра. На следующий день после того, как Аденауэр стал бундесканцлером, «Правда» писала: «ублюдочный парламент избрал главой марионеточного правительства ярого поклонника Гитлера и Муссолини». За крайне жесткой словесной риторикой скрывалось разочарование советского руководства, вынужденного распрощаться с последними надеждами на то, что национальные чувства немцев перечеркнут любые попытки сепаратных решений германского вопроса²⁴.

По **А.Ю. Ватлину**, история знает не много примеров столь тщательной и целенаправленной подготовки к созданию государства, как это случилось с Федеративной республикой, ставшей результатом удавшегося разделения труда между представителями западных держав и немецкими политиками. Новейшие исследования и публикации документов показывают, что область самостоятельных решений последних была гораздо больше, чем это представлялось современникам. Атмосфера «холодной войны», предопределившая создание на территории Западной Германии несокрушимого бастиона, исключала проведение политических экспериментов. В отличие от внутренней политики, неизбежно возвращавшейся к основам первой немецкой демократии, новое бесспорно преобладало в духовной и внешнеполитической сферах. «Нацистская революция освободила немцев от их собственного прошлого» (Голо Манн), исключив любую попытку Германии противопоставить себя европейским соседям и остальному миру.

Поэтому спор о соотношении реставрации прошлого и ростков нового в послевоенной германской истории является предметным только применительно к социально-экономической сфере. Критическая историография считает, что из-за давления американской администрации западным немцам не дали извлечь правильные уроки из прошлого, покончить с господством капитала и взять судьбу страны в свои руки. Расцвет подобных взглядов пришелся на период ломки традицион-

²⁴ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 154.

ных ценностей, начавшийся молодежным протестом конца 1960-х гг., и в целом определялся тем же постулатом об «упущенных возможностях», что и оценка Ноябрьской революции. Та роль, которую в ее ходе должны были сыграть, но не сыграли рабочие советы, после 1945 г. переносится на антифашистские комитеты. Несмотря на противодействие оккупационных властей их инициативам, вплоть до 1947 г. Германия двигалась в направлении «нового общественного строя (Neuordnung), опиравшегося на лишение власти старых капиталистических элит» (Г. Фюльберт).

Оппоненты критической школы, на сегодняшний день оставшейся экзотическим островком в немецкой исторической науке, напротив, приветствуют окончательное возвращение ФРГ в лоно западной цивилизации, невозможное без восстановления основ рыночной экономики. Тезис о реставрации, по их мнению, подразумевает признание революционного характера нацистской диктатуры, которая в таком случае не могла быть одним из вариантов политического господства крупного капитала. Г.-П. Шварц выступил против «мифа о социализации», к которой якобы стремились все политические силы в первые послевоенные годы. Лидеры социально-исторического направления в немецкой историографии Х. Клессман и Ю. Кока занимают среднюю позицию, считая, что предыстория ФРГ сочетала в себе и реставрацию капиталистических структур, и прорыв к реальной демократии.

Если представить себе чисто гипотетическую возможность воссоздания единого германского государства, то можно с уверенностью сказать, что оно в гораздо большей степени отразило бы в своем облике новое начало немецкой истории. Возрождение народного хозяйства с учетом сохранившейся инфраструктуры и регионального разделения труда, социально-экономические преобразования на базе Потсдамского соглашения и доминирования рабочих партий, строительство «моста между Востоком и Западом» в сфере внешней политики, возрождение национального диалога деятелей искусства и культуры – подобная перспектива требовала готовности к компромиссу не только от лидеров антигитлеровской коалиции, но и от партийно-политических сил внутри страны. Однако это понятие отсутствовало в лексиконе полководцев и оруженосцев «холодной войны» по обе стороны от «железного занавеса». Во вторую половину XX в. вошли два германских государства, ФРГ и ГДР, каждое из которых считало себя единственно правильным²⁵.

При рассмотрении исходных позиций и особенностей создания западногерманского государства, отмечает **Н.В. Павлов**, представляют

²⁵ См.: Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. С. 154–155.

интерес различия, которые имелись между Федеративной Республикой и ее историческими предшественниками²⁶:

Первое. Территория и население государства, для которого следовало разработать новую конституцию, были значительно меньше, чем в разные исторические эпохи германской государственности. Будущая Федеративная Республика Германия составляла только 52,7% территории и 62,0% населения довоенной Германии.

Второе. Территориальное деление субъектов будущей федерации те. земель, было более гомогенным, нежели в более ранние исторические эпохи. Десять земель в трех западных зонах оккупации и западные сектора Берлина в том, что касалось протяженности и структуры, при всех их различиях были в более равном положении нежели в период второй империи Бисмарка, Веймарской республики или третьего рейха. Отсутствие такого гиганта, как Пруссия, которая составляла 65% германской территории и 62% населения, повышало собственный вес вновь образованных земель.

Третье. В результате утраты восточногерманских территорий маргинализировались отдельные категории населения, которые обладали значительным политическим влиянием в империи кайзера и в Веймарской республике. Восточнопрусское юнкерство, которое до и особенно после Первой мировой войны являлось существенной составной частью антидемократического фронта, было лишено экономической базы существования.

Четвертое. Тотальное как военное, так и политическое поражение в войне не послужило возрождению легенды об «ударе кинжалом» в сердце Германии, что было характерно для периода Веймарской республики и стало базовым аргументом прихода к власти национал-социалистов. Военный крах 1945 года, как в свое время и 1918 год, знаменовал полный разрыв с политическим прошлым. Однако, в отличие от 1918–1919 гг., особые права и обязанности держав-победительниц не стали излишним бременем для будущей, пускай и расколотой, германской государственности. Вопрос исторической вины немцев был в 1945 году определеннее, чем это было в 1918 году, а отмежевание немецкой демократической элиты от ставших известными преступлений национал-социализма – много легче в силу их неоспоримости. Поэтому многие мероприятия союзнических держав воспринимались со стороны немцев с большим пониманием и одобрением.

Пятое. Начало «холодной войны» в условиях биполярного мира привело к утверждению на немецкой земле двух гигантских идеологических

²⁶ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 175–177.

блоков, которые могли быть и были использованы сверхдержавами и политическим руководством на западе и востоке Германии в качестве гравитационных полюсов и интеграционных механизмов. Для закрепления соответствующей политической, общественной и экономической ориентации опора делалась на антиобраз, точнее сказать, на образ врага.

Шестое. Действия, иными словами реакция держав-победительниц на итоги войны были иными, нежели в 1918 году. Рано проявивший себя антисоветский курс английского премьера Черчилля, «политика сдерживания» администрации Трумэна еще до обсуждения Основного закона предопределили перспективу появления для западных держав немецкого партнера в Большой Европе. Даже наиболее проблемный послевоенный партнер для западной части Германии – Франция в более сжатые сроки, чем после Первой мировой войны, была готова на поиски соглашения с бывшим военным противником – Германией.

Седьмое. Во время и после Второй мировой войны произошла масштабная территориальная и социальная флуктуация населения, сравнимая разве что с последствиями революции. Согласно экспертным оценкам, после войны каждый второй немец поменял место проживания, причем это без учета многих миллионов изгнанных и беженцев из бывших восточных немецких земель.

Восьмое. Массовое перемещение населения содействовало также сглаживанию религиозных различий. Поток преимущественно протестантских переселенцев из восточных областей в южные католические районы привел к более равномерному религиозному расселению.

Девятое. Годы, когда учреждались все три исторические общественно-политические формы немецкой государственности, характеризовались значительными односторонними финансовыми трансфертами. В 1871 году Германская империя получила от Франции в качестве компенсации за войну 4,2 млрд, марок.

В 1924-1929 гг. Германия заплатила державам-победительницам 8,6 млрд, рейхсмарок, из них 50% – Франции. Репарации со стороны Федеративной Республики после Второй мировой войны согласно Лондонскому договору о долгах от 1953 года составили 14 млрд, западногерманских марок, из них 7 млрд, марок были выплачены Израилю. Однако часть этой суммы была компенсирована за счет американской экономической помощи, которая составила с 1946 по 1952 год 8,4 млрд, марок. Таким образом, американские программы помощи содействовали тому, что ФРГ избежала экономических трудностей, с которыми столкнулась Веймарская республика.

История возникновения Федеративной Республики и, соответственно, становления ее внешней политики, подчеркивает **Н.В. Павлов**, – это история становления биполярного мирового устройства после Второй мировой войны. В стадии зарождения «холодной войны» противоречия между США и Советским Союзом моментально отражались на Германии. Новая биполярная силовая система исключала любую возможность ее какого-либо самостоятельного национального или регионального развития. Даже такие европейские державы-победительницы, как Франция и Англия, не могли и подумать о проведении обособленной, нейтральной или самостоятельной политики. Кроме того, экономическая нужда увеличивала зависимость Западной Европы от США. Западноевропейские страны, и прежде всего Западная Германия, только с американской помощью смогли встать на ноги. Совокупная американская финансовая помощь Федеративной Республике в рамках «плана Маршалла» к сентябрю 1951 года составила 3,9 млрд. долл. Со вступлением Оккупационного статута в силу контроль за его выполнением был возложен на Союзническую верховную комиссию, которая пришла на смену военной администрации²⁷.

²⁷ См.: Павлов Н.В. Указ. соч. С. 177–178.

11. ОБРАЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ГДР). «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» ФРГ

После берлинского кризиса 1948 г., отмечает **А.М. Филитов**, события происходили уже почти автоматически. На Западе – принятие Основного закона Парламентским советом 8 мая 1949 г., его одобрение военными губернаторами 12 мая (в тот же день вступило в силу межсоюзническое соглашение о прекращении «блокады» Берлина и западной «контрблокады»), торжественный акт обнародования Основного закона 23 мая (этот день считается днем образования ФРГ), реорганизация института военных губернаторов в институт Верховных комиссаров западных держав в Германии (20 июня), первые выборы в бундестаг ФРГ (14 августа), конституирование бундестага и бундесрата (7 сентября), избрание президента – лидера СвДП Т. Хойса (12 сентября) и федерального канцлера – К. Аденауэра (15 сентября). На Востоке – принятие проекта Конституции Германской Демократической Республики Немецким народным советом (19 марта 1949 г.), выборы в третий Немецкий народный конгресс (15–16 апреля), образование временной Народной палаты (7 октября – эта дата вошла в историю как дата образования ГДР), реорганизация СВАГ в Советскую контрольную комиссию – СКК (10 октября), избрание В. Пика президентом ГДР (11 октября), утверждение Народной палатой правительства ГДР во главе с О. Гротеволем (12 октября), установление дипломатических отношений между ГДР и СССР (15 октября). Все шло в обеих частях Германии по принципу «действие – противодействие».

В промежутке, правда, собралась и работала Парижская сессия СМВД (23 мая – 20 июня 1949 г.), ставшая последней. Но, как уже отмечалось, она не сыграла ровно никакой роли в продвижении германского вопроса. Да и вряд ли могла сыграть. С момента возникновения берлинского кризиса предотвратить образование двух германских государств, видимо, было уже делом нереальным. Германский вопрос вступил в новую стадию. Решать его стало сложнее. Однако возможности для такого решения оставались, хотя они значительно сузились¹.

После 1945 г., по **А.Ю. Ватлину**, мы имеем дело с феноменом двух германских государств, которые развивались параллельно и не-

¹ См.: Филитов А.М. Указ. соч. С. 109–110.

зависимо друг от друга². Весной 1945 г. на территории Восточной Германии оказалось два миллиона советских солдат. М.И. Семиряга, сам ветеран войны, справедливо отмечает, что «немало наших военнослужащих, оказавшихся на германской территории, считало, что им как победителям здесь все позволено, в том числе и бесчинства по отношению к мирному населению». Последнее, запуганное волной насилия и мародерства в первые дни оккупации, а еще больше геббельсовской пропагандой о «нашествии степных орд», жаждущих возмездия, не испытывало к ним никаких чувств, кроме панического страха. Налаживание мирной жизни проходило достаточно противоречиво, включая в себя и поощряемые младшими командирами рейды солдат за «трофеями», и кормежку из армейских кухонь горожан, переживших последние месяцы войны в подвалах и руинах³.

Не без труда в головах офицеров Советской армии происходила трансформация представлений о подконтрольной территории как военной добыче к пониманию своей деятельности как замены государственного управления. Советская военная администрация в Германии (СВАГ), созданная 6 июня 1945 г., была отделена от оперативного командования войск, находившихся на этой территории, и напрямую подчинена Совету народных комиссаров. На первых порах ее конкретные исполнители на местах имели немалую свободу маневра, шла ли речь о починке водопровода или возобновлении работы театра. Посты бургомистров и ландратов получали прежде всего люди с опытом административной работы, не запятнавшие себя активным сотрудничеством с нацистским режимом. В июле 1945 г. были образованы правительства в пяти восточногерманских землях (Бранденбург, Мекленбург, Саксония, Саксония-Ангальт и Тюрингия), с октября им было разрешено по согласованию со СВАГ издавать собственные законы. Параллельно в Берлине начали свою работу одиннадцать зональных ведомств, курировавших экономику, транспорт и социальную сферу.

Будни оккупационной политики во многом определялись ведомственными и личными конфликтами, согласование которых происходило не в Карлсхорсте, где находилась штаб-квартира СВАГ, а в Москве. Достаточно указать на сопротивление политработников (только в Управлении пропаганды насчитывалось до 1500 сотрудников, всего в СВАГ, включая местные структуры, работало около 50 тыс. человек) деятельности «репарационной банды» – представителей советских министерств, откомандированных в Германию для вывоза новейшего оборудования и технологий, и обладавших в первый год оккупации ис-

² Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 156.

³ Там же. С. 157.

ключительными полномочиями. Позже на первый план вышли коллизии между офицерами СВАГ с армейским прошлым и представителями НКВД/МГБ в советской зоне оккупации, имевшими собственные представления о методах обеспечения безопасности существующей власти. Запутанность компетенций дополнял политсоветник СВАГ, представлявший интересы внешнеполитического ведомства в СКС. Этот пост сохранялся вплоть до установления полномасштабных дипломатических отношений между СССР и ГДР в сентябре 1955 г., его занимал В.С. Семенов⁴.

Было бы упрощением утверждать, что глава СВАГ (первоначально им являлся Г.К. Жуков, вскоре его сменил В.Д. Соколовский) реализовывал установки Кремля гораздо жестче, чем американская оккупационная администрация – директивы президента США. Влияние военных властей имело разный характер, и для оценки его эффективности не подходят количественные показатели. Американцы делали ставку на отбор немецких политиков, убежденных в преимуществе западной общественной модели и способных утвердить ее как минимум в их собственной зоне оккупации. СВАГ имел готовый резерв коммунистов, которым поручалось сформировать новую политическую элиту по образу и подобию сталинской номенклатуры. «Германская Демократическая Республика государство, нация и «общество» – возникла прежде всего как результат взаимодействия русских и немцев советской зоны. Своими успехами, неудачами и окончательным крахом она обязана тем основам и традициям сотрудничества, которые были заложены в первые послевоенные годы». С этим утверждением американского ученого Нормана Неймарка трудно поспорить. Его немецкий коллега Герман Вебер указывает на вторую детерминанту истории ГДР: традиции германского коммунизма.

Функционеры и активисты КПГ, находившиеся в московской эмиграции, понесли тяжелые потери в годы сталинского террора и репрессий начального периода войны. Партийное руководство – Вильгельм Пик и его заместитель Вальтер Ульбрихт – сделало ставку на молодежь, многие представители которой являлись эмигрантами уже во втором поколении. Не меньшее значение имел отбор кадров «будущей Германии» из выпускников антифашистских школ, действовавших в советских лагерях для военнопленных. Планы послевоенных преобразований, разработанные немецкими коммунистами и одобренные Сталиным, отнюдь не подразумевали «социалистической революции» по образцу и подобию большевистской. Сохраняя в целом марксистско-ленинскую лексику (годы нацистского режима рассматривались

⁴ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 158.

как «империалистический путь под пятой германского финансового и монополистического капитала») со сталинской спецификой (среди ошибок Ноябрьской революции назывался «отказ от чистки всего государственного аппарата от врагов народа»), они выдвигали новые политические акценты. На первом месте стояло доведение до конца демократических преобразований, возможное только под руководством широкого фронта антифашистских сил («блок боевой демократии») и открывавшее перспективу создания «народно-демократического режима»⁵.

Приближение советских войск к Берлину позволило германским коммунистам перейти от теории к практике. В апреле 1945 г. из Москвы в Восточную Германию были переброшены две группы функционеров КПГ, которым на месте предстояло выяснить возможные перспективы послевоенной политики и возглавить гражданскую администрацию в освобожденных районах. Отчитываясь о проделанной работе в отделе международной информации ЦК ВКП(б) 7 июня, Антон Аккерман, Вальтер Ульбрихт и Густав Соботка отмечали тягу активистов первого часа к политическому единству и критиковали левацкие настроения вышедших из подполья коммунистов. В докладе сохранялись негативные оценки социал-демократов, которые «ничему не научились и ни капли не изменились», продолжают враждебно относиться к Советскому Союзу и т.д. Балласт взаимной враждебности, накопленный обеими рабочими партиями в годы Веймарской республики, грозил лишить их свободы политического маневра и после «третьего рейха».

10 июня 1945 г. Главноначальствующий СВАГ маршал Жуков подписал приказ №2 о разрешении деятельности антифашистских политических партий в советской зоне оккупации. На следующий день КПГ выступила с развернутым политическим манифестом, который являлся итогом ее теоретической работы в эмиграции. Основные положения этого документа были разработаны в Москве и согласованы со Сталиным, «планы которого в отношении Германии определялись опытом Веймарской республики, оставившим глубокий след в его сознании» (В.К. Волков). Советский лидер настоятельно рекомендовал коммунистам отмежеваться от советской модели и сделать акцент на формирование блока анти-фашистских сил.

Манифест КПГ точно определял самое чувствительное место общественного сознания немцев летом 1945 г. – стремление не допустить повторения трагедии прошлого, его отличал воинствующий антифашизм, который недвусмысленно указывал на необходимость социально-экономических перемен. Наряду с преодолением вызванных войной бедствий ближайшей задачей назывались демократические

⁵ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 159.

преобразования, «завершение революции 1848 г.». Государственно-правовая формулировка стратегических задач КПГ выглядела следующим образом: «создание антифашистско-демократического режима, парламентско-демократической республики со всеми правами и свободами для народа». О социалистической перспективе в манифесте ничего не говорилось, напротив, специально подчеркивалось, что путь навязывания Германии советской модели был бы порочным. Вряд ли это было только политической хитростью, скорее здесь сказывалась ориентация КПГ на открытую позицию СССР в германском вопросе, решение которого находилось в исключительном ведении держав антигитлеровской коалиции⁶.

Напротив, воссозданный берлинский центр СДПГ во главе с Отто Гротеволем выдвинул в своем обращении от 15 июня 1945 г. радикальные лозунги: «демократия в государстве сверху донизу, социализм в социально-экономической сфере», а также немедленное объединение марксистских рабочих партий. Послевоенной Германии отводилась роль моста между Востоком и Западом, социал-демократы отрицали тезис о «коллективной вине» немецкого народа за преступления нацистского режима, выступали против тотального демонтажа промышленного потенциала Германии и определения ее новой восточной границы по рекам Одере и Нейсе. Выдвижение социалистических требований как задачи дня и главной гарантии от повторения роковых событий новейшей германской истории, национальная риторика в большей степени соответствовали настроениям масс, чем осторожные лозунги манифеста КПГ. Возвращение под партийные знамена массовой базы, в отличие от коммунистов не столь затронутой репрессиями гестапо, привело к тому, что в конце 1945 г. СДПГ стала крупнейшей партией советской зоны оккупации, насчитывавшей в своих рядах уже более полумиллиона членов.

Чуть позже в Берлине конституировались еще две партии – ХДС, опиравшийся на традиции политического католицизма, не очень прочные в Восточной Германии, и Либерально-демократическая партия, выступившая наследницей веймарской ГДП. Обе партии, которые в документах СВАГ рассматривались как «буржуазные», на самом деле отдавали должное настроениям «нового начала» германской истории. Уже 14 июля в советской зоне оккупации был оформлен блок четырех партий как результат учета «уроков прошлого» – раскола антифашистских сил накануне прихода Гитлера к власти. Его программа включала в себя как актуальные задачи нормализации послевоенной жизни и искоренения нацистского наследия, так и перспективу воссоздания

⁶ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 160.

демократического правового государства в Германии. Каждая из входивших в блок партий сохраняла за собой право вето на принимаемые решения, что должно было продемонстрировать единство политической воли и подвести черту под «парламентской чехардой» Веймарской республики, но в то же время блокировало формирование оппозиции и выдвижение альтернативных программ⁷.

Форсированная реанимация общественно-политической жизни в Восточной Германии не привела к такому доминированию КПГ над остальными партиями, которое позволило бы безбоязненно провести выборы в региональные органы власти. К осени стало очевидно, что немцы сохраняют традиционные политические привязанности и на выборах слабость массовой поддержки коммунистов станет очевидной. В соответствии с коминтерновскими традициями единого рабочего фронта КПГ при поддержке советских военных властей начала проводить политику «смертельных объятий» по отношению к социал-демократам, лидировавшим в процессе восстановления партийных организаций и завоевания симпатий будущих избирателей. В информационной записке СВАГ, направленной Сталину в ноябре 1945 г., говорилось открытым текстом: «Если объединения рабочих партий не произойдет, то на предстоящих выборах мы потерпим поражение». Ульбрихт, посетивший Москву в начале февраля следующего года, сумел убедить советское руководство в необходимости скорейших решений. Отчитываясь позже о проделанной работе в ЦК ВКП(б), начальник Управления пропаганды СВАГ С.И. Тюльпанов с гордостью говорил: «Мы до мая месяца жили одной идеей – объединить эти партии».

Сопротивление берлинского центра СДПГ, отказавшегося от первоначальных планов воссоздания единой социалистической партии после того, как стала очевидной их прокоммунистическая направленность, таяло день ото дня. В декабре 1945 г. на паритетной «конференции шестидесяти» социал-демократам удалось уйти от принятия обязывающих решений со ссылкой на то, что вопрос об объединении с коммунистами может быть решен только на все-германском съезде СДПГ. Однако лидеры западногерманской социал-демократии не допускали и мысли о сотрудничестве с коммунистами как «агентами Москвы». Решающее значение имел визит Гротеволья в английскую зону оккупации в феврале 1946 г. В ходе переговоров с Куртом Шумахером стало очевидно, что тот считал перспективу общегерманской социал-демократии иллюзорной и отказался от поиска компромиссных решений, фактически списав со счетов своих товарищей по партии в Восточной Германии как «жертв большевизма». С марта берлинский ЦК СДПГ последовательно проводил

⁷ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 161.

курс на объединение с коммунистами вопреки сопротивлению местных партийных организаций в западных секторах Берлина. Последним удалось провести референдум (*Urabstimmung*), по итогам которого 82% западноберлинских социал-демократов высказалось против немедленного объединения с коммунистами, но 62% – за продолжение политического сотрудничества с ними⁸.

Тот факт, что зональное объединение будет означать запрет на деятельность СДПГ в Восточной Германии и станет фактором раскола возрождавшейся политической жизни страны, не брался в расчет советским руководством, уверенным в необратимости дальнейшей экспансии собственной системы. Характерной была реакция Сталина на фултонскую речь Черчилля: «Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Их влияние выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Миллионы простых людей, испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития». Последний являлся директивой для деятельности национальных компартий и военных властей в той части Европы, которая в ходе Ялтинской конференции была признана зоной влияния Советского Союза. И Восточная Германия не была здесь исключением.

Объединительный съезд СДПГ и КПГ, состоявшийся в Берлине 21–22 апреля 1946 г., принял решение об образовании Социалистической единой Партии Германии, в которую влились 600 тыс. коммунистов и 680 тыс. социал-демократов. Партийные органы сверху донизу формировались на основе паритета, в ЦК СЕПГ вошло по семь социал-демократов и коммунистов. Организационные меры не могли в один момент устранить взаимного недоверия, накопившегося за почти три десятилетия отнюдь не мирного сосуществования двух рабочих партий. В документах СВАГ отмечались фракционные собрания членов СЕПГ по принципу бывшей партийной принадлежности, в ряде мест предпринимались даже попытки слежки за социал-демократами, занимавшими высокие посты. Тем не менее многие из них проявляли готовность к лояльной работе в СЕПГ, стремясь таким образом попасть в новую партийно-административную элиту. Приходилось наступать на горло своим претензиям на единоличное руководство и коммунисти-

⁸ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 161.

ческим функционерам, для которых еще не так давно само слово «социал-демократия» являлось страшным ругательством⁹.

Уже в силу своей массовости новая партия была обречена на политическое доминирование, хотя решающую роль в этом играли ее особые отношения с советскими властями. Многие немцы поддерживали СЕПГ из прагматических соображений, считая, что только ее представители могут в нужный момент «замолвить словечко», чтобы облегчить как оккупационный режим в Восточной Германии, так и положение военнопленных, находившихся в СССР. В сентябре 1946 г. Тюльпанов признавал, что «пропаганде СЕПГ не удалось убедить население, что она является настоящей немецкой партией, а не агентурой оккупационных властей». Последние также старались избегать методов управления, характерных для сталинского режима в СССР. Как и в случае с объединением рабочих партий, они отказывались от прямого вмешательства в политический процесс, обеспечивая скорее «благоприятную среду» для успеха. В первые послевоенные годы офицерам СВАГ приходилось учитывать факторы, немыслимые в Советском Союзе – реальную многопартийность, наличие оппозиционной прессы, независимость судей и т.д. Исаак Дейчер, посетивший советскую зону оккупации осенью 1945 г. в качестве корреспондента британской газеты, нашел точную формулировку происходившему: «В деятельности военной администрации русских вызывает удивление не то, насколько она пытается укоренить в Германии тоталитарные методы управления, а то, насколько она от них воздерживается».

И все же эти методы уверенно пробивали себе дорогу. Наряду со стратегической линией Сталина на «подвод» стран Восточной Европы к социалистическим преобразованиям сказывался низкий уровень политической культуры и отсутствие опыта гражданского управления у работников СВАГ, зачастую подменявших закон приказом и видевших в страхе единственный источник послушания. Гордость победителей нередко порождала высокомерие в общении с немцами, стремление любой ценой решить поставленную задачу – такие рычаги давления на них, как обеспечение «прогрессивных деятелей» особыми пайками или скорейшее освобождение из плена их родственников. Хотя в ряде случаев советским офицерам приходилось сдерживать напор лидеров СЕПГ, стахановскими темпами стремившихся к установлению собственного господства, это не меняло общей картины.

Латентный конфликт военных властей с теми политиками Восточной Германии, которые отказывались играть по их правилам, приводил к постоянным кадровым перетряскам среди партий антифашистско-

⁹ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 163.

демократического блока. В декабре 1945 г. были сняты со своих постов руководители ХДС Андреас Гермес и Вальтер Шрейбер, которые выступили против аграрной реформы СВАГ, их сменили представители левого крыла партии, сторонники христианского социализма Якоб Кайзер и Эрнст Леммер. Давление военных властей резко усилилось накануне земельных выборов осенью 1946 г., работники местного и зонального административного аппарата, представлявшие ХДС и ЛДПГ, фактически принуждались вести кампанию против собственных партий. В правлении этих партий обсуждалась тактика бойкота земельных выборов, лишь под угрозой роспуска союзники СЕПГ по антифашистско-демократическому блоку отказались от столь резкого шага. Хотя в результате выборов СЕПГ получила незначительное большинство голосов в Саксонии, Тюрингии и Мекленбурге, для советских военных властей это выглядело едва ли не поражением. Реальное положение дел в случае выхода СЕПГ на общенациональную сцену отразили выборы в четырех секторах Берлина, где эта партия получила менее 20% голосов и оказалась на третьем месте. По итогам земельных выборов в пяти восточногерманских землях были сформированы коалиционные правительства, все пять постов министров внутренних дел оказались в руках у членов СЕПГ, бывших коммунистов¹⁰.

Вторым по значению рычагом обеспечения коммунистам доминирующих позиций в Восточной Германии являлась политика денацификации. В соответствии с коминтерновской трактовкой фашизма как диктатуры реакционных кругов монополистического капитала она наносила главный удар по представителям старой экономической элиты, прежде всего юнкерства. Параллельно проводилась массовая чистка государственного аппарата. Более 520 тыс. чиновников лишились своих постов, на их места военные власти назначали выдвиженцев антифашистско-демократического блока. Особенно наглядно стремление военных властей сломать «машину классового гнета» проявилось при реформе органов юстиции, в ходе которой было заменено 85% судей, являвшихся членами НСДАП. Взамен было организовано годичное обучение «народных судей», приговоры которых руководствовались скорее соображениями политической целесообразности, нежели пониманием сути юридического процесса.

Конкретный ход денацификации находился в руках советских органов госбезопасности, остававшихся автономным образованием в структуре СВАГ. Упрощенная процедура определения ответственности «главарей и приспешников нацистского режима» напоминала деятельность сталинских «троек». В Восточной Германии продолжали действо-

¹⁰ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 164.

вать «специальные лагеря», в том числе Бухенвальд и Заксенхаузен. Согласно новейшим данным, через них прошло 122 тыс. немцев, далеко не все из которых имели коричневое прошлое – под общую гребенку попадали и «реакционеры». если они выступали против диктатуры СЕПГ, и «западные шпионы» (в этом случае речь шла как правило о социал-демократах, поддерживавших связи с Восточным бюро СДПГ в Западном Берлине). Постепенно рядовые члены НСДАП и массовых нацистских организаций реабилитировались, решением СВАГ от 16 августа 1947 г. им вернули политические права. Весной 1948 г. процесс дальнейшей денацификации был передан германским органам юстиции, тогда же началось освобождение заключенных «спецлагерей», около трети из которых погибло в ходе заключения¹¹.

Экономическая составляющая Потсдамского соглашения диктовались стремлением не допустить возрождения военного потенциала Германии и наказать нацистских преступников, вопрос о выборе той или иной системы производственных отношений оставался открытым. Каждая из четырех зон оккупации в той или иной степени испытывала на себе воздействие военных властей, формировавших социально-экономическую систему по образу и подобию собственной страны. Для Восточной Германии было характерно форсирование преобразований в этой области, призванное поднять популярность СССР среди населения и поставить западных союзников перед свершившимися фактами.

В аграрном секторе советской зоны оккупации преобладали крупные поместья. Их владельцы либо самостоятельно обрабатывали сельскохозяйственные угодья, либо сдавали их в долгосрочную аренду. Значительное число помещиков, наслышанных о политике СССР в этой сфере, бежало на Запад в последние месяцы войны. Планы военных властей о скорейшем проведении земельной реформы встретили бесспорную поддержку не только сельскохозяйственных рабочих, но и огромного числа вынужденных переселенцев с Востока, пытавшихся найти себе опору в новой жизни. Уже осенью 1945 г. началась конфискация поместий размером более 100 га, сосредоточенных в руках у 7 тыс. землевладельцев. Землю общей площадью в 2,1 млн га и средства для ее обработки получило около полумиллиона крестьян, что позволило избежать голода и даже снабжать продовольствием западные зоны оккупации.

Антифашистскую мотивацию имели и первые реформы в промышленно-финансовой сфере. По решению СВАГ были блокированы банковские счета юридических лиц и пособников нацистского режима, что «связало» около 70 млрд рейхсмарок и стало серьезным барьером против инфляции в советской зоне. В октябре 1945 г. было принято

¹¹ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 165.

решение о конфискации всей собственности германского государства, НСДАП и ее функционеров. Активы и ценности переводились на репарационный баланс, промышленное оборудование, как правило, вывозилось в СССР и Польшу. 30 июня 1946 г. в Саксонии был проведен референдум о судьбе 3500 предприятий, принадлежавших активным деятелям нацистского режима. Три четверти голосовавших высказались за их безвозмездную национализацию. Саксонский опыт был распространен и на другие земли Восточной Германии уже без проведения подобных плебисцитов, национализации стали подвергаться фабрики и заводы, владельцы которых сбежали на Запад. Для ускорения процесса «первоначального социалистического накопления» использовалось судебное преследование предпринимателей как саботажников, позволявшее к тому же переложить на них ответственность за срывы в снабжении населения товарами первой необходимости.

В результате к началу 1948 г. национализированный сектор экономики советской зоны оккупации включал в себя около 40 тыс. предприятий, дававших более 40% объема промышленного производства. Оперативное управление ими осуществляла Немецкая экономическая комиссия, разрабатывавшая полугодовые планы развития народного хозяйства и являвшаяся прообразом будущего правительства ГДР. В июне 1948 г. по решению СЕПГ начался переход к директивному планированию с двухлетним циклом. Новая система, во многом напоминавшая советскую экономику на исходе нэпа, создала все необходимые предпосылки для последовавшего в начале 1950-х гг. скачка к социализму, хотя в манифесте КПГ от 11 июня 1945 г. говорилось о «неограниченном развитии свободной торговли и предпринимательской инициативы на основе частной собственности»¹².

Главным фактором, препятствующим хозяйственному подъему Восточной Германии, оставалась советская политика демонтажей. Бессистемный вывоз промышленного оборудования и специалистов, практиковавшийся военными властями в первые месяцы оккупации (особенно спешили с «зачисткой» западных секторов Берлина, отходивших союзникам), постепенно уступал место осмысленным с точки зрения экономики действиям. Была налажена сопроводительная документация, особым «спросом» наряду с новейшими военными технологиями пользовались в СССР типографское и оптическое оборудование, установки химического синтеза. Население Восточной Германии, осведомленное о масштабах ущерба, нанесенного гитлеровской агрессией Советскому Союзу, с пониманием относилось к взиманию репараций и оплате оккупационных расходов, превышавших 2 млрд марок

¹² Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 166.

в год. Соппротивление вызывала полупринудительная вербовка немецких специалистов для работы в СССР, так как условия их работы и жизни немногим отличались от положения заключенных.

С начала 1947 г. вместо сплошного демонтажа и вывоза в СССР того или иного завода, показавшего свою неэффективность (по прибытии на место оборудование часто оказывалось никому не нужным, отсутствовали квалифицированные специалисты, чтобы пустить его в ход), стал практиковаться их перевод в собственность СССР. Возникла уникальная правовая форма «советских акционерных обществ», число которых достигло 200. Они давали около 20% промышленного производства Восточной Германии. Наиболее известное из них – «Висмут» в Тюрингии – занималось добычей урановой руды и таким образом внесло весомый вклад в реализацию советского ядерного проекта. По расчетам современных экономистов, общий объем репараций из советской зоны оккупации, а затем ГДР значительно превзошел сумму в 20 млрд долларов, названную Сталиным в качестве репарационных претензий СССР на Ялтинской конференции¹³.

Ответственность за перегибы в проведении экономических реформ, которые вызывали сворачивание производства, отток капиталов, а то и просто бегство предпринимателей на Запад, делили между собой идеологи СЕПГ, настаивавшие на копировании советского опыта, и офицеры СВАГ, предпочитавшие проверенные рецепты «экспроприации экспроприаторов». Комиссия ЦК ВКП(б), побывавшая в Восточной Германии весной 1948 г., пришла к неутешительному выводу: «Органы СВАГ на практике проводят политику хозяйственного удушения мелкой и средней буржуазии. При распределении сырья, энергии, товаров запросы частных предпринимателей и торговцев не учитываются... Это создает у мелкой и средней буржуазии настроение неуверенности и растерянности, заставляет ее подозрительно относиться к советским оккупационным властям и СЕПГ и толкает ее в объятия реакции». Тем не менее немецкие соратники Сталина, большинство из которых пережило полосу внутрипартийных чисток в КППГ и репрессий в СССР, прекрасно знали, что их левацкие перегибы будут занесены в разряд оплошностей и станут поводом для отеческих поучений советского вождя, а уступки оппонентам наверняка обернутся обвинениями в оппортунизме и могут привести в политическое небытие.

Следует иметь в виду, что немецкие коммунисты, а позже руководители СЕПГ не были простыми исполнителями приказов из Кремля, и их тактическая позиция могла расходиться с мнением Сталина. Для Ульбрихта и Пика не являлось секретом то, что соглашение лидеров ан-

¹³ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 167.

тигитлеровской коалиции в германском вопросе будет означать крест на их собственной власти. В отличие от советского руководства, имевшего известную свободу маневра, их позиция определялась жесткой формулой: лучше четверть Германии контролировать полностью, чем всю Германию – на четверть. Реакция Восточного Берлина на появление «плана Маршалла» была еще более жесткой, чем в Москве. Специальная резолюция ЦК СЕПГ приравнивала его принятие к «ограничению суверенитета принимающих помощь стран и их подчинению интересам американских монополий», безосновательно утверждая, что кредиты США в 1920-е гг. привели Германию к кризису, фашизму и войне.¹⁴

В то же время СЕПГ никогда не отказывалась от роли лояльного союзника СССР, подчиняя свою национальную программу его позиции в германском вопросе. Самой масштабной акцией стал созыв «Немецкого народного конгресса за единство и справедливый мир», в состав которого вошли видные политики, деятели науки и культуры. Запрет выборов в Народный конгресс в западных зонах оккупации привел к тому, что население этих зон на первом заседании конгресса в Берлине (6 декабря 1947 г.) представляли только коммунисты. Его воззвания сводились к поддержке позиции СССР в ходе Лондонской конференции. После ее безрезультатного исхода Народный конгресс был использован для легитимации государственного строительства в Восточной Германии, а сама СЕПГ стала настаивать на паритетном участии немецких политиков в переговорах о будущем страны, заведомо неприемлемом для Запада. В конечном счете Сталину пришлось согласиться с курсом своих немецких единомышленников на максимальное разграничение двух будущих германских государств. Он явно переоценил тягу немцев к национальному единству, посчитав, что ради его сохранения Западу придется пойти на принципиальные уступки.

Отказ СССР участвовать в реализации «плана Маршалла» и переход к открытой конфронтации бывших союзников по антигитлеровской коалиции вызвал не только нарастание антисоветских настроений среди жителей Восточной Германии, но и кризис в СЕПГ. Донесения СВАГ отмечали в июле 1947 г., что «в партийной среде и даже среди функционеров усилились настроения о всесии «доллар-империализма» и о возможной целесообразности получения американских займов для восстановления немецкого хозяйства». Бывшие социал-демократы в объединенной партии демонстрировали внешнюю покорность при застенной враждебности, считая, что дни господства коммунистов уже сочтены. Слухи о страданиях военнопленных в Сибири, о принудительной работе немецких специалистов, вывезенных в СССР, еще больше

¹⁴ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 170–171.

накаляли ситуацию. Ни о каком проведении свободных выборов уже не могло быть и речи – поражение партии, выступавшей в качестве пособницы оккупационных властей, оказалось бы неизбежным.

Второй съезд СЕПГ (20 – 24 сентября 1947 г.) отразил внешний рост (1,8 млн членов) и внутренний кризис партии, потерявшей способность к политической работе в условиях многопартийности. Отказ от паритета в распределении руководящих постов, а также участие в работе съезда представителей КП Г из западных зон оккупации усиливали недовольство бывших социал-демократов. Их открытые протесты вызвал выпад Пика против западногерманской СДПГ как профашистской партии. В страхе перед репрессиями властей функционеры объединенной партии, пришедшие из социал-демократии, переводили имущество на своих жен и даже отказывались фотографироваться на партийные документы. В ЦК СЕПГ нарастали трения между сторонниками уступок партийным низам и твердыми сталинистами, которые настаивали на форсированной «большевизации» партии¹⁵.

В ходе беседы со Сталиным 26 марта 1948 г. Пик и Гротеволь получили согласие советского руководства на пересмотр дел лиц, находящихся в «спецлагерях», и дополнительную материальную помощь. Обострение «холодной войны» заставило Советский Союз приостановить демонтажи и расширить поставки продовольствия в свою зону оккупации, чтобы противодействовать «экономическому магнетизму» Запада. Как показывает протокол встречи, Сталин все еще находился во власти общегерманских решений. Он не оставлял надежды на то, что кампания по обсуждению будущей германской конституции, начатая Народным конгрессом, «заставит американцев капитулировать» и всерьез рассматривал планы объединения коммунистов и оппозиционных курсу Шумахера социал-демократов в западных зонах оккупации. Вопрос об оформлении восточногерманского государства, который осторожно ставили его немецкие собеседники, наталкивался на уклончивую реакцию советского вождя.

После мартовских консультаций в Москве инициатива перешла к сторонникам жесткой линии в руководстве будущей ГДР, на руку которым сыграл конфликт с Югославией, заставивший Сталина взять иной тон по отношению к остальным компартиям Восточной Европы. С народно-демократическими экспериментами было покончено, советский опыт был объявлен единственным источником побед. Осуждение теории «немецкого пути к социализму» было поручено ее творцу Аккерману, который заявил на пленуме ЦК СЕПГ, что она «явилась следствием отступления партии перед антисоветскими настроениями и была, в из-

¹⁵ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 171–172.

вестной мере, объективным отражением имевших место стремлений отмежеваться от пути большевистской партии». Первая конференция СЕПГ (январь 1949 г.) взяла курс на создание партии нового типа, копировавшей организационное построение и программу ВКП(б), провозгласила одной из первейших задач борьбу с пережитками «социал-демократизма». В созданное по решению конференции Политбюро ЦК СЕПГ вошли только два бывших социал-демократа. Сталинизм, пустивший корни и на немецкой земле, означал «абсолютное господство иерархически построенного партийного аппарата над всеми сферами общественной жизни при сохранении внешнего облика многопартийной демократии» (Г. Вебер).

Партии антифашистско-демократического блока должны были придавать более привлекательный облик новой диктатуре, их руководящие функционеры включались в формирующуюся «номенклатуру», получали особые пайки и обеспечивались автотранспортом наряду с функционерами СЕПГ. При проведении денежной реформы в советской зоне оккупации их финансовые средства (равно как и фонды всех общественных организаций) обменивались в пропорции 1:1. Там, где привлекательность пряника оказывалась недостаточной, военные власти переходили к политике кнута. Лидеры христианских демократов Восточной Германии Кайзер и Леммер, отказавшиеся участвовать в движении Народного конгресса и выступавшие за принятие помощи по «плану Маршалла», в конце 1947 г. были сняты со своих постов в правлении ХДС и заменены лояльными политиками. Тот, кто ставил под вопрос политическое лидерство СЕПГ, сталкивался с давлением военных властей и, как правило, предпочитал бегство в западные зоны оккупации. Чтобы ограничить влияние ХДС и ЛДПГ и расширить социальную базу режима (Сталин еще в январе 1947 г. предлагал создать партию бывших фашистов для того, чтобы «разложить лагерь, ориентирующийся на англичан и американцев»), весной 1948 г. были образованы еще две партии, вошедшие в антифашистско-демократический блок: Национал-демократическая и Демократическая крестьянская партии. Весь аппарат новых партий подбирался отделом кадров СЕПГ, их лидеры до 1933 г. являлись членами КПГ¹⁶.

СЕПГ и все входящие в «антифашистско-демократический блок» партии и организации сначала делали упор на достижение государственного единства Германии. Они обвиняли западные державы и сотрудничавших с ними немецких политиков в нарушении Потсдамских решений и проведении курса на раскол Германии. Для демонстрации своего стремления к восстановлению единства страны (при активной

¹⁶ Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 172–172.

поддержке СВАГ) СЕПГ призвала провести 6–7 декабря 1947 г. в Берлине **Немецкий народный конгресс** под лозунгом борьбы «за единство Германии и справедливый мир».

А ровно через сто лет после начала первой немецкой революции (17–18 марта 1948 г.) в Восточном Берлине прошел второй такой конгресс. На нем был избран **«Немецкий народный совет»** из 400 человек, легитимность которого была весьма сомнительна. Но именно ему было поручено на основе конституционного проекта, представленного СЕПГ еще осенью 1946 г., разработать **«Основной закон Германской Демократической Республики»** как единого немецкого государства. Таким образом, конституция ГДР начала разрабатываться за несколько месяцев до Основного закона ФРГ. Ее проект был опубликован во всех газетах и вынесен на всенародное обсуждение.

В конституционный комитет Немецкого народного совета во главе с бывшим социал-демократом **Отто Гротеволем** входили представители всех партий. Комитет получил около 15 тыс. резолюций различных собраний и писем с предложениями по тексту конституции. То есть, в отличие от Основного закона ФРГ, проект конституции ГДР хотя бы формально разрабатывался при достаточно широком народном участии. В процессе доработки в проект было внесено более 500 дополнений и изменений. Официальная пропаганда основной упор сделала на том, что впервые за многовековую историю Германии народ «сам творит свои законы». 19 марта 1949 г. (до принятия Основного закона ФРГ) проект конституции был одобрен Немецким народным советом.

Для ее большей легитимизации 29–30 мая 1949 г. в Восточном Берлине был проведен третий Немецкий народный конгресс, который принял конституцию Германской демократической республики. Во многом это была копия конституции Веймарской республики (хотя некоторые статьи были очень схожи со статьями Основного закона ФРГ), причем сознательно сохранялся ее общегерманский характер. Так, в статье первой говорилось: «Германия является неделимой демократической республикой». Но в мае 1949 г. уже всем было понятно, что эта конституция будет действовать только в Восточной Германии.

В **конституции ГДР** провозглашались широкие демократические права и свободы граждан: слова, собраний, совести, объединений, неприкосновенности жилья и т.п.; говорилось о том, что «сохранение дружественных отношений со всеми народами является обязанностью государственной власти»; запрещалась военная и расовая пропаганда, разжигание вражды против демократических организаций. Народный сектор экономики и плановый характер хозяйства были отнесены к

числу важнейших основ государства. Но одновременно гарантировалось право мелкой частной собственности на средства производства.

Творцы конституции ГДР, работавшие под контролем СВАГ, отказались (в отличие от творцов Основного закона ФРГ), от принципа разделения властей. Высшим органом объявлялась Народная палата, которая избиралась на четыре года путем всеобщих (с 18 лет), равных и прямых выборов при тайном голосовании. Ей были даны весьма широкие полномочия: формировать основные направления политики правительства, контролировать его деятельность и даже смещать; пользоваться исключительным правом законодательства; принимать решения о народно-хозяйственном плане, государственном бюджете и т.д.

Интересы каждой земли должны были отстаивать депутаты Палаты земель. Они избирались ландтагами, имели право законодательной инициативы и отклонения законопроектов, принятых Народной палатой. Главой республики объявлялся президент, но его власть была ограниченной, а функции представительскими. Зато широкими полномочиями наделялся премьер-министр.

Конституция будущего государства разрабатывалась для всей Германии и в целом повторяла основные положения Веймарской, избегая формулировок, которые можно было бы посчитать коммунистическими (Согласно предложениям Сталина, прозвучавшим весной 1948 г., «конституция не должна быть слишком демократичной, чтобы не отпугивать людей, но достаточно демократичной, чтобы ее приняли лучшие элементы Востока и Запада»). В ней сохранялся президентский пост, лишенный чрезвычайных полномочий веймарского периода, вся полнота власти должна была принадлежать избираемому всеобщим, прямым и тайным голосованием парламенту. Конституция содержала в себе полный каталог прав и свобод, характерный для демократического устройства, а также возвращалась к традициям германского федерализма. В отличие от Основного закона ФРГ в ней были отражены социальные интересы трудящихся, в частности право на забастовку (статья 14) и право на соучастие в управлении предприятием (статьи 17 и 18)¹⁷.

Любопытно, что, как и в Основном законе ФРГ, цветами государственного флага ГДР конституция объявляла черный, красный и золотой, и десять лет обе немецкие республики имели одинаковые государственные флаги. Гербом ГДР стал молот в окружении колосьев пшеницы. В 1952 г. молот был соединен с циркулем, а в 1959 г. этот герб был помещен и на флаг. В качестве гимна ГДР в ноябре 1949 г. Совет министров утвердил песню «Восставшая из руин» на слова Йохсатеса Роберта Бехера (1891–1958) и музыку Хамса Айслера (1898–1962).

¹⁷ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 174.

Конституция ГДР была по форме одной из самых демократических конституций того времени. Но формально демократическая конституция, как показал опыт ряда государств в XX веке (и не в последнюю очередь СССР и ГДР), вполне может сочетаться с реальной тоталитарной или авторитарной властью. А этой властью в Восточной Германии располагала СЕПГ. Дискуссионной в историографии является только проблема – когда была установлена «диктатура СЕПГ» – в 1949 г. или позже?

По **А.Ю. Ватлину**, несмотря на обрисованные в конституции формы правового государства, ей была отведена роль ширмы для партийной диктатуры, ее самые невинные положения истолковывались органами власти в удобном для себя духе. Так, в статье шестой наряду с запретом пропаганды расизма и войны провозглашалась недопустимость «выпадов против демократических учреждений и организаций» (Boykotthetze), что впоследствии превращало в политическое преступление любую попытку усомниться в правомерности всевластия СЕПГ¹⁸.

После завершения конституирования ФРГ правительство СССР направило 1 октября 1949 г. правительствам США, Англии и Франции ноту протеста в связи с их политикой в Германии. В этой ноте ответственность за раскол Германии однозначно возлагалась на страны Запада, но за кулисами советской внешней политики скрывалась подготовка к скорейшему провозглашению ГДР.

Когда существование Федеративной Республики Германии стало фактом, 4 октября 1949 г. **Правление СЕПГ** обратилось ко всем немцам с призывом сплотиться в «Национальном фронте демократической Германии», который будет бороться за восстановление единства страны, заключение справедливого мирного договора и последующий вывод оккупационных войск. 5 октября 1949 г. средства массовой информации в советской зоне объявили, что, опираясь на «волю трудящихся». Немецкий народный совет преобразован в парламент – во Временную Народную палату. Таким образом, СЕПГ и СВАГ проигнорировали естественное желание немцев сформировать парламент путем всеобщих выборов.

Утром **7 октября 1949 г.** Немецкий народный совет единогласно принял манифест о создании **Германской Демократической Республики и закон о вступлении в силу конституции ГДР**. Вечером его заседание было проведено уже под вывеской Временной Народной палаты. Фракция СЕПГ выдвинула на пост премьер-министра кандидатуру **О. Гротевоя**, которому и было поручено формирование правительства.

Провозглашение Германской Демократической Республики было, естественно, согласовано со СВАГ, правительством СССР и со Ста-

¹⁸ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 174.

линым. Но если первым мероприятием западных государств после образования ФРГ было введение в силу Оккупационного статута и сосредоточение верховной власти в руках Верховной союзнической комиссии, то первым демонстративным шагом правительства СССР была передача 10 октября 1949 г. правительству ГДР всех административных функций СВАГ. Последняя преобразовывалась в Советскую контрольную комиссию, ее целью объявлялось «наблюдение» за выполнением Потсдамских и других четырехсторонних решений.

11 октября 1949 г. из представителей пяти земель советской зоны была создана **Временная Палата земель**. В тот же день состоялось совместное заседание двух палат конституировавшегося парламента ГДР. Президентом республики единогласно был избран коммунист **Вильгельм Пик** – ветеран немецкого и международного рабочего движения, который в своем первом же выступлении претенциозно заявил о том, что правительство ГДР уполномочено говорить «от имени всего немецкого народа».

12 октября Народная палата утвердила состав кабинета, сформированного О. Гротеволем. И хотя в него вошли представители всех партий «Национального фронта»: восемь – от СЕПГ, четыре – от ХДС, три – от ДДПГ, но одному – от ДКПГ и НДПГ, а также один беспартийный, но важнейшие министерские посты получили представители СЕПГ.

Федеральный канцлер ФРГ **К. Аденауэр**, выступая 21 октября 1949 г. перед депутатами бундестага в Бонне, в ответ на заявление В. Пика от 11 октября сказал, что Немецкие народные конгрессы не были сформированы в результате свободных выборов, которые предусмотрены в конституции ГДР; что ГДР возникла нелегитимно; что правительство ФРГ не будет признавать решений ее правительства как обязательных для немецкого народа и «будет чувствовать себя ответственным также за участь 18 миллионов немцев, которые живут в советской зоне». Так впервые была сформулирована претензия Западной Германии на единоличное представительство всех немцев.

Советская сторона сразу назвала образование Германской Демократической Республики **«поворотным пунктом в истории Европы»**. СССР и ГДР уже 15 октября 1949 г. обменялись дипломатическими миссиями. Так конституировалась, как формально суверенная, но фактически оккупированная советскими войсками и сильно зависимая от СССР в проведении своей внешней и внутренней политики, Германская Демократическая Республика. Она занимала территорию в 108,2 тыс. км². Население ГДР в 1950 г. составило 18,4 млн человек. Столицей являлся Восточный Берлин.

Конституция будущей ГДР, отмечает **А.Ю. Ватлин**, была принята в марте 1949 г. Народным советом (постоянно действовавшим органом Народного конгресса) как всегерманская. В мае 1949 г. в советской зоне оккупации прошли выборы в Народный конгресс третьего созыва, которые впервые проводились по единому списку, т.е. с заранее согласованным распределением мест между партиями и общественными организациями (СЕПГ – 25%, ХДС и ЛДПГ – по 15%, остальные партии и общественные организации – по 7,5% депутатского корпуса Народного конгресса).

16 сентября 1949 г. Пик, Ульбрихт и Гротеволь вновь прибыли в Москву (за день до того Аденауэр стал канцлером ФРГ), чтобы согласовать последние детали предстоявших событий. Их надежды на теплый прием и особое отношение к ним как государственным деятелям не оправдались. Находившийся на Кавказе Сталин передал немецким политикам свое согласие на образование ГДР. Для советского лидера это был далеко не оптимальный выход, означавший отказ от его стратегических замыслов в германской политике. 4 октября Пленум ЦК СЕПГ принял одобренный в Москве план мероприятий. В соответствии с ним Народный совет 7 октября провозгласил создание Германской Демократической Республики и трансформировался в ее парламент – Народную палату. 11 октября Народная палата на совместном заседании с Палатой земель избрала Вильгельма Пика президентом ГДР, а на следующий день утвердила состав правительства, премьер-министром которого стал Отто Гротеволь. Наряду с членами СЕПГ в него вошли три представителя ХДС и два – ЛДПГ. Сосуществование на территории послевоенной Германии двух новых государств стало свершившимся фактом¹⁹.

Первого июля 1948 г., отмечает **Х. Шульце**, военные губернаторы трех западных оккупационных зон передали главам правительств западногерманских земель «Франкфуртские документы», в которых ставилась задача созыва конституционного Национального собрания. В этих документах содержался также Оккупационный статут, призванный регулировать отношения между западными союзниками и будущим германским правительством. Как уже не раз бывало в немецкой истории, германские земли вновь создавали общую государственность. Поэтому собравшиеся в баварском дворце Херренхимзее представители глав западногерманских земельных правительств выработали конституционный проект, который они предъявили Парламентскому совету, состоявшему из представителей земельных парламентов. Совет собрался 1 сентября 1948 г. под стеклянными взглядами двух чучел жирафов в зоологическом музее Бонна, чтобы в дальнейшем про-

¹⁹ См.: Ватлин А.Ю. Указ. соч. С. 174–175.

должать под руководством председателя ХДС Конрада Аденауэра обсуждать в расположенной поблизости педагогической академии боннский Основной закон, провозглашенный с разрешения военных губернаторов трех западных союзников 23 мая 1949 г.

То, что с основанием Федеративной Республики Германии путь, ведущий к долговременному расколу страны, был почти пройден, в те дни осознавали лишь немногие. На последнем обсуждении в Парламентском совете 8 мая 1949 г. процесс раскола ускорило замечание Аденауэра: «Мы здесь должны принять решение не по десяти заповедям Господним, а по закону, который призван действовать лишь в переходный период». С тех пор Боннская республика осознавала себя в качестве временного управляющего «провизориума» – переходного государства на пути назад, к национальной германской государственности.

Так же обстояло дело с конституционным проектом, формально одобренным 22 октября 1948 г. в Восточном Берлине Немецким народным советом, в котором доминировала СЕПГ. Конституция должна была распространяться на всю Германию. И в Германской Демократической Республике, которая начала существовать с 7 октября 1949 г. на основе этой конституции, создание германского национального государства также на первых порах считалось неперменной и ближайшей целью²⁰.

Вместо одной Германии в центре Европы в 1949 г. появилось две Германии, обе оказавшиеся в опасном пространстве глобальных силовых систем и поэтому пользовавшиеся покровительством держав-гегемонов – США и Советского Союза. То, что сильнее всего бросалось в глаза в отношении двух германских государств, под знаком «холодной войны» в большей или меньшей степени касалось всей Европы. Хор европейских государств смолк. Давление каждой из противостоящих сторон на Восточную и Западную Германию ослабляло стремление к национально-государственной исключительности. К тому же после взрыва атомной бомбы над Хиросимой 6 августа 1945 г. и первой советской атомной бомбы в августе 1949 г. государственный суверенитет был определен заново. Казалось, что свободой действий в серьезных ситуациях обладали отныне только ядерные державы, в то время как суверенитет государств Европы в каждом случае соотносился с положением соответствующей лидирующей державы. Каждая из них раскрывала над своей сферой интересов ядерный зонтик и диктовала требуемые условия в политике, экономике, а также в идеологии. Они должны были господствовать под этим прикрытием. Традиционное притязание национальных государств на самоопределение связывалось с биполяр-

²⁰ См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 205–206.

ной политикой, доминировавшей в военном, идеологическом и экономическом смыслах. Сталин внес на сей счет ясность уже весной 1945 г., заявив в беседе с югославскими коммунистами: «Эта война не такая, как в прошлом; тот, кто занимает территорию, устанавливает там свою общественную систему. Каждый вводит свою систему, насколько сможет продвинуться его армия. По-другому не может быть».

Так раскол Европы стал предпосылкой для международного мирного порядка, порожденного Второй мировой войной. Только при взаимном признании существовавших границ и сфер влияния мог сохраняться неустойчивый баланс сверхдержав. «Двойная» Германия являлась несущей колонной, а Берлин – замковым камнем всемирной архитектуры безопасности, крах которой развязал бы третью мировую войну. Поэтому Германия странным образом была одновременно и разделена и едина. Она оказалась разорванной на два государства, которые входили в противостоявшие друг другу блоки. С другой стороны, четыре державы, победившие во Второй мировой войне, придавали самое большое значение своим суверенным правам относительно Германии в целом, поэтому даже советские оккупационные войска, к большому недовольству правительства ГДР до 80-х годов, сохраняли название «Группа советских войск в Германии». Во всех вопросах германской политики, как и в вопросах размещения войск на немецкой земле, последнее слово оставалось за союзниками по войне и суверенитет обоих германских государств должен был оставаться ограниченным. Чем больше менялась ситуация, тем неизменнее она оставалась. В поле напряженности между великими державами Германия представляла собой территорию для развертывания войск, принятия военных решений в случае войны, а также стратегическое предполье, на котором осуществлялось дипломатическое согласование интересов во избежание войны. С конца Тридцатилетней войны Германия в центре Европы играла старую роль, хотя теперь и в новом варианте²¹.

²¹ См.: Шульце Х. Указ. соч. С. 207–208.

ХРОНИКА¹

1945 8 мая	Подписание в Берлине (Карлсхорст) акта о полной и безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне
5 июня	Принятие Берлинской декларации четырех держав-победительниц, раздел Германии на четыре зоны оккупации и создание Контрольного совета (30 августа)
9 июня	Создание Советской военной администрации в Германии (СВАГ)
11 июня	Создание в Берлине КПГ
15 июня	Создание в Берлине СДПГ
17 июня	Создание кёльнской группы ХДС
26 июня	Создание берлинской группы ХДС
17 июля – 2 августа	Потсдамская (Берлинская) конференция трех держав-победительниц
30 августа	Переход Саарской области под управление Франции в качестве французской оккупационной зоны
10 сентября – 2 октября	Первое заседание СМВД в Лондоне
19 сентября	Создание земель Бавария, (Северный) Вюртемберг-Баден и Гессен в американской оккупационной зоне
24 октября	Вступление в силу Хартии Объединенных Наций, подписанной 51 государством
20 ноября – 1 октября 1946	Международный военный трибунал в Нюрнберге
1946 8 января	Образование ХСС
21–22 апреля	Образование Социалистической единой партии Германии. Сопредседатели партии – В. Пик и О. Гротеволь
9–11 мая	Первый послевоенный съезд СДПГ в Ганновере. Избрание К. Шумахера председателем СДПГ
9 августа	Англо-американская договоренность о создании совместного союзнического ведомства двух держав и об учреждении в обеих оккупационных зонах немецких ведомств для содействия развитию экономического сотрудничества

¹ Павлов Н.В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель. М., 2012. С. 196-200.

23 августа	Образование земель Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер (позднее – Нижняя Саксония) и Северный Рейн-Вестфалия в британской оккупационной зоне
5–11 сентября	Конференция земельных представителей английской и американской оккупационных зон. Решение о создании советов по управлению экономикой (г. Минден), транспортом (г. Франкфурт-на-Майне), питанием и сельским хозяйством (г. Штутгарт), почтой и связью (г. Франкфурт-на-Майне), а также совместного Германского финансового совета (г. Штутгарт)
6 сентября	Речь госсекретаря США Дж. Бирнса в Штутгарте о необходимости экономического единства Германии, оживления ее экономической активности и усиления ее ответственности в политике и экономике
2 декабря	Подписание договора об экономическом объединении американской и английской оккупационных зон (Бизония)
1947 1 января	Образование Бизонии
25 февраля	Решение Контрольного совета о ликвидации Пруссии как «носителя германского милитаризма и реакции»
10 марта – 24 апреля	Четвертое заседание СМВД в Москве. Решение о возвращении до 31.12.1948 г. немецких военнопленных на родину
12 марта	Провозглашение «доктрины Трумэна»
29 мая	Соглашение между военными администрациями американской и английской зон оккупации о создании объединенного бizonального Экономического совета со штаб-квартирой во Франкфурте-на-Майне
5 июня	Принятие США «плана Маршалла»
25 июня	Конституирование бizonального Экономического совета
12 июля – 22 сентября	Конференция 14 европейских стран в Париже по поводу «плана Маршалла». Отказ СССР и подконтрольных ему стран от участия в реализации плана
20–24 сентября	2-й съезд СЕПГ
25 ноября – 15 декабря	Пятое заседание СМВД в Лондоне
6–7 декабря	1-й Немецкий народный конгресс за единство и справедливый мир

1948 23 февраля – 6 марта	Лондонская конференция шести западных государств (США, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург). Решение об образовании федеративного западно-германского государства, а также об участии Германии в международном контроле над Рурской областью
17–18 марта	2-й Немецкий народный конгресс. Избрание Немецкого народного совета
20 марта	СССР покидает Контрольный совет
1 апреля	Создание единой таможенной и валютной зоны между Сааром и Францией
16 апреля	Подписание в Париже Договора об экономическом сотрудничестве в Европе («план Маршалла»), Создание Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС)
20 апреля – 2 июня	2-е заседание Лондонской конференции шести западных государств. Поручение военным губернаторам уполномочить премьер-министров германских земель разработать конституцию страны
20–21 июня	Проведение в трех западных зонах оккупации сепаратной денежной реформы
23–28 июня	Проведение денежной реформы в советской зоне оккупации
23 июня – 12 мая 1949	Блокада Западного Берлина со стороны Советского Союза
26 июня	Организация ВВС США воздушного моста для снабжения Западного Берлина продовольствием
30 июня	Принятие СЕПГ двухлетнего (1949-1950) плана развития народного хозяйства
8-10 июля	Конференция премьер-министров западногерманских земель в Кобленце. Решение о подготовке западногерманской конституции
10-23 августа	Составление группой экспертов в замке Херренхимзее проекта западногерманской конституции
1 сентября – 8 мая 1949	Разработка Парламентским советом под председательством К. Аденауэра конституции ФРГ (Бонн)
11–12 декабря	Образование СвДП путем объединения разных партий либерального толка
28 декабря	Лондонский договор шести западных держав об учреждении международного ведомства по контролю над Рурской областью («Рурский статут»)

1949 4 апреля	Подписание в Вашингтоне договора о создании НАТО
6–8 апреля	Принятие Вашингтонской конференцией министров иностранных дел Великобритании, США и Франции решений: • о создании Тризонии; • о лишении верховных комиссаров политических функций и оставлении за ними лишь военных функций; • об окончательном варианте Оккупационного статута; • о сокращении программ демонтажа германских предприятий
8 апреля	Создание Тризонии
22 апреля	Вступление в силу Рурского статута
5 мая	Создание Совета Европы со штаб-квартирой в Страсбурге
8 мая	Одобрение Парламентским советом Основного закона ФРГ
10 мая	Избрание Парламентским советом Бонна в качестве временной столицы ФРГ
23 мая	Провозглашение Парламентским советом Основного закона конституцией ФРГ
23 мая – 20 июня	7-я конференция СМВД в Париже. Соглашение об окончании блокады Западного Берлина и о свободном транспортном сообщении в Германии
29–30 мая	Одобрение 3-м Немецким народным конгрессом конституции будущего восточногерманского государства
14 августа	Выборы в бундестаг 1-го созыва
7 сентября	Конституирование бундестага и бундесрата
12 сентября	Избрание Т. Хойса (СвДП) президентом ФРГ
15 сентября	Избрание К. Аденауэра (ХДС) канцлером ФРГ
20 сентября	Формирование первого правительства К. Аденауэра
21 сентября	Вступление в силу Оккупационного статута для ФРГ
1 октября	Ноты протеста правительства СССР трем западным державам в связи с созданием западногерманского государства
7 октября	Вступление в силу конституции и образование Германской Демократической Республики

СОДЕРЖАНИЕ

1. АГОНИЯ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА». СМЕРТЬ А. ГИТЛЕРА И Й. ГЕБ- БЕЛЬСА	3
2. ЗАВЕРШЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ ОПЕРАЦИИ СОВЕТСКИМИ ВОЙСКАМИ. ДВОЙНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ. ПРАВИТЕЛЬСТВО К. ДЁНИЦА ВО ФЛЕНСБУРГЕ	10
3. «ЧАС НОЛЬ» ДЛЯ НЕМЦЕВ И ИТОГИ ВОЙНЫ ДЛЯ ПОВЕР- ЖЕННОЙ ГЕРМАНИИ	21
4. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ЧЕТЫРЕ «Д» ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ В ДЕЙСТВИИ. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС. ФОРМИРОВАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ. К. АДЕНАУЭР	36
5. ЗОНЫ ОККУПАЦИИ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ГЕРМАНИИ И ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ (СССР, США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ). ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗНОГО КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА (СКС)	83
6. РАЗНОГЛАСИЯ СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ПО ГЕРМАНСКОМУ ВОПРОСУ. ОБРАЗОВАНИЕ БИЗОННИИ. «ПЛАН МАРШАЛЛА» ДЛЯ ГЕРМАНИИ	179
7. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ В ЗАПАДНЫХ И СОВЕТ- СКОЙ ЗОНАХ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ. ДЕНЕЖНАЯ И ХО- ЗЯЙСТВЕННАЯ РЕФОРМЫ Л. ЭРХАРДА. БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1948 ГОДА	202
8. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ЗОНАХ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ	252
9. «ФРАНКФУРТСКИЕ ДОКУМЕНТЫ» 1948 Г. И НАЧАЛО РАБО- ТЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО СОВЕТА В БОННЕ. ОБРАЗОВАНИЕ ТРИЗОННИИ	271
10. РОЖДЕНИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ (ФРГ). ОСНОВНОЙ ЗАКОН (КОНСТИТУЦИЯ) ФРГ 1949 Г. Т. ХЕЙС	288
11. ОБРАЗОВАНИЕ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕС- ПУБЛИКИ (ГДР). «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА» ФРГ	311
ХРОНИКА	333

Научное издание

КОСМАЧ Вениамин Аркадьевич

**ГЕРМАНИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В 1945–1949 ГГ.:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ И ОЦЕНКИ ИСТОРИКОВ**

Монография

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *И.В. Волкова*

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 19,70. Уч.-изд. л. 20,63. Тираж 50 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.